

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

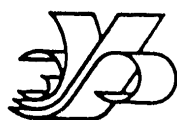
ИЗВЕСТИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Периодический научный журнал

№ 1 (139)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

Главный редактор

д-р экон. наук, проф. *И.А. Максимцев*

Заместители главного редактора:

д-р экон. наук, проф. *Е.А. Горбашко*, д-р экон. наук, проф. *В.А. Плотников*

Члены редакционной коллегии:

д-р филол. наук, проф. *О.В. Александрова*, д-р экон. наук, проф. *И.И. Антонова*,
д-р экон. наук, проф. *А.В. Бабкин*, д-р экон. наук, проф. *Г.Л. Багиев*, д-р экон. наук, проф. *В.Я. Белобрагин*,
д-р экон. наук, проф. *О.С. Белокрылова*, член-корр. РАН, д-р экон. наук, проф. *С.Д. Бодрунов*,
д-р экон. наук, проф. *Ю.В. Вертакова*, д-р психолог. наук, проф. *И.В. Грошев*,
д-р социол. наук, доц. *С.А. Давыдов*, член-корр. РАН, д-р экон. наук, проф. *И.И. Елисеева*,
д-р истор. наук, проф. *А.Ф. Завгородний*, д-р социол. наук, проф. *Н.Л. Захаров*,
д-р экон. наук, проф. *Н.Г. Иванова*, д-р экон. наук, проф. *А.Е. Карлик*, д-р экон. наук, проф. *К.Б. Костин*,
д-р экон. наук, проф. *Д.Ю. Миропольский*, д-р экон. наук, проф. *Л.А. Миэринь*,
д-р филол. наук, проф. *Г.Г. Молчанова*, д-р филол. наук, проф. *Е.А. Нильсен*,
академик РАН, д-р экон. наук, проф. *В.В. Окрепилов*, д-р экон. наук, проф. *А.Н. Петров*,
д-р социол. наук, проф. *Н.Н. Покровская*, д-р геогр. наук, проф. *В.М. Разумовский*,
д-р экон. наук, проф. *Т.А. Салимова*, д-р экон. наук, проф. *М.В. Сигова*,
д-р филол. наук, доц. *Ю.Г. Тимралиева*, д-р филол. наук, проф. *Т.П. Третьякова*,
академик РАН, д-р экон. наук, проф. *В.И. Трухачев*, д-р филол. наук, проф. *В.Е. Чернявская*,
д-р экон. наук, проф. *Н.И. Яшина*

Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

До 2013 года научный журнал «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета» издавался под названием «Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов».

С 2014 года название журнала изменено в связи с реорганизацией университета-учредителя.

Преемственность выпуска и редакционной политики сохранены. Изменения коснулись лишь наименования журнала.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). РИНЦ – база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

Ответственность за достоверность приводимых статистических данных, фактов, ссылок на источники несут авторы статей. При перепечатке материалов ссылка на «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета» обязательна.

Все публикуемые в журнале материалы проходят обязательное рецензирование. В публикации автору может быть отказано в случае отрицательной рецензии либо несоответствия материала профилю издания, что определяется отсутствием экспертов в предметной области статьи в составе рецензентов. В переписку с авторами отклоненных рукописей редакция не вступает, присланные материалы не возвращаются.

Подписные индексы по каталогу агентства «Урал-Пресс» – **15395** и **014688**.

Условия подписки приведены на последней странице журнала.

Учредитель издания – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». Орган, зарегистрировавший средство массовой информации: Роскомнадзор. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС 77-57287 от 17 марта 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Максимцев И.А., Межевич Н.М. Уроки эволюции глобальной экономики и перспективы евразийской интеграции.....	7
Фейгин Г.Ф., Соловьева Ю.Н. Структурная динамика в современной мировой экономике: противоречия постиндустриализма и деиндустриализации.....	12
Дятлов С.А., Чжоу Вейди. Институты развития экосистем искусственного интеллекта в России и Китае.....	19
Айюбова Н.С. Векторная модель коррекций ошибок для оценки влияния мировых цен нефти на ВВП Азербайджанской Республики.....	25

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

Вылкова Е.С., Тарасевич А.Л. Реформирование налогообложения доходов по банковским вкладам физических лиц в современной России.....	32
Цехомский Н.В. Синдицированное финансирование инвестиционных проектов: сущность и особенности.....	38
Магомаева Л.Р., Разина О.М. Исламская модель банковской системы – концептуальное понятие и этические компоненты.....	45

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Плотников А.В., Харламов А.В. Направления нейтрализации негативного влияния неэкономических шоков на реальный сектор экономики России.....	50
Аркин П.А., Соусов В.Е., Аширметова О.Б. Теоретический анализ государственного регулирования исполнения государственных контрактов (контрактов) в современных условиях.....	59
Якшибаева Г.В. Некоторые аспекты воспроизводства рабочей силы России в условиях цифровизации экономики.....	68
Боркова Е.А., Трунин В.И. Развитие механизма государственно-частного партнерства в инновационной сфере.....	75

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЙ, РЕГИОНОВ И ОТРАСЛЕЙ

Жаринов И.О. Сценарии модернизации и цифровой реиндустриализации государственных корпораций ОПК.....	81
Трофимов В.В., Трофимова Е.В. Цифровая трансформация и этика высшего образования.....	91
Борисова В.В., Бородин А.С. Цифровые транспортные коридоры: возможности для выхода на новые рынки.....	96

МЕТОДОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ УПРАВЛЕНИЯ

Бездудная А.Г., Растова Ю.И., Львин Ю.М. Обратное наставничество как корпоративная социальная инновация: проблемы и возможности.....	101
Ватлина Л.В., Плотников В.А. Цифровизация и инновационное развитие экономики.....	106
Сасаев Н.И. Роль стратегической корректировки в отраслевом стратегировании.....	114
Николаев Н.А. Метод повышения эффективности деятельности работника на основе снижения непродуктивных затрат	120
Крылова М.Б. Кросс-культурный менеджмент: от классики к современности.....	129

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

Давыдов С.А. Экономическая социология древности: методологические основы и база знаний.....	134
Воронцов А.В., Захаров Н.Л., Малявин С.Н., Перфильева М.Б. Проблема лояльности персонала: исследовательские подходы.....	144
Покровская Н.Н., Молодькова Э.Б., Снисаренко С.О. Социально-управленческий подход к регуляции трансграничных потоков в условиях мобилизационной экономики	150
Потемкин В.К. Личностный фактор в стратегии развития предприятий	156
Сметанина Т.В. Экспертные оценки и их роль в социальном мониторинге эффективности управления социально-экономическими системами	165

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Авдеева Э.А. Текущий статус и тренды развития топливно-энергетического комплекса на современном этапе энергетического перехода	172
Ермакова Е.В. Некоторые аспекты моделирования экспортных цепей поставок с учетом таможенных рисков.....	179
Зюкина С.Л. Деятельность музея: современные вызовы	186
Коблякова Ю.М. О социальном мониторинге в сфере здравоохранения	192
Плинер М.Е. Формирование предприятий предпринимательского типа	198
Романов С.А. Российские банки в Республике Казахстан в условиях экономических санкций.....	202

CONTENTS

GLOBALIZATION PROCESSES

Maksimtsev I.A., Mezhevich N.M. Lessons from the evolution of the global economy and prospects for Eurasian integration.....	7
Feiguine G.F., Solovjova J.N. Structural dynamics in the modern global economy: contradictions of post-industrialism and deindustrialization.....	12
Dyatlov S.A., Zhou Weidi. Institutes for the development of artificial intelligence systems in Russia and China.....	19
Ayyubova N.S. Vector model of error corrections for assessing the impact of shocks in global oil prices on GDP of the Republic of Azerbaijan.....	25

FINANCIAL SECTOR OF ECONOMY

Vylkova E.S., Tarasevich A.L. Reforming the taxation of income on bank deposits of individuals in modern Russia.....	32
Tsekhomsky N.V. Syndicated financing of investment projects: essence and features.....	38
Magomaeva L.R., Razina O.M. Islamic model of the banking system – concept and ethical components.....	45

STATE REGULATION OF ECONOMY

Plotnikov A.V., Kharlamov A.V. Directions to neutralize the negative impact of non-economic shocks on the real sector of the Russian economy	50
Arkin P.A., Sousov V.E., Ashirmetova O.B. Theoretical analysis of state regulation execution of state contracts (contracts) in present-day conditions	59
Yakshibaeva G.V. Some aspects of the reproduction of the Russian labor force in the conditions of digitalization of the economy	68
Borkova E.A., Trunin V.I. Development of the mechanism of public-private partnership in the innovative sphere.....	75

ECONOMY OF ENTERPRISES, REGIONS AND BRANCHES

Zharinov I.O. Scenarios of modernization and digital reindustrialization of state defense corporations.....	81
Trofimov V.V., Trofimova E.V. Digital transformation and ethics of higher education.....	91
Borisova V.V., Borodina A.S. Digital transport corridors: opportunities to enter new markets	96

MANAGEMENT

Bezdudnaya A.G., Rastova Yu.I., Lvin Y.M. Reverse mentoring as a corporate social innovation	101
---	-----

Vatlina L.V., Plotnikov V.A. Digitalization and innovative development of the economy	106
Sasaev N.I. The role of strategic adjustment in industrial strategizing	114
Nikolaev N.A. Method of increasing the efficiency of an employee on the basis of reducing costs for non-productive work	120
Krylova M.B. Cross-cultural management – from classics to modernity	129

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF MANAGEMENT AND ECONOMY

Davydov S.A. Economic sociology of antiquity: methodological foundations and knowledge base	134
Vorontsov A.V., Zakharov N.L., Malyavin S.N., Perfilieva M.B. The problem of staff loyalty: research approaches	144
Pokrovskaya N.N., Molodkova E.B., Snisarenko S.O. Social governance implemented to the regulation of cross-border flows in the context of mobilization economy model.....	150
Potemkin V.K. Personal factor in enterprise development strategy	156
Smetanina T.V. Expert assessments and their role in social monitoring of the efficiency of the management of socio-economic systems	165

YONG RESEARCHERS' WORKS

Avdeeva E.A. International energy complex status and development trends at the energy transition present stage	172
Ermakova E.V. Some aspects of modeling export supply chains taking into account customs risks.....	179
Ziukina S.L. Museum activities: modern challenges	186
Koblyakova Y.M. Social monitoring in healthcare.....	192
Pliner M.E. Formation of entrepreneurial type enterprises	198
Romanov S.A. Russian banks in the Republic of Kazakhstan under economic sanctions	202

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Максимцев И.А., Межевич Н.М.

УРОКИ ЭВОЛЮЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. *Мировая экономическая система находится в еще более сложном положении, чем предполагали пессимисты. Формируется новая модель мировой экономики, где старые тенденции развития уже не будут определять новую картину мира. В статье сделана попытка, с одной стороны, показать причины текущего кризиса, его универсальный характер. Сделана попытка показать то, что мировая экономика к 2022 году уже находилась в таком состоянии, что ограниченное политическое воздействие обрушивает ее из неустойчивого равновесия в масштабный кризис.*

Ключевые слова. *Мировая экономика, Европейский Союз, Евразийский экономический союз, теория интеграции, протекционизм.*

Maksimtsev I.A., Mezhevich N.M.

LESSONS FROM THE EVOLUTION OF THE GLOBAL ECONOMY AND PROSPECTS FOR EURASIAN INTEGRATION

Abstract. *The global economic system is in an even more difficult situation than the pessimists assumed. A new model of the world economy is being formed where the old development trends will no longer determine the new world structure. On the one hand, the article attempts to show the causes of the current crisis, its universal nature. In the proposed paper, an attempt is made to show that by 2022 the world economy was already in such a state that limited political influence brings it down from an unstable equilibrium into a large-scale crisis.*

Keywords. *World economy, European Union, Eurasian Economic Union, integration theory, protectionism.*

Введение

Тенденции развития мировой экономики и перспективы региональной интеграции неоднократно обсуждались нами на страницах «Известий Санкт-Петербургского государственного экономического университета» [10-13]. Укажем на то, что были сделаны в целом подтвердившиеся прогнозы, а выявленные тенденции прошли проверку современными практиками. Вместе с тем, масштабы изменений в глобальной экономике и характер эволюции международных экономических институтов достигли критических параметров.

ГРНТИ 06.51.02

EDN ANGOAR

© Максимцев И.А., Межевич Н.М., 2023

Игорь Анатольевич Максимцев – доктор экономических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Николай Маратович Межевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Контактные данные для связи с авторами (Максимцев И.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 812 458-97-27. E-mail: rector@unecon.ru.

Статья поступила в редакцию 19.12.2022.

Количественное измерение современной мировой экономики – задача важная, но трудно выполняемая в условиях нарастающих искажений в международных и национальных статистических расчетах. Впрочем, даже если предположить то, что мы можем снять влияние сознательных искажений, то остается проблема неэффективности традиционных экономических показателей, отставание статистической отчетности «рассказывающей» о том, что уже давно известно из повседневной экономической практики. Оценка текущей ситуации имеет принципиальное значение, как с теоретической точки зрения, так и с позиций выстраивания эффективной национальной экономической политики.

К концепции современного экономического кризиса

Важной и сложной задачей является проблема диагностики стратегических тенденций развития мировой экономики. Многие из этих тенденций по отдельности были диагностированы достаточно давно. К примеру, давно определены последствия протекционизма и даже его генезис: «Торговый протекционизм быстро набирает обороты и грозит перерасти в новую глобальную торговую войну... Ирония в том, что эту войну начинают не бедные экономики, которые понесли серьезные потери, а США, которые во всех отношениях получили от глобальной неолиберальной торговли больше, чем потеряли» [8]. Уточним, это написано до кризиса 2007–2009 гг., т.е. до того момента, когда стало ясно, что «усиливается роль финансовых ограничений в сравнении с торговыми. Этому способствуют глобализация финансовых рынков, значимость американского доллара, как универсального платёжного средства и роль американских банков в мировых расчетах» [17, с. 74].

Теоретически, «как показывает опыт кризиса 2008 года, согласованные консолидированные действия экономических и монетарных властей ведущих стран способны, по меньшей мере, обуздать наиболее опасные проявления разбалансировки мировой экономики» [7]. Но это относится к «классическим» кризисам, не универсальным и не глобальным. При этом сейчас в мире в одном месте и в одно и то же время концентрируется редчайшее сочетание кризисов – энергетический, продовольственный, долговой (который перерастёт в сильнейший финансовый кризис за 100 лет), структурный, логистический и валютный (подрыв доверия к резервным валютам). В этом контексте уже не работает привычное объяснение: «Мировые экономические кризисы как нарушения равновесия между спросом и предложением в рыночной системе хозяйства происходят с циклическим постоянством» [15, с. 156]. Да, указание на цикличность верно, но текущий кризис не циклический, он системный, затрагивающий ключевые признаки функционирования мировой экономики.

Министр по интеграции и макроэкономике ЕЭК, академик С. Глазьев справедливо пишет: «Процесс смены мирохозяйственных укладов происходит раз в столетие и сопровождается социальными революциями и мировыми войнами, которые опосредуют смену институтов регулирования воспроизводства экономики. Причиной этих потрясений является стремление властвующей элиты доминирующей страны сохранить глобальную гегемонию в условиях утраты конкурентоспособности» [5, с. 12]. Экстраполируем этот тезис на уровень конкретного товара. Перед нами попытка продать заведомо худший товар, по завышенной цене. Регулирование мировой экономики Соединенными Штатами Америки не было изначально «продажей заведомо худшего товара», наоборот, мировые торговые нормы ГАТТ-ВТО стали таковыми именно при американской поддержке.

Однако в последние два десятилетия глобальный капитализм, формально ассоциированный с лидирующей страной, многократно превосходит любой национальный по своему экономическому потенциалу, «но уступает по способности найти общественную опору, то есть фундамент реальной власти» [9]. Иными словами, глобальный капитализм не имеет политической легитимизации и вынужден искать её на национальном уровне. «На протяжении нескольких десятилетий мировая экономика сталкивается с явлениями протекционизма. Всемирная торговая организация (ВТО) бессильна перед лицом ужесточения ограничительных мер со стороны развитых стран, в том числе в контексте санкционных ограничений. Орган урегулирования споров ВТО несколько лет не может полноценно функционировать из-за отказа США назначать новых судей в арбитражный орган ВТО» [14].

Последствия эпидемии и пандемии с точки зрения экономической практики также очевидны: «Режим самоизоляции привел к существенному спаду совокупного предложения, поскольку основную массу товаров и услуг нельзя производить удалённо. Ещё большее, негативное воздействие на эконо-

мику оказало сокращение совокупного спроса, причём в части не только инвестиций и внешней торговли, но и расходов домохозяйств» [18, с. 5]. Подчеркнём вслед за авторами, речь идет об одновременном сокращении спроса и предложения.

О регионализации глобальной экономики следует сказать особо. Этот процесс начался задолго до эпидемии и пандемии. Логистические проблемы и предпосылки регионализации оказались наиболее очевидными, но совсем не единственными. Пессимисты справедливо указывали на то, что эпидемия рано или поздно пройдёт, но ограничения мировой торговли по соображениям национальной безопасности будут только расширяться.

Диверсии на газопроводах «Северный поток-1» и «Северный поток-2» создали прецедент войны на международных транспортных и инфраструктурных коридорах. Соответственно гарантии безопасности для транспортного коридора, инфраструктуры и линий связи может дать только их собственник. Экономические последствия диверсий – вздорожание любого фрахта. Неизбежен рост стоимости страховок и перестраховок. Сырьё и промышленные товары не стали дефицитом, однако связи между производителями и потребителями существенно усложнились. Это относится к рынку энергоносителей, продовольствия, равно как и всех других товаров.

Далее выскажем несколько принципиально важных тезисов по роли Европы в мировой экономике. Укажем, что на определенном этапе Европейский Союз устраивала работа МВФ, ВТО, Всемирного Банка с позиций поддержки их лидирующей роли в глобальной экономике. Отметим, впрочем, ключевое условие. Логика глобализации предполагала, что правила и нормы должны быть относительно справедливы и достаточно стабильны. Эти критерии сегодня не соблюдаются. Состояние европейских рынков подтверждает то, что низкие цены на российские нефть и газ и «бездонный» российский рынок для продукции машиностроения и АПК все последние десятилетия обеспечивали устойчивость Европы. Ожидания крупных европейских фирм настолько же мрачны, как в начале коронавирусной пандемии, и каждый третий крупный промышленный концерн собирается уменьшить масштаб деятельности из-за высоких цен на энергию и низкого спроса [3].

Следует ли считать эту ситуацию случайной или выпадающей из глобального контекста? С нашей точки зрения – нет. Более того, «искусственные ограничения сотрудничества в угоду чьим-то геополитическим интересам не решают проблем, а лишь создают новые и ослабляют экономические позиции Европы» [16]. Не менее важен вопрос о временном лаге применительно к текущим проблемам. В конце концов классические подходы к пониманию экономического кризиса базируются на уверенности в том, что кризис – явление временное.

Для ответа на этот вопрос приведём одно из наиболее оптимистичных мнений: «Высокие цены на энергоносители, высокая инфляция (и, как следствие, давление на потребительский спрос), ужесточение монетарной политики в большинстве стран мира, риски долгового кризиса в южных странах ЕС, последствия локдаунов в КНР и высокая мировая геополитическая напряженность останутся значимы в среднесрочном периоде» [6]. Напомним, что среднесрочный период в экономическом контексте это три – пять лет. Таким образом, пять лет кризиса — это оптимистический прогноз, а, значит, происходящее тяготеет по продолжительности к Великой депрессии.

Мировой кризис и евразийская интеграция

Оценивая перспективы евразийской интеграции, вспомним определение глобальной экономики: «В реальном времени она работает как единое целое в мировом пространстве, всё равно, касается ли это капитала, менеджмента, труда, технологии, информации или рынков» [19, р. 3]. Мы строили модель интеграции именно под эту, т.е. глобальную экономику. Оценка социально-экономической и политической интеграции в Евразийском Экономическом Союзе – задача крайне сложная. С нашей точки зрения, следует пойти традиционным академическим путём и сопоставить существующую ситуацию с имеющимся опытом возникновения, эффективного функционирования, кризиса региональных экономических объединений в условиях глобализации.

Намёк достаточно очевиден, речь идёт об Европейском Экономическом Сообществе, которое выступило как основа Европейского Союза. Если подходить более системно, можно вспомнить и Европейское общество угля и стали. Накопленная в рамках европейской интеграции совокупность очевиднейших достижений и столь же значимых проблем является для нас своего рода компасом для оценки

постсоветской интеграции. Европейскую интеграцию второй половины XX века не следует рассматривать с точки зрения текущей идеологической, политической, экономической борьбы, по крайней мере для решения данной конкретной задачи оценки евразийской интеграции. Не разобравшись с тем, почему так был успешен старт европейской интеграции и почему её современный этап связан с такими проблемами, мы не сможем понять, где находимся мы в системе экономических и политических координат третьего десятилетия XXI века.

Интеграция, основным «мотором» которой является рыночная составляющая, была, есть и будет основой объединительных процессов в ЕАЭС, а вот политическое принуждение, которое, как казалось, ведёт вперед, на самом деле тянет назад. Вслед за профессором Бусыгиной повторим: «Интеграция приобретала благоприятную репутацию в глазах отдельных стран по мере получения конкретных положительных результатов в ходе реализации не общего, а конкретных, более скромных по замыслу проектов взаимодействия по ограниченным направлениям кооперации» [2]. Так было в течение долгих десятилетий.

Но к 2008-2014 гг. произошли изменения. «Позиция Брюсселя заключается в следующем: либо вы делаете, как мы хотим, либо мы вообще ничего не делаем» [4, с. 38]. Всё это привело к тому, что экономическое развитие Европы, которое в прошлом характеризовалось потерей качества при выигрыше темпа, сегодня характеризуется потерей качества при одновременной потере темпа. В результате европейский интеграционный проект во время запоздавших реанимационных процедур переходит в стадию распада. Это не фигура речи: ЕС умер в том виде, в каком его замыслили Шуман и Монне. Однако смерть интеграционного проекта в его пост-шуманской модели не означает краха великой европейской идеи, и вовсе не обязательно приведёт к краху Европы в целом. Европа была и будет, но будет – другой. Вероятно, вместе с Евразией.

Анализируя европейский опыт для Евразии, прежде всего, следует отметить то, что европейская интеграция начиналась именно с экономики. Мы подчеркиваем это обстоятельство именно сегодня, когда Европейский союз занимается в буквальном смысле всем, но является ли это признаком силы? Риснём предположить, что это – скорее признак слабости. Но начиналось всё именно с экономической интеграции. Семьдесят лет назад европейские политики были прагматиками и понимали критическую значимость экономической основы. В этом контексте авторы не могут согласиться с частью критики экономической интеграции в ЕАЭС. Напомним, речь идёт о попытке доказать то, что срочно надо создавать политический союз. Возникает вопрос, а зачем? Чтобы ступить на дорогу, которая привела к качественному ослаблению ЕС?

У ЕАЭС есть все шансы на победу в условиях масштабной конкуренции и тотальной войны с Западом. ЕАЭС обеспечивает себя всем первичным сырьём, здесь есть нефть, газ, уголь, чёрные, цветные и редкоземельные металлы, удобрения, сельскохозяйственное сырьё. У нас в принципе не может быть никогда ни энергетического, ни продовольственного кризиса. Модель территориального разделения труда, сформированная в СССР, опиралась на естественные преимущества, география и содержание которых практически не изменилось. Об этом, о нормальной экономике и разделении труда написано ещё Пушкиным. Помните, в «Евгении Онегине»: «Всё, чем для прихоти обильной \ Торгует Лондон щепетильный \ И по балтийским волнам \ За лес и сало возит нам...». А далее – про «простой продукт», которым богатеет государство. Иными словами, экономика реального сектора в текущих условиях – это прочный фундамент благополучия для всех стран ЕАЭС.

Заключение

Как отмечал А. Смит, «принимая во внимание разнообразие мира в части исторического опыта стран, глубину исторической памяти народов, их представлений о своей самобытности, определяющей национальную идентичность индивидов, говорить о глобальной культуре несколько преждевременно» [20, р. 8]. Понятно, что этот А. Смит, историк – этнолог, не является экономистом. В этом, однако, сила, но не слабость учёного, не позволившая ему впасть в узкоэкономический догматизм. А. Смит доказывает, что изменения, наблюдаемые на рубеже XX-XXI вв., привели к распространению по всему миру «западных ценностей» и «свободного рынка». На самом деле абсолютное большинство стран приложили масштабные усилия для того, чтобы сохранить свой суверенитет при внешней лояльности интродуцируемым «ценностям». Это обстоятельство само по себе уже говорит об ослаблении одного управляющего центра.

Канцлер Германской империи Теобальд фон Бетман-Гольвег, как известно, стал в Веймарской республике большим философом и стратегом. Его перу принадлежит формула: «Мировое господство означает и мировую ответственность» [1, с. 115], полностью приложимая к текущему мировому кризису. Что мы видим сегодня? Потеря ответственности США и Европой сопровождается потерей господства. Что в этих условиях делать нам, ЕАЭС? Сосредоточиваться на экономической интеграции, понимая, что вопросы политического объединения в текущих условиях не шаг вперед, а бег назад.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Бетман-Гольвег Т.* Мысли о войне. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 120 с.
2. *Бусыгина И.* Асимметричная интеграция в Евросоюзе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://portalus.ru/modules/internationallaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1229193649&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения 10.12.2022).
3. *Вакуленко С.* Закрытие Nord Stream станет точкой невозврата для российского газа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/politika/87837> (дата обращения 10.12.2022).
4. *Воловой В.* Экономика и география: интеграция по необходимости // Перспективы и проекты сотрудничества в Евразии. Сб. статей. Вильнюс, 2012.
5. *Глазьев С.* О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 2. С. 11-22.
6. Ежемесячный мониторинг мировой экономики «GlobVago HSE: Барометр мировой экономики», выпуск 8. М.: ГУ ВШЭ, 2022. 9 с.
7. *Кадомцев А.* Рецессия, стагнация или только «встряска» – что ждет мировую экономику в ближайшее время? (прогнозы экспертов). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/24988> (дата обращения 10.12.2022).
8. *Лиу Г.* Грядущая торговая война и глобальная депрессия // Прогнозис. 2005. № 2 (3). С. 85-107.
9. *Лукьянов Ф.* Маятник капитализма: почему государства боятся глобализации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/mayatnik-kapitalizma-pochemu-gosudarstva-boyatsya-globalizaczii> (дата обращения 10.12.2022).
10. *Максимцев И., Межевич Н.* Мировая экономика после шока первого полугодия 2020 года: старые проблемы в новых условиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3 (123). С. 22–27.
11. *Максимцев И., Межевич Н.* Экономическая интеграция в Большой Евразии: возможности и вызовы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 7–10.
12. *Максимцев И., Межевич Н., Разумовский В.* Мировая экономика перед вызовами «Annis horribilis»: на пороге новой регионализации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1-2 (103). С. 19-24.
13. *Максимцев И., Межевич Н., Сирота Н.* Внешняя среда особо крупных организаций в условиях внешнеполитической неопределенности и санкционных режимов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 5 (131). С. 7-13.
14. Мир без сверхдержав // Ежегодный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2022. 20 с.
15. *Рязанов В.* Мировой экономический кризис и его последствия // Христианское чтение. 2010. № 4 (35). С. 155-176.
16. Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова «Соседи по Европе». Россия-ЕС: тридцать лет отношений» для «Российской газеты». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3960550/pop_up?_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_viewMode=print&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_qrIndex=12 (дата обращения 10.12.2022).
17. *Тимофеев И.* “Санкции за нарушение санкций”: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // Полис. Политические исследования. 2020. № 29 (6). С. 73-90.
18. *Холопов А.* Макроэкономическая политика на перепутье // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 65 (7). С. 5-15.
19. *Castells M., Hall P.* Technopoles of the World. London – New York, 1994. 288 p.
20. *Smith A.* National Identity. London, 1991. 240 p.

СТРУКТУРНАЯ ДИНАМИКА В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА И ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Проанализирована динамика доли сферы услуг в ВВП ряда стран в сопоставлении с их уровнем и особенностями развития, а также динамикой ВВП за последние сорок лет. Выделены социально-экономические преимущества, которые приносит рост сектора услуг, а также негативные последствия деиндустриализации. Показаны различные сценарии деиндустриализации и возможные пути реиндустриализации в развитых и развивающихся странах.

Ключевые слова. Структура ВВП, деиндустриализация, реиндустриализация, сфера услуг, сервисизация.

Feiguine G.F., Solovjova J.N.

STRUCTURAL DYNAMICS IN THE MODERN GLOBAL ECONOMY: CONTRADICTIONS OF POST-INDUSTRIALISM AND DEINDUSTRIALIZATION

Abstract. The dynamics of the share of services in GDP of selected countries is analyzed in comparison with the level and specific features of their development as well as the dynamics of GDP itself for the last forty years. Socio-economic advantages brought by the growing service sector and negative consequences of deindustrialization are identified. Different scenarios of deindustrialization as well as possible ways of reindustrialization in developed and developing countries are shown.

Keywords. Structure of GDP, deindustrialization, reindustrialization, service sector, servitization.

Введение

Процесс развития мировой экономики принято делить на три последовательно сменяющие друг друга стадии: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Доиндустриальная (аграрная) стадия продолжалась до конца XVII века. На этой стадии основным видом деятельности, обеспечивающим существование хозяйственных систем, являлось сельское хозяйство. В других отраслях деятельность (ремесленничество, строительство) носила побочный характер. Приблизительно с начала XVII века и до середины XX века происходит промышленный переворот, в результате чего промышленный сектор во многих странах стал доминирующим с точки зрения доли в ВВП и количества занятых. Примерно с 1950-х годов в экономиках ведущих стран начинают происходить структурные изменения, обусловившие введение в научный оборот термина «постиндустриальная экономика». Основным признаком перехода к постиндустриальной стадии является превращение сферы услуг в доминирующий сектор.

ГРНТИ 06.51.25

EDN BROLIY

© Фейгин Г.Ф., Соловьева Ю.Н., 2023

Григорий Феликсович Фейгин – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Юлия Николаевна Соловьева – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры маркетинга Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Соловьева Ю.Н.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 812 310-19-57. E-mail: solovjova@unecon.ru.

Статья поступила в редакцию 24.10.2022.

Дальнейшее развитие (возрастание роли науки, колоссальный прогресс в сфере информационно-коммуникационных технологий) предопределило широкое распространение в экономической литературе таких терминов, как «экономика знаний», «цифровая экономика». Возрастание роли экологического фактора обусловило использование понятия «зеленая экономика». В то же время, современные тенденции развития экономик многих стран указывают на наличие проблемных аспектов, требующих специальных исследований. Во-первых, доминирующая роль сферы услуг не является «всеобщей». В мире существует еще достаточное количество стран, где большинство населения занято в промышленности или в сельском хозяйстве. Во-вторых, само смещение «центра тяжести» экономики в сферу услуг не всегда однозначно интерпретируется как позитивное явление. Так, отмечается феномен деиндустриализации, который предполагает снижение промышленного потенциала страны.

Деиндустриализация означает сокращение спроса на рабочую силу в отраслях промышленности, что зачастую приводит к негативным социально-экономическим последствиям. Соответственно, ставится вопрос о необходимости преодоления данного тренда, т.е. реиндустриализации. Таким образом, вопрос о сочетании интерпретации постиндустриальности как наиболее продвинутой стадии развития экономики с проблемой сохранения и преумножения промышленного потенциала страны в т.ч. путем реиндустриализации остается дискуссионным.

Экономическое развитие национальных экономик и деиндустриализация

В настоящей статье предметом рассмотрения является проблема деиндустриализации в контексте логики поступательного экономического развития национальной экономики на современном этапе. Теоретически можно представить себе ситуацию, при которой динамично развиваются все сектора, но третий сектор развивается более быстрыми темпами. В этом случае доля сферы услуг в ВВП возрастает, но это еще не является признаком наличия кризисных тенденций, т.к. определенный рост характерен и для промышленности, и для сельского хозяйства. Иначе выглядит ситуация, когда экономический рост обеспечивается в основном за счет сферы услуг, в то время как вклад других секторов в экономическую динамику страны крайне незначителен. В этом случае налицо признак некоторой экономической стагнации независимо от роста в сфере услуг и общего увеличения ВВП.

В таблице 1 представлены данные о динамике доли сферы услуг в ВВП ряда стран, объединенных в группы. В первую группу входят развитые индустриальные страны. Здесь очевидно устойчивое доминирование сферы услуг, при этом ее доля в ВВП отдельных стран довольно значительно варьирует: в 2020 году доля сферы услуг в ВВП США составляла 80,1%, в ВВП Германии – 63,6%, в ВВП Финляндии – 60,6%. Также в целом характерен рост доли сферы услуг в ВВП, хотя после 2010 года он был в основном незначительным, а в Японии не проявлялся вообще.

Несколько иначе обстоит дело в странах с формирующимися рынками. Во-первых, здесь доля сферы услуг в ВВП в большинстве случаев ниже, чем в развитых странах, в то время как тенденция ее роста в некоторых случаях (Индия, Китай, Казахстан, Филиппины) проявляется довольно отчетливо. В то же время, в Бразилии еще в 1990 году доля сферы услуг превышала 60%, а затем снизилась и совсем недавно вновь несколько возросла. Отдельно упомянем также группу стран-экспортеров энергоресурсов. Их ВВП по паритету покупательной способности, а также доля услуг в структуре ВВП несколько ниже, чем у представителей группы развитых стран. За последние 40 лет наблюдался существенный, хотя и не всегда стабильный, рост доли услуг. Что касается группы слабо развитых стран, то доля сферы услуг здесь в целом еще ниже, чем в странах с формирующимися рынками. При этом четко не прослеживается направленность динамики данного показателя. Периоды его роста сменяются стадиями снижения.

Приведенные в таблице 1 данные по «странам-отелям» свидетельствуют о том, что высокая доля сферы услуг в ВВП не обязательно является признаком высокого уровня развития страны (и высокого ВВП на душу населения). В этих странах сектор услуг уже не одно десятилетие является доминирующим, т.к. другие сектора развиты сравнительно слабо. В отличие от развитых стран, для стран-отелей не характерна тенденция устойчивого роста доли сферы услуг в ВВП. В силу их специфики значение этого показателя было высоким уже в 1980 году. Далее динамика значений этого показателя в отмеченных странах изменялась волнообразно.

Таким образом, опыт развитых стран показывает отчетливую тенденцию сокращения доли аграрного и индустриального секторов в ВВП в пользу сферы услуг. Данную тенденцию обозначают как

деиндустриализацию или сервизацию [8, 9] экономики. Данный тренд очевиден, однако оценки его далеко не однозначны. По мнению В.А. Носкова [6], деиндустриализация в Европе является позитивной. Так, сокращение числа занятых в промышленности и сельском хозяйстве обусловлено автоматизацией и роботизацией производства, что свидетельствует об инновационном характере развития. Кроме того, развитые страны сохраняют контроль над высокими технологиями и имеют при этом возможность оптимизировать цепочки создания стоимости путем частичного перемещения производства в другие страны. Также указывается, что стремительный рост цен на нефть в 2004-2007 годах не оказал существенного влияния на экономики развитых стран, т.к. доля промышленного производства в этих странах уже к тому моменту была сравнительно невелика.

Таблица 1

Доля услуг в валовом внутреннем продукте ряда стран, 1980-2020 гг., %

Страна	1980	1990	2000	2010	2020	ВВП по ППС на душу населения, 2020
<i>Развитые страны</i>						
США	-	-	72,8	76,2	80,1	63 028
Франция	57,8	62,0	66,3	70,7	71,0	46 991
Япония	-	-	65,9	70,2	69,5	42 100
Германия	-	-	61,5	62,3	63,6	54 845
Финляндия	46,8	52,3	53,0	58,9	60,6	50 937
<i>Страны с формирующимися рынками</i>						
Бразилия	40,4	60,5	58,3	57,6	62,8	14 834
Филиппины	35,3	42,7	51,1	53,9	61,4	8 394
Россия	-	32,6	49,7	53,1	56,3	29 916
Казахстан	-	-	48,4	51,7	55,8	26 750
Китай	22,3	32,4	39,8	44,2	54,5	17 189
Бангладеш	44,6	46,7	50,6	53,5	51,5	5 995
Индия	33,8	37,0	42,7	45,0	49,3	6 525
Беларусь	-	28,6	39,9	43,5	49,1	20 238
Индонезия	-	39,1	33,4	40,7	44,4	12 072
<i>Страны-отели</i>						
Багамские острова	-	70,2	77,7	81,1	79,1	29 065
Сейшельские острова	69,5	55,2	50,5	68,5	67,6	28 339
Антигуа и Барбуда	73,6	72,5	76,2	70,7	65,3	18 240
Кабо-Верде	64,5	55,5	65,4	61,2	58,9	6 376
<i>Страны топливно-энергетического экспорта</i>						
ОАЭ	26,8	40,0	49,2	46,7	58,2	66 766
Бахрейн	36,4	-	-	53,7	56,6	43 821
Саудовская Аравия	27,9	45,5	41,4	39,2	53,9	46 778
<i>Наименее развитые страны</i>						
Чад	46,7	50,5	44,6	33,4	43,6	1 592
Уганда	23,4	30,5	44,7	44,8	42,8	2 294
Нигер	34,0	40,7	40,4	35,1	36,2	1 288
Сьерра-Леоне	41,4	31,8	12,5	35,3	31,0	1 727
Йемен	-	26,7	31,1	27,4	16,8	3 689

Источник: Всемирный банк, <http://data.worldbank.org>.

Однако, отмечая позитивные тенденции деиндустриализации в развитых странах, В.А. Носков указывает и на проблемные аспекты. Так, в 1920-е годы в экономике США наблюдался устойчивый рост сервисного сектора, и этот тренд продолжался вплоть до Великой Депрессии 1929-1933 годов. В дальнейшем (после 1933 г.) подъем американской экономики сопровождался ростом доли промышленного производства в ВВП. Аналогичным образом, в 2000-е годы устойчивый тренд на деиндустриализацию экономик развитых стран завершился мировым экономическим кризисом 2008-2009 годов. После этого увеличение доли сферы услуг в ВВП развитых стран явно замедлилось. Подобный сценарий развития

событий дает основание В.А. Носкову выдвинуть гипотезу о «кризисе постиндустриальной парадигмы». В связи этим он указывает на важность принятого Европейской Комиссией специального коммюнике «За европейский промышленный ренессанс». Развитие промышленности на территории ЕС рассматривается в нем как главный драйвер экономического роста. В качестве важной цели подобного ренессанса заявлялось также снижение уровня безработицы.

Негативное влияние деиндустриализации на экономики развитых стран подчеркивает В.Б. Кондратьев [3]. Он отмечает, что перемещение производства из США в развивающиеся страны, прежде всего в Китай, принесло множество проблем американской экономике. Так, главными бенефициарами перемещения производства в другие страны являются мультинациональные корпорации, которые оптимизируют соотношение доходов и затрат. Однако мелкие и средние предприятия обрабатывающей промышленности страдают от этого и становятся на грань банкротства. В 1990-е годы число таких предприятий сократилось примерно на 100 тыс. Также перемещение производства в долгосрочной перспективе приводит к отъезду конструкторов и дизайнеров за рубеж. Во многих высокотехнологичных отраслях американской экономики все больше прослеживается импортозависимость (многие важные детали поставляются из-за рубежа).

Ослабление производственной базы снижает возможность для реализации результатов инвестиционных вложений в НИОКР. Вложения в НИОКР в обрабатывающей промышленности в США значительно уступают по объему Японии (примерно в 3 раза), Германии (примерно в 6 раз), Южной Корее (примерно в 10 раз). Доля обрабатывающей промышленности в общих расходах США на НИОКР составляет 2,5%, в то время как в Южной Корее аналогичный показатель составляет 30%, в Германии – 12%. Таким образом, по степени деиндустриализации США уже значительно «опережают» некоторые другие индустриальные страны. Поэтому проблемные факторы деиндустриализации в США проявляются более отчетливо.

Так, США в значительной мере утратили возможность производить некоторые высокотехнологичные продукты. С 2014 года в обрабатывающей промышленности фактически прекратился рост производительности труда. В период с 2009 по 2017 гг. значительно вырос китайский экспорт в США компьютерной техники, продуктов электронной промышленности, общего машиностроения, транспортного машиностроения и металлообработки, что привело к дальнейшему увеличению торгового дефицита. В 2021 году торговый дефицит США составил 861 млрд долл., в то время как в Германии (где доля промышленного сектора в ВВП существенно выше, чем в США) сальдо торгового баланса в том же году было положительным и составляло 229 млрд долл. (выше приведены количественные показатели по данным Всемирного Банка).

Также определенный интерес представляет опыт деиндустриализации в Бразилии. Заслуживающий внимания анализ был проведен В.А. Красильщиковым [4]. Вплоть до конца XIX века Бразилия была исключительно аграрной страной. Начавшаяся в 1930-е годы индустриализация носила импортозамещающий характер. Изначально развивалась легкая промышленность. Период с 1950 г. по 1978 г. ознаменовался высокими темпами промышленного роста (около 8,5% в год). Однако быстрый рост промышленного производства сопровождался усилением социального неравенства. Именно социальное неравенство и как следствие ограниченный внутренний спрос стали главным препятствием для продолжения промышленной модернизации. В результате уже во второй половине 1970-х годов начали сокращаться инвестиции в инфраструктуру и основной капитал, затем (с 1985 года) снижалась и доля обрабатывающей промышленности в ВВП. С 1985 по 2016 г. она сократилась с 31,6% до 12,5%.

В настоящее время отсутствуют какие-либо реальные предпосылки для реиндустриализации, хотя потребность в ней явно существует. Некоторые исследователи связывают отсутствие предпосылок для реиндустриализации с неготовностью рабочей силы к занятости на высокотехнологичных производствах. Руководством Бразилии предпринимаются определенные усилия, направленные на изменение ситуации. В 2011 году была принята программа повышения конкурентоспособности бразильской промышленности путем внедрения инноваций. Однако ее реализация пока не дала желаемых результатов. Можно заключить, что деиндустриализация в Бразилии по сравнению со странами Запада оказалась преждевременной. Несмотря на успехи в определенных отраслях, экономика Бразилии характеризуется низкими темпами роста при значительном отставании от развитых стран по уровню ВВП на душу населения.

В таблице 2 представлены данные по темпам роста ВВП тех же групп стран, данные о развитии сферы услуг которых были приведены выше. Как следует из таблицы 2, темпы роста в развитых индустриальных странах демонстрируют тенденцию снижения и в целом не превышают 1-2%, однако являются стабильно положительными. Не отличаются высокими темпами роста и представленные в таблице страны из некоторых других групп (страны-отели, страны-экспортеры нефти, отсталые страны).

Таблица 2

Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения ряда стран по периодам, 1980-2020 гг., %

Страна	1980-1989	1990-1999	2000-2008	2010-2019
<i>Развитые страны</i>				
США	2,2	2,0	1,4	1,6
Франция	1,8	1,6	1,2	1,0
Япония	3,7	1,2	1,0	1,3
Германия	1,9	1,7	1,5	1,8
Финляндия	3,2	1,5	2,9	0,9
<i>Страны с формирующимися рынками</i>				
Бразилия	0,8	0,1	2,5	0,6
Филиппины	- 0,6	0,4	2,9	4,8
Россия	-	- 4,9	7,3	1,7
Казахстан	-	- 3,8	8,7	3,0
Китай	8,2	8,8	9,8	7,1
Бангладеш	0,9	2,5	4,0	5,4
Индия	3,3	3,7	4,4	5,4
Беларусь	-	- 1,4	8,6	1,9
Индонезия	3,6	2,7	3,8	4,1
<i>Страны-отели</i>				
Багамские острова	2,0	0,1	- 0,2	0,0
Сейшельские острова	1,1	3,3	1,1	3,6
Антигуа и Барбуда	6,4	1,5	3,2	1,0
Кабо-Верде	4,0	7,5	6,5	1,5
<i>Страны сырьевого экспорта</i>				
ОАЭ	- 4,6	- 0,1	- 3,7	1,6
Бахрейн	- 1,8	2,6	- 0,6	0,1
Саудовская Аравия	- 7,2	1,0	1,3	0,9
<i>Наименее развитые страны</i>				
Чад	2,6	- 1,1	6,3	0,1
Уганда	- 0,4	3,6	3,9	1,8
Нигер	- 2,8	- 1,8	0,4	2,2
Сьерра-Леоне	- 1,4	- 3,1	3,5	2,8
Йемен	-	1,4	1,2	- 6,3

Источник: Всемирный банк, <http://data.worldbank.org>.

На этом фоне выделяются высокие темпы роста в странах с формирующимися рынками азиатского региона (Китай, Индия, Индонезия, Филиппины, Бангладеш). Анализ феномена высоких темпов роста в странах азиатского региона, на долю которых в 2010-х годах пришлось более половины прироста глобального ВВП, посвящены многочисленные исследования (например [5, 7]). В контексте настоящего исследования стоит отметить, что процессы деиндустриализации в этом регионе проявляются еще не столь явно, как в ряде других регионов. Азиатские страны на определенном этапе стали целевым ориентиром для перемещения производства из развитых стран. Уже со второй половины 1980-х годов происходит перемещение производства из развитых индустриальных стран в связи с наличием дешевой рабочей силы и потенциально гигантского рынка.

В последние годы уровень заработной платы в азиатском регионе существенно возрос, что стимулирует компании и далее перемещать производство, в частности в Бангладеш или во Вьетнам. В связи

с наличием крупных рынков в Китае и некоторых других странах азиатского региона удалось наладить собственное промышленное производство наряду с деятельностью иностранных компаний. В этом заключается одна из причин довольно динамичного развития азиатских стран. Помимо представленных в таблице 2 азиатских государств, высокие темпы экономического роста характерны для Монголии, Мьянмы, Вьетнама и Камбоджи. Напротив, в наиболее развитых азиатских странах (Южная Корея, Сингапур) темпы роста на фоне деиндустриализации замедляются.

Как показано в таблице 1, доля сферы услуг в ВВП азиатских стран со сравнительно высокими среднегодовыми темпами роста также несколько увеличивается. Но эта доля все же значительно меньше, чем в развитых странах или в странах-отелях. Только на Филиппинах данный показатель в 2020 году превысил 60%. Тем самым, увеличение доли сферы услуг в ВВП страны в целом представляется закономерной тенденцией, проявляющейся по мере развития экономики страны. Однако на определенном этапе это означает деиндустриализацию, что не только замедляет темпы экономического роста, но и обуславливает многочисленные социально-экономические проблемы. В свою очередь, наивысшие темпы экономического роста сегодня демонстрируют страны, где деиндустриализация еще практически не наступила. Данный феномен заставляет задуматься о дальнейших сценариях динамики секторальной структуры национальных экономик.

Дальнейшие сценарии развития экономик в постиндустриальную эпоху

Характер дальнейшего развития экономики в постиндустриальную эпоху представляется неоднозначным. Возможны различные сценарии. Опыт развитых стран показал, что поступательное движение в становлении постиндустриального общества приносит очевидные результаты. Прежде всего, речь идет о росте общественного благосостояния. В качестве весомых преимуществ развития сектора услуг можно выделить: повышение качества жизни населения; развитие человеческого капитала благодаря услугам здравоохранения и образования; расширение возможностей малого предпринимательства; диджитализация всех сфер жизни.

Однако затем общество вступает в фазу деиндустриализации, обусловленной, прежде всего, перемещением производства в другие страны. Деиндустриализация приводит к ряду негативных социально-экономических последствий: снижению темпов экономического роста; упадку городов – бывших промышленных центров – и застойной бедности в них [2]; потере контроля над передовыми технологиями (переезд конструкторов, технологов и дизайнеров может со временем ослабить позиции развитых стран на рынках высокотехнологичных продуктов); зависимости от импорта; повышению влияния фактора сезонности на динамику экономического развития.

Поэтому представляются целесообразными попытки либо замедлить деиндустриализацию (Германия), либо, по крайней мере частично, провести реиндустриализацию и вернуть на свою территорию выведенные производства. С подобной инициативой активно выступал бывший президент США Д. Трамп. Возможность возвращения производства на территорию развитых индустриальных стран представляется дискуссионной, т.к. следует учитывать фактор издержек (в частности, уровень оплаты труда в развитых странах сравнительно высок). Тем самым, осуществление реиндустриализации в развитых странах затруднено [1]. Поэтому обусловленные деиндустриализацией некоторые негативные тенденции в экономиках развивающихся стран вероятно будут проявляться и в дальнейшем.

Дискуссионным остается и вопрос о дальнейшем характере развития азиатских стран, демонстрирующих высокие темпы роста. Доля сферы услуг в ВВП там также постепенно растет. Один из возможных сценариев заключается в том, что эти страны со временем также встанут на путь деиндустриализации. Уровень общественного благосостояния будет повышаться, в то время как темпы экономического роста будут падать. Это будет означать, что вышеупомянутые азиатские страны с некоторым временным лагом повторят траекторию развитых стран. Однако такой сценарий выглядит, по меньшей мере, неоднозначным.

В результате перемещения производства в азиатский регион мировой центр деловой активности начал постепенно смещаться с Запада на Восток. Можно предположить, что страны Азии в известном смысле «перехватывают инициативу» у развитых стран в контексте развития промышленного производства. Кроме того, эти страны уже сегодня могут оценить последствия деиндустриализации для стран Запада и не повторять этот путь. Тем более, перемещение производства за рубеж (по образцу стран Запада) здесь уже труднореализуемо. Теоретически производство может быть перемещено из азиатских

стран в Африку. Однако главный вопрос заключается здесь в том, принесет ли это эффект, сопоставимый с тем, который был обусловлен перемещением производства из развитых стран в Китай.

Африканская рабочая сила является сравнительно дешевой, но здесь возникает проблема ее эффективности и реальной мотивации работы на предприятиях, открываемых азиатскими компаниями. Также дискуссионным является потенциал африканского рынка в контексте интересов азиатских стран с учетом того факта, что уже сегодня китайские товары пользуются спросом по всему миру. Вполне вероятно, что вышеупомянутый сценарий не повторится, и азиатские страны еще долго смогут использовать преимущества сосредоточения значительных объемов промышленного производства на своей территории.

Заключение

Для российской экономики проблема деиндустриализации также стоит достаточно остро. Стремительный спад промышленного производства произошел в 1990-е годы на этапе рыночной трансформации. Предпосылки для реиндустриализации вытекают из тотальных изменений структуры мирохозяйственных связей на фоне глобального конфликта и беспрецедентного санкционного давления. Однако эта проблематика требует специальных исследований.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Варнавский В.Г.* Трансформация мирового геоэкономического пространства в условиях реиндустриализации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 2. С. 119-133.
2. *Ковалевская Ю.Н.* «Ржавый пояс» Дальнего Востока России: специфика деиндустриализации в 1990-2010 гг. // Россия и АТР. 2020. № 1 (107). С. 58-71.
3. *Кондратьев В.Б.* Проблемы деиндустриализации в США // Перспективы. 2019. № 3 (19). С. 130-147.
4. *Красильщиков В.А.* Деиндустриализация в Бразилии: уроки для России // Экономическое возрождение России. 2018. № 3 (57). С. 46-62.
5. *Мельянцева В.А., Адлова И.С.* Основные факторы экономического роста Индонезии – четвертой экономики Азии // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86-106.
6. *Носков В.А.* Постиндустриальное развитие и характер деиндустриализации в мировой экономике и экономическая безопасность России // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2021. № 3. С. 61-69.
7. *Потапов М.А.* Экономическое развитие Восточной Азии: текущее состояние и перспективы // Россия и АТР. 2020. № 3 (109). С. 95-109.
8. *Руденко М.Н., Грибанов Ю.И.* Тенденции цифровизации и сервисизации экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2 (40). С. 5-8.
9. *Скоробогатова Т.Н.* О сервисизации экономики и рабочей силы: уточнение понятия // Обеспечение устойчивого развития регионов в пространственной структуре экономики России. Орел: Изд-во ОрелГУЭТ, 2018. С. 82-84.

Дятлов С.А., Чжоу Вейди

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ И КИТАЕ

Аннотация. Статья посвящена обобщению институционально-правовых и организационно-технологических новаций в сфере исследований и разработок экосистем искусственного интеллекта и нейро-сетевых технологий в России и Китае. Дан анализ государственной политики в области формирования новых институтов развития, стимулирования и поддержки реализации крупных проектов по внедрению технологий искусственного интеллекта в экономику, социальную сферу и госуправление. Сделан вывод, что для достижения Россией гиперконкурентных преимуществ важно изучить и использовать положительный опыт внедрения систем искусственного интеллекта нового поколения в Китае, являющемся мировым ИТ-лидером.

Ключевые слова. Искусственный интеллект, цифровизация, институты, нейронные сети, Китай, Россия.

Dyatlov S.A., Zhou Weidi

INSTITUTES FOR THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN RUSSIA AND CHINA

Abstract. The article is devoted to the generalization of institutional-legal and organizational-technological innovations in the field of research and development of artificial intelligence ecosystems and neuro-network technologies in Russia and China. The analysis of the state policy in the field of formation of new development institutions, stimulation, and support of the implementation of major projects on the introduction of artificial intelligence technologies in the economy, social sphere and public administration is given. It is concluded that for Russia to achieve hypercompetitive advantages, it is important to study and use the positive experience of implementing new-generation AI systems in China, which is a global IT leader.

Keywords. Artificial intelligence, digitalization, institutions, neural networks, legislation, China, Russia.

Введение

Сегодня цифровизация на основе использования систем искусственного интеллекта (Artificial Intelligence, AI) является главным фактором роста эффективности и конкурентоспособности экономики и основой для решения сложных задач социально-экономического развития в условиях роста геоэкономической нестабильности и усиления гиперконкурентной борьбы. Важнейшим институтом формирующейся гиперконкурентной нейро-сетевой экономики становится искусственный интеллект [1]. Главным направлением ведения гиперконкурентной борьбы до 2030 года на мировых рынках является разработка интегрированных систем сильного искусственного интеллекта на основе нейронных сетей.

ГРНТИ 06.54.31

EDN BXSJQJ

© Дятлов С.А., Джоу Вейди, 2023

Сергей Алексеевич Дятлов – доктор экономических наук, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Чжоу Вэйди – доктор экономических наук, профессор педагогического университета центрального Китая (г. Ухань).

Контактные данные для связи с авторами (Дятлов С.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 (812) 310-47-60. E-mail: oetdsa@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023.

Искусственный интеллект представляет собой набор программно-инструментальных средств и цифровых организационно-управленческих систем, которые обеспечивают цифровую трансформацию отношений населения, бизнеса, государства и общества. По определению ЮНКТАД, AI означает «способность машин подражать интеллектуальному поведению человека» [2]. Технический директор отделения IFS К. Миллер подчеркивал, что важнейшим преимуществом AI является его способность анализировать огромные объемы данных и на этой основе просчитывать возможные варианты развития, а затем давать рекомендации бизнесу (см.: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=225481>). Масштабное использование AI, основанное на нейронных сетях и квантовых вычислениях, способствует снижению издержек, повышению производительности, росту доходов и конкурентоспособности.

Материалы и методы

В развитых странах осуществляются опережающими темпами вложения в разработку передовых технологий искусственного интеллекта, а также формирование институционально-правовых основ для использования экосистем искусственного интеллекта во всех отраслях экономики. В Европейском Союзе улучшения конкурентных позиций на мировых рынках предполагается достичь на основе широкого использования искусственного интеллекта и нейронных сетей (см.: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf). В ЕС в 2020 году был опубликован документ «White Paper on Artificial Intelligence», в котором сформулированы принципы стратегии ЕС по AI (см.: <https://appleinsider.com/articles/20/02/19/eu-unveils-wide-ranging-digital-strategy-with-global-implications-for-apple-other-big-tech>). Значительные вложения в разработку крупных проектов AI и их внедрение во все сферы экономики и жизни общества осуществляют крупнейшие ИТ-компании ЕС.

В последнее время в РФ разработаны и планируются к разработке законы, которые станут институционально-правовой основой внедрения и использования систем AI в экономике, обществе и госуправлении. В России приоритеты развития AI определены в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утверждённой Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ». Распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р была принята «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». С 2021 года реализуется федеральный проект «Искусственный интеллект РФ», где были утверждены правила поддержки проектов в сфере AI. Постановлением Правительства РФ от 21 мая 2021 г. № 767 определено, что субсидии бизнесу на реализацию пилотных проектов по внедрению AI будут распределяться по итогам конкурсного отбора. В рамках федерального проекта на эти цели до 2024 года будет выделено 5,26 млрд рублей. Важную роль играет закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента для разработки и внедрения технологий AI в городе федерального значения Москве». Экспериментальный правовой режим устанавливается с 1 июля 2020 года на пять лет. Образован координационный Совет AI Москвы.

Результаты

В России началась реализация федерального проекта «Искусственный интеллект», где определены конкретные направления и механизмы разработки и внедрения технологий AI. Руководителем проекта назначена замминистра экономического развития РФ О. Тарасенко (см.: https://gov.cnews.ru/articles/2021-02-01_tehnologii_dolzhny_byt_tolko_tam). При Правительстве РФ на базе Аналитического центра создан новый экспертно-аналитический институт «Центр экспертизы по реализации федерального проекта «Искусственный интеллект», который призван обеспечить поддержку правительства РФ по вопросам развития, разработки и внедрения AI, «Кодекса этики» AI, формирование индекса готовности компаний к внедрению AI, а также выступит оператором процесса предоставления господдержки исследовательским центрам, займется организационно-техническим, экспертно-аналитическим сопровождением и мониторингом проектов в сфере AI (см.: https://gov.cnews.ru/articles/2020-10-05_elena_novikovapolymedia_v_rossii_pora).

ПАО «Сбербанк» развивает сеть региональных центров искусственного интеллекта совместно с ведущими российскими университетами. Первый центр по изучению AI был создан в Приморье. Второй центр изучения искусственного интеллекта и цифровых технологий создается в Новосибирске с января 2023 года. Руководитель Аналитического центра при Правительстве РФ К. Калинин, выступая на пленарной сессии XII Международного ИТ-Форума с участием представителей стран БРИКС и ШОС, отметил,

что, по имеющимся расчетам, спрос секторов экономики на искусственный интеллект в период с 2020 по 2024 гг. может вырасти более чем в 3 раза – с примерно 73 до 253 млрд рублей (см.: <https://ac.gov.ru/news/page/tehnologii-ii-avlautsa-samymi-skvoznymi-iz-sovremennyh-it-tehnologij-26951>). Министерство сельского хозяйства РФ выделило 400 млн рублей на разработку и внедрение системы мониторинга и наблюдения за сельскохозяйственными культурами в российских регионах на основе использования технологий AI (см.: https://www.cnews.ru/reviews/tsifrovizatsiya_gossektora_2022/articles/vyruchka_top-10_postavshchikov_it_v_gossektor).

РАН совместно с учеными из МГУ разрабатывает программу развития технологий нейроинтерфейсов для взаимодействия человеческого мозга и AI и их применения в различных сферах. Министерство науки и высшего образования РФ утвердило модуль «Системы искусственного интеллекта» и включило его в программы обучения в ведущих российских университетах с 2021 года (см.: <https://www.comnews.ru/content/215766>). Также министерство внесло «Альянс в сфере AI» в перечень организаций, проводящих профессионально-общественную аккредитацию образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ (см.: https://news.egov.itmo.ru/21_02_10-1.html). Предполагается разработать рейтинг российских университетов по качеству подготовки специалистов с компетенциями в области AI, важнейшим критерием которого является заработная плата выпускника при трудоустройстве.

На базе университета ИТМО создан и функционирует исследовательский центр «Сильный искусственный интеллект в промышленности». Работы Центра связана с сильным искусственным интеллектом – имитацией машиной креативной умственной деятельности специалистов. В Сбере создано специальное высокотехнологичное подразделение, занимающейся разработками по созданию и внедрению систем сильного AI. На международной конференции по искусственному интеллекту и анализу данных, состоявшейся в ноябре 2022 года, организованной Сбером, представители центров AI высказались за создание в России образовательных и исследовательских проектов национального масштаба, сопоставимых с мировыми, а также было предложено создать российскую национальную платформу AI (см.: <https://www.rbc.ru/neweconomy/news/637f2b899a794747a753ddc1>). Для более эффективной реализации проектов цифровой трансформации федеральные и региональные органы власти, а также ведущие госкорпорации начали работу по созданию ситуационных центров.

В России определен ряд новаций, которые должны найти отражение в обновлённой национальной стратегии развития AI. Начиная с 2023 года будет вестись мониторинг результатов применения AI по отраслям экономики и социальной сферы с помощью индекса «интеллектуальной зрелости отраслей и регионов», на основе которого предполагается оценивать практические результаты работы каждого региона, министерства, ведомства по внедрению AI. С 2023 года учреждена ежегодная премия молодым учёным и инженерам за научные и конструкторские прорывы в сфере AI, а также премия «за успехи в области внедрения искусственного интеллекта», предназначенная предприятиям, регионам и городам России. С 1 января 2023 года при покупке и внедрении отечественных решений в сфере AI бизнес может воспользоваться налоговыми льготами и направить дополнительные средства на технологическое обновление.

Важные функции по экспертно-аналитическому сопровождению внедрения AI в отраслях экономики и госсекторе, координации работы органов власти, научных организаций и бизнеса должен выполнять недавно созданный Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве РФ совместно с Высшей школой экономики. Руководитель Центра экспертизы по реализации проекта «Искусственный интеллект» С. Наквасин считает, что для понимания реального состояния внедрения AI необходимо разработать универсальную методику его оценки (см.: <https://ac.gov.ru/news/page/eksperty-izucaut-realnoe-sostoanie-vnedrenia-ii-v-otraslah-ekonomiki-26958>).

Экономический эффект от внедрения технологий AI компаниями в 2021 году превысил 300 млрд руб. Такие цифры привел вице-премьер Дмитрий Чернышенко, курирующий цифровую экономику в правительстве, на сессии по внедрению AI на международной конференции Сбера «AI Journey» (см.: <https://www.rbc.ru/neweconomy/news/637f50579a794758929262d0?from=newsfeed>). По данным специалистов «Рексофт Консалтинг», общий вклад в ВВП российских организаций, использующих технологии AI, составил более 30 трлн руб. По прогнозам, среднегодовой рост решений на базе AI может составить 19-20% до 2024 года, и использование AI может дать дополнительно до 3% прироста к 2025 году (см.: <https://www.comnews.ru/content/224273/2023-02-06/2023-w06/iskusstvennyy-intellekt-poluchit-podderzhku>).

В 2021 году в России были разработаны и утверждены правила поддержки инновационных проектов в сфере искусственного интеллекта (см.: <https://ac.gov.ru/news/page/utverzdeny-pravila-podderzki-proektov-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-26922>). Цифровые стартапы, включая проекты по AI, получают поддержку государства через Фонд содействия инновациям, РФРИТ, Фонд развития интернет-инициатив и др. С 2019 года на различные конкурсы с грантами от 2 млн до 50 млн руб. в Фонд содействия инновациям поступило более 5,6 тыс. заявок, более 1 тыс. из них получили поддержку почти на 10 млрд руб. За 2022 год подано более 1,5 тыс. заявок с проектами в области AI (см.: <https://www.kommersant.ru/doc/5707562>). До 2025 года в России на финансирование разработок в области AI из разных источников будет направлено 7,3 млрд рублей (см.: <https://d-russia.ru/chto-predlozhit-vladimir-putin-dlja-razvitija-v-strane-tehnologij-iskusstvennogo-intellekta.html>).

Компания «Лаборатория Касперского» совместно с «Мотив-НТ» представила платформу нейроморфного машинного обучения Kaspersky Neuromorphic Platform, которая предназначена для исследований в области нейроморфного AI, создания решений на основе нейросистем AI нового поколения, которые будут способствовать появлению принципиально новых типов устройств на основе AI (см.: <https://www.itweek.ru/ai/news-company/detail.php?ID=225257>). Российский институт стандартизации разработал и опубликовал в 2022 году ГОСТ Р ИСО/МЭК 24668-2022 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Структура управления процессами аналитики больших данных», в котором изложению международных стандартов и норм искусственного интеллекта посвящен специальный раздел.

Президент России В. Путин осенью 2022 года поручил подготовить проект специального указа о внесении изменений в национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года, которые направлены на широкое внедрение AI-технологий в отраслях экономики, социальной сфере и государственном управлении. Документ к 1 июня 2023 года должна подготовить Администрация президента совместно с Правительством РФ с привлечением ассоциации «Альянс в сфере искусственного интеллекта». Комиссиям Госсовета по направлениям «Государственное и муниципальное управление» и «Коммуникации, связь, цифровая экономика» поручено обеспечить внедрение реализованных проектов и наиболее успешных практик применения технологий AI в субъектах РФ, подготовить соответствующий отчет до 1 сентября 2023 года (см.: <https://tass.ru/ekonomika/16927805>).

Среди мировых динамично развивающихся центров исследований и разработок систем искусственного интеллекта выделяется азиатский регион. Лидером в области исследования и широкого внедрения систем AI является Китай. В июне 2017 года Госсовет КНР опубликовал «План развития искусственного интеллекта нового поколения в КНР» (Notice of the State Council Issuing the New Generation of Artificial Intelligence Development Plan), в котором были определены основные цели и этапы развития экосистем ИИ, квантовых вычислений и исследований мозга до 2030 г. В соответствии с этим планом AI, квантовые компьютеры и нейронные сети должны стать основой цифровой модернизации всех сфер экономики, государственного управления и безопасности (см.: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm и <https://flia.org/wp-content/uploads/2017/07/A-New-Generation-of-Artificial-Intelligence-Development-Plan-1.pdf>). Основные принципы и задачи по исследованию и развитию технологий AI в Китае опубликованы в документе «Белая книга по китайской индустрии искусственного интеллекта» (см.: <http://www.gov.cn/zhengce/baipishu/index.htm>).

Следует отметить, что китайское правительство совместно с ведущими китайскими ИТ-компаниями выделяет значительные инвестиции и является главным заказчиком исследований и подготовки специалистов в области AI. С 2019 года в ведущих университетах Китая осуществляется подготовка специалистов по специальности «Искусственный интеллект», в настоящее время специалистов в области искусственного интеллекта и нейронных сетей готовят более 100 китайских университетов. В Китае с одобрения Национальной комиссии развития и реформ КНР в 2017 году была создана общегосударственная «Лаборатория AI», которую возглавила китайская ИТ-корпорация Baidu в сотрудничестве с ведущими научными центрами и университетами страны. В Китае действует программа поддержки развития исследований и проектов искусственного интеллекта и их коммерческой реализации, а также привлечения лучших зарубежных специалистов в ведущие китайские научные центры и университеты.

Китай объединяет гигантский объем данных с талантами, компаниями, исследованиями и капиталом для создания ведущей в мире экосистемы искусственного интеллекта (см.: <https://medium.com/@bootstrappingme/china-the-first-artificial-intelligence-superpower-90a9a6dd4565>). По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), ведущие китайские университеты и исследовательские институты Академии наук КНР являются лидерами по научным публикациям, защищенным патентам и прикладным НИР в области AI. В 2018 году Китайским институтом электронной стандартизации был опубликован официальный документ стандартов AI, так называемая «Белая книга по стандартизации искусственного интеллекта» (см.: <https://pan.baidu.com/s/1hueUZM8>). В Китае в 2021 году начала функционировать «Система социального кредита», базирующаяся на использовании единой системы национального мониторинга, сетей 5G и AI, на основе которой анализируются, систематизируются и дифференцируются данные по 160 тыс. параметров.

В Китае осуществляется сбор гигантского объема разнообразных данных, они интегрированы в общенациональную систему мониторинга и анализа на основе искусственного интеллекта и нейронных сетей (см.: <https://medium.com/@bootstrappingme/china-the-first-artificial-intelligence-superpower-90a9a6dd4565>). До 2030 года китайское правительство запланировало выделить на развитие систем AI порядка 32 млрд долл. [3]. Рынок продуктов и услуг, разработанных с использованием технологий AI, в Китае является самым динамичным и быстро растущим в мире (см.: <https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2020/03/AI-in-China-2020-White-Paper-by-daxue-consulting-2.pdf>). Китай занимает лидирующие позиции в мире в области создания нейронных сетей и нейроморфных интерфейсов, которые имеют важнейшее значение для разработки и создания гибридных экосистем AI нового поколения.

Сегодня в ведущих странах мира реализуются долгосрочные программы исследования человеческого мозга и нейро-когнитивных технологий (см.: <https://medium.com/@bootstrappingme/china-the-first-artificial-intelligence-superpower-90a9a6dd4565>). С 2016 года в Китае реализуется государственная программа «China Brain Project», которая была утверждена Национальным собранием народных представителей КНР и рассчитана до 2030 года. Предполагается, что достижения китайской нейронауки в области исследования мозга должны стать основой для расширения перспектив создания и развития технологий AI нового поколения (сильного искусственного интеллекта на нейронных сетях).

В проведенном исследовании Australian Strategic Policy Institute «Mapping more of China's technology giants» отмечается, что 23 ведущие ИТ-компании Китая, среди которых Alibaba, Baidu, BGI, CET Group, China Mobile, China Telecom, China Unicom, DJI, Huawei, SenseTime, Tencent, AppTec Group, ZTE и др., ведут активную политику по выходу на мировые рынки и завоеванию новых рыночных ниш. В ближайшее время в 45 странах, включая страны Европы, Азии и Африки, будут развернуты китайские сети 5G. В 71 городе мира внедряются китайские системы безопасности «Умный город». Построено более 200 центров хранения и обработки больших данных и запущено 342 ИТ-проекта в различных странах мира. Китайская компания SenseTime является один из самых крупных и дорогих в мире стартапов в области искусственного интеллекта. Meiyu Pico – ведущая компания в области сбора данных и цифровой безопасности. Компания DJI – ведущий разработчик и производитель беспилотных технологий и устройств. ByteDance – интернет-компания, разработавшая и владеющая крупнейшим по рыночной стоимости интернет-приложением TikTok (см.: <https://www.aspi.org.au/report/mapping-more-chinas-tech-giants>).

На 4-ой сессии Всекитайского собрания народных представителей был одобрен план 14-ой пятилетки на 2021-2025 годы, а также были утверждены цели развития КНР до 2035 года. Важнейшими направлениями инновационного технологического развития Китая в этот период становятся развитие наночипов, искусственного интеллекта, квантовых компьютеров и биотехнологий. Расходы на фундаментальные исследования будут увеличиваться более чем на 7% каждый год в течение пяти лет. Китай намерен к 2035 году стать одним из самых инновационных государств мира (см.: https://www.rbc.ru/politics/11/03/2021/604a2c5e9a7947bc907a7920?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com). В 14-м пятилетнем плане развития КНР поставлена задача превратить Китай в ведущую технологическую супердержаву. Предусмотрено значительное увеличение финансирования передовых технологий. Так, ежегодное финансирование НИОКР увеличивается в 17,5 раза по сравнению с предыдущей пятилеткой (см.: https://www.vesti.ru/article/2536494?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr). Реализация всех поставленных задач по ин-

новационному опережающему развитию новейших технологий, прежде всего – искусственного интеллекта, нейронных сетей и квантовых вычислений, должна сделать Китай ведущей высокотехнологической державой мира.

Заключение

Будущий успех в усиливающейся гиперконкурентной высокотехнологичной борьбе на мировой арене связан с разработкой и внедрением экосистем «сильного искусственного интеллекта на основе соционейроморфных интерфейсов и интегрированных нейронных сетей (NN AGI)» [1]. Технологии искусственного интеллекта определяют будущее лидерство и гиперконкурентные преимущества передовых стран в ближайшее десятилетие. Успешное внедрение искусственного интеллекта предполагает разработку универсальных международных процедур и механизма стандартизации и сертификации разработки и использования технологий AI, а также развитие и гармонизацию международного и национальных законодательств в сфере защиты интеллектуальной собственности на новые объекты интеллектуальной собственности: гибридные нейро-сетевые эффекты, продукты и услуги. Для достижения Россией гиперконкурентных преимуществ важно изучить и использовать положительный опыт внедрения систем AI нового поколения в Китае, являющемся мировым ИТ-лидером.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Дятлов С.А. Искусственный интеллект как институт развития цифровой нейро-сетевой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 2. С. 25-29.
2. Information Economy Report: Digitalization, Trade and Development. N.Y. & Geneva: UN, UNCTAD, 2017. 112 p.
3. Stanford University Human-Centered Artificial Intelligence. Artificial Intelligence Index Report 2021. 222 p.

Айюбова Н.С.

ВЕКТОРНАЯ МОДЕЛЬ КОРРЕКЦИЙ ОШИБОК ДЛЯ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ МИРОВЫХ ЦЕН НЕФТИ НА ВВП АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье представлены результаты эконометрического анализа колебаний мировых цен на нефть, их влияния на национальную экономику Азербайджана и определения интегрируемости временных рядов. Исследование динамики функционирования временных рядов на основе исходных данных выявило их нестационарность, что не позволяет осуществить построение «качественной» прогнозной модели. Для реализации целей исследования и «улучшения качества» формируемой модели, служащей для расчетов прогнозных оценок, были проведены соответствующие эконометрические процедуры и исследована интегрируемость временных рядов. В работе проводится анализ взаимного влияния мировых цен на нефть (внешних и внутренних факторов) на ВВП страны. В частности, используется метод векторной модели коррекции ошибок – VECM. Тест основан на использовании коинтеграционных уравнений между переменными, где длина лагов и определение причинности по Грэнджеру решается в рамках модели.

Ключевые слова. ВВП, мировые цены на нефть, экономико-математическая модель, векторная модель коррекций ошибок.

Ayyubova N.S.

VECTOR MODEL OF ERROR CORRECTIONS FOR ASSESSING THE IMPACT OF SHOCKS IN GLOBAL OIL PRICES ON GDP OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Abstract. The article presents the results of an econometric analysis of fluctuations in world oil prices, their impact on the national economy of Azerbaijan and the determination of the integrability of time series. The study of the dynamics of the functioning of time series based on the initial data revealed their non-stationarity, which does not allow the construction of a "qualitative" predictive model. To achieve the goals of the study and "improve the quality" of the model being formed, which is used to calculate predictive estimates, the corresponding econometric procedures were carried out and the integrability of time series was investigated. The paper analyzes the mutual influence of world oil prices (external and internal factors) on the country's GDP. In particular, the method of vector error correction model - VECM is used. The test is based on the use of cointegration equations between variables, where the length of lags and Granger causality definitions are solved within this model.

Keywords. GDP, world oil prices, economic and mathematical model, error correction vector model.

Введение

При совершенствовании системы государственного макроэкономического регулирования важна эффективность применения элементов экономической политики. Имеет большое значение выявление и

ГРНТИ 06.91.00

EDN CQLXNW

© Айюбова Н.С., 2023

Натаван Солтан кызы Айюбова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры математической экономики Бакинского государственного университета.

Контактные данные для связи с автором: AZ1148, Баку, ул. Захида Халилова, 23 (Azerbaijan, Baku, Zahid Khalilov str., 23). E-mail: nayubova50@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022.

исследование взаимосвязей между показателями секторов экономики, между внутренними и внешними показателями, количественная оценка этих взаимосвязей, выявление закономерностей, разработка трендов, характеризующих динамику развития разных областей экономики и их применение в управлении.

Эконометрические модели на основе математико-статистических методов, их верификация и апробация позволяют выявить связи между количественными характеристиками экономических объектов для подготовки математических условий прогноза, определить значения всех параметров в модели и обеспечить адекватность ее соответствия реальному поведению исследуемого параметра, получить эффективные значения параметров моделей, проверить теоретические и экономические положения и выводы на основе эмпирической информации [1, 11, 22, 23].

В эконометрических исследованиях получило широкое распространение моделирование экономических показателей с изучением реакций индикаторов на различные шоки. То есть, прогнозирование носит не только количественный, но и качественный характер. Другими словами, исследователь может просто указать количественное изменение исследуемого показателя, также может указать от каких других показателей это изменение может зависеть и каким образом. Подготовка моделей для прогнозирования, это – статистический анализ данных, анализ зависимостей и взаимосвязей между факторами.

Анализ работ по теме исследования

Анализ чувствительности национальных экономик к изменениям мировых цен на нефть всегда был интересным и исследуемым вопросом. В работе [2] проведена оценка влияния возможных приоритетов денежно-кредитной политики на динамику макроэкономических показателей и цены на нефть. В статье [5] автор, анализируя взаимосвязи экономических показателей в российской экономике с изменчивостью мировых цен на нефть, дает оценку и предлагает систему одновременных эконометрических уравнений. Автор в работе [9] предлагает теоретическую модель анализа структурных колебаний в экономике, где основными исследуемыми переменными выбраны экспорт энергоносителей и рост экономики.

Изучая взаимосвязи между макроэкономическими параметрами и мировыми ценами на нефть, исследователи [6] выявляют факторы, имеющие долгосрочную положительную связь с ценами на нефть, применяя математические подходы. В работе [8] результаты исследований автора демонстрируют, что перманентное изменение нефтяных цен порождало «куполообразный» отклик в динамике уровня производства. Делается вывод о том, что влияние увеличения цен на нефть на темпы роста ВВП положительное в краткосрочном и отрицательное в среднесрочном периоде. В статье [7] изучено влияние роста цен импорта природного газа и сырой нефти на национальную экономику, разработаны сценарные прогнозы важных макроэкономических показателей Беларуси на 2008 год.

Основные результаты исследования

Для нахождения ранга коинтеграции векторной модели для ВВП Азербайджана и мировыми ценами на нефть следует провести предварительный анализ временных рядов по параметрам. Статистические данные для проведения эконометрических тестов были взяты автором с официального сайта Государственного Комитета Статистики Азербайджана [3], с сайта Центрального Банка Азербайджана [4], из открытых международных информационных интернет-источников [10, 12-16].

Тест Dickey–Fuller и аналогичные ему процедуры KPSS, Phillips–Perron, Breusch–Godfrey serial correlation LM–test, Ljung–Box и Augmented Dickey–Fuller применяются в авторегрессионном моделировании для определения стационарности в рядах. С помощью расширенного теста Дики–Фуллера, применяя метод разностей, по данным рядов можно удалить существующую автокорреляцию из временных рядов и проверить их на стационарность [17]. Для расширенного анализа остатков модели был использован параметр, как независимый фактор, представляющий остатки, и проведен регрессионный анализ. На следующем шаге, при помощи теста Дики–Фуллера на единичный корень, была осуществлена проверка стационарности для переменных.

Регрессионный анализ для множественной модели для ВВП (*GDP*) с четырьмя независимыми параметрами дал весьма положительные следующие результаты. R^2 составил 98%, $DW=1.88$, t -критерий для *Azeri Light* 124 (prob. 0.00566), для *Brent* 1689 (prob. 0.0038), для *West Texas Intermediate* –472 (prob. 0.000002) и для *Mresid* 2099 (prob. 0.00003). F -критерий составляет $6.38E+14$ с вероятностью prob.=0.000024, что больше критических значений на всех уровнях значимости: $F_{расч.}>2.25$ (0.1);

$F_{расч.} > 2.87$ (0.05); $F_{расч.} > 4.43$ (0.01). Параметр DW весьма удовлетворен и указывает на отсутствие автокорреляции. По входным параметрам $n_1=21$ и $n_2=4$ с 95%-вероятностью нижняя и верхняя границы критических значений для DW составляют $d_l = 0.927$ и $d_u = 1.812$.

Критерий составляет $DW=1.883$ и находится правее, приближается к отметке 2, что подтверждает отсутствие автокорреляции в регрессионной модели. Для исследуемой модели критерии Акаике и Шварца почти совпадают и имеют наименьшие значения, соответственно, -9.049 и -9.041 . Регрессионная модель принимает следующий вид:

$$GDP = 354.02Azeri\_light + 540.268Brent - 105.94West\_Texas\_Intermediate + Mresid - 6701.798. \quad (1)$$

Путем изменения параметров был проведен тест Дики–Фуллера и выбраны результаты с разностями 2-го порядка (см. табл. 1), без тренда, с константой, применяя критерий Шварца, с максимальным числом лагов 4 и получены результаты, принимающие альтернативную гипотезу о стационарности для временных рядов по всем факторам в модели, на всех уровнях значимости.

Таблица 1

Результаты расширенного теста Дики–Фуллера

Переменные	Кр. зн. 1%	Кр. зн. 5%	Кр. зн. 10%	t-критерий	Вероятность
<i>GDP</i>	-3.886751	-3.052169	-2.666593	-4.436996	0.0034
<i>Azeri_Light</i>	-4.004425	-3.098896	-2.690439	-4.032918	0.0095
<i>Brent</i>	-4.004425	-3.098896	-2.690439	-4.151370	0.0077
<i>West_Texas_Intermediate</i>	-3.857386	-3.040391	-2.660551	-8.843333	0.0000
<i>Mresid</i>	-4.004425	-3.098896	-2.690439	-5.460860	0.0008

Тест Харке–Бера проверяет ошибки наблюдений на нормальность, сверяя центральные моменты третьего и четвертого порядка с центральным моментом нормального распределения. Данный тест исследует нулевую гипотезу о нормальности распределения против альтернативной гипотезы, не принимающей нормальность распределения ошибок наблюдений. Для ВВП тест Харке–Бера получил следующее значение: $JBGDP=1.25$, при $prob.=0.535 > 0.05$, что подтверждает нормальность распределения. Результаты теста представлены в табл. 2. Принимается нулевая гипотеза о нормальности распределения. По значениям $Ksk. = -0.068$; $Kkur. = 1.812$ наблюдается очень слабое отклонение коэффициентов от значений для нормального распределения: $Ksk. = 0$; $Kkur. = 3$, что не мешает принятию решения о нормальности распределения для ошибок наблюдений временного ряда GDP.

Таблица 2

Результаты дескриптивных статистик переменных

	GDP	Azeri_Light	Brent	West_Texas_Intermediate	Mresid
Средняя	38154.56	52.46227	63.46000	75.53143	-0.000529
Медиана	42693.00	52.18517	61.51000	64.78000	756.0769
Максимум	75234.70	103.9699	111.6300	124.2300	16908.11
Минимум	5272.800	7.319492	24.45000	31.86000	-20587.48
Стандартное отклонение	23615.69	25.98500	28.84630	29.76424	9814.413
Асимметрия	-0.068729	0.163608	0.347257	0.451374	-0.146638
Экцесс	1.812306	2.611764	1.966200	1.782927	2.298478
Jarque-Bera	1.250823	0.225572	1.357204	2.009194	0.505876
Вероятность	0.535041	0.893342	0.507326	0.366192	0.776516
Наблюдения	21	21	21	21	21

На графиках, представленных на рис. 1, построены рекурсивные и стандартизированные оценки остатков, как результат CUSUM-теста. Анализ диаграммы подтверждает нулевую гипотезу о стабильности параметров модели, так как выполняются соответствующие условия. Иными словами, рекурсив-

ные оценки остатков не выходят за пределы доверительного интервала с 95% вероятностью. Итак, рекурсивные и стандартизированные оценки невязок по остаткам модели указывают на стабильность, устойчивость разработанной модели.

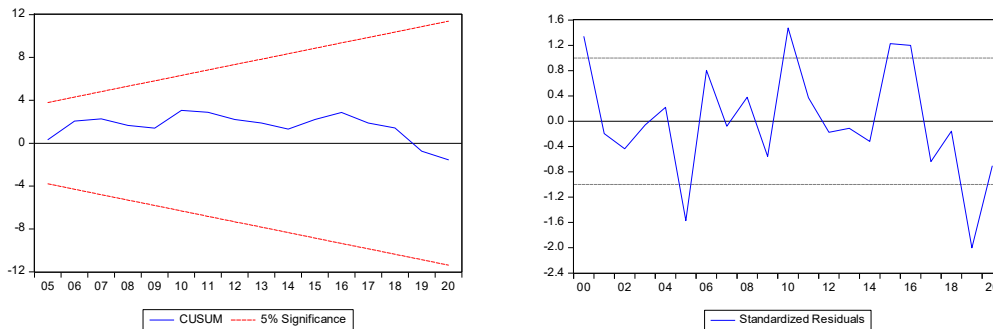

Рис. 1. Рекурсивные и стандартизированные оценки остатков

С помощью теста, определяющего корни характеристического полинома, для проверки состояния стабильности были рассчитаны обратные корни AR для GDP. Значения корней: $0.645249-0.141177i$; $0.645249+0.141177i$ не превышают единицу. С входными параметрами $k_1=4$, $k_2=21$ с вероятностями 0.1; 0.05; 0.01 были определены критические значения для F по тесту Рамсей, соответственно, 2.22; 2.82; 4.31 и сравнены с вычисленным значением для F. Так как выполняется условие $F_{расч.}=0.00227 < F_{кр.}$ на всех вероятностях, то гипотеза о приемлемости функциональной формы модели принимается верной.

По тесту White, где $prob. F(14,6)=0.4384 > 0.05$, при $n=21$ $Obs \times R^2$ – коэффициент детерминации равен 15.457 и она меньше значения $\chi^2_{0,34}(14) = 17.12$. Выполняется требуемое условие для H_0 . Соответствующее р-значение превышает уровень значимости 0,05 ($0,34 > 0,05$), т.е. нулевую гипотезу о гомоскедастичности случайного члена можно не отвергать. Значит гипотеза о гетероскедастичности отклоняется, и по тесту White мы делаем вывод об отсутствии гетероскедастичности в остатках.

Итак, можно представить исследуемые соотношения в форме VECM, которая выражает долговременную равновесную взаимосвязь между переменными [19, 20]. На этом этапе исследования во избежание формирования сингулярной матрицы данных с определителем ноль, переменная *Mresid* была удалена из независимых переменных.

Результаты теста Энгла–Грэйнджера и Йохансена на коинтегрированность временных рядов с интервалом лагов от 1 до 3, показали, что наилучшими по информационным критериям Акайке и Шварц были определены значения -9.451096^* и -9.56012^* . Были проведены Trace и Maximum Eigenvalue тесты со вторыми разностями переменных временных рядов, где проверялись нулевая и альтернативная гипотезы. По обоим тестам при проверке гипотез в случаях превышения рассчитанных значений статистик над критическими значениями принимались альтернативные гипотезы о наличии одного коинтеграционного уравнения на уровне значимости 0.05. Полученные результаты указывают на долгосрочную взаимосвязь и подлинность корреляции между временными рядами переменных.

При проведении теста Грэйнджера результаты показали, что между переменными имеют место как прямые, так и обратные связи. Это позволяет построить модели коррекции ошибок как для зависимой переменной, так и для всех остальных переменных [18, 21]. Составлены уравнения коррекций ошибок для разностей второго порядка для рядов *GDP*, *Azeri_light*, *Brent*, *West_Texas Intermediate* на основе квартальных исходных данных для возможности реализации теста VEC Estimates:

$$\begin{aligned} \Delta(\Delta GDP) = & 0.026(\Delta GDP(-1)) - 30279.16\Delta Azeri\_light(-1) + 33113.55\Delta Brent(-1) - \\ & - 277.54\Delta West\_Texas\_Intermediate(-1) + 30603.56 - 0.605\Delta(\Delta GDP(-1)) - 0.299375\Delta(\Delta GDP(2)) + \\ & + 368.32\Delta(\Delta Azeri\_light(-1)) + 22.8\Delta(\Delta Azeri\_light(-2)) - 350.48\Delta(\Delta Brent(-1)) + 33.07\Delta(\Delta Brent(-2)) + \\ & + 56.18\Delta(\Delta West\_Texas\_Intermediate(-1)) - 33.17\Delta(\Delta West\_Texas\_Intermediate(-2)) + 267.83; \quad (2) \\ \Delta(\Delta Azeri\_light) = & 0.00018(\Delta GDP(-1)) - 30279.16\Delta Azeri\_light(-1) + 33113.55\Delta Brent(-1) - \\ & - 2771.54\Delta West\_Texas\_Intermediate(-1) + 30603.56 - 0.00102\Delta(\Delta GDP(-1)) - 0.00068\Delta(\Delta GDP(2)) + \\ & + 3.26\Delta(\Delta Azeri\_light(-1)) - 3.362218\Delta(\Delta Azeri\_light(-2)) - 3.348383\Delta(\Delta Brent(-1)) + \end{aligned}$$

$$+3.321108\Delta(\Delta Brent(-2)) + 0.034\Delta(\Delta West\_Texas\_Intermediate(-1)) - 0.147913\Delta(\Delta West\_Texas\_Intermediate(-2)) + 0.77; \quad (3)$$

$$\begin{aligned} \Delta(\Delta Brent) = & 0.00017(\Delta GDP(-1)) - 30279.16\Delta Azeri\_light(-1) + 33113.55\Delta Brent(-1) - \\ & -2771.54\Delta West\_Texas\_Intermediate(-1) + 30603.56 - 0.001019\Delta(\Delta GDP(-1)) - 0.00072\Delta(\Delta GDP(-2)) + \\ & + 3.55\Delta(\Delta Azeri\_light(-1)) - 3.25\Delta(\Delta Azeri\_light(-2)) - 3.37\Delta(\Delta Brent(-1)) + 3.24\Delta(\Delta Brent(-2)) + \\ & + 0.054\Delta(\Delta West\_Texas\_Intermediate(-1)) + 0.76\Delta(\Delta West\_Texas\_Intermediate(-2)) + 0.76; \quad (4) \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \Delta(\Delta West\_Texas\_Intermediate) = & 0.00022(\Delta GDP(-1)) - 30279.16\Delta Azeri\_light(-1) + \\ & + 33113.55\Delta Brent(-1) - 2771.54\Delta West\_Texas\_Intermediate(-1) + 30603.56 - 0.0014\Delta(\Delta GDP(-1)) - \\ & - 0.00083\Delta(\Delta GDP(-2)) + 3.9\Delta(\Delta Azeri\_light(-1)) - 2.75\Delta(\Delta Azeri\_light(-2)) - 3.8\Delta(\Delta Brent(-1)) + \\ & + 2.78\Delta(\Delta Brent(-2)) + 0.15\Delta(\Delta West\_Texas\_Intermediate(-1)) - \\ & - 0.23\Delta(\Delta West\_Texas\_Intermediate(-2)) + 0.8. \quad (5) \end{aligned}$$

Представленная векторная модель коррекции ошибок позволяет анализировать и прогнозировать динамику экономики Азербайджана с учетом изменения мировых цен на нефть. По полученным результатам, VAR Residual Normality Tests (тест о нормальном распределении остатков) в распределении остатков, асимметрия по всем компонентам близка к нулю, значит наблюдаемая асимметрия остатков незначительная, минимальная. Эксцесс немного превышает значение 3, то есть островершинность распределения тоже незначительная. По обеим характеристикам распределение можно считать нормальным. По тесту Харке–Бера тоже распределение является нормальным. JB=36.09, при prob.= 0.53>0.05, что указывает на нормальность распределения по остаткам.

Как видно из графиков на рисунке 2, реакции импульсных функций переменных на структурные шоки охватывают первые 3 года десятилетнего периода, с дальнейшим постепенным переходом на стабильный период.

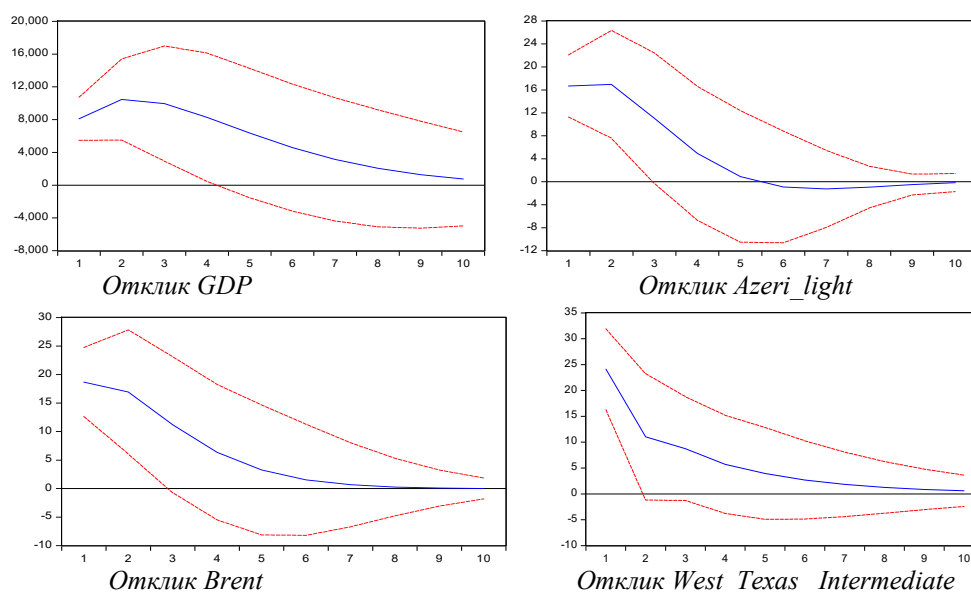

Рис. 2. Реакции импульсных функций отклика

Для определения влияния экзогенных переменных на эндогенную переменную был применен эконометрический метод декомпозиции дисперсий ошибок прогноза. По этому методу определяется вклад изменения рассматриваемой переменной в ее дисперсию ошибок прогноза и дисперсию других переменных. Тест проведен для ближайших 10 лет.

Результаты показывают, что в годовом прогнозе GDP наибольшие ошибки приходятся на шоки GDP, Azeri_light, Brent и West_Texas_Intermediate, соответственно, в размерах 86% за второй год, 20,3% за десятый год, 9,8% за девятый год и 11,08% за десятый год; для Azeri_light эти значения составляют в соответствующем порядке 22,3% за первый год, 79,9% за второй год, 15,13% за девятый год, 8,99% за десятый год; для Brent, соответственно, 22,1% за первый год, 79,7% за второй год, 15,4% за девятый

год и 8,86% за десятый год; для *West_Texas_Intermediate*, соответственно, 25,7% за первый год, 74,6% за второй год, 19,27% за восьмой год и 7,15% за десятый год. Итоги анализа показывают, что наибольшую неопределенность в прогноз для *GDP*, *Azeri_light*, *Brent* и *West_Texas_Intermediate* дают собственные изменения в течение первого триместра рассматриваемого периода.

Выводы

По результатам проведенного исследования, посвящённого строению векторной модели коррекции ошибок, с помощью которой можно дать количественную оценку влияния мировых цен нефти на ВВП Азербайджана на краткосрочной и долгосрочной перспективе, можно сделать следующие выводы:

1. При анализе временных рядов по исходным данным была выявлено их нестационарность, для достижения «положительных» результатов по порядку интегрируемости и стационарности временных рядов были проверены разности первого и второго порядка данных по обобщенному тесту Дики–Фуллера. Значимые результаты были получены по разностям второго порядка. Построенная модель достаточно адекватна, демонстрирует стационарность для временных рядов как для эндогенной, так и для экзогенных переменных и может быть применена для определения прогнозных значений ВВП как в краткосрочном периоде, так и в долгосрочном периоде;

2. Разработанные в ходе исследования векторные модели коррекции ошибок (2), (3), (4) и (5) можно считать статистически значимыми. Это обосновывают положительные результаты тестов и графического анализа;

3. Построенная векторная модель коррекции ошибок дает возможность количественно оценить характеристики исследуемых показателей, связей между ними по краткосрочным и долгосрочным периодам, оценить перспективную динамику показателей;

4. Долгосрочную равновесную взаимосвязь между переменными можно считать стабильной, так как после нарушения в краткосрочных периодах от шоковых реакций стабильность восстанавливается. Построенные модели позволяют измерить как отклонения от равновесного состояния, так и скорость восстановления равновесия. Анализ результатов показал, что реакции импульсных функций переменных на структурные шоки охватывают первые 3 года десятилетнего периода, с дальнейшим постепенным переходом на стабильный период;

5. Был применен метод декомпозиции дисперсий ошибок прогноза для определения влияния экзогенных переменных на эндогенную переменную. Анализ результатов показал, что наибольшую неопределенность в прогноз для *GDP*, *Azeri_light*, *Brent* и *West_Texas_Intermediate* дают собственные изменения в течение первого триместра рассматриваемого периода;

6. Полученные результаты могут быть полезными для выявления реальных тенденций ВВП Азербайджана и определения его взаимозависимостей с другими макроэкономическими переменными, для определения его взаимозависимостей с вариацией цен на энергоносители на основе анализа динамики рассматриваемых показателей, для разработки рекомендаций и образования направлений перспективного экономического развития страны.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Айюбова Н.С. Об измерении коинтеграционных соотношений между показателями временных рядов текущего счета платежного баланса и ВВП (на примере Азербайджанской Республики) // Вопросы статистики. 2022. № 29 (5). С. 35-45.
2. Варшавский Л.Е. Моделирование динамики цены на нефть при разных режимах развития рынка нефти // Прикладная эконометрика. 2009. № 1 (13).
3. Макроэкономические показатели. Официальный сайт Государственного Комитета Статистики Азербайджанской Республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cbar.az/page-41/macroeconomic-indicators> (дата обращения 30.03.2022).
4. Макроэкономическая статистика. Официальный сайт Центрального Банка Азербайджана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cbar.az/page-41/macroeconomic-indicators> (дата обращения 30.03.2022).
5. Мельников Р.М. Влияние динамики цен на нефть на макроэкономические показатели российской экономики // Прикладная эконометрика. 2010. № 1 (17). С. 20-29.
6. Михайлов А.Ю., Бураков Д.В., Диденко В.Ю. Взаимосвязь цен на нефть и макроэкономических показателей в России // Финансы: теория и практика. 2019. № 23 (2). С. 105-116.

7. *Кравцов М.К., Пашкевич А.В., Бурдыко Н.М., Гаспадарец О.И.* Система эконометрических моделей для анализа и краткосрочного прогнозирования основных макроэкономических показателей Республики Беларусь // Экономика и управление. 2007. № 3. С. 69-80.
8. *Полбин А.В.* Оценка влияния шоков нефтяных цен на российскую экономику в векторной модели коррекции ошибок // Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 27-49.
9. *Фетисов Г.Г.* Задача снижения зависимости российской экономики от сырьевого экспорта и альтернативы экономической политики // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3. С. 17-36.
10. Average annual Brent crude oil price from 1976 to 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/262860/uk-brent-crude-oil-price-changes-since-1976> (дата обращения 30.03.2022).
11. *Ayyubova N.S.* Econometric analysis and modeling of the dynamics of the balance of payments' development in Azerbaijan // Statistics and Economics. 2022. Vol. 19 (2). P. 14-22.
12. Azerbaijan Crude Oil Production. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tradingeconomics-com.translate.google.com/azerbaijan/crude-oilproduction?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения 02.09.2022).
13. Breakeven Fiscal Oil Price for Azerbaijan. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fred.stlouisfed.org/series/AZEPZPIOILBEGUSD> (дата обращения 02.09.2022).
14. Crude Oil Prices: Brent – Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fred.stlouisfed.org/series/DCOILBRETEU> (дата обращения 12.08.2022).
15. Crude Oil Prices: West Texas Intermediate (WTI) – Cushing, Oklahoma. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fred.stlouisfed.org/series/DCOILWTICO#0> (дата обращения 12.08.2022).
16. Crude Oil Prices – 70 Year Historical Chart. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.macrotrends.net/1369/crude-oil-price-history-chart> (дата обращения 12.08.2022).
17. *Dickey D.A., Fuller W.A.* Distribution of Estimators for Autoregressive Time Series with a Unit Root // Journal of the American Statistical Association. 1979. Vol. 74. P. 427-431.
18. *Granger C.W.J.* Time Series Analysis, Cointegration, and Applications // American Economic Review. 2004. Vol. 94 (3). P. 421-425.
19. *Johansen S.* Statistical Analysis of Cointegration Vector // Journal of Economic Dynamics and Control. 1988. № 12. P. 231-254.
20. *Johansen S., Juselius K.* Maximum Likelihood Estimation and Inference on Cointegration with Applications to the Demand for Money // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 1990. № 52. P. 169-210.
21. *Kontorovich G.G.* Time series analysis // Economic Journal of the Higher School of Economics. 2003. V. 7, № 1. P. 79-103.
22. *Orudzhev E.G., Ayyubova N.S.* Empirical analysis of balance of payments dynamics // Caspian Journal of Applied Mathematics, Ecology and Economics. 2020. V. 8, № 1. P. 3-9.
23. *Orudzhev E.G., Ayyubova N.S.* Empirical analysis of the factors affecting the balance of payments in Azerbaijan // Actual problems of economics. 2016. V. 181, № 7. P. 400-410.

Вылкова Е.С., Тарасевич А.Л.

**РЕФОРМИРОВАНИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ ПО БАНКОВСКИМ
ВКЛАДАМ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. Проведен анализ и систематизация законодательного регулирования налогообложения доходов по вкладам граждан в различных странах. Изучены публикации отечественных и зарубежных авторов по различным аспектам индивидуального подоходного налогообложения вкладов и их влиянию на рост налоговых доходов и сбережений населения. Для обеспечения увеличения налоговых поступлений в бюджетную систему и повышения справедливости в налогообложении доходов физических лиц по банковским вкладам в РФ предложены новации по изменению подхода к формированию налоговой базы по ним и по введению по данным доходам прогрессивной шкалы ставок налога на доходы физических лиц. Вносимые предложения по внесению изменений в систему налогообложения доходов по банковским вкладам граждан вписываются в общую концепцию реформирования налоговой системы РФ в долгосрочной перспективе и призваны создать основы для дальнейшего экономического развития.

Ключевые слова. Налог, налогообложение, налог на доходы физических лиц, прогрессивная ставка налога, налоговая база, банковский вклад, цифровизация.

Vylkova E.S., Tarasevich A.L.

**REFORMING THE TAXATION OF INCOME ON BANK DEPOSITS
OF INDIVIDUALS IN MODERN RUSSIA**

Abstract. The analysis and systematization of legislative regulation of taxation of income on deposits of citizens in different countries is carried out. The publications of domestic and foreign authors on various aspects of individual income taxation of deposits and their impact on the growth of tax revenues and savings of the population have been studied. To ensure an increase in tax revenues to the budget system and increase fairness in taxation of personal income on bank deposits in the Russian Federation, innovations have been proposed to change the approach to the formation of the tax base for them and to introduce a progressive scale of personal income tax rates on these revenues. The systems of the Russian Federation in the long term and are designed to create the basis for further economic development.

Keywords. Tax, taxation, personal income tax, progressive tax rate, tax base, bank deposit, digitalization.

ГРНТИ 06.73.15

EDN FACPWK

© Вылкова Е.С., Тарасевич А.Л., 2023

Елена Сергеевна Вылкова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ.

Алексей Леонидович Тарасевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Вылкова Е.С.): 199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект Васильевского острова, 57/43 (Russia, St. Petersburg, Vasilievsky island, Sredny av., 57/43). Тел.: 8 (812) 335-94-94. E-mail: vylkova-es@ranepa.ru.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023.

Введение

Сходство эпохи Петра I, 350-летие которого отмечалось в прошлом году, и современной российской действительности состоит в необходимости защиты Отечества от серьезнейших внешних угроз: соответственно нашествий шведов и враждебной настроенности значительной части мирового сообщества в условиях продолжающейся пандемии коронавируса. Для эффективного осуществления современных экономических преобразований в налоговой сфере России необходимо четко усвоить уроки прошлых налоговых реформ, среди которых одной из крайне значимых является введение Петром I подушной подати.

Петр I был великим реформатором. Он осуществлял масштабные, крайне значимые для России на соответствующем этапе ее исторического развития преобразования в различных сферах государственной и общественной жизни. Глобальные изменения в военной, промышленной, торговой политике требовали изыскания существенных дополнительных источников пополнения государственной казны. Для решения этой задачи были необходимы не незначительные, точечные изменения в сфере налогообложения, а полномасштабная налоговая реформа, которую задумал и осуществил Петр I. Преобразования были внесены как в сферу государственного управления финансами, так и комплексно была реформирована система налогообложения. Были увеличены и изменены различные прямые и косвенные налоги. При этом основным источником доходов бюджета стала введенная Петром I подушная подать, которая, создала предпосылки для введения в последующем подоходного налогообложения физических лиц.

В настоящее время все страны борются с последствиями коронакризиса, а Россия еще и испытывает огромную враждебность и невероятное давление со стороны США и Запада в виде различных санкций. Для успешного преодоления названных внешних угроз необходимо, как и во времена Петра I, изыскание соответствующих дополнительных источников для формирования доходов бюджетной системы государства, основными из которых являются налоговые платежи и сборы. Сегодня все юрисдикции проводят налоговые преобразования. Однако в России (как и в большинстве государств) пока что ни на уровне власти и управления, ни в академических научных кругах нет осознания, что необходимы не фрагментарные новации в налоговой сфере, а комплексные реформы, как и в Петровскую эпоху, когда был совершен серьезнейший рывок от дремучести к цивилизованности во всех сферах общественной жизни, включая налоговую. Сегодня востребовано прогрессивное мышление в сфере государственного управления, в том числе и в налогообложении; в вопросе налоговых реформ недопустимо топтаться на месте, а необходимо решительно осуществлять комплексные преобразования.

В работе содержится оценка того, насколько экономические преобразования в РФ в условиях санкций, враждебности и коронакризиса, осуществляемые в налоговой сфере в части налогообложения доходов физических лиц по вкладам в банках, соответствуют успешным практикам налоговых реформ, начиная с Петровской эпохи; находятся в тренде лучшего мирового опыта в этом вопросе; являются своевременными и революционными для России и адекватными потребностям в росте налоговых доходов бюджета в современных реалиях. Целью работы является внесение предложений по реформированию налогообложения доходов по вкладам населения в банках на основе изучения зарубежного опыта.

Анализ налогообложения доходов по вкладам в различных странах

Важно отметить, что Петр I при введении подушной подати смело применил в этом вопросе опыт, накопленный другими государствами, чего не делали его предшественники. В настоящее время в России есть лидер, способный оперативно осуществлять налоговые преобразования. И сегодня так же, как в Петровскую эпоху, необходимо глубоко изучать и системно анализировать передовые практики и тенденции налогообложения, имеющиеся в зарубежных странах. Поэтому необходима систематизация особенностей налогообложения доходов по вкладам физических лиц в различных странах для обоснования вариантов дальнейшего реформирования в РФ налогов, взимаемых с доходов по банковским вкладам.

Для обоснования более четких предложений по вариантам реформирования налогообложения банковских вкладов граждан в РФ проанализируем как это происходит в различных странах. В объемном «Руководстве по личному налогообложению и иммиграции по всему миру 2021-2022» (Worldwide

personal tax and immigration guide), подготовленном аудиторской компанией «Центр аудиторских технологий и решений – аудиторские услуги» (ранее – Ernst & Young (EY)) 4 февраля 2023 г. по данным из 164 стран, в информации по 84 странам содержатся сведения о специфике налогообложения доходов по банковским вкладам. Системный подход к формированию материала по странам, присущий работникам, составляющим сборники названной уважаемой компании, позволяет с большой долей уверенности утверждать, что в странах, по которым не приведена информация о специфике налогообложения доходов по банковским вкладам, таковой нет.

Имеющаяся информация позволяет разделить 84 страны на три группы:

1. Страны, где доходы по вкладам физических лиц облагаются в полном объеме.
2. Страны, где по ряду доходов по вкладам физических лиц предоставляется вычет, льгота, пониженные ставки и т.п.
3. Страны, где доходы по вкладам физических лиц полностью исключаются из налоговой базы.

В таблице представлена осуществленная авторами группировка стран в зависимости от подхода к налогообложению банковских вкладов физических лиц. Из таблицы следует, что 25 стран облагают проценты по вкладам в общеустановленном порядке. Среди этих стран есть и развитые, и развивающиеся страны. Только в 8 странах доходы по вкладам физических лиц полностью исключаются из налоговой базы. Законодательство подавляющего большинства стран – 51 из 84 государств – по ряду доходов по вкладам предусматривает различные преференции.

Таблица

Подходы к налогообложению вкладов в банках в различных странах

Страны, где доходы по вкладам физических лиц облагаются в полном объеме	Страны, где по ряду доходов по вкладам физических лиц предоставляется вычет, льгота, пособие, пониженные ставки и т.п. преференции	Страны, где доходы по вкладам физических лиц полностью исключаются из налоговой базы
Албания; Азербайджан; Кабо-Верде; Чили; Колумбия, Финляндия, Франция; Индонезия; Ирландия; Япония; Иордания; Мавритания; Новая Каледония; Северная Македония; Пакистан; Палестинская автономия; Польша; Португалия; Пуэрто-Рико; Румыния; Сент-Мартен; Словацкая Республика; Турция; Украина	Алжир; Аргентина; Аруба; Австрия; Беларусь; Бельгия; Бразилия; Болгария; Камбоджа; Камерун; Канада; Чад; Китай; Хорватия; Сальвадор; Нормандские острова Гернси; Гайяна; Индия; Джерси; Казахстан; Кения; Южная Корея; Лесото; Ливия; Латвия; Люксембург; Малайзия; Мексика; Молдавия, Намибия, Нидерланды; Панама; Парагвай; Перу; Филиппины; Россия; Руанда; Сербия; Словения; Тайвань; Тринидад и Тобаго; Тунис; Великобритания; США; Венесуэла; Зимбабве	Грузия; Гибралтар; Лаос; Оман; Саудовская Аравия; Узбекистан; Вьетнам; Замбия

Во многих государствах освобождаются от налога проценты по сберегательным, текущим, счетам на жилищное строительство, образование, медицину и подобным счетам. Одни страны устанавливают льготы для резидентов, а другие для нерезидентов. Государствами устанавливаются освобождения для процентов, полученных как исключительно в отечественных, так и иностранных банках; как по валютным счетам, так и по счетам в национальной валюте; как по долгосрочным, так и по краткосрочным вкладам. Встречается ситуация, что не облагаются проценты по вкладам старшего поколения, пенсионеров, безработных, уволенных работников. Устанавливается как размер необлагаемого дохода (от порядка 2 500 руб. в Лесото до 700 000 руб. в Чаде), так и размер суммы вклада, с которой не уплачивается налог (от порядка 360 000 руб. в Канаде до 23,5 млн руб. в Сальвадоре).

Налогообложение доходов по банковским вкладам в РФ и варианты его реформирования.

В России с 2023 года (в 2021 и 2022 году новация по налогообложению доходов по вкладам физлиц была приостановлена) у физического лица как резидента, так и нерезидента не будет облагаться по всем

банковским вкладам в российских банках (доход, полученный в виде банковских процентов в иностранных банках, по-прежнему рассматривается в качестве регулярного дохода и для него не применяется необлагаемый порог) сумма в размере 1 млн руб., умноженная на ключевую ставку Банка России на первый день налогового периода (на 01.01.2023 г. она составляла 7,5%). Суммы сверх этого будут облагаться по базовой налоговой ставке 13%. Не будут облагаться доходы, полученные по вкладам с процентной ставкой не более 1% годовых и эскроу-счетам.

Согласно заявлениям представителей законодательных органов власти РФ, среди российских новаций, призванных решить проблемы, связанные с изысканием существенных дополнительных источников для доходов бюджетов бюджетной системы страны значимой является сегодня введение новых правил налогообложения доходов по вкладам физических лиц. Согласно базе Scopus, первая публикация по индивидуальному подоходному налогообложению вкладов появилась в 1963 г. [13]. Наиболее цитируемой является статья Йоханнесена Н. и Цукмана Г. [18], где математически доказано, что при усилении налогообложения вкладов физические лица переводят банковские депозиты в налоговые убежища. Это необходимо учитывать при разработке налоговых новаций в части налогообложения доходов граждан по банковским вкладам в РФ.

Зарубежные и отечественные авторы исследуют влияние налогообложения доходов по вкладам на рост налоговых доходов той или иной юрисдикции [5, 14]. Авторы полагают, что в подобных исследованиях следует фокусировать внимание не только на аккумулировании в бюджетной системе дополнительных денежных средств, но и на целесообразности усиления налогового бремени именно в результате налогообложения доходов по вкладам граждан. Есть отечественные и зарубежные публикации о влиянии подоходного налогообложения вкладов на личные сбережения граждан на примере Сербии [19] и России [12], заключающие что это влияние незначительное.

Работа М. Хардинга по систематизации налогообложения дивидендов, вкладов и процентов от капитала в странах ОЭСР [16] и статья Н.В. Покровской [12] доказывают востребованность исследования того, как на соответствующем историческом этапе происходит регулирование налогообложения доходов по банковским вкладам в той или иной стране. В публикациях отечественных исследователей вопросы налогообложения вкладов граждан в России освещались как по правилам, действовавшим до 2021 года [2], так и исходя из их нормативного регулирования с 2021 г. [1]. Однако нет публикаций, предлагающих новации по налогообложению вкладов физических лиц в РФ.

Расчеты, осуществленные Е.С. Вылковой и М.Н. Конягиной [3], доказывают, что возможные к получению в 2022 году дополнительные средства в случае налогообложения вкладов физлиц являются крайне незначительными в налоговых доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов. Соответственно они не могут быть идентифицированы как значимый источник пополнения государственной казны для решения Россией сложных задач современного исторического этапа.

Обобщение опыта налогообложения доходов по вкладам населения в различных зарубежных странах подтверждает необходимость обеспечения на законодательном уровне и на практике не только принципа справедливости в налогообложении названных доходов, но и справедливого подхода к их налогообложению. К сожалению, как Петр I, так и современное российское руководство нацеливаются на изыскание дополнительных налоговых поступлений за счет средств наименее защищенных слоев населения: соответственно крестьянства и среднего класса, а не дворян и олигархической верхушки. Исследования показателей справедливости налогового законодательства позволяют предлагать грамотные обоснования дальнейших преобразований по налогообложению доходов по вкладам физических лиц с учетом нацеленности на действительно богатые слои населения, инфляционных процессов, временной стоимости денег и динамики изменения ключевой ставки ЦБ РФ.

Авторы считают, что для обеспечения справедливости в налогообложении доходов физических лиц по банковским вкладам в РФ необходимо внести изменения как в подход к формированию налоговой базы, так и в применяемые ставки НДФЛ. При этом уменьшение налоговой базы при прогрессивной шкале должно обеспечивать сбор налогов в сумме не менее той, которую возможно собрать по правилам, установленным НК РФ в настоящее время. По мнению авторов, по доходам по банковским вкладам

должна облагаться только прибавочная стоимость, общеизвестная всем еще со времен К. Маркса. Формулу рекомендуемого авторами расчета налоговой базы по доходам по вкладам для конкретного налогоплательщика можно представить в следующем виде:

$$D_p = D_n - P - \Pi - D_o,$$

где D_p – реальный доход налогоплательщика по вкладам; D_n – номинальный доход от депозитов; P – расходы на управление вкладами (инвестициями); Π – компенсация потерь доходов по банковскому вкладу в результате инфляционных процессов; D_o – доходы по счетам, не подлежащим налогообложению.

Для расчета необходимы данные, прежде всего, по структуре вкладов в зависимости от их размера, что в настоящее время возможно получить на сайте ЦБ РФ. По налоговой базе, рассчитанной по приведенной формуле, следует ввести прогрессивное налогообложение. Необходимо отметить, что прогрессивный налог на капитал введен в Великобритании в 1909 году, в США – в 1913 г., во Франции – в 1904 г., в Индии – в 1922 г., в Аргентине – в 1932 г.

Т. Пикетти в своем фундаментальном труде «Капитал в XXI веке» [11] исходит из того, что практически все время в истории развития цивилизаций наблюдается превышение уровня доходности капитала (r) над уровнем увеличения дохода и производства (g), что приводит к росту неравенства в обществе, порождает множество конфликтов вплоть до физического насилия. Преодолено это может быть, в том числе, путем введения всемирного прогрессивного налога на капитал. При этом при введении прогрессивной шкалы НДФЛ следует помнить не только про триумфы на этом пути, но и про опасные рифы [8], учитывая возможность достаточно легкой миграции капитала.

Для аргументированности предлагаемого авторами размера налоговой ставки и ее прогрессивной шкалы следует указать, что в проанализированных 84 странах ее уровень колеблется от 0% до 55%. При этом в большинстве государств применяется одна или несколько фиксированных налоговых ставок в зависимости от тех или иных факторов, их определяющих. Однако есть страны, где используется прогрессивная шкала, устанавливаемая в зависимости от уровня суммы вклада или его доходности. К таким странам относятся: Франция, Япония, Аргентина, Бельгия, Великобритания, США, Китай и другие юрисдикции.

Для целей избежания миграции капитала, шкалу налогообложения вкладов физических лиц в РФ целесообразно установить на уровне от 13% до 35%, что обеспечит большую справедливость налогообложения и позволит собирать достаточный объем налоговых доходов бюджета, способный решать широкий спектр задач социально-экономического развития субъектов РФ, в бюджеты которых поступает НДФЛ. Следует отметить, что ставка 35% есть в статье 224 Налогового кодекса РФ уже сегодня, применялась по определенным доходам по вкладам до 2021 года и не должна быть крайне негативно воспринята обществом.

Заключение

Вопросы доходов по вкладам частных клиентов банков в современных условиях являются значимыми для банковской системы любой страны, так как имеется избыток ликвидности на финансовом рынке и большая диверсификация процентных ставок. Однако установленное в современной России регулирование налогообложения доходов по банковским вкладам не решает задач по должному наполнению государственной казны, при этом вызывая раздражение большей части населения в силу своей несправедливости по отношению к беднейшим и средним его слоям.

Предлагаемые в статье новации по формированию налоговой базы и введению прогрессивной шкалы по НДФЛ по доходам граждан с банковских вкладов призваны как повысить уровень справедливости порядка налогообложения доходов физических лиц, так и увеличить поступления в бюджетную систему нашей страны. Полагаем, что высокий уровень цифровизации налогового процесса в РФ создает технические возможности легко осуществлять налогообложение доходов физических лиц по вкладам на основе прогрессивной шкалы, не требуя существенных вложений как со стороны бизнеса, так и со стороны налоговых органов, осуществляющих налоговое администрирование.

Вносимые предложения по новациям налогообложения доходов по банковским вкладам граждан созвучны общей концепции реформирования налоговой системы РФ в долгосрочной перспективе, элементы которой разработаны научным сообществом [5, 6, 7, 9, 10, 15, 17], и призваны создать основы для дальнейшего экономического развития.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Баркинхоев М.М. НДФЛ с процентных доходов по вкладам // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 1191-1195.
2. Бобровская О.Н. Особенности уплаты НДФЛ с доходов физических лиц от размещения денежных средств во вкладах банков // Проблемы современной науки. 2015. № 20. С. 171-177.
3. Вылкова Е.С., Конягина М.Н. Оценка потенциала реализации государственной политики России в области налогообложения доходов по вкладам граждан. Часть 2 // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 38 (6). С. 132-143.
4. Вылкова Е.С., Киселева Е.А. Нивелирование дисбаланса интересов участников управления налогообложением при его осуществлении на уровне коммерческой организации. СПб.: КультИнформПресс, 2016. 181 с.
5. Гонин В.Н., Мониц И.П. Исследование влияния доходов бюджета Российской Федерации от изменения Налогового Кодекса в части налогообложения доходов граждан // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. № 5. С. 75-82.
6. Евстигнеев Е.Н., Викторова Н.Г. Будущее российской налоговой системы // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 2 (86). С. 5-15.
7. Многогранность современной пандемической реальности / под ред. Е.С. Вылковой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2021. 300 с.
8. Муравлева Т.В., Орловская Д.Д. Опасные рифы и триумфы введения прогрессивной шкалы по НДФЛ в России // Экономическая безопасность и качество. 2019. № 3 С. 50-54.
9. Налоговые реформы. Теория и практика / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 462 с.
10. Нарративы индивидуального подоходного налогообложения в XXI веке / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 295 с.
11. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2016. 592 с.
12. Покровская Н.В. Модели налогообложения доходов по банковским вкладам и их связь с объемами сбережений населения // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 3. С. 57-64.
13. Adler N. Taxpayer Compliance in Reporting Interest Income under the Wisconsin State Individual Income Tax // Journal of the American Statistical Association. 1963. Vol. 58. Issue 302. P. 487-496.
14. Basheer M.F., Ahmad A.A., Hassan S.G. Impact of economic and financial factors on tax revenue: Evidence from the middle east countries // Accounting. 2019. Vol. 5. Issue 2. P. 53-60.
15. Dyrina E.N., Bannova K.A. Improvement in implementation of fiscal policy of Russia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 166. P. 58.
16. Harding M. Taxation of dividend, interest and capital gain income. Working Paper № 19. Paris: OECD, 2013. 57 p.
17. Ivanov V.V., Lvova N.A., Pokrovskaja N.V., Naumenkova S.V. Determinants of tax incentives for investment activity of enterprises // Journal of Tax Reform. 2018. Vol. 4. № 2. P. 125-141.
18. Johannesen N., Zucman G. The end of bank secrecy? An evaluation of the G20 tax haven crackdown // American Economic Journal: Economic Policy. 2014. Vol. 6. Issue 1B. P. 65-91.
19. Randjelovic S. Estimating the impact of income tax on personal savings in Serbia: The two channels approach // Acta Oeconomica. 2016. Vol. 66. Issue 2. P. 261-281.

СИНДИЦИРОВАННОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Финансирование реализации крупных проектов сопряжено со значительными рисками и требует значительных объемов «длинных» денег. В этой связи традиционные схемы финансирования таких проектов ограниченно применяются на практике. Более предпочтительной формой финансирования в рассматриваемом случае является синдицированное кредитование. В статье рассмотрена его экономическая сущность и правовое регулирование в России. Выделен новый, ранее не упоминавшийся в литературе мотив организации кредитных синдикатов – «контрактная транзитивность» деловой репутации. Указано на необходимость совершенствования регулирования сделок синдицированного кредитования, а также рассмотрены особенности их организации и перспективы развития в России в условиях действия внешних экономических санкций.

Ключевые слова. Инвестиционный проект, синдицированный кредит, финансовое обеспечение проекта, российская экономика, экономические санкции.

Tsekhomsky N.V.

SYNDICATED FINANCING OF INVESTMENT PROJECTS: ESSENCE AND FEATURES

Abstract. Financing the implementation of large projects involves significant risks and requires significant amounts of "long" money. In this regard, traditional schemes for financing such projects are limited in practice. The preferred form of financing in this case is syndicated lending. The article considers its economic essence and legal regulation in Russia. A new, previously not mentioned in the literature, motive for organizing credit syndicates is singled out – the "contract transitivity" of business reputation. The need to improve the regulation of syndicated lending transactions is indicated, as well as the features of their organization and development prospects in Russia under the influence of external economic sanctions.

Keywords. Investment project, syndicated loan, financial support of the project, Russian economy, economic sanctions.

Введение

Устойчивое развитие экономики и социальной сферы любой страны требует перманентных инвестиционных вложений [1], что определяется необходимостью обновления (модернизации, реконструкции и проч.) существующих капитальных активов и создания новых, более эффективных и прогрессивных, в большей степени соответствующих новым требованиям и запросам. Помимо этого, следует отметить, что инвестиции обладают мультипликативными свойствами, оказывая стимулирующее влияние на экономический рост; с этих позиций они выгодны не только хозяйствующим субъектам, непосредственно

ГРНТИ 06.73.65

EDN PPYMYN

© Цехомский Н.В., 2023

Николай Викторович Цехомский – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Контактные данные для связи с автором: 125993, Москва, Покровский бул., 11 (Russia, Moscow, Pokrovsky boul., 11). Тел.: +7 (495) 531-00-00.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023.

участвующим в тех или иных инвестиционных проектах, вследствие реализации которых они увеличивают свои доходы, но и обществу в целом, которое через инвестиции увеличивает благосостояние.

Очевиден в этой связи интерес и теоретиков, и практиков к поиску новых перспективных инвестиционных проектов и выявлению источников их финансирования, без которых реализация этих проектов попросту невозможна. Предметом нашего углубленного рассмотрения в этой статье будет являться синдицированное кредитование инвестиционных проектов, как самостоятельная форма привлечения финансовых ресурсов для их реализации.

Сущность синдицированного финансирования (кредитования)

Синдицированное финансирование имеет достаточно длительную историю существования. В литературе утверждается, что «рынок синдицированного кредитования [в мире] начал развиваться с 1960 г. ... Синдицированное кредитование в России имеет непродолжительную историю развития. Рынок синдицированного кредитования [в нашей стране] стал развиваться с конца 1995 г.» [2, с. 132-133]. Но это справедливо лишь применительно к юридической форме синдицированного кредитования, но не к его экономической сущности. Поясним далее наше утверждение.

Определить исторический момент начала использования синдицированного финансирования, по нашему мнению, затруднительно. Причина его возникновения достаточно проста: крупные проекты могут требовать значительных объемов средств для своей реализации. При этом инициаторы проекта могут этими средствами не располагать, поэтому обращаются к кредиторам (заимодавцам) с соответствующим запросом о финансировании. Кредиторы, в свою очередь, могут не располагать достаточной суммой средств для финансирования рассматриваемого проекта либо сомневаться в возвратности своих вложений, поэтому отказываются от финансирования проекта в полном объеме.

Выходов из сложившейся ситуации, когда есть коммерчески привлекательный инвестиционный проект, но затруднительно найти для его финансирования единственного кредитора, по большому счету два: либо отказаться от его реализации, либо попытаться привлечь финансирование из нескольких источников, в частности – сформировать синдикат (группу, консорциум) кредиторов, которые могли бы профинансировать проект совместно. Под «синдикатом» в данном контексте мы понимаем «группу банков, страховых компаний, строительных подрядчиков и т.п., которые объединяются для работы над крупным проектом» (см.: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/17946).

Итак, объективными причинами формирования синдицированного кредитования являются, во-первых, невозможность привлечения единственного кредитора в силу потребности в значительных суммах финансирования, а таких крупных свободных сумм (с учетом срочности их вложения) у доступных для взаимодействия кредиторов нет, во-вторых, стремление кредиторов снизить риски участия в инвестиционном проекте путем диверсификации собственных вложений. Возможна и еще одна, третья, причина. Это – наличие специального регулирования, которое может накладывать те или иные ограничения на кредитование или же даже предписывать осуществление финансирования тех или иных проектов в синдицированном формате.

Примером проявления на практике третьей причины является установленный ЦБ РФ (основание – Инструкция Банка России от 29 ноября 2019 г. № 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией») для российских коммерческих банков норматив максимального размера риска на одного заемщика или группу связанных заемщиков (Н6). Этот норматив определяет максимальное отношение совокупной суммы обязательств заемщика (заемщиков, входящих в группу связанных заемщиков) перед банком и обязательств перед третьими лицами, вследствие которых у банка возникают требования в отношении указанного заемщика (заемщиков, входящих в группу связанных заемщиков), к собственным средствам (капиталу) банка. Величина норматива Н6 не должна превышать 25%.

Заметим, что финансовые отношения, особенно связанные с передачей значительных сумм денежных средств от одних лиц другим, всегда сопровождаются рисками, которые могут иметь различную природу, но обладают важным свойством – в их оценке всегда в большей или меньшей степени присутствует субъективизм. Поэтому важной чертой кредитных отношений выступает наличие доверия между сторонами кредитной сделки. Не случайно одно из лексических значений, приписываемых слову «кредит» в толковом словаре Ожегова Н.И. (см.: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/к/кредит>), это – «доверие, авторитет (в 1 значении)».

Соответственно для заемщика очень важно иметь должную деловую репутацию, суметь продемонстрировать как кредиторам, так и иным реальным и потенциальным деловым партнерам свою надежность, устойчивость, склонность и способность к исполнению взятых на себя обязательств. Значимость феномена деловой репутации подчеркивается тем обстоятельством, что ее количественная оценка предусмотрена разделом VIII Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007) (утв. приказом Минфина России от 27.12.2007 г. № 153н). Способов выделения составляющих деловой репутации и ее укрепления существует множество, и они достаточно разнообразны [3].

Важное свойство деловой репутации – ее «контрактная транзитивность». Рассмотрим суть этого, предлагаемого нами термина. Она состоит в том, что если имеется два хозяйствующих субъекта: Субъект А с высокой деловой репутацией в бизнес-сообществе и Субъект Б с неопределенной деловой репутацией в бизнес-сообществе, то при условии наличия публичных контрактных отношений между этими субъектами, высокая деловая репутация Субъекта А может повысить этот же параметр у Субъекта Б. Участники бизнес-сообщества могут прийти к вполне обоснованному заключению, что надежный деловой партнер А, известный своими репутационными достижениями, ответственно подошел к выбору партнера Б, доверяет ему, следовательно репутация Субъекта А «переходит» на Субъекта Б.

Такие транзитивные цепочки передачи репутации могут быть достаточно протяженными. Понятно, что на каждой новой ступени (когда после первичного контрактного взаимодействия А → Б организуются вторичные и последующие контрактные цепочки Б → В, В → Г и т.д.) количественное влияние репутационного импульса, полученного от А, будет ослабевать, и через некоторое количество ступеней это влияние полностью иссякнет. Тем не менее, контрактная транзитивность в бизнес-сообществе проявляется достаточно отчетливо.

В этой связи появляется четвертая, не рассматривавшаяся ранее в литературе, причина формирования синдицированного кредитования: заинтересованность заемщика в соучастии в кредитном синдикате банка с высокой деловой репутацией (например, относимого к крупнейшим национальным банкам, международного банка и др.), известного своими высокими требованиями к заемщикам. Это соучастие, в силу отмеченного нами транзитивного эффекта, приводит к повышению деловой репутации заемщика по синдицированному кредиту и, следовательно, к субъективному уменьшению рисков, связанных с реализуемым им инвестиционным проектом.

Отличием синдицированного кредитования, определяемым самой его сущностью, является множественность участников-кредиторов. Это делает необходимым рассмотрение таких дополнительных (помимо традиционных срочности, возвратности срочности), специфических принципов, как [4]: совместная ответственность кредиторов перед заемщиком и заемщика перед всеми кредиторами одновременно; равноправие кредиторов, отсутствие у них каких-либо преимуществ в кредитной сделке; единство контрактной документации, что проявляется в ее коллективном, многостороннем характере; единство информации, что подразумевает свободу доступа всех участников кредитной сделки ко всей информации, касающейся ее существа и деталей реализации.

Важность и значимость синдицированного кредитования, а также его отличия от других форм финансирования хозяйственной деятельности предопределили необходимость его специального правового регулирования в России. Этой цели служит Федеральный закон от 31.12.2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором (и это интересно отметить) отсутствует определение самой категории «синдицированный кредит», хотя обычной практикой для российского законодательства является введение в одной из первых статей федеральных законов перечня понятий и определений, присущих конкретной предметной области, на которую распространяется регулирование соответствующего закона.

В данном же случае законодатель ограничился косвенными трактовками, в частности:

- «настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением заемщику займа или кредита несколькими займодавцами (кредиторами), действующими совместно, а также отношения между указанными займодавцами (кредиторами) (далее – кредиторы) и отношения между кредиторами и третьими лицами по поводу финансирования участия кредиторов в предоставлении заемщику займа или кредита» (п. 1 ст. 1);

- «по договору синдицированного кредита (займа) несколько кредиторов (далее – синдикат кредиторов) обязуются согласованно друг с другом предоставить или предоставлять заемщику денежные средства в размере и сроки, предусмотренные договором для каждого кредитора, а заемщик обязуется возратить кредиторам полученные от них денежные средства, уплатить проценты за пользование денежными средствами, а также иные платежи, если обязанность их уплаты предусмотрена договором» (п. 1 ст. 2).

На наш взгляд, такой подход не вполне корректен. Он порождает неопределенности в практике реализации синдицированного финансирования в России, в отличие от ряда зарубежных стран [5]. Неясно, почему законодатель не ввел в оборот строгое и однозначное определение понятия «синдицированный кредит», как это сделано, например, для потребительского кредита, под которым, согласно пп. 1 п. 1 ст. 3 Федерального закона от 21.12.2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» понимаются «денежные средства, предоставленные кредитором заемщику на основании кредитного договора, договора займа, в том числе с использованием электронных средств платежа, в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». По нашему мнению, этот недостаток федерального законодательства требует устранения.

Также отметим еще одно интересное обстоятельство, связанное с недостаточной проработкой рисков именно синдицированной формы кредитования. Оно обусловлено составом участников синдиката. Очевидно, что, с юридических позиций, «синдицированное кредитование по своей природе подменяет банковское финансирование. При этом к кредитным организациям предъявляются жесткие требования со стороны Центрального банка, а к обычным юридическим лицам – нет» (цит. по: <https://pravo.ru/story/200266>). Этот вопрос требует дополнительного урегулирования.

Специфика развития синдицированного финансирования (кредитования)

Синдицированное финансирование довольно широко распространено в мире. Например, «в 2015 году, по данным компании Dealogic, в мире было предоставлено синдицированных кредитов на сумму 4,1 трлн долл. США» [6, с. 112]. Несколькими годами ранее, в 2011 г., аналогичный показатель составлял 3,9 трлн долл., при этом в мире совокупно было заключено более 8, тыс. сделок синдицированного кредитования [7, с. 152]. Такая популярность синдицированного кредитования определяется наличием у него специфических положительных эффектов, что в систематизированном виде представлено в таблице 1. При этом, мировая практика синдицированного кредитования гораздо шире, чем российская (см. рисунок).

Таблица 1

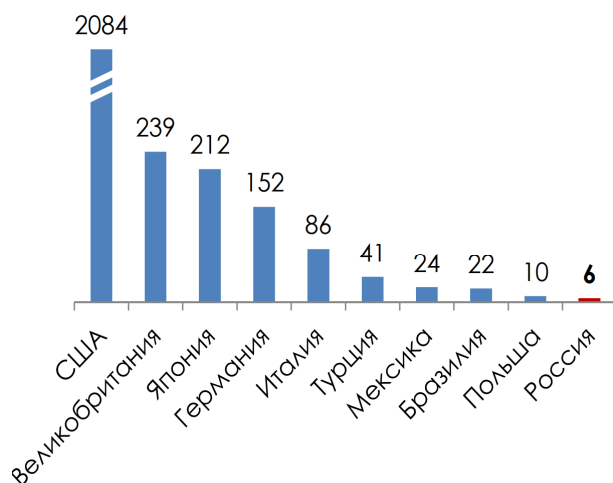
Положительные эффекты синдицированного кредитования

Для заемщика	Для кредиторов	Для субъектов вторичного рынка
Увеличение размера и срока заимствования; снижение транзакционных расходов и времени на закрытие сделки; оптимизация использования обеспечения (залога); возможность в ходе одной сделки выстроить взаимодействие с несколькими банками	Распределение кредитных рисков между несколькими кредиторами; диверсификация портфеля отдельного банка; повышение ликвидности активов; расширение круга потенциальных заемщиков и клиентов; положительный репутационный эффект; упрощение управлением задолженностью в случае дефолта; банк-организатор увеличивает доход от кредитования за счет комиссии за организацию кредита	Синдицированный кредит служит базовым активом для широкого круга финансовых инструментов, в том числе кредитных деривативов; упрощение рефинансирования кредита; дополнительные возможности для получения прибыли

Источник: разработка О. Иванова, см.: https://veb.ru/common/upload/files/veb/advpan/events/20160629/pr0629_3.pdf.

Синдицированное кредитование в России до сих пор не стало полноценной индустрией, оно носит «штучный» характер, выдаваемые синдицированные кредиты единичны. «Если сопоставить показатели по синдицированному кредитованию [в России, данные за период 2016-2019 гг.] и объемы кредитов, предоставленных юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств, то доля синдикаций в

некоторых отраслях не доходит и до 1%» [8, с. 2]. Причем наиболее широко синдицированное кредитование распространено в нефтегазовой, химической и нефтехимической, горнодобывающей промышленности. Проекты в обрабатывающих отраслях являются редкими и единичными.

Источник: разработка О. Иванова, см.: https://veb.ru/common/upload/files/veb/advpan/events/20160629/pr0629_3.pdf.

Рис. Объемы синдицированного кредитования в некоторых странах мира, \$ млрд, 2015 г.

По данным портала InfraOne Research: «Объем синдицированных кредитов, выданных для реализации инфраструктурных проектов, в 2018-2020 годах не падал ниже 210 млрд руб. в год. По итогам 2021 года он уменьшился вдвое по отношению к 2020-му: до 124 млрд руб. с 259 млрд руб. По нашей оценке, в 2020 году совершили восемь таких сделок, а за 2021-й – лишь четыре» [9].

Следует отметить интересный момент: «Из четырех заключенных в 2021-м сделок в трех с общим объемом 33 млрд руб. (27% от общего объема сделок) участником синдиката являлся ВЭБ.РФ в рамках фабрики проектного финансирования. В 2020-м институт развития участвовал в четырех из восьми сделок с совокупным объемом кредитов 223,5 млрд руб., или 86% от суммы всех синдицированных кредитов. Два проекта финансировались им в рамках фабрики проектного финансирования, а два – в рамках проекта "Энергия из отходов"» [там же]. То есть, основным участником рынка синдицированного финансирования в России является не классический банк или иная финансовая компания, а госкорпорация развития ВЭБ.РФ (таблица 2).

Таблица 2

Проектное инфраструктурное финансирование с использованием синдицированных кредитов, 2021 г. [9]

Заемщик	Объем кредита, млн долл.	Срок кредита, лет	Цель кредитования	Кредиторы
«Т Плюс»	164,5	14	Реализация проектов по модернизации Ижевской ТЭЦ-2 и Пермской ТЭЦ-9 в рамках программы модернизации тепловых электростанций	Газпромбанк, ВЭБ.РФ
«Уренгой-аэроинвест»	103,2	5	Финансирование проекта развития аэропортового комплекса в Новом Уренгое	Газпромбанк, ВЭБ.РФ
Аэропорт «Толмачево»	186,6	5	Реконструкция аэровокзального комплекса международных и внутренних воздушных линий аэропорта Толмачево в Новосибирске	Сбербанк России, ВЭБ.РФ

Важной особенностью российского синдицированного кредитования является то, что до 2022 года на нем достаточно активно работали иностранные финансовые организации, а валютой синдицированных кредитов, зачастую, выступали евро или доллар США. «Санкционный удар» 2022 года, нанесенный

по российской экономике странами «коллективного Запада» [10, 11, 12, 13 и др.], коснулся, в том числе (и в первую очередь) финансового сектора российской экономики. К числу секторальных финансовых санкций можно отнести замораживание части золотовалютных резервов России, запреты на финансирование российского бизнеса, отключение ведущих российских банков от системы межбанковских расчетов Swift и др.

Санкции затронули не только финансовый, но и реальный сектор российской экономики. Негативно они отразились и на синдицированном кредитовании реализуемых проектов. Так, «по оценке Cbonds, объем рынка синдицированного кредитования в России по итогам 2021 года составлял \$39,2 млрд, тогда как за первое полугодие 2022 года упал более в чем пять раз – до \$2,3 млрд» (цит. по: <https://www.kommersant.ru/doc/5447407>). Такая ситуация во многом связана с активным участием в кредитующих синдикатах (на что указывалось выше) иностранных финансовых организаций. С введением антироссийских санкций выполнение обязательств в рамках многих имеющихся кредитных сделок стало затруднительным, а заключение новых – невозможным.

Можно согласиться с выводами специалистов Ассоциации банков России: «Выход из «санкционного» кризиса возможен только путем создания экономики нового типа на основе ее структурной трансформации, нацеленной на приоритетное развитие инновационных отраслей с высокой добавленной стоимостью, критически важных импортозамещающих производств, выстраивание трансграничных логистических маршрутов с надежными партнерами и изменение архитектуры международных расчетов» [14, с. 15].

И переход к этой новой модели экономики потребует, по нашему мнению, расширения практики синдицированного кредитования, в первую очередь, крупных системно значимых инвестиционных проектов в реальном секторе экономики. В условиях фактической невозможности использования иностранных кредитных ресурсов, по нашему мнению, более значимую роль в восстановлении и развитии синдицированного кредитования должны играть ВЭБ.РФ и иные институты развития.

Заключение

Подводя итог, отметим, что развитие синдицированного кредитования, несмотря на пока еще сравнительно слабое применение этого инструмента в России, в том числе для финансирования крупных инвестиционных проектов в реальном секторе экономики, имеет хорошие перспективы развития. Наглядным подтверждением этого является мировой опыт. В то же время, его развитие в России в среднесрочной перспективе будет отличаться от той практики, что получила развитие во многих странах мира, что определяется негативными эффектами санкций, ограничивающих доступ бизнеса к финансовым ресурсам, а также ставящих новые задачи в части достижения технологического суверенитета и реального импортозамещения. Ключевую роль в развитии синдицированного кредитования, по мнению автора, должны сыграть ВЭБ.РФ и иные институты развития.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Вертакова Ю.В., Положенцева Ю.С.* Оценка инвестиционной активности регионов в условиях введения экономических ограничений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 3 (16). С. 48-56.
2. *Павлова Е.В., Михайлов А.Е.* Российская практика синдицированного кредитования: экспертная оценка рынка, проблемы и тенденции // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2012. Т. 4. № 1 (7). С. 130-142.
3. *Положенцева Ю.С., Тарасова А.В.* Управление рисками деловой репутации для устойчивого развития бизнес-организации // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2022. Т. 10. № 1 (56). С. 171-179.
4. *Данилина Ю.В.* Перспективы развития синдицированного кредита в России: автореферат дисс. ... канд. экон. наук. Москва, 2005.
5. *Бояренков А.В.* Зарубежный опыт синдицированного кредитования и его применение в России // Финансы и кредит. 2004. № 1 (139). С. 28-33.
6. *Иванов О.М.* Синдицированный кредит. Опыт Германии // Арбитражная практика для юристов. 2016. № 10 (14). С. 112-123.
7. *Санько Г.Г., Пинягин Ю.А.* Особенности синдицированного кредитования в мировой экономике // Беларусь и мировые экономические процессы. Сборник научных статей. Минск, 2014. С. 147-157.

8. Аналитический бюллетень «Анализ трендов денежно кредитной системы и финансовых рынков». Выпуск 50. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019. 8 с.
9. Якунина Е., Жундриков А. Синдицированные кредиты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://infraoneresearch.ru/fkh2ub/24qvj0?s1qtyk=1s0l60> (дата обращения 25.11.2022).
10. Бубнов В.А. Влияние санкционной политики недружественных стран на российскую финансовую систему // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32. № 2. С. 283-289.
11. Плотников В.А., Рогатин С.И. Перспективы развития системы государственных закупок и государственного оборонного заказа // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 61-68.
12. Смешко О.Г., Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 6. С. 524-537.
13. Цехомский Н.В. Инвестиционная поддержка промышленного развития в условиях санкций // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4 (54). С. 5-9.
14. Банки и инфраструктура финансового рынка в условиях современных вызовов: информационно-аналитическое обозрение / Ассоциация банков России. М., 2022. 80 с.

Магомаева Л.Р., Разина О.М.

ИСЛАМСКАЯ МОДЕЛЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ – КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ

***Аннотация.** На сегодняшний день особую актуальность приобретает задача внедрения в России исламской модели банковской системы, созданной на основе уникальных правил и требований, напрямую связанных с доминированием религиозного фактора. В публикации раскрыто содержание морально-этических принципов исламского банкинга, что позволило обосновать основные ограничения на осуществление операций и сделок, особенности их применения, а также перспективы внедрения в российской практике. Целью данной публикации выступает исследование концептуального понятия исламской модели банковской системы в рамках существующих этических и религиозных ограничений с учетом перспективы адаптации в российской практике. В нынешних условиях ограниченности инвестиционных потоков Россия особенно заинтересована в привлечении капитала из исламских юрисдикций. Не менее существенной проблемой развития исламского банкинга нам видится отсутствие в России специфического рынка капитала, соответствующего нормам ислама, что порождает проблему ликвидности. Целевые ориентиры России по сближению национальных стандартов финансирования путем сглаживания межнациональных и страновых различий с использованием принципов «финансовой энтропии» позволят в будущем сформировать универсальную банковскую систему, включающую набор структурно-взаимосвязанных элементов, учитывающих религиозные особенности, гибкость законодательства и морально-этическую индивидуальность.*

***Ключевые слова.** Финансы, исламские финансы, банковское дело, банковская система.*

Magomaeva L.R., Razina O.M.

ISLAMIC MODEL OF THE BANKING SYSTEM – CONCEPT AND ETHICAL COMPONENTS

***Abstract.** Today, the task of introducing is an Islamic model of the banking system in Russia, created on the basis of unique rules and requirements directly related to the dominance of the religious factor, is of particular relevance. The publication reveals the content of the moral and ethical principles of Islamic banking, which made it possible to substantiate the main restrictions on the implementation of operations and transactions, the features of their application, as well as the prospects for implementation in Russian practice. The purpose of this publication is to study the conceptual concept of the Islamic model of the banking system within the framework of existing ethical and religious restrictions, taking into account the prospects of adaptation in Russian practice. In the current conditions of limited investment flows, Russia is particularly interested in attracting capital from Islamic jurisdictions. An equally significant problem of the development of Islamic banking is the lack of a specific capital market in Russia that corresponds to the norms of Islam, which certainly gives rise to the problem of liquidity. Russia's targets for the convergence of national financing*

ГРНТИ 06.73.55

EDN JERXLG

© Магомаева Л.Р., Разина О.М., 2023

Ольга Михайловна Разина – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы, кредит и страхование» Российской академии предпринимательства (г. Москва).

Лейла Румановна Магомаева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Информационные системы в экономике» Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М.Д. Миллионщикова.

Контактные данные для связи с авторами (Магомаева Л.Р.): 364000, г. Грозный, ул. Мирзоева, 37 (Russia, Grozny, Mirzoeva str., 37). Тел.: +7 989 900 98 98. E-mail: rumanovna@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 09.12.2022.

standards by smoothing out interethnic and country differences using the principles of "financial en-tropy" will allow in the future to form a universal banking system, structurally interrelated elements that take into account religious peculiarities, the flexibility of legislation and moral and ethical individuality.

Keywords. *Finance, Islamic finance, banking, banking system.*

Введение

Вопрос о развитии исламского банкинга в России достаточно часто упоминался в научных обсуждениях и исследованиях специалистов финансового рынка, но скорее носил сугубо теоретический или дискуссионный характер. Мировая практика развития исламского банкинга свидетельствует о концентрации такой модели преимущественно в странах Ближнего Востока, а также в странах Персидского залива и Малайзии. Статистика показывает, что к 2019 году объем финансирования по нормам ислама в мире достиг 2,88 трлн долл. и по прогнозным оценкам должен увеличиться до 3,7 трлн долл. к 2024 году. В странах ближнего зарубежья проекты по исламскому банкингу постепенно внедряются в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане, но пока их доля в общем объеме активов банковского сектора не превышает 0,1-0,2% [4]. Среди стран неисламской юрисдикции лидером по развитию исламской модели банкинга является Великобритания, что отчасти обусловлено необходимостью альтернативного предложения по финансированию для более чем 2,5 млн чел. проживающих в стране мусульман.

Несмотря на популярность в мире модели исламского банкинга в неисламских юрисдикциях, его доля на мировом рынке финансовых услуг не превышает 1% [15]. Существует разница между нормой сбережений и нормой накоплений по группам стран в процентах к ВВП на уровне развитых стран, таких как США, страны Западной Европы, и в странах с исламской юрисдикцией, где отношение нормы сбережений к накоплениям достигает 20% к ВВП, характеризуя их как основных и потенциальных инвесторов для развивающихся экономик, включая и Россию и оказывая влияние на дизайн банковской системы.

Материалы и методы

В научной литературе существует лишь ограниченное количество материалов и исследований по адаптации российской практики организации банковского дела к нормам исламского финансирования. Мы утверждаем, что существует острая необходимость в дополнительных исследованиях по этой теме с учетом религиозных (конфессиональных) запретов в соответствии с нормами ислама – на ссудный процент, на чрезмерный риск, на неопределенность и на инвестирование и получение дохода от финансирования определенных отраслей деятельности.

Дополнительным ограничением выступают этические нормы, входящие в кодекс исламского предпринимательства, включающие в себя запрет на спекуляцию, манипулирование спросом и пр. Именно эти особенности определили название модели исламского финансирования – партнерская модель, в основе которой лежит религиозная составляющая, нивелирующая степень неопределенности и риска при практическом использовании и одновременно оказывающая стимулирующее воздействие на бизнес, объединяя конструктивную финансовую практику с морально-этическими принципами.

Литературный обзор

Анализ научной литературы по выбранной тематике показал, что исследователей в большей степени интересуют вопросы этических компонентов исламского финансирования [1-3], некоторые авторы раскрывают феномен исламской модели банкинга [10, 13]. В меньшей степени исследователи обращают внимание на институциональные особенности ведения исламского бизнеса с учетом религиозной составляющей [6]. В литературе по-прежнему отсутствует исчерпывающий теоретический обзор концепций и постулатов, необходимых для адаптации религиозного и этического факторов исламской модели финансирования применительно к инструментарию российских банков. При отсутствии теоретического понимания особенностей и ограничений сложно переоценить или недооценить стимулирующее воздействие исламского банкинга на экономику и перспективы его развития в России.

По нашему мнению, для понимания и внедрения исламского банкинга в российской практике требуется трансдисциплинарный подход, который объединяет исследования в области теологии, этики,

экономики, финансов, социальных исследований с учетом взаимодействия с широким кругом заинтересованных сторон. Дополнительным аргументом выступает и тот факт, что уже применяемые инструменты исламского банкинга в России (микрофинансовыми и торговыми организациями) требуют адаптации к стандартам проектного финансирования с учетом этических и религиозных компонентов применительно к особенностям российского банковского законодательства.

Результаты исследования

Значительный прогресс в области исследований исламской модели банковской системы, достигнутый в последние годы, позволяет сформировать широкой и узкий взгляд на теоретическую сущность и возможности ее применения в некоторых регионах России, прежде всего для части населения, исповедующей нормы ислама.

Узкий взгляд на определение исламской модели банкинга закрепляет принцип солидарного несения бремени риска и участия в капитале на основе распределения прибыли и убытков между ее участниками. Этот взгляд в полной мере согласуется с системой человеческих ценностей, принятой в Коране, поясняя что любая экономическая стратегия человека не может оцениваться иначе, как с морально-этической точкой зрения. Именно исламская религия резко осуждает природу «ростовщичества» во всех ее формах и проявлениях [8]. Основная концепция и теоретические постулаты исламского финансирования сконцентрированы на механизме достижения финансового результата посредством религиозного принципа.

Эффективность полученной прибыли определяется не столько результатом ее достижения, сколько справедливостью ее получения для всех участников сделки – справедливый обмен, свобода на заключение договора, безусловное выполнение взаимных обязательств. Базовые принципы создания бизнеса в соответствии с нормами ислама включают: симметричность к доступу информации о предстоящей сделке, определении четко оговоренных условий обязательств и информации товара при его продаже. Инвестиции в человеческий капитал оцениваются с точки зрения справедливой оплаты труда, честности и искренности отношений [14].

В основу финансовых инструментов и принципов их использования в исламском финансировании также заложены нормы Корана. Например, такой запрет, как рибха, осуждающий выплату и получение процента, уходит своими корнями в третью суру Корана, интерпретация которой позволяет говорить о необходимости справедливого отношения к труду заемщика даже в случае, если его работа принесла убытки. В самом общем смысле запрет на получение ссудного процента связан с нарушением равновесия в общем благосостоянии. Именно поэтому азартные игры и способы легкого получения прибыли также находятся под запретом с точки зрения морально-этического принципа исламских финансов.

Наличие таких этических ограничений способствовало отказу в исламском финансировании от классических видов страхования, где получение прибыли может зависеть от случайного исхода событий (майсир), аналогичная природа получения финансового результата характерна и для торговли деривативами (производными финансовыми инструментами), которая также находится под запретом. Под запрет попадает любой намеренный риск (находящийся за пределами разумного смысла) – гарар, который осуждается с точки зрения исламского финансирования, поскольку не может предотвратить возможность несправедливого обогащения за счет случайного события или неясности в предмете договора.

Подобные запреты действуют и на обман, обвешивание товара (габн), намеренное утаивание или сокрытие его характеристик или его недостатков (тадлес или гишь) [3], принуждение вступления в договор на заранее неблагоприятных для участника сделки условиях (икрах). Существует и фактический запрет на биржевую торговлю, этический смысл которой определяется невозможностью удержания поставки товара или запрет его покупки с целью ожидаемого роста цены. В самом общем понимании этот запрет согласуется с запретом на спекуляцию и манипулирование спросом на товар (наджш), поясняющим противоречие этических принципов к природе незаконного обогащения.

Широкий взгляд на сложившуюся модель исламского банкинга позволяет утверждать, что более справедливое отношение к финансированию населения и бизнеса имеет макроэкономический, долгосрочный эффект, поскольку не только снижает социальное неравенство, но и нивелирует вероятность кризисных явлений в экономике [7, 11]. Справедливо считать, что в основе «эффекта запрета», основанного на религиозном и этических принципах, лежит возможность повышения благосостояния государства, оказывая влияния на экономические параметры его развития.

По нашему мнению, в основе принципов исламского банкинга лежит не полный запрет на обогащение, а лишь необходимость соблюдения социальной и моральной справедливости, равноправного отношения к средству получения прибыли, принципов «социального консерватизма». Достаточно привести лишь некоторые факты, объясняющие природу этических принципов исламского финансирования.

Так, исламская модель традиционно развивается благодаря естественному приросту населения, в отличие от европейской модели. Чем более понятны и просты принципы финансирования для большинства людей, тем более популярны его продукты среди различных групп и слоев населения, а в широком смысле – существует большая возможность их практического использования. Противопоставляя западную модель банкинга исламской модели, стоит лишь отметить, что процедуры банковского финансирования в развитых странах для населения построены по принципам «недоверия», «проверки на потенциальный риск», «получения прибыли с процента даже в случае банкротства заемщика», «культивирования значения кредитной истории» [12], что фактически является антиподом принципов «справедливого отношения к финансированию», «отсутствия ссудного рабства», «доверия основанного на религиозном факторе».

Обобщая влияние этических и религиозных принципов на сложившуюся модель исламского банкинга выделим несколько базовых отличий:

- отсутствие ссудного процента. В основе исламского банковского инструментария всегда лежит инвестиционная стратегия, основанная на пропорциональном разделении риска между участниками сделки, что в дальнейшем снижает разрыв доходов между богатыми и бедными слоями населения;
- финансирование в исламском банкинге носит ограниченный характер. Не осуществляется финансирование деятельности или бизнеса, находящихся под запретом, что снижает развитие отраслей, не социально-ориентированного характера (игорный бизнес, производство алкоголя и табака, производство оружия);
- финансирование осуществляется с учетом социальной направленности, поскольку этические стандарты защищают партнера от спекуляции и непредвиденного риска, что в дальнейшем нивелирует возможность дефолта в кризисной ситуации;
- обеспечение эффективности и доступности исламского банкинга. Принципы оценки потенциального заемщика построены на индивидуальном подходе к оценке риска по каждой сделке, что повышает доступность кредитования для различных категорий населения.

Принимая во внимание этическую и религиозную составляющие исламской модели банкинга и организации деловых отношений, по нашему мнению, ее практическое применение для стран неисламской юрисдикции, включая отдельные регионы России, в будущем будет оказывать стимулирующее влияние на развитие исламского рынка капитала, в первую очередь за счет увеличения инвестиционного потока, снижения разрыва в доходах населения и увеличения потребительского спроса на отдельные товарные группы. Создание соответствующих условий для финансирования отдельных отраслей производственного сектора формирует инвестиционный климат конкретного региона, создавая денежные активы в ответ на предоставленные инвестиционные возможности [9]. А «спекулятивный эффект» традиционного финансирования будет сдерживать высокая зависимость реального сектора экономики от интересов банковского капитала.

Конвергенция банковского законодательства в России к нормам исламской модели финансирования сегодня является приоритетным направлением и первым шагом к развитию исламского рынка капитала. Создание нового типа партнерских финансовых институтов открывает широкие возможности к систематизации законодательства о проектном финансировании и в будущем определит основу для развития инвестиционных банков [5]. Стимулирование развития в России исламского банкинга создаст реальную платформу для появления новых типов и инструментов проектного инвестирования, а также создаст предпосылки к появлению инноваций в сфере информационных и цифровых технологий.

Заключение

Результаты проведенного исследования показали, что этические и религиозные ограничения оказывают значительное влияние на сформировавшуюся в мире модель исламского банкинга и в будущем могут оказать стимулирующее влияние на развитие рынка капитала в России, проявляться в изменениях ин-

вестиционного климата, повышении потребительского спроса на отдельные группы товаров (не подпадающих под ограничения норм ислама), потенциально приводя к изменениям инвестиционных возможностей отдельных регионов и секторов экономики России.

На макроэкономическом уровне постепенный процесс развития исламского банкинга в России будет оказывать стимулирующее влияние на укрепление внешнеполитического курса страны со странами Организации исламского сотрудничества, формируя дополнительную экономическую платформу взаимодействия со странами исламской юрисдикции. В качестве отложенного дополнительного эффекта нам видится развитие альтернативного рынка капитала и повышение значимости проектного финансирования в региональном масштабе.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Беккин Р.И.* Исламская экономическая модель и современность. М.: ИД Марджани, 2009. 344 с.
2. *Беккин Р.И.* Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития: дисс. ... д-ра экон. наук. М., 2009. 368 с.
3. *Беккин Р.И.* Розничные услуги в исламском банковском деле // Банковский ритейл. 2007. № 4. С. 21-26.
4. В России появится исламский банкинг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10971107/> (дата обращения 01.12.2022).
5. Законопроект об исламском банкинге. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/55312/> (дата обращения 23.11.2022).
6. *Калимуллина М.Э.* Институциональные особенности исламского бизнеса: опыт и проблемы: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 205 с.
7. *Магомаева Л.Р.* Кросс-канальное сотрудничество компаний в условиях интеграции информационных ресурсов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 6 (108). С. 75-80.
8. *Морозов А.* Лондон как европейская столица исламского финансирования: урок для России // Рынок ценных бумаг. 2008. № 19. С. 52-55.
9. *Никифорова В.Д., Сергеева И.Г., Харламов А.В.* Использование потенциала финансового рынка для инновационного развития российской экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 6 (102). С. 7-14.
10. *Павлов В.В.* Международный рынок исламского банковского капитала: становление и перспективы развития: дисс. ... д-ра экон. наук. М., 2004. 327 с.
11. *Разина О.М.* Новые направления фрод-мониторинга в банковской деятельности // Банковское дело. 2016. № 2 (266). С. 68-71.
12. *Разина О.М.* Роль антикризисных мер в решении проблем развития банковского сектора в условиях современной экономики // Банковский бизнес. 2011. № 3. С. 17-20.
13. *Рассказов С.В.* Экономическая теория с учетом исламской этики // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2014. № 4. С. 49-58.
14. *Шелгунов Р.В.* Исламские финансовые институты в мировой экономике // Мировое и национальное хозяйство. 2010. № 3-4. С. 31-42.
15. Global Financial Development Report 2016. IMF, 2017.

Плотников А.В., Харламов А.В.

**НАПРАВЛЕНИЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ
НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ШОКОВ НА РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР
ЭКОНОМИКИ РОССИИ**

***Аннотация.** В статье рассмотрена ситуация, складывающаяся в национальной экономике России под воздействием шоков неэкономической природы. Основное внимание в анализе уделено шоку 2022 года, вызванному антироссийскими санкциями. Исследуется механизм влияния шока на реальный сектор экономики. Предложены ключевые направления экономической политики, ориентированной на стабилизацию экономики и преодоление кризисных явлений.*

***Ключевые слова.** Неэкономический шок, экономический кризис, экономические санкции, макроэкономическая система, экономическая политика, государственное регулирование экономики.*

Plotnikov A.V., Kharlamov A.V.

**DIRECTIONS TO NEUTRALIZE THE NEGATIVE IMPACT OF NON-ECONOMIC
SHOCKS ON THE REAL SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY**

***Abstract.** The article considers the situation that is developing in the national economy of Russia under the influence of shocks of a non-economic nature. The focus of the analysis is on the 2022 shock caused by the anti-Russian sanctions. The mechanism of the impact of the shock on the real sector of the economy is studied. The key directions of the economic policy focused on the stabilization of the economy and overcoming the crisis are proposed.*

***Keywords.** Non-economic shock, economic crisis, economic sanctions, macroeconomic system, economic policy, government regulation of the economy.*

Введение

В последние годы российская экономика переживает ряд кризисов, обусловленных внешними (неэкономическими) причинами [1, 2, 3, 4, 5]. Так, в 2020 году мир погрузился в самую глубокую, со времен Второй Мировой войны, рецессию на фоне пандемии Covid-19. Эта рецессия сопровождалась нарушением цепочек поставок, ослаблением курса рубля, сложностями с регулированием экономики. Следует

ГРНТИ 06.03.07

EDN QQPSKE

© Плотников А.В., Харламов А.В., 2023

Антон Владимирович Плотников – ассистент института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, аспирант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

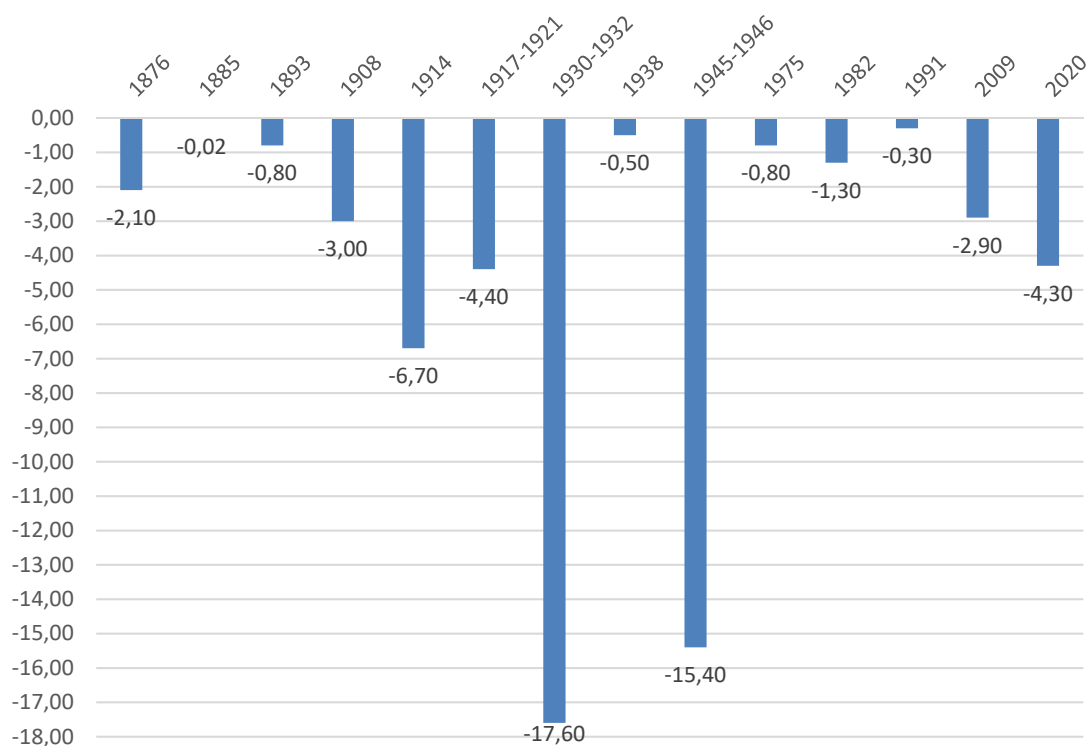
Андрей Викторович Харламов – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Харламов А.В.): Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, Griboedov canal emb., 30-32). E-mail: Kharlamov_2000@list.ru.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023.

сказать, что несмотря на беспрецедентный, как представляется современникам, характер пандемического спада в экономике, он не является уникальным. На протяжении последних полутора столетий экономические спады были достаточно часто повторяющимися.

Так, согласно данным Всемирного банка, с 1870 года мировая экономика пережила 14 глобальных рецессий, которые наблюдались в 1876, 1885, 1893, 1908, 1914, 1917-1921, 1930-1932, 1938, 1945-1946, 1975, 1982, 1991, 2009 и 2020 годах (см: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/business/global-economy-to-plunge-into-worst-recession-since-ww-ii-world-bank/article-show/76267007.cms>). Соответствующие данные в графической форме приведены на рисунке 1. (Мы не приводим здесь данные за 2022 год, ознаменовавшийся беспрецедентными санкциями, введенными против России рядом недружественных стран, т.к. окончательных статистических данных за 2022 год пока что нет.) Как следует из этих данных, спад, вызванный пандемией Covid-19, не является драматичным на фоне Великой депрессии и экономических кризисов, вызванных I и II Мировыми войнами.

Составлено Плотниковым А.В. по данным Всемирного банка.

Рис. 1. История мировых кризисов (падение ВВП, %)

В 2022 году, из-за событий на Украине, произошло резкое изменение геополитической ситуации в мире, которое повлекло за собой очередной всплеск волатильности курса национальной валюты РФ и попытку тотальной изоляции России. Это не вызвало критического ослабления российской экономики, хотя и привело к ее структурной разбалансировке [6, 7, 8]. Влияние геополитического противостояния 2022 года Россия – Запад на мировую экономику еще только предстоит оценить, так как многие запущенные этим шоком процессы носят долгосрочный характер, говорить о результатах их протекания пока что преждевременно, неопределенность ситуации чересчур высока для того, чтобы можно было строить достоверные прогнозы.

Следует отметить, что и текущие структурные и объемные изменения в производстве (реальном секторе экономики) в России пока что не могут быть оценены однозначно. В одной стороны, текущее положение экономики России сильно отличается от тех идеальных представлений и моделей, к которым стремились власти в течение всего периода реформ после распада Советского Союза. С другой стороны, сегодня есть шанс на оздоровление российской экономики: нежизнеспособная (по мнению

многих специалистов) модель, которая была основана на встраивании российской экономики в мировую на начальных звеньях технологических цепочек, тесном сотрудничестве с более развитыми странами в поставках «сырых» ресурсов, теперь и вовсе мертва. Это актуализирует вопросы перестройки имеющейся экономической модели.

По нашему мнению, вряд ли текущие события приведут к полному отказу от открытости в российской экономической политике, к опусканию «железного занавеса» и развитию по принципам автаркии с опорой на мобилизационную модель экономики [9], но внешнеэкономические связи сегодня кардинально меняются, это касается как их географии, так и товарной структуры, кроме того очередной импульс получили процессы импортозамещения и формирования технологического суверенитета [10, 11]. Эти процессы требуют теоретического осмысления, с позиций выстраивания новых подходов к реализации национальной экономической политики, адекватной современным реалиям.

Материалы и методы

При подготовке статьи использовались данные национальной и международной статистики, результаты контент-анализа массива публикаций в отечественной деловой, общественно-политической и научной периодике преимущественно последнего года, применялись сценарные и форсайт-методы исследования, в также методы ретроспективного и компаративного анализа социально-экономических процессов, междисциплинарный подход к проведению исследования.

Результаты и обсуждение

Можно сколько угодно обсуждать эффективность или неэффективность мер, которые принимались в период пандемии Covid-19, но одно можно сказать точно – события 2020-2021 годов позволили стабилизировать российскую экономику в 2022 г. гораздо легче, чем если бы пандемии никогда не было. В пандемический период органы публичного управления и в России, и в мире прошли своеобразную «тренировку», получили компетенции быстрого реагирования на шоки неэкономической природы. Коронавирусный шок был всесторонним: наблюдалось радикальное снижение предложения из-за фактического запрета на функционирование торговых центров, точек общественного питания, учреждений культуры и сервисных предприятий, также происходило изменение поведенческих привычек населения, возник негативный эффект разрыва логистических цепочек и др.

Если рассмотреть эти события более детально, можно найти сходства в кризисах 2020 и 2022 годов [12]. Различий, конечно, гораздо больше, что не отменяет того факта, что в обоих случаях трансформировался спрос из-за неуверенности населения и бизнеса в завтрашнем дне (особенно в острых фазах кризиса), менялось предложение, причем в обоих случаях на него влияли государственные органы. В 2020 директивные меры властей прямо запрещали организациям ряда секторов экономики функционировать, хотя власти и обещали взамен определенные меры по поддержке бизнеса, тогда как в 2022 году прямых запретов на ведение бизнеса в России никто не вводил, однако из-за непубличного политического давления властей недружественных стран с российского рынка ушли даже те иностранные компании, которые изначально заявляли, что точно на нём остаются.

Например, среди избравших такую линию поведения компаний можно назвать японскую Fast Retailing, владеющую брендом Uniqlo. Эта компания закрыла в 2022 году свои магазины в России, сославшись на проблемы с логистикой, однако продолжает реализовывать свою продукцию, включая новые коллекции, через различные торговые площадки. Другой пример – бренд H&M, который «уходил» из России на протяжении полугода, при закрытии магазинов с помпой проводились «последние распродажи», но вскоре продукция этого бренда появилась на интернет-площадке Wildberries. Характерен пример и с McDonald's, владельцы которого продали свой бизнес в стране местным предпринимателям полностью, от зданий со всем необходимым оборудованием до фирменного мобильного приложения. Этот бизнес по сути своей сохранился и продолжает успешную работу в России под новым наименованием и с новыми владельцами.

Изначально было ожидаемо, что ряд компаний, громко заявивших о своем уходе с российского рынка под влиянием давления со стороны своих правительств, уже вернулся в Россию в том или ином виде – наладив поставки в формате параллельного импорта, или же передав управление бизнесом в руки местных партнёров. Формат этих организационных преобразований, по нашему мнению, не играет особой роли, важен тот факт, что международному бизнесу интересен и важен российский рынок, по-

этому в ближайшее время можно ожидать очередных переименований очередных иностранных компаний на рынке России. Так, после кратковременного «закрытия» в Россию вернулись Apple, Microsoft, Paulig, Valio и др.

Интересно, что даже при относительном укреплении курса рубля, после его резкого ослабления весной 2022 года, цены на импортные товары снижаются незначительно после периода взрывного роста в марте-мае 2022 года. Это обусловлено не только высокой неопределенностью ситуации, стремлением бизнеса застраховаться от колебаний курса национальной валюты, но и факторами более долгосрочными и фундаментальными [13, 14]: нарушением цепочек поставок, кардинальной перестройкой логистики, в результате которой доля стоимости доставки в цене товара значительно вырастает, т.е. растут транзакционные издержки, что отдаляет реальную экономику от идеальной рыночной модели.

Как известно, именно отсутствие транзакционных издержек делает теоретическую модель рынка совершенной конкуренции, которая на протяжении последних десятилетий, после распада СССР, идеализировалась многими теоретиками настолько, что делались попытки ее практического воплощения, «совершенной». Рынок совершенной конкуренции – это аналог механического мира без трения, в последнем, как известно возможен если не вечный двигатель, то, по крайней мере, вечное движение. Очевидна утопичность подобных теоретических моделей (что не умаляет потенциала их использования в чисто теоретических изысканиях). «Рыночный фундаментализм» показал свою несостоятельность [15]. Следовательно, активизация государственного вмешательства в современных условиях становится не только ожидаемой, но и желательной, т.к. только таким путем можно преодолеть несовершенства складывающейся экономической модели, находящейся под постоянными шокowymi ударами.

И опять здесь следует обратиться к опыту пандемии. Пандемийный кризис был частично подавлен масштабными мерами государственной поддержки экономики и населения [16, 17], поэтому сегодня необходимо понимать, какими возможностями обладает российская экономическая система, какой у неё запас прочности и возможности для поддержки того бизнеса, который продолжает функционировать. Несмотря на все пессимистичные прогнозы, российская экономика по итогам 2022 года показала хотя и серьезное, но вовсе не катастрофичное падение. Так, согласно данным Росстата (см. табл. 1), за 2022 год ВВП России снизился всего на 2,1%, тогда как ряд экспертов, в том числе и внутри страны, не говоря уж о зарубежных, предрекал крах российской экономической системы и «откат в каменный век» с падением ВВП величину до 20%.

Таблица 1

Динамика элементов использования ВВП РФ (в постоянных ценах, в % к предыдущему году)

Показатель	2022 г.	2021 г.
Валовой внутренний продукт	97,9	105,6
в том числе:		
расходы на конечное потребление	99,4	108,0
домашних хозяйств	98,2	110,0
государственного управления	102,8	102,9
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	95,8	106,8
валовое накопление	96,8	114,2
экспорт	н.д.	103,3
импорт	н.д.	119,1

Составлено Плотниковым А.В. по данным Росстата, см: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/22_20-02-2023.html.

По-видимому, геополитическое противостояние не только России, но и группы дружественных нам стран со странами коллективного Запада в средне- и, возможно даже, в долгосрочной перспективе продолжится, что делает весьма вероятным сценарий «островного развития» [18]. Поэтому весьма вероятным нам видится сценарий, при котором глобализация сменится регионализацией [19]. То есть, вместо тенденции к конвергенции и гармонизации национальных экономических интересов мы увидим их дивергенцию, вплоть до перехода к фазе антагонистического противостояния и усиления «экономических войн».

Определённые сигналы о возможности такого развития были даже в пандемийном кризисе – вспомнить можно и «пиратство» США в отношении партий защитных масок, которые предназначались для Германии и Франции, но были «перехвачены» американскими в китайских терминалах отгрузки, и «вакцинную гонку», когда различные фармацевтические компании, при непосредственной поддержке правительств, старались первыми произвести действующую вакцину от коронавируса и заблокировать доступ на внутренний рынок вакцин иностранных производителей, не считаясь с показателями собственно медицинской эффективности различных вакцин. Кто-то увидит в этом заботу о своих гражданах, но немаловажным аспектом является и финансовая составляющая – желание продать побольше доз вакцины, чтобы «отбить» вложенные в её разработку средства, в том числе с использованием силового давления государства на конкурентов.

То есть – налицо дивергенция национальных экономических интересов, даже в группе формально-дружественных стран, обозначаемых в отечественном дискурсе «коллективным Западом», в чем угадывается некое единство этого «коллектива». Но оно иллюзорно, действующим началом такого единства все чаще оказывается не стремление к взаимному выигрышу в рамках «коллектива» в соответствии с постулатами теории Нэша, но наличие неэкономического принуждения одних партнеров со стороны других. Мы полагаем, следуя известной концепции базиса и надстройки К. Маркса, что размывание экономического фундамента взаимодействия стран неизбежно приведет к распаду или, по крайней мере, ослаблению имеющихся альянсов.

Характерным примером для текущей ситуации является пример снарядного голода, который испытывает противостоящая России на полях сражений в специальной военной операции группировка украинских войск, действующая в коалиции с многочисленными формированиями «добровольцев» и наемников из стран НАТО. Имеющиеся производственные мощности стран НАТО работают фактически на пределе для удовлетворения потребностей воюющей группировки в артиллерийских снарядах, а развитие инфраструктуры (расширение производственных мощностей) займёт немало времени. Наладить эффективную кооперацию в этом вопросе не удастся: в рядах НАТО одним из самых больших препятствий на пути к увеличению производства снарядов является стремление некоторых государств-членов альянса самостоятельно закупать оружие и боеприпасы для собственных систем, а не сотрудничать с другими странами, даже несмотря на сложность военно-политической ситуации (см.: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-16/when-will-ukraine-war-end-ammo-shortage-risks-prolonged-conflict>).

Если говорить о позиционировании России в мировой экономике, то можно предположить, что в условиях наблюдаемой турбулентности прогнозировавшийся и планировавшийся энергопереход [20], по-видимому, задерживается. Это означает, что спрос на энергоресурсы если и не будет в краткосрочной перспективе расти, то, по крайней мере, не снизится. Следовательно, несмотря на декларируемый акцент на высоко- и среднетехнологическое импортозамещение в промышленной политике, поддержка отечественного топливно-энергетического комплекса (ТЭК) должна оставаться одним из приоритетов экономической политики.

Такой крупный поставщик энергоресурсов, как Россия, даже в условиях санкционного противостояния, не сможет остаться в стороне от процессов глобального энергообеспечения, в том числе с учетом возможных изменений географической структуры экспорта [21, 22]. Поддержка ТЭК в среднесрочной перспективе гарантирует устойчивое развитие (благодаря системе межотраслевой кооперации) или хотя бы относительную стабильность российской экономической системе в переходный период к новому состоянию.

Нормальное развитие страны в XXI веке видится невозможным без инвестиций в сферу информационных технологий и активной цифровизации и цифровой трансформации [23, 24, 25]. Не случайно одной из национальных целей Российской Федерации до 2030 года является цифровая трансформация (см. Указ Президента РФ № 474 от 21 июля 2020 года). Оценку качества и уровня этой цифровой трансформации предлагается производить с применением следующих целевых показателей:

- 1) достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления;
- 2) увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов;

3) рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, до 97 процентов;

4) увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 года.

Вопрос цифровой трансформации становится особенно актуальным в свете эмиграции части ИТ-специалистов в 2022 году, которые могли бы поспособствовать в этом [26]. При этом, следует понимать, что информационные технологии – это не только и не столько программное обеспечение. Это, в том числе, усовершенствование производственных процессов, ускорение расчётов, снижение зависимости качества производства от рабочей силы, внедрение искусственного интеллекта в процессы управления и пр. Такие изменения не происходят одномоментно, однако сейчас необходимо выбрать ориентиры и приоритеты для дальнейшего развития с учётом изменившихся условий.

Если говорить об отраслевых приоритетах, то наиболее перспективными для России точками приложения усилий, по нашему мнению, можно считать машиностроение, микроэлектронику, фармацевтическую отрасль, сельское хозяйство, химические производства в общем и нефтехимию, в частности. Очевидное отставание России от мировых лидеров в этих сферах должно быть сокращено в кратчайшие сроки. Например, доля химического комплекса в ВВП России составляет 1,1%, а к 2030 году планируется ее рост до 2,0 процентов. В Китае же эта доля уже сейчас составляет 8,9%, в Японии – 8,2%, в Германии – 6,9%, в США – 6,1% (см: <https://rg.ru/2021/03/30/pochemu-strategicheski-vazhnye-dlia-strany-razrabotki-ostaiutsia-v-kolbe.html>).

Сельское хозяйство сегодня может стать не менее важной экспортной категорией, чем энергоресурсы. Несмотря на то, что за период 2000-2020 гг. рост производства продукции сельского хозяйства составил 169,8% со среднегодовым темпом прироста 2,6% на фоне 179,1% роста ВВП при среднегодовом темпе прироста 2,8% [26], Россия всё еще может наращивать темпы роста в сельском хозяйстве. Свободные посевные площади (в особенности на воссоединенных в 2022 г. исторически российских территориях с качественной плодородной почвой) позволяют в краткие сроки нарастить валовые сборы продукции растениеводства, которую можно направить как на экспорт, так и на цели внутреннего потребления. Внешние поставки российской продукции также можно диверсифицировать и расширить – сегодня во всем мире Россия известна как крупный экспортёр растительных масел и зерна, однако сохраняется потенциал производства на экспорт мяса, кондитерских изделий, а также продуктов переработки зерна, в частности муки.

Также, стоит рассмотреть вопрос стимулирования внутреннего спроса на продовольствие. Сегодня, потребление молочной, мясной продукции, фруктов, ягод и овощей уступает среднестатистическому потреблению развитых стран, а по ряду продуктов – ниже, чем рекомендованные медицинские нормы потребления [27]. Это обусловлено более низкими доходами россиян и иными пищевыми привычками, в сравнении с жителями развитых стран. Эти изменения в дальнейшем повлияют и на демографическую ситуацию в стране, в частности, на продолжительность жизни, увеличение которой является одним из национальных приоритетов.

Как известно, рост производства и рыночного предложения обычно приводит к снижению цен на продукцию (даже относительный монополист по производству мяса в России – компания «Мираторг» держит цены на достаточно низком уровне), так что объемы потребления вышеозначенных категорий продуктов можно повысить, как показывают расчеты специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в среднем на 15% [28], при этом снизив объемы потребления картофеля, зерновых, сахара, растительного масла и хлеба. Высокая питательная ценность и относительная дешевизна этих продуктов обуславливает их высокие объемы потребления. Однако, это приводит к росту количества хронических заболеваний и снижению качества жизни населения.

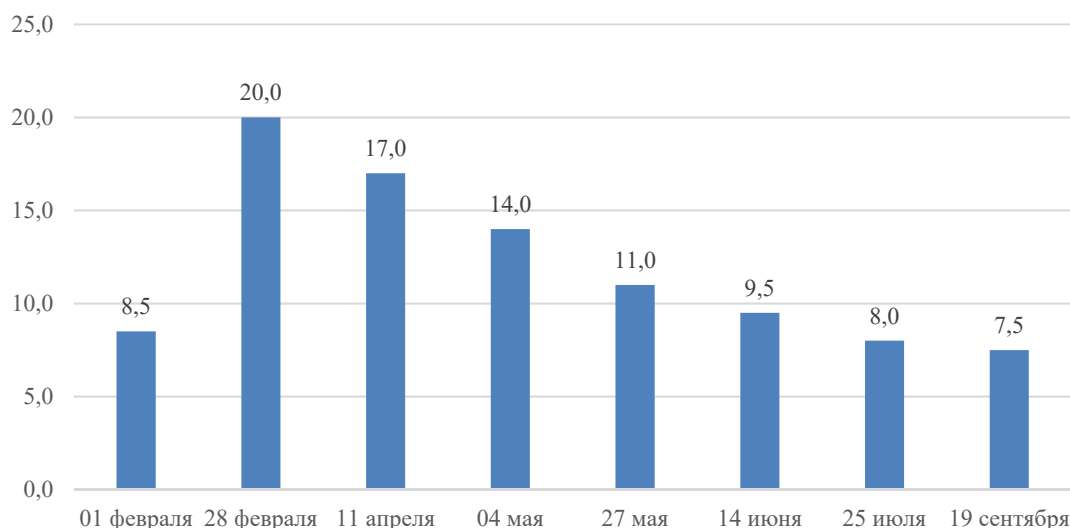
Конечно, предлагаемые новые вектора развития реального сектора экономики невозможны без одновременных социальных изменений, в частности, необходимо изменение отношения к науке и образованию. Необходимо, по нашему мнению, реализовать комплекс действий в этой сфере, среди первоочередных из них следует выделить модернизацию науки, в том числе через привлечение новых кадров, смену приоритетов. Без этого невозможна ни модернизация производства, о которой активно говорят ещё со времён «крымских» санкций, ни трансформация социума.

Несмотря на акцент в развитии на реальный сектор экономики, от которого зависит обеспечение и экономического суверенитета России, и устойчивость всей социально-экономической системы в период современной турбулентности, значимость финансового сектора также не следует приуменьшать.

В 2022 году, с целью защиты национальной финансовой системы от шока, вызванного массированными западными санкциями, Центральный банк РФ активно манипулировал ключевой ставкой (см. рис. 2). Это, конечно же, сказалось на стоимости кредитов, привело к сложностям в финансировании и частных, и государственных (прежде всего – инфраструктурных и социальных) проектов.

Следовательно, необходимо развитие инструментов долгосрочного финансирования [29, 30]. Крупные национально значимые инвестиционные проекты зачастую рассматриваются банками как высокорисковые из-за того, что их доходность не будет покрывать проценты по кредиту, а также из-за значительного потенциала изменения профилей рисков вследствие долгосрочности такого рода проектов. Для таких проектов еще несколько лет назад можно было бы привлечь финансирование с применением инфраструктурных или зеленых облигаций, однако сегодня для таких инструментов будет сложно найти покупателей. Поэтому на первый план выходит деятельность институтов развития, таких как ВЭБ.РФ, Фонд развития промышленности и др.

Эти институты позволяют привлекать финансирование иными путями, создавать государственные (и аффилированные с государством) фонды, наполнение которых может быть осуществлено при помощи средств, которые ранее аккумулировались в международных резервах страны. Например, это можно сделать в отношении федерального Фонда развития промышленности, флагманской программой которого являются «Проекты развития», направленные на импортозамещение и выпуск конкурентоспособной продукции (см. табл. 2). Финансирование таких проектов можно было бы осуществлять с применением инфраструктурных или концессионных облигаций, однако до сих пор отсутствует проработанная законодательная база, правоприменительная практика и льготы для всех заинтересованных сторон [31].

Составлено Плотниковым А.В. по данным Центрального Банка Российской Федерации.

Рис. 2. Изменения ключевой ставки ЦБ РФ в 2022 году, %

Таблица 2

Характеристика проектов развития, финансируемых Фондом развития промышленности

Показатель	Значение
Сумма займа, млн рублей	от 100 до 1 000
Срок займа, лет	до 5
Процентная ставка, годовых	1% в первые три года при наличии банковской гарантии и 3% при других видах обеспечения; ставка в 1% на весь срок доступна при покупке российского оборудования или отечественного программного обеспечения на сумму более 50% от суммы займа

Составлено Плотниковым А.В. по данным Фонда развития промышленности.

Заключение

Кризис 2022 года в России можно считать системным продолжением кризиса 2020 г., потому что реального восстановления экономики после пандемии и перед очередным витком санкционного противостояния не произошло. По прошествии года после начала специальной военной операции можно строить осторожные прогнозы о дальнейшей траектории развития российской экономики. Беспрецедентное количество санкций против России не привело к ожидаемому авторами этих санкций эффекту, снижение ВВП оказалось серьёзным, однако, не превышающим снижения 2020 г. (2,1% против 2,7% в пандемийный год).

Для того, чтобы нивелировать последствия кризиса и ещё прочнее стабилизировать экономику, предлагается ряд мер поддержки реального сектора экономики. Эти меры позволят не только исправить текущее положение, но и подготовиться к следующим кризисам, которых не избежать, потому что механизмов предупреждения неэкономических шоков пока что не разработано. Так, предлагаются к созданию стабилизационные инвестиционные фонды, средства которых могут пойти на низкодоходные и долгие в реализации социальные и инфраструктурные проекты. Особого внимания заслуживает поддержка производственных проектов, прежде всего ориентированных на импортозамещение и обеспечение технологического суверенитета России.

В целом, имеющиеся данные показывают, что Правительство России научилось преодолевать последствия кризисов, однако обеспечение макроэкономической стабильности ценой качества жизни населения и отсутствие реального экономического роста, отсутствие выверенной траектории развития экономики является на долгосрочном периоде куда большей проблемой, чем один конкретно взятый кризис. На этом фоне, к сожалению, формируется кризис доверия к государству, частный бизнес неактивно инвестирует в страну, в которой зарабатывает деньги. Эта ситуация требует исправления.

Бизнес не готов брать на себя риск в кризисной ситуации, а последнее десятилетие кризис – перманентное явление. Несправедливость в распределении ресурсов и вывод средств за границу людьми, которые ближе всех находятся к этим ресурсам, не позволит выбраться из кризиса никогда. Только здоровая конкуренция и корректировка законодательства, направленная на защиту частного предпринимательства, поможет в этом. И для решения этих задач (по крайней мере, на текущей исторической стадии экономического развития) необходимо усиление вмешательства государства в экономические процессы.

Благодарности

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета: «Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность» (код 121042600253-4).

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Боркова Е.А., Ватлина Л.В., Курбанов А.Х., Плотников В.А. Оценка влияния макроэкономических шоков на устойчивость развития секторов национальной экономики и проблемы экономической безопасности. СПб.: Инфо-да, 2022. 248 с.
2. Головки М.В., Приходько А.В. Влияние неопределенности внешней среды на экономическую безопасность промышленного предприятия // Вектор экономики. 2022. № 12 (78).
3. Рогатин С.И., Фролов А.О. Санкции и их воздействие на военно-экономический потенциал // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 1 (51). С. 14-17.
4. Харламов А.В. Глобальная нестабильность и развитие хозяйственной системы // Проблемы современной экономики. 2021. № 4 (80). С. 42-48.
5. Цехомский Н.В. Инвестиционная поддержка промышленного развития в условиях санкций // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4 (54). С. 5-9.
6. Гришков В.Ф. Воздействие политико-экономической турбулентности на экономику региона (на материалах Ленинградской области) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 88-95.
7. Курбанов А.Х., Шахан И.А. Алгоритм внедрения системы управления устойчивостью цепочек поставок в оборонно-промышленном комплексе // Экономический вектор. 2022. № 3 (30). С. 16-22.

8. *Славецкая Н.С., Миэринь Л.А.* Ценовой потолок как метод санкционного давления на российский нефтяной экспорт // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 21-27.
9. *Гришков В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О.* Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7-13.
10. *Харламов А.В., Ростиславский А.А.* Межорганизационные формы взаимодействия государства и участников кластера в интересах инновационного развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4 (54). С. 20-25.
11. *Харламов А.В., Харламова Т.Л., Поняева И.* Государственное управление инновационным развитием с использованием возможностей импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 69-75.
12. *Плотников А.В.* Моделирование форм проявления кризиса в национальной экономике под воздействием неэкономического шока (на примере кризисов в России 2020 и 2022 годов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 194-199.
13. *Куренков П.В., Сафронова А.А., Герасимова Е.А., Харитонова М.Н.* Влияние экономических санкций на транспортную логистику Российской Федерации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 4 (26). С. 83-93.
14. *Назаров П.В., Плотников А.В.* Экономическая безопасность и устойчивость социально-экономической системы в периоды кризисов // Ученые записки Международного банковского института. 2022. № 4 (42). С. 176-187.
15. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
16. *Вертакова Ю.В., Плотникова Н.А.* Анализ состояния российской промышленности и ее экспортного потенциала в период пандемического кризиса // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 5. С. 179-185.
17. *Плотников В.А.* Трансформация потребительского поведения под воздействием пандемии COVID-19 // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-1 (137). С. 108-114.
18. *Плотников В.А.* Синхронизация технологических, социальных и экономических преобразований в условиях «островной» трансформации // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 3. С. 112-123.
19. *Игнатъев В.И.* Социальные локальности в эпоху информационно-сетевой глокализации // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 37-46.
20. *Симонов А.Г., Лавров С.Н.* Глобальный энергопереход: формирование нового технологического уклада // Геоэкономика энергетики. 2022. Т. 20. № 4. С. 16-35.
21. *Табах А., Подругина А.* Санкциномика: развилки, коридоры и выходы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gaexpert.ru/researches/sancinomics_2022 (дата обращения 30.12.2022).
22. *Ушкалова Д.И.* Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 34-51.
23. *Кениг А.В.* Цифровая экономика и ее влияние на экономический рост: российские и глобальные тенденции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4 (54). С. 10-14.
24. *Макишаринова Э.А., Ильясов Р.Х.* Проблемы подготовки кадров для цифровой экономики // Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и её регионов в современных условиях: материалы I всероссийской научно-практической конференции. Грозный, 2020. С. 278-281.
25. *Назаров Д.М.* Цифровая экономика как результат информационных революций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 12-24.
26. *Анохина М.Е.* Оценка экономического роста сельского хозяйства России в управленческом контексте // АПК: Экономика, управление. 2021. № 10. С. 14-28.
27. *Холдоенко А.М.* Актуальные аспекты национальной экономической безопасности (на примере продовольственной безопасности и производства куриных яиц) // Актуальные проблемы современных технологий производства, хранения и переработки: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции / Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова. Курск, 2022. С. 125-129.
28. Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз / под ред. А.А. Широва. М.: Арт-Принт, 2022. 296 с.
29. *Вертакова Ю.В.* Стратегическое планирование устойчивого развития региона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2005. № 1. С. 48-53.
30. *Цехомский Н.В.* Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 1 (51). С. 5-9.
31. *Плотников А.В.* Проектное финансирование с использованием инфраструктурных облигаций // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 1 (39). С. 19-22.

Аркин П.А., Соусов В.Е., Аширметова О.Б.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ (КОНТРАКТОВ) В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

***Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы государственного регулирования экономики в сфере государственного оборонного заказа, в первую очередь – исполнения государственных контрактов (контрактов) в современных условиях с точки зрения теории экономических систем. Рассмотрены вопросы изменения и расторжения договоров на основании гражданского законодательства России, а также специфические условия изменения и расторжения государственных контрактов (контрактов) при правовом приоритете Федерального закона от 29.12.2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», в том числе в случае неисполнения договора третьим лицом с головным исполнителем (исполнителем). Даны рекомендации на основании последних изменений нормативных правовых актов России. Статья написана в рамках научной специальности 5.2.1 – Экономическая теория.*

***Ключевые слова.** Экономическая система, государственное регулирование экономики, неисполнение договора, наукоемкое производство.*

Arkin P.A., Sousov V.E., Ashirmetova O.B.

THEORETICAL ANALYSIS OF STATE REGULATION EXECUTION OF STATE CONTRACTS (CONTRACTS) IN PRESENT-DAY CONDITIONS

***Abstract.** The article deals with the issues of state regulation of the economy in the field of state defense orders, primarily the execution of state contracts (contracts) in modern conditions from the point of view of the economic systems' theory. The issues of changing and terminating contracts on the basis of the civil legislation of Russia, as well as specific conditions for changing and terminating state contracts (contracts) with the legal priority of the Federal Law of December 29, 2012 N 275-FZ "On the State Defense Order", including in case of non-fulfillment contracts by a third party with the head executor (executor). Recommendations are given on the basis of the latest changes in the normative legal acts of Russia. The article was written within the framework of the scientific specialty 5.2.1. Economic theory.*

***Keywords.** Economic system, state regulation of the economy, non-fulfillment of contract, high technology production.*

ГРНТИ 06.54.01

EDN QIAIQС

© Аркин П.А., Соусов В.Е., Аширметова О.Б., 2023

Павел Александрович Аркин – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Процессы управления наукоемкими производствами» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Вячеслав Евгеньевич Соусов – кандидат технических наук, генеральный директор ОАО «ЛЕНПОЛИГРАФМАШ».

Ольга Борисовна Аширметова – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры «Процессы управления наукоемкими производствами» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Контактные данные для связи с авторами (Аркин П.А.): 197376, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, дом 5 (Russia, St. Petersburg, Karpovka river emb., 5). Тел.: +7 (812) 234-85-95. E-mail: arkinp@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 30.12.2022.

Введение

В Туле 23 декабря 2022 года Президент Российской Федерации В.В. Путин встретился с руководителями организаций оборонно-промышленного комплекса России (далее – ОПК). На совещании с руководителями организаций ОПК Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Важнейшая, ключевая задача предприятий оборонно-промышленного комплекса – обеспечить наши подразделения, передовые части всем необходимым: вооружением, техникой, боеприпасами, снаряжением, причём в требуемом объёме и нужного качества в короткие сроки. Кроме того, важно совершенствовать, значительно улучшать характеристики вооружения и оснащения наших бойцов с учётом полученного боевого опыта ... И конечно, рассчитываю, что, как и в предыдущие годы, как и в этом году, в 2023-м задания гособоронзаказа в части производства и поставок вооружения, военной и специальной техники будут выполнены в полном объёме» [1].

Необходимо отметить, основой государственного регулирования государственных контрактов (контрактов) является Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – ФЗ о ГОЗ), в соответствии с пунктом 1 статьи 2 которого: «Правовое регулирование отношений в сфере государственного оборонного заказа основывается на Конституции Российской Федерации и осуществляется в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, федеральными законами в области обороны и безопасности Российской Федерации, поставок продукции для обеспечения федеральных нужд, законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации» [2]. При этом в пункте 2 данной статьи определено: «Положения федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, касающиеся предмета регулирования настоящего Федерального закона, применяются в части, не противоречащей настоящему Федеральному закону» [2]. То есть наличествует правовой приоритет ФЗ о ГОЗ относительно всех иных нормативных правовых актов в сфере государственного оборонного заказа.

Вопросам государственного регулирования экономики в сфере ГОЗ, в том числе вопросам импортозамещения в современных условиях (которые без сомнения требуют роста глубины передела промышленной продукции [3, 4]), в 2022 году посвящено много научных трудов, в том числе [5-14]. Рассматривая данный вопрос с точки зрения теории экономических систем, мы будем опираться на труды в данной области ученых-экономистов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заложивших общие основы и развивших частные вопросы теории управления экономическими системами, таких как Иван Михайлович Сыроежин, Дмитрий Викторович Соколов, Александр Николаевич Петров (например [15-23] и многих других).

Правовые особенности расторжения договоров, в том числе государственных контрактов

В статье рассмотрены вопросы государственного регулирования экономики промышленности наукоемких производств [24, 25, 26], в том числе на базе научных трудов ряда авторов в области теории управления экономическими системами [27-34]. При этом использованы, в том числе, материалы и документы последних месяцев общественных организаций, объединяющих предприятия промышленности выполняющие ГОЗ, например Ассоциации промышленных предприятий Санкт-Петербурга. Так, к примеру, в Письме Ассоциации промышленных предприятий Санкт-Петербурга от 07.12.2022 № 460 рассматриваются варианты действий руководителей промышленных предприятий в соответствии с Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.09.2022 по делу № А40-92695/2022 [35].

На сегодня уже известно, что данное постановление поддержано судом кассационной инстанции, а именно – имеется Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.12.2022 по делу № А40-92695/2022-130-640 [36], которое однозначно утверждает практику внесения в реестр недобросовестных поставщиков организаций, не подписавших государственный контракт и/или не предоставивших документ о внесении обеспечения исполнения государственного контракта в установленный законом срок в соответствии со статьей 83.2 Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муници-

пальных нужд» (далее – ФЗ о контрактной системе) [37]. Для первичных рекомендаций можно использовать обзор: «Как юристу работать с учетом антикризисных мер 2022-2023» [38]. Тем не менее, прямого отношения описанные выше постановления апелляционной и кассационной инстанций к вопросам исполнения или неисполнения государственных контрактов не имеют: они однозначно утверждают, что победитель обязан заключить государственный контракт. Дальнейшая информация касается уже вопросов исполнения государственного контракта, в том числе его изменения или расторжения. Гораздо более сложная ситуация складывается в случае неисполнения договора третьим лицом с головным исполнителем (исполнителем) в рамках ФЗ о ГОЗ, в том числе по объективным обстоятельствам.

Рассмотрим существо данных вопросов. Вопросы изменения и расторжения договоров регулируются главой 29 Изменение и расторжение договоров Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГКРФ). В статье 450 Основания изменения и расторжения договора установлено основное правило изменения и расторжения договора по соглашению сторон, а также по решению суда по требованию одной из сторон в случае существенного нарушения договора другой стороной и в иных определенных законом случаях. Ряд процедурных вопросов изменения и расторжения договоров оговорен в статьях 450.1, 452, 453 ГКРФ. Непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу имеют положения статьи 451 Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств ГКРФ. Одним из основных принципов договорной практики является жесткость связанности сторон в договоре, которая смягчается правилом, которое позволяет изменять и расторгать договор при существенном изменении обстоятельств.

Правомерность данной статьи ГКРФ подтверждена Конституционным судом Российской Федерации [39]. Особо необходимо отметить пункт 4 статьи 451 ГКРФ, согласно которому: «Изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств допускается по решению суда в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях» [40]. Таким образом, изменение договора невозможно в одностороннем порядке без обращения в суд. Некоторые вопросы изменения договоров раскрыты в Постановлении Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35 [41] и Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2017 год [42], причем в последнем указано, что, к примеру, изменение курса иностранной валюты по отношению к рублю существенным основанием для изменения договора не является.

Для государственных контрактов условия изменения и расторжения регулирует в рамках ГКРФ статья 95 Изменение, расторжение контракта Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [37]. Законодатель в пункте 1 устанавливает исчерпывающий перечень возможности изменения существенных условий контракта по соглашению сторон, в том числе, согласно подпункта 1.4, «если Правительством Российской Федерации принято решение о введении специальных мер в сфере экономики, предусмотренное пунктом 1 статьи 26.1 Федерального закона от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне», и предметом контракта является поставка товара, выполнение работы, оказание услуги по государственному оборонному заказу» [37].

Пункт 1 статьи 26.1 Федерального закона от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» устанавливает перечень случаев принятия решений Правительством Российской Федерации о введении специальных мер в сфере экономики, которые влекут за собой согласно пункта 3 настоящей статьи то, что «юридические лица независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности не вправе отказываться от заключения в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 года «223-ФЗ "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц", Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ "О государственном оборонном заказе" и (или) Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" договоров, государственных контрактов (контрактов) на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг в целях обеспечения проведения Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации» [43].

В соответствии с пунктом 1 статьи 26.1 Федерального закона «Об обороне», Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Рос-

сиейской Федерации» [44], специальная мера в сфере экономики введена Постановлением Правительства РФ от 03.10.2022 № 1745 (ред. от 08.12.2022) «О специальной мере в сфере экономики и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. № 616» [45]. Также в полном соответствии с пунктом 2 статьи 2 ФЗ о ГОЗ в пункте 25 статьи 95 ФЗ о контрактной системе устанавливается возможность регулирования одностороннего отказа от исполнения контракта по ГОЗ в ФЗ о ГОЗ.

Департамент бюджетной политики в сфере контрактной системы Минфина России разъяснил в своем письме от 17 августа 2022 г. № 24-06-06/80083, что согласно части 65.1 статьи 112 ФЗ о контрактной системе по соглашению сторон допускается изменение существенных условий контракта, заключенного до 01.01.2024, «если при исполнении такого контракта возникли независящие от сторон контракта обстоятельства, влекущие невозможность его исполнения» [46]. При этом на основании части 65.1 статьи 112 ФЗ о контрактной системе могут быть изменены любые существенные условия контракта, заключенного до 01.01.2024, «если при исполнении такого контракта возникли независящие от сторон контракта обстоятельства, влекущие невозможность его исполнения» [37].

В силу указанного выше данная норма контрактов в сфере ГОЗ не касается. Особенности изменения и расторжения контрактов достаточно подробно рассмотрены в научной литературе [47-51], но по настоящему вопросу в силу его новизны данные публикации неприменимы. Позицию судов в части изменения существенных условий контрактов, в частности сроков исполнения, можно проиллюстрировать на примере недавно принятого Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.12.2022 № Ф07-19244/2022 по делу № А13-2553/2022 [52], согласно которому кассационная инстанция поддержала решения нижестоящих судов об отказе в изменении сроков исполнения государственного контракта в соответствии с ФЗ о контрактной системе из-за вновь открывшихся обстоятельств. Данная позиция без сомнения логична, обоснована и правильна.

Особенная ситуация изменения и расторжения государственных контрактов, контрактов

Все вопросы заключения государственных контрактов и контрактов, действий головных исполнителей, исполнителей раскрыты в ФЗ о ГОЗ [2]. Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2022 г. № 1290 установлено с 26.07.2022, «что срок оплаты государственным заказчиком поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, отдельных этапов исполнения государственного контракта, предусмотренный государственным контрактом, заключенным по результатам определения поставщика (подрядчика, исполнителя) в целях обеспечения обороноспособности и безопасности государства, должен составлять не более 30 дней с даты подписания государственным заказчиком документа о приемке, предусмотренного частью 7 статьи 94 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». 2. Для целей применения настоящего постановления под закупкой товара, работы, услуги в целях обеспечения обороноспособности и безопасности государства понимается закупка товара, работы, услуги, осуществляемая с целью выполнения мероприятий государственных программ Российской Федерации, государственной программы вооружения, иных заданий в рамках государственного оборонного заказа» [53].

Вопросы регулирования ГОЗ, в том числе в исторической ретроспективе, рассмотрены в работах [54-61]. Судебная практика в сфере ГОЗ дает возможность дополнить и разъяснить ряд положений:

1) все правовые вопросы в сфере ГОЗ, в том числе вопросы исполнения решений судов, должны решаться с учетом положений ФЗ о ГОЗ [62];

2) возложение дополнительных обязанностей разработчика, например технического проекта по доработке оборудования под требования заказа на этапе 1, связанных с выполнением работ, является существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении государственного контракта (контракта) в рамках ФЗ о ГОЗ и делают объективно невозможным исполнение сроков этапа 2, что требует внесения изменений в контракт в части его существенных условий, в том числе сроков исполнения [63];

3) исполнение государственных контрактов (контрактов) по ГОЗ возможно только после их официального заключения по закону [64];

4) нормы ФЗ о ГОЗ в части особенностей правового регулирования в области заключения и исполнения государственных контрактов (контрактов) по ГОЗу, являются специальными по отношению не

только к общим нормам в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, но и по отношению к нормам Гражданского кодекса Российской Федерации [65], в том числе делам о банкротстве [66] и интеллектуальным правам [67];

5) нарушение сроков исполнения государственного контракта (контракта) в рамках ГОЗ и решение заказчика об одностороннем расторжении государственного контракта (контракта) является в большинстве случаев достаточным основанием для включения исполнителя в реестр недобросовестных поставщиков в рамках ФЗ о контрактной системе [68, 69].

Необходимо уточнить по пункту 5, что Правительство Российской Федерации постановлением от 30.06.2021 г. № 1078 утвердило Правила ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) согласно п. 15 которых:

«15. Орган контроля принимает решение об отказе во включении информации о поставщике (подрядчике, исполнителе) в реестр в следующих случаях:

а) если при рассмотрении обращения, направленного в связи с расторжением контракта в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта, и при проведении проверок, предусмотренных подпунктом "а" пункта 13 настоящих Правил:

выявлены нарушения заказчиком установленных законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок требований к порядку принятия заказчиком решения об одностороннем отказе от исполнения контракта, направления его поставщику (подрядчику, исполнителю) и размещения в единой информационной системе; заказчиком не подтверждены факты существенного нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта;

поставщиком (подрядчиком, исполнителем) представлены информация и документы, подтверждающие:

принятие им мер для надлежащего исполнения условий контракта;

надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие обстоятельств непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств, в том числе в связи с мобилизацией в Российской Федерации, введением санкций и (или) мер ограничительного характера. К таким обстоятельствам не относится отказ поставщика (подрядчика, исполнителя) от исполнения контракта по причине введения санкций и (или) мер ограничительного характера в отношении заказчика;

б) если при рассмотрении обращения, направленного в связи с расторжением контракта в случае одностороннего отказа поставщика (подрядчика, исполнителя) от исполнения контракта, и при проведении проверок, предусмотренных подпунктом "а" пункта 13 настоящих Правил, заказчиком не представлены информация и документы, подтверждающие отсутствие оснований для одностороннего отказа поставщика (подрядчика, исполнителя) от исполнения контракта» [70].

Так, к примеру, Управление Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области отозвалось во внесении организации в список недобросовестных поставщиков по заявлению заказчика о расторжении контракта в одностороннем порядке [71], то есть прецедент доказывания невозможности исполнения контракта есть.

В соответствии с пунктом 1.1 части 1 статьи 15.2, статьей 15.9-1 ФЗ о ГОЗ утверждены Порядок выдачи требования о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения законодательства в сфере государственного оборонного заказа и Форма требования о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения законодательства в сфере государственного оборонного заказа [72].

В Постановление Правительства РФ от 2 декабря 2017 г. № 1465 [73] в 2022 году внесены изменения в части таких вопросов, как: определения единственного поставщика и потенциального единственного поставщика; прогнозная цена; ситуация когда плановые затраты на поставку (включая производство) продукции в рамках затратного метода могут определяться путем индексации расходов по статьям затрат с применением соответствующих индексов на плановый период; обязанность при представлении предложений о цене (прогнозной цене) продукции, сформированных с использованием методов определения цены, представляются в качестве обосновывающего документа обоснование размера плановой рентабельности (прибыли) в случае, если в расчетах цены на продукцию ее величина

в части, определяемой исходя из собственных затрат, устанавливается в размере, превышающем 25 процентов плановых собственных затрат организации на поставку продукции и, в случае формирования цены с использованием затратного метода, метода индексации базовой цены либо метода индексации по статьям базовых затрат – заключение о цене на продукцию, подготовленное военным представительством Министерства обороны Российской Федерации или иного государственного заказчика, уполномоченным осуществлять свою деятельность в организации.

«Заключение о цене представляется в соответствии с порядком, установленным в пункте 37(1) настоящего Положения на продукцию, имеющую утвержденную (согласованную) государственным заказчиком нормативно-техническую документацию, а в отношении научно-исследовательских и (или) опытно-конструкторских работ – на продукцию, имеющую утвержденное (согласованное) государственным заказчиком тактико-техническое (техническое) задание; порядка действия государственного заказчика в случае его несогласия с ценой продукции, предложенной единственным поставщиком; порядок определения плановой рентабельности (прибыли) в цене на продукцию с 2023 года; порядок определения прогнозных цен на продукцию, иных цен и порядок их регистрации или не регистрации».

Согласно Постановлению Правительства РФ от 19 сентября 2022 г. № 1658 [74], в контракт на поставку продукции по государственному оборонному заказу с 30.09.2022 включаются типовые условия, в том числе: информирование исполнителей о том, что контракты заключаются, исполняются в целях выполнения государственного оборонного заказа (согласно статьи 15.15 ФЗ о ГОЗ ответчиком по делу о нарушении законодательства в сфере государственного оборонного заказа является лицо, в отношении которого подано заявление, направлены материалы или в действиях (бездействии) которого контролирующим органом обнаружены признаки нарушения законодательства в сфере государственного оборонного заказа: указанные лица признаются ответчиками по делу о нарушении законодательства в сфере государственного оборонного заказа с момента возбуждения дела); порядок и сроки рассмотрения сторонами предложений по внесению изменений в условия контракта (что в некоторой степени возвращает к первоначальной версии статьи 15 ФЗ о ГОЗ [75]), а также иные). Этим же постановлением внесены изменения в Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 № 1275 [76] в части примерных условий государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу.

Заключение

Ситуация, когда головной исполнитель (исполнитель) не имеет возможности выполнить государственный контракт (контракт) по ФЗ о ГОЗ в 2022 году в связи с особыми обстоятельствами, в том числе не исполняемыми со стороны третьего лица заключенными и оплаченными договорами на поставку с третьими лицами, имеет несколько последствий для третьего лица:

1. Гражданско-правовое: неисполнение договора третьим лицом влечет расторжение или изменение договора в соответствии с ГК РФ, что подробно рассмотрено в статье. В этом случае обязанность третьего лица доказать невозможность исполнения договора, что, соответственно, будет основанием для доказательств невозможности исполнения государственного контракта (контракта) головным исполнителем (исполнителем).

2. Административное и иное: если головной исполнитель (исполнитель) 30.09.2022 законно уведомил третье лицо о том, что договор заключен в соответствии с ФЗ о ГОЗ, то в отношении данного третьего лица может быть проведена проверка, и данное третье лицо может быть признано ответчиком согласно статьи 15.15 ФЗ о ГОЗ с соответствующими последствиями согласно главам 5.1 и 5.2 ФЗ о ГОЗ.

Таким образом законными и разумными действиями головного исполнителя (исполнителя) в отношении третьего лица в изложенной ситуации являются:

1. Законное уведомление третьего лица 30.09.2022 о том, что договор заключен в рамках исполнения ГОЗ и подчиняется ФЗ о ГОЗ и подзаконным нормативным правовым актам.

2. Перманентные действия головного исполнителя (исполнителя) по выполнению государственного контракта (контракта) в рамках ФЗ о ГОЗ, в том числе ежемесячное (ежедекадное, ежедневное) напоминание третьему лицу о необходимости исполнения договора, требование постоянного предоставления информации о сроках исполнения договора, сбора иной доказательной базы временной объективной невозможности исполнения договора, обращение в органы государственной исполнительной власти как федеральной, так и региональной, с просьбой о содействии в исполнении договора, иные действия.

3. В случае невозможности исполнения договора третьим лицом обращение головного исполнителя (исполнителя по согласованию с головным исполнителем) в контролирующий орган в соответствии с главой 5.1 ФЗ о ГОЗ.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. В Туле Президент встретился с руководителями организаций оборонно-промышленного комплекса России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/70180> (дата обращения 23.12.2022).
2. О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 28.06.2022).
3. *Соловейчик К.А., Аркин П.А.* Методические вопросы стимулирования роста глубины передела промышленной продукции субъектами Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 4 (94). С. 25-30.
4. *Соловейчик К.А., Аркин П.А.* Промышленная политика Санкт-Петербурга в контексте совершенствования управления наукоемкими производствами машиностроения // Передовые производственные технологии: компьютерные (суперкомпьютерные) технологии и организация наукоемких производств. Сборник тезисов докладов Национальной научно-практической конференции с международным участием. СПб., 2022. С. 15-21.
5. *Плотников В.А., Рогатин С.И.* Перспективы развития системы государственных закупок и государственного оборонного заказа // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 61-68.
6. *Харламов А.В., Харламова Т.Л., Поняева И.* Государственное управление инновационным развитием с использованием возможностей импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 69-75.
7. *Гришков В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О.* Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7-13.
8. *Елошиников М.И.* Тенденции финансового контроля выполнения государственного оборонного заказа // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 197-199.
9. *Харламов А.В.* Санкции как фактор усиления нестабильности современной мировой экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 18-23.
10. *Плотников В.А., Вертакова Ю.В.* Устойчивость развития российской промышленности в условиях макроэкономического шока и новая промышленная политика // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 10. С. 1037-1050.
11. *Мухина И.И., Закаленко В.П.* Механизм взаимодействия коммерческих и государственных структур ВПК при формировании и исполнении государственного оборонного заказа // Реклама и журналистика: на стыке времен, наук и цивилизаций. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2022. С. 280-295.
12. *Танделов Т.А.* Актуальные проблемы государственных закупок в сфере государственного оборонного заказа // Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности. Сборник статей научно-практической конференции. М., 2022. С. 417-421.
13. *Смешко О.Г., Плотников В.А., Вертакова Ю.В.* Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 6. С. 524-537.
14. *Янкевич Е.А.* Коллизийность отдельных норм, регулирующих отношения в сфере государственного оборонного заказа: административно-правовые аспекты // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 3 (63). С. 56-63.
15. *Сыроеждин И.М.* Очерки теории производственных отношений. М.: Экономика, 1970. 247 с.
16. *Сыроеждин И.М.* Совершенствование системы показателей эффективности и качества. М.: Экономика, 1980. 192 с.
17. *Соколов Д.В.* Теоретические и методические предпосылки моделирования организационно-экономических структур хозяйственных систем. Л.: ЛГУ, 1986. 136 с.
18. *Аронов А.М., Петров А.Н.* Современные проблемы стратегического менеджмента. СПб., 2015.
19. *Петров А.Н.* Менеджмент в 2 ч. Часть 2. М., 2020.
20. *Петров А.Н.* Менеджмент в 2 ч. Часть 1. М., 2020.
21. *Петров А.Н., Петрова И.И.* Современный кризис классических теорий менеджмента // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2022. № 11. С. 4-13.
22. *Петров А.Н.* Стратегический менеджмент: в поисках новой парадигмы. СПб., 2022.

23. Петров А.Н., Миэринь Л.А., Бородин Е.П. Система публичного (государственного) управления судами первой инстанции, рассматривающими экономические споры // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 47-60.
24. Соловейчик К.А., Микитась А.В., Аркин П.А. Методологические подходы к определению терминологии в области наукоёмкого производства // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 5 (125). С. 9-18.
25. Соловейчик К.А., Микитась А.В., Аркин П.А. Методические подходы к определению процессов управления наукоёмкими производствами в соответствии с новой номенклатурой научных специальностей // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 1 (133). С. 114-123.
26. Аркин П.А., Новиков А.Б., Соловейчик К.А., Аркина К.Г., Лавров А.С., Левенцов В.А., Муханова Н.В., Рагозина Н.А., Бородин Е.П. Техническое регулирование наукоёмких производств. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022.
27. Аркин П.А. Холдинг. Организация и управление. СПб.: Печатный двор, 1993.
28. Аркин П.А. Организационно-экономический механизм экономической координации: логистический подход. СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ, 1998. 159 с.
29. Аркин П.А., Рогова Е.М., Соловейчик К.А. Управление развитием технологических ресурсов хозяйственных систем: монография. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 174 с.
30. Аркин П.А., Соловейчик К.А. Методологические предпосылки применения экономической координации в хозяйственных системах. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
31. Соловейчик К.А. Концептуальные основы создания инновационных промышленных кластеров в России: монография. СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ, 2010. 127 с.
32. Аркин П.А., Соловейчик К.А. Кластерный подход как основа формирования производственных комплексов современной России // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 3 (63). С. 23-26.
33. Алексеев А.А., Аркин П.А., Богданова Е.Л., Васильев В.Н., Гатчин Ю.А., Титов А.Б. Методология моделирования инновационного процесса на базе теории систем и теории сетей / Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. СПб., 2013.
34. Соловейчик К.А., Салкуцан С.В., Аркин П.А. Процессы управления наукоёмкими производствами в машиностроении. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. 438 с.
35. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.09.2022 по делу № А40-92695/2022.
36. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.12.2022 по делу № А40-92695/2022-130-640.
37. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 05.12.2022).
38. Обзор: "Как юристу работать с учетом антикризисных мер 2022 - 2023". КонсультантПлюс, 2022.
39. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Щербины Евгении Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 451 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определением КС России от 16 февраля 2012 г. № 256-О-О.
40. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022).
41. О последствиях расторжения договора: Постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35.
42. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017).
43. Об обороне: Федеральный закон от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ (ред. от 04.11.2022).
44. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647.
45. О специальной мере в сфере экономики и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. № 616: Постановление Правительства РФ от 03.10.2022 № 1745 (ред. от 08.12.2022).
46. Письмо от 17 августа 2022 г. № 24-06-06/80083 Министерства финансов Российской Федерации.
47. Цатурян Е.А. Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики: монография. М: Статут, 2020. 224 с.
48. Сироткина А.А. Изменение государственного (муниципального) контракта и свобода договора // Закон. 2021. № 8. С. 67-75.
49. Чмидова Е.В. Комментарий к Письму Минфина России от 30.08.2018 № 09-01-08/61833 «Госконтракт: критерии приостановления открытия лицевых счетов» // Нормативные акты для бухгалтера. 2018. № 20.
50. Раев К., Гурин О. Обзор изменений в Законе № 44-ФЗ, вступивших в силу в июле 2022 года // Прогноз.рф. 2022. № 8.
51. Рябинин В.В. Специальные меры в сфере экономики // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2022. № 9.
52. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.12.2022 № Ф07-19244/2022 по делу № А13-2553/2022.

53. Об установлении срока оплаты поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, отдельных этапов исполнения государственного контракта, заключенного в целях обеспечения обороноспособности и безопасности государства: Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июля 2022 г. № 1290.
54. *Свининых Е.А.* Государственный контракт как средство регулирования долгосрочных отношений в сфере государственного оборонного заказа // *Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение.* 2013. № 9 (195). С. 111-118.
55. *Самойлов А.В.* Государственные закупки и государственный оборонный заказ: апрельские новеллы // *Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право.* 2021. № 4. С. 51-57.
56. *Капитонова Е.А.* К вопросу о правовом регулировании размещения государственного оборонного заказа // *Государственный оборонный заказ, размещение заказа, оборонно-промышленный комплекс.* 2013. № 2. С. 71-78.
57. *Столяров Д.А.* Новый Закон о гособоронзаказе // *Промышленность: бухгалтерский учет и налогообложение.* 2013. № 2. С. 62-68.
58. *Апарышев И.В.* О банковском сопровождении расчетов по государственному оборонному заказу опорным банком для оборонно-промышленного комплекса // *Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права.* 2020. № 6. С. 24-30.
59. *Романова Л.* Обзор изменений в Законе об оборонном заказе // *Силловые министерства и ведомства: бухгалтерский учет и налогообложение.* 2019. № 7.
60. *Власова М.Г., Теплякова М.В.* Практика Арбитражного суда Северо-Западного округа по спорам, связанным с исполнением государственного оборонного заказа // *Арбитражные споры.* 2022. № 3.
61. *Свининых Е.А.* Требование о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения законодательства в сфере государственного оборонного заказа, как мера превентивного воздействия на хозяйствующих субъектов // *Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право.* 2021. № 3. С. 24-29.
62. Определение № 309-ЭС21-23588: Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.10.2022).
63. Определение Верховного суда Российской Федерации от 14 сентября 2020 г. № 307-ЭС20-12029.
64. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 января 2022 г. по делу № А41-31247/2021.
65. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 августа 2021 г. по делу № А56-81720/2020.
66. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 ноября 2020 г. по делу № А40-218766/17.
67. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.02.2019 № С01-1160/2018 по делу № А40-249954/2017.
68. Решение Федеральной антимонопольной службы от 1 сентября 2022 г. по делу № 22/44/104/316ГОЗ О включении информации в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей).
69. Решение Федеральной антимонопольной службы от 1 сентября 2022 г. по делу № 22/44/104/318ГОЗ О включении информации в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей).
70. О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 г. № 1078 (ред. от 31.10.2022).
71. Решение Управление Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области от 30 августа 2022 г. № 054/06/104-56/2022.
72. Об утверждении формы и порядка выдачи требования о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения законодательства в сфере государственного оборонного заказа: Приказ ФАС России от 26.05.2021 № 510/21 (зарегистрировано в Минюсте России 20.08.2021 № 64728).
73. О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации (вместе с Положением о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу): Постановление Правительства РФ от 02.12.2017 № 1465 (ред. от 09.12.2022).
74. О типовых условиях контрактов, заключаемых в целях выполнения государственного оборонного заказа, и о внесении изменений в Положение о примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу: Постановление Правительства РФ от 19.09.2022 № 1658.
75. *Краев Н.А.* Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (постатейный).
76. О примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу (вместе с Положением о примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу): Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 № 1275 (ред. от 19.09.2022).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты воспроизводства рабочей силы России в условиях цифровизации экономики. Анализируются инвестиции, направленные на развитие образования, здравоохранения, научные разработки и исследования на основе официальных эмпирических и статистических данных советского и постсоветского периодов. Выявляются особенности, тенденции и негативные явления в современном воспроизводственном процессе рабочей силы России, осуществляется сравнение с другими странами. Разрабатываются основные принципы воспроизводства рабочей силы в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова. Рабочая сила, воспроизводство, финансирование, образование, здравоохранение, научно-исследовательские разработки, цифровая экономика.

Yakshibaeva G.V.

SOME ASPECTS OF THE REPRODUCTION OF THE RUSSIAN LABOR FORCE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Abstract. The article discusses some aspects of the reproduction of the Russian labor force in the conditions of digitalization of the economy. Investments aimed at the development of education, healthcare, scientific research and research based on official empirical and statistical data of the Soviet and post-Soviet periods are analyzed. The features and trends in the reproduction process of the Russian labor force are revealed, and comparison with other countries is carried out. The basic principles of labor reproduction in the digital economy are being developed.

Keywords. Labor force, reproduction, financing, education, healthcare, research and development, digital economy.

Введение

В современных условиях развития цифровизации, информатизации и интеграции, стремительного развития и совершенствования разделения труда, роста специализации и кооперации, роль человеческого фактора в экономической системе проявляется через содержание, характер и качество трудового процесса, интеллектуальных, физических и духовных способностей работника, что непосредственно отражается на уровне развития производительных сил общества, благодаря которому осуществляется динамичное социально-экономическое развитие государства.

«Под рабочей силой, или способностью к труду, – писал К. Маркс, – мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которым обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» [6].

ГРНТИ 06.77.59

EDN RTYJJK

© Якшибаева Г.В., 2023

Гульнара Вахитовна Якшибаева – докторант Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доцент кафедры проектного менеджмента и бизнес-администрирования Уфимского университета науки и технологий.

Контактные данные для связи с автором: 450103, г. Уфа, ул. Высотная, 12/1 (Russia, Ufa, Visotnaya str., 12/1). Тел.: +7 960 383 97 67. E-mail: Gulnara270271@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 05.02.2023.

Классики марксизма-ленинизма утверждали, что рабочая сила является неотъемлемой частью во всех способах производства, отмечая лишь изменение ее общественно-экономической формы.

Теории воспроизводства рабочей силы рассматриваются практически всеми экономическими школами и направлениями. Ее основоположниками считаются классики экономической науки А. Смит, Д. Рикардо, У. Петти и др. Огромный вклад в анализ рабочей силы и ее воспроизводства внес К. Маркс. Применительно к современным условиям рыночной экономики воспроизводством рабочей силы занимались Г. Беккер, М. Блауг, Д. Минцер, П. Самуэльсон, Т. Шульц и др. К отечественным исследователям в этой области науки относятся Д. Валентей, В. Костаков, А. Котляр, Е. Маневич, С. Струмилин, Б. Урланис, Н. Римашевская, И. Ягодкина и др. Однозначно, ученые внесли огромный вклад в изучение воспроизводственных процессов рабочей силы.

В современных условиях стремительного развития глобальной цифровизации, информатизации, роботизации, сопровождающихся нестабильностью, что выражается в санкциях, в сложностях и неопределенностях в социально-экономической, политической и культурной сфере возникает необходимость дальнейшего исследования воспроизводства рабочей силы, ее состояния, особенностей эволюционного развития и направлений в России. В условиях рынка рабочая сила является товаром. Рынок труда предоставляет рабочие места, обеспечивает воспроизводство рабочей силы, распределяет и перераспределяет, а также стимулирует на более эффективное ее использование. Вместе с тем, он способствует повышению мобильности работников, активизирует движение рабочей силы, тем самым решает вопросы занятости населения на микро-, мезо-, макро- и мегауровнях [9].

Материалы и методы

Рабочая сила в плановой экономике, в отличие от рыночной, свое выражение находит через специальные методы организации труда, которые свойственны общегосударственной планово-директивной системе хозяйствования. Характер труда определяется общественной формой привлечения людей к труду. Если для рынка формой привлечения к труду является наемный труд, то для плановой экономики господствующее явление – это планомерно организованное привлечение людей к труду, исходя из потребностей народного хозяйства в рабочей силе.

Основными методами считаются: (1) плановое распределение на работу и организованное трудоустройство молодежи, окончившей профессиональные учебные заведения; (2) государственный организованный набор рабочих разных категорий; (3) организованное переселение семей и др. Таким образом, осуществляется не только организованное привлечение населения к труду, но и планомерное перераспределение трудовых ресурсов между различными предприятиями, отраслями и регионами.

Воспроизводство – процесс производства, рассматриваемый как постоянно повторяющийся и возобновляющийся. Воспроизводство рабочей силы, наряду с воспроизводством материальных и духовных благ, является важнейшей составляющей эффективных производственных отношений и, в целом, общественного воспроизводства [7]. Воспроизводство рабочей силы – это процесс восстановления и поддержания умственных и физических способностей работника, позволяющего непрерывно осуществлять трудовую деятельность. Оно применимо как для отдельного человека, так и для коллектива работников, занятых на основе найма, в последнем случае используется понятие «воспроизводство совокупной рабочей силы».

Особенностью воспроизводства рабочей силы служит то, что она взаимообусловлена и взаимосвязана тремя составляющими: формированием, распределением и использованием. В условиях цифровизации и информатизации экономики влияние каждого отдельно взятого элемента, направленного на качественное воспроизводство рабочей силы, в настоящее время получает особую актуальность. Формирование рабочей силы происходит в результате постоянного его возобновления в совокупности количественных и качественных характеристик.

Важнейшая роль при ее формировании возлагается на такие отрасли, как: образование, здравоохранение, культура, деятельность которых направлена, прежде всего, на интеллектуальное, духовное и физическое развитие и совершенствование человека. Обозначенные отрасли являются специфическими социальными отраслями, деятельность которых, в отличие от других, направлена не на получение быстрой отдачи от вложенных в их развитие средств. Результат вклада обозначенных отраслей, то есть конечный продукт, проявляет себя не сразу, а через определенное время, в средне- и долгосрочном периодах.

Многочисленные научные исследования и эксперименты на мировом и отечественном уровне свидетельствуют, что именно формирование и становление полноценной рабочей силы является важнейшей предпосылкой динамичного экономического роста и повышения конкурентоспособности страны на мировом уровне [8]. При этом образование выступает не продуктом конечного потребления, а средством дальнейшего создания добавленной стоимости и важным фактором национального и глобального макроэкономического роста [2; 10; 11].

Вторая составляющая воспроизводства рабочей силы характеризует ее распределение по различным регионам, предприятиям, секторам, видам экономической деятельности и отраслям народного хозяйства. Распределение рабочей силы в плановой экономике Советского Союза отличалось от нынешнего тем, что в то время применяли централизованный плановый механизм, суть которого заключается в использовании объемно-номенклатурного подхода [4]. Для анализа обеспеченности предприятий и отраслей экономики рабочей силой и определения их потребностей активно применялся баланс трудовых ресурсов (БТР), состоящий из двух взаимосвязанных частей.

Первая часть БТР отражает ресурсы труда, которые складываются в зависимости от демографических и социально-экономических факторов, вторая часть – их распределение и использование по видам занятости (в общественном производстве, на учебе с отрывом от производства, в домашнем и личном подсобном хозяйстве и др.). Баланс показывал распределение рабочей силы по сферам приложения труда: материальное производство и непроизводственная сфера, отраслям народного хозяйства, отдельным социальным группам (интеллигенция, рабочие, колхозники и др.). Таким образом, БТР позволял с достаточно высокой точностью определять и анализировать формирование, распределение и использование рабочей силы, исходя из задачи обеспечения расширенного воспроизводства рабочей силы в тесной увязке с территориальными и отраслевыми интересами страны.

Третья составляющая воспроизводства рабочей силы предполагает ее использование, которое включает в себя решение двух важнейших тесно взаимосвязанных задач: (1) достижение эффективного использования рабочей силы в ходе экономической деятельности; (2) сохранение и совершенствование имеющейся рабочей силы. Рабочая сила, в отличие от других величин, характеризуется непостоянством, что выражается в непрерывном ее развитии и качественном и количественном изменении в соответствии с требованиями нового времени, научно-технического прогресса, законом возвышения потребностей и др.

Совершенно очевидно, что способности и возможности рабочей силы прямо пропорциональны полученным знаниям, навыкам, умениям, компетенциям, созданным условиям в государстве, в обществе, рабочему месту с соответствующим технологическим оснащением и, безусловно, материальному вознаграждению (заработной плате), которую она получает за свой труд.

В решении обозначенных выше задач исключительно значимую роль выполняют инвестиции, направленные на сферу формирования рабочей силы (здравоохранение, образование, культура) и на обеспечение наукоемкого материально-технического производства. Практика передовых стран показывает, что именно благодаря взвешенной перестройке инновационной сферы, основанной на росте вложений в фундаментальные, прикладные и поисковые исследования и разработки достигается весомый результат, который проявляется в повышении конкурентоспособности экономики и, соответственно, в качестве воспроизводства рабочей силы.

Рабочая сила всегда являлась и является главной производительной силой, это положение не теряет своей актуальности и в настоящее время. Сегодня рабочая сила становится важнейшим индикатором проявления глобальной цифровизации, информатизации, роботизации, когда применение высоких технологий в корне трансформирует не только механизмы вовлечения работников в экономическую деятельность, но и характер самореализации самого человека.

Конкурентоспособность страны во многом зависит от темпов прироста основных драйверов, обеспечивающих развитие, которые включают инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, в его основную составную часть – «экономику знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение). Прирост ВВП напрямую зависит главным образом от доли инвестиций в основной капитал в ВВП и доли «экономики знаний» в ВВП. В России эти доли низкие. Доля инвестиций – 17%, в то время как в развитых странах – 20%, в развивающихся – 30-35%, в Китае – 45%. Доля «экономики знаний» в России – 14%, в Европе – 30%, в США – 40%, в передовых развивающихся и постсоциалистических странах – 20-25%, в Китае – 22% [1].

При осуществлении анализа и исследования некоторых аспектов воспроизводственных процессов рабочей силы России были использованы официальные источники Росстата, архивные материалы.

Основные результаты

Проведем анализ формирования рабочей силы по отдельным показателям, непосредственно влияющим на ее качество. Рассмотрим важнейший показатель уровня развития человеческого капитала и, соответственно, рабочей силы – расходы на образование и науку в России (см. табл. 1). Анализ динамики формирования человеческого капитала, следовательно, и рабочей силы в СССР и России с 1945 по 2021 гг., по расходам на образование и науку показал существенную разницу по финансированию в советский и постсоветский периоды.

Таблица 1

Динамика финансирования образования и научных исследований и разработок в СССР и РФ, 1945-2021 гг., % от ВВП

	1945	1973	1987	2010	2021
Государственные и негосударственные расходы на образование	9,8	7,5	6,7	5,0	3,6
Государственные и негосударственные расходы на научные исследования и разработки	9,7	7,3	6,8	4,8	1,09

Источник: Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: Краткий справочник. М.: Центральное статистическое управление, 1988; Россия и страны мира. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022.

В советский период с 1945 по 1990 гг. расходы на образование и на научные исследования и разработки были гораздо больше. Это свидетельствует о том, что государством в плановой экономике уделялось особое внимание развитию как образования, так и научных исследований и разработок. Во многом это обусловлено было и тем, что в послевоенные годы развитие образования и науки шло под лозунгом эпохи индустриализации «кадры решают все», результатом чего стало то, что в пятидесятые и шестидесятые годы XX века наши образовательные учреждения не уступали зарубежному уровню.

Направлялись огромные ассигнования, составляющие солидные доли от ВВП, на развитие образования и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Однако в последние десятилетия XX века системная трансформация экономики привела к хроническим застойным явлениям, вследствие чего существенно сократились расходы (почти в три раза – с 9,8% до 3,6%), что крайне негативно отразилось на состоянии производительных сил.

Отказавшись от планирования, новое руководство страны при переходе к рыночной экономике со второй половины 1991 г. «вместе с водой выплеснуло и ребенка». И все это происходило в период, когда десятки других стран с успехом взяли на вооружение пятилетнее планирование, модернизировав его применительно к рыночным условиям (Япония, Китай, Индия и др.). Реализация крупных народнохозяйственных проектов, имеющих ключевое значение для развития страны, может происходить только при плановых методах хозяйствования. Эти методы позволяют консолидировать финансовые, человеческие, инфраструктурные ресурсы, устанавливать четкое взаимодействие между различными отраслями промышленности, регионами страны, определять плановые параметры и контролировать их исполнение [3].

Все исследования, проводимые передовыми странами, направленные на выявление эффективности вложений в человеческий фактор через образование, указывают на ее рост по мере увеличения сроков обучения, причем рентабельность ассигнований на человеческий капитал (определявшаяся как отношение актуализированного повышения среднего уровня дохода к расходам на образование) намного превосходила прибыльность вложений в физический капитал. Эти выводы послужили теоретическим обоснованием для беспрецедентного расширения сферы просвещения и подготовки кадров в развитых капиталистических странах. Затраты на образование стали восприниматься общественным мнением уже не как статья непроизводительного потребления, а как одна из наиболее эффективных форм инвестиций [5].

В связи с этим, следует подчеркнуть, что в советской России определяющим фактором, драйвером развития экономики всегда были производительные силы, на формирование которых направлялись огромные ассигнования, с учетом особенностей развития конкретной территории, региона, города, наличия инфраструктуры, транспорта, связи, линий электропередач и др. Доказательством этому является стабильный рост уровня квалификации рабочей силы в России за период с 1962 по 2021 гг. (см. табл. 2).

Таблица 2

Рост уровня квалификации рабочей силы в экономике за 1962-2021 гг., %

	1962	1965	1969	1972	2010	2021
Занятые – всего.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Из них:						
квалифицированные и высококвалифицированные	62,5	65,4	69,5	72,3	75,8	80,0
низкоквалифицированные и неквалифицированные	37,5	34,6	30,5	27,7	24,2	20,0

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 151 с.

По таблице видно, что за весь рассматриваемый период, начиная с 1962 и по 2021 гг., наблюдается положительная тенденция роста уровня квалификации рабочей силы в стране, отличаются только темпы роста. Это отчетливо видно, если данный промежуток времени разделить на два этапа: на первом, охватывающем десятилетний период с 1961 г. по 1972 г., число квалифицированных и высококвалифицированных работников стремительно увеличивается и становится на 10 п.п. больше (с 62,5% до 72,3%), в то время как за период с 2010 по 2021 гг. параметр изменился всего на 5 п.п. (с 75,8% до 80%). Основной причиной замедления темпов роста уровня квалификации рабочей силы является сокращение финансирования образовательной сферы.

Оценивая современное состояние России в сфере осуществления государственных расходов на образование и здравоохранение среди девяти развитых стран, можно отметить, что Россия имеет самые низкие показатели по расходам на образование (3,6% к ВВП) и на здравоохранение (3,9% к ВВП), что указано в таблице 3. Если оценивать расходы по отдельности, то по образованию лидирующие места занимают Норвегия (7,1% к ВВП) и Швеция (7,1% к ВВП), за ними идут Израиль (6,0% к ВВП), Украина (6,0% к ВВП), США (5,0% к ВВП), Австралия (5,0% к ВВП) и др. По расходам на здравоохранение на первом месте находятся США (10,7% к ВВП), на втором – Германия (10,1% к ВВП), на третьем – Швеция (9,8% к ВВП).

Таблица 3

Государственные расходы на образование и здравоохранение (в % к ВВП)

Государство	Год	Расходы на образование	Год	Расходы на здравоохранение
Россия	2021	3,6	2021	3,9
Германия	2019	4,7	2020	10,1
Норвегия	2019	7,1	2021	8,6
Франция	2019	5,4	2020	9,4
Швеция	2019	7,1	2020	9,8
Израиль	2019	6,0	2020	5,9
США	2019	5,0	2020	10,7
Австралия	2019	5,0	2020	8,0
Украина	2020	6,0	2020	4,2

Источник: Россия и страны мира. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 400 с.

Анализируя распределение выпускников учебных заведений системы высшего образования по областям образования за 2020 год, как потенциальный источник рабочей силы, в разрезе некоторых стран,

можно выявить особенности и сложившиеся тенденции в современный период (см. табл. 4). В большинстве стран отчетливо проявляется тенденция приоритетной подготовки специалистов по направлению предпринимательство и право, по их выпуску на первом месте находится Австралия (36,6%), на втором – Франция (35,4%), на третьем – Бразилия (34%). Значительный выпуск по инженерному делу, производству, строительству и сельскому хозяйству имеет Россия (24,6%), Швеция (19,2%), Франция (15,8%).

Достаточно солидную долю занимают в структуре распределения выпускников здравоохранение и социальное обеспечение, здесь лидируют такие страны, как Швеция (21,9%), Австралия (17,8%), США (17,4%), Бразилия (16,6%), Нидерланды (15,4%). По направлению естественные науки, математика, статистика, ИКТ доминируют Индия (19,9%), США (12,5%), Австралия (12%). Учебные заведения системы высшего образования данных стран активно готовят специалистов в сфере информационных технологий, так как высок спрос на рынке труда на IT-работников (программисты, разработчики, аналитики, интернет-маркетологи, дизайнеры и др.).

Таблица 4

Распределение выпускников учебных заведений системы высшего образования по областям образования в некоторых странах за 2020 г. (в % от общего числа выпускников системы высшего образования)

Страна	Образование	Гуманитарные науки, искусство	Общественные науки, журналистика	Предпринимательство и право	Естественные науки, математика, статистика, ИКТ	Инженерное дело, производство, строительство, сельское хозяйство	Здравоохранение и социальное обеспечение	Сфера услуг и прочие области
Россия	8,3	4,4	11,4	27,3	7,9	24,6	7,6	8,4
Нидерланды	8,6	8,3	14,3	27,9	10,3	9,8	15,4	5,4
Франция	4,0	8,3	7,5	35,4	11,8	15,8	13,1	4,1
Швеция	13,8	6,3	12,1	15,7	8,7	19,2	21,9	2,3
Индия	9,6	5,4	27,0	18,1	19,9	15,0	4,8	0,3
Бразилия	18,5	2,8	4,6	34,0	5,6	14,6	16,6	3,2
США	6,5	19,1	11,9	18,8	12,5	8,0	17,4	5,7
Австралия	8,1	9,2	5,6	36,6	12,0	9,2	17,8	1,5

Источник: Россия и страны мира. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 400 с.

Искусственный интеллект, роботизация, информатизация, работа с большими данными приводят к цифровой трансформации рынков труда. Появляются все новые и новые платформы цифрового труда (Fiverr, Freelancer, Guru, Uber, Upwork и др.). Новые формы труда представляют собой способы организации работы и предложения услуг. Очевидно, в сложившихся условиях наиболее конкурентоспособной рабочей силой станут те работники, которые владеют и используют компетенции в цифровой среде.

Заключение

Таким образом, архиважность роста инвестиций в воспроизводство рабочей со стороны государства и бизнеса заключается в том, что они оказывают как прямое, так и косвенное влияние на качество формирования, распределения и использования рабочей силы, как определяющего фактора производства, от которого зависят темпы экономического развития. В условиях цифровизации экономики основными принципами воспроизводства рабочей силы России должны быть:

- приоритетность развития и совершенствования всех составляющих воспроизводства рабочей силы (формирование, распределение и использование);
- обеспечение единства экономической эффективности и социальной справедливости всех акторов (государство, бизнес, работники), на основе усиления социального партнерства, соблюдения и выполнения их интересов;
- обеспечение многоуровневого характера управления рабочей силой, предполагающего тесную взаимосвязь программ всестороннего развития и совершенствования человека на мега-, макро-, мезо-, микроуровнях на основе применения планового механизма.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Аганбегян А.Г.* О необходимости планирования в новой России // Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем / под ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021.
2. *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход // Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
3. *Бодрунов С.Д.* План и рынок: перспективы интеграции // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 216. С. 190-203.
4. Влияние характеристик реального сектора на формирование противоположных типов хозяйственных систем / под ред. Д.Ю. Миропольского. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. 353 с.
5. *Гаврилов А.Н., Семенов А.А.* Централизованное регулирование с акцентом на развитие главной производительной силы как залог успешного экономического развития (опыт прошлого столетия) // Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем / под ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23.
7. *Попов А.И., Якшибаева Г.В.* Состав, структура и движение рабочей силы в России // Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность: сборник научных статей / под ред. Т.А. Селищевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022.
8. *Фелтс Э.* Массовое процветание: как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 472 с.
9. *Якшибаева Г.В.* Особенности формирования занятости населения в Республике Башкортостан // Вопросы региональной экономики. 2013. № 2 (15). С. 94-100.
10. *Mincer J.* Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. № 4.
11. *Schultz T.W.* The Economic Value of Education. N.Y.: Columbia University Press, 1963.

Боркова Е.А., Трунин В.И.

РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Основываясь на концепции и опыте реализации государственно-частного партнерства (ГЧП), в статье рассматривается механизм и практика развития модели ГЧП в инновационной сфере. Обобщены основные принципы сотрудничества, позволяющие государству и частному сектору извлекать взаимную выгоду. Исследование показало, что внедрение модели ГЧП в сфере инноваций снижает финансовое давление со стороны государства и содействует развитию инновационной сферы в разных секторах экономики, тем самым способствуя повышению общественного благосостояния. Предложения, вытекающие из результатов исследования, состоят в том, чтобы установить открытые, инклюзивные, доверительные отношения между бизнесом и государством, а также идентифицировать конкретные области партнерства в инновационной сфере.

Ключевые слова. Государственно-частное партнерство, инновационная сфера, инновации, государственное управление, финансирование, частные инвестиции.

Borkova E.A., Trunin V.I.

DEVELOPMENT OF THE MECHANISM OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE INNOVATIVE SPHERE

Abstract. Based on the concept and related experience in the implementation of public-private partnership (PPP model), this article examines the mechanism and practice of developing the PPP model in the innovation sector. In combination with the practice of implementing the PPP model, the main principles of forms of cooperation that allow the state and the private sector to derive mutual benefit are systematically summarized. The study showed that the introduction of the PPP model in the field of innovation reduces financial pressure from the state and promotes the development of the innovation sector in various sectors of the economy, thereby contributing to the improvement of public welfare. The proposals arising from the results of this study are to establish an open, inclusive, trusting relationship between business and the state, as well as to identify specific areas of partnership in the innovation field.

Keywords. Public-private partnership, innovation sphere, innovations, public administration, financing, private investment.

Введение

Взаимодействие бизнеса и государства становится реальностью в современной России, об этом свидетельствует опыт достаточно успешной реализации партнерских проектов государственного и частного

ГРНТИ 06.56.31

© Боркова Е.А., Трунин В.И., 2023

EDN PPJXWR

Елена Аркадьевна Боркова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общей экономической теории и истории экономических учений Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Виктор Иванович Трунин – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансов общественного сектора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Контактные данные для связи с авторами (Трунин В.И.): 191119, Санкт-Петербург, Днепропетровская ул., 8 (Russia, St. Petersburg, Dnepropetrovsk str., 8). Тел.: +7 911 130-54-08. E-mail: Galas@ngs.ru.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023.

секторов в различных отраслях экономики [1, с. 42]. Термин государственно-частное партнерство (ГЧП) предполагает взаимодействие 2-х основных субъектов: государства и частного бизнеса. ГЧП охватывает широкий спектр отношений взаимодействия государства и бизнеса, направленных на достижение национально значимых проектов [2, 3]. Целью исследования является анализ форм, моделей и механизмов реализации государственно-частного партнёрства в инновационной сфере. В частности, исследуется практика реализации проектов в разных отраслях национальной экономики.

Материалы и методы

В мае 2018 года Президент РФ подписал указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Этот документ определил национальные проекты, в том числе основные направления развития инновационной сферы. В настоящее время механизм ГЧП получил широкое распространение и включил в себя ряд форм сотрудничества. ГЧП – один из способов развития общественной инфраструктуры, основанный на долгосрочном взаимодействии государства и бизнеса, при котором частная сторона участвует не только в проектировании, финансировании, строительстве или реконструкции объекта инфраструктуры, но и в его последующей эксплуатации.

В настоящее время такой вид партнерства в мире весьма развит, он представлен в основном проектами, связанными с общественной деятельностью. Партнёрство заключается на базе соглашения о государственно-частном партнерстве (СГЧП) или концессионного соглашения (КС), являющихся по своей природе гражданско-правовыми договорами. Способом заключения СГЧП и КС обычно являются торги в виде конкурса на право заключения. Под партнёрством подразумевается сотрудничество, при котором обе стороны равноправны и взаимодополняют друг друга. Существует два основных способа развития: государство и частные компании присоединяются к существующей организации или вместе создают смешанную, заключая договор о сотрудничестве или управлении компанией, реализации, лизинге и пр.

В процессе работы над статьей был использован аналитический метод познания процессов, а также сравнительный анализ и метод научного исследования. Формы и модели ГЧП, применение которых возможно в рамках национального законодательства, следующие:

- ВТО («Построй-Передай-Управляй») – контракт, по которому отстроенный объект сразу передается государству;
- ВОТ («Построй-Управляй-Передай») – механизм, дающий право пользования на срок соглашения, а после происходит передача государству;
- ВОО («Построй-Владей-Управляй») – с окончанием срока соглашения объект переходит в частную собственность;
- ВООТ («Построй-Владей-Управляй-Передай») – окупив все свои затраты, частная сторона передает объект государству;
- DBFO («Проектируй-Построй-Финансируй-Управляй») – частный партнер занимается проектированием, строительством, финансированием, эксплуатацией объекта, собственником которого может являться как частная, так и публичная сторона.

Государственно-частное партнерство в сфере инноваций

ГЧП в сфере инноваций является относительно новым инструментом и пока только развивается. Тем не менее, оно является одной из наиболее значимых и успешных форм взаимодействия бизнеса и государства. По мнению авторов, в России механизм ГЧП в сфере инноваций воплотился в жизнь с принятием ряда федеральных целевых программ, таких как: «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники на 2002-2006 годы», «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России» на 2007-2013 гг. и на 2014-2020 гг.

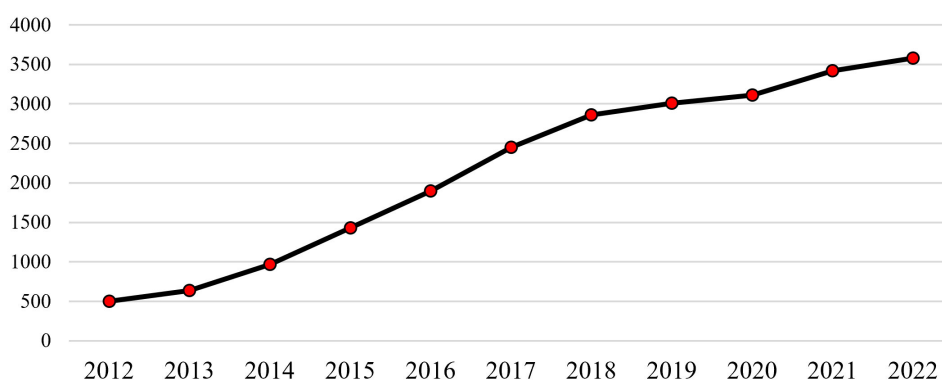
Данные программы в первую очередь основаны на софинансировании из внебюджетных источников, прямо не предусматривая конкретных механизмов реализации ГЧП. Более того, наблюдается значительное изменение соотношения финансирования в пользу государства (от 2:1 до 5:1). Однако уже в 2019 году утверждена новая государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», которая будет реализовываться в 2019-2030 годах, подразумевающая значительный прирост частного участия в реализации инновационных проектов и активное продвижение практик ГЧП.

Хотя отнести к инновационной сфере сегодня можно лишь весьма небольшую часть от общего количества российских проектов, реализуемых в рамках ГЧП, наличие общего предмета для партнерства и опыт применения на всех уровнях во многих отраслях, принятие специального закона о ГЧП и ряда федеральных программ являются значительным шагом для активного развития отношений ГЧП в инновациях, что дало толчок для создания бизнес-инкубаторов, технических парков, инновационно-технологических центров и наукоградов.

Схема такого партнерства выглядит так: государство способствует проведению фундаментальных исследований, так как это весьма рискованный этап, вложения в который могут окупаться довольно долго или вовсе не окупиться, а также задает направления в развитии и обеспечивает благоприятные условия для инновационной деятельности частных компаний, а те, выбирая для себя благоприятную среду, осуществляют прикладную деятельность, создавая новые технологии и их коммерциализируя. Обычно фундаментальные исследования проводятся на базе университетов, исследовательских лабораторий (например, в институтах РАН), посредством деятельности которых государство стремится достичь результатов, которые в будущем могут непосредственно использоваться обществом [4, с. 71].

В России представлено 4 основных механизма осуществления инновационной деятельности: (1) прямое участие; (2) государственный заказ; (3) субсидирование; (4) льготный режим. Однако, часть из них не предполагает рассматривать их в рамках ГЧП. Преимуществами механизма ГЧП для публичной стороны являются: возможность реализовать проект при отсутствии необходимого объема средств; возможность объединения различных этапов; возможность качественного улучшения общественной жизни и удовлетворения потребителей за счёт частной стороны, в том числе привносящей новые технологии; раздел рисков; сокращение срока выбора инвестора; повышение эффективности управления. Для частной стороны есть такие преимущества: закрепление партнерства с государством на долгий срок; возможность получения территорий для реализации проекта без торгов; софинансирование со стороны государства; правовые гарантии; увеличение выручки путём оказания платных услуг и снижения издержек в процессе реализации проекта; передача части рисков.

Основными целями государства в рамках ГЧП являются привлечение средств частных лиц для развития наиболее важных направлений в науке и развитии инноваций, а также координации развития инновационных процессов в экономике. Основными целями бизнес-структур, в свою очередь, являются снижение коммерческих рисков и сроков, в течение которых инвестиции в инновации начнут приносить прибыль. На рисунке 1 представлено количество запущенных проектов на базе ГЧП с 2012 по 2022 год.

Составлено авторами на основе данных Национального центра ГЧП.

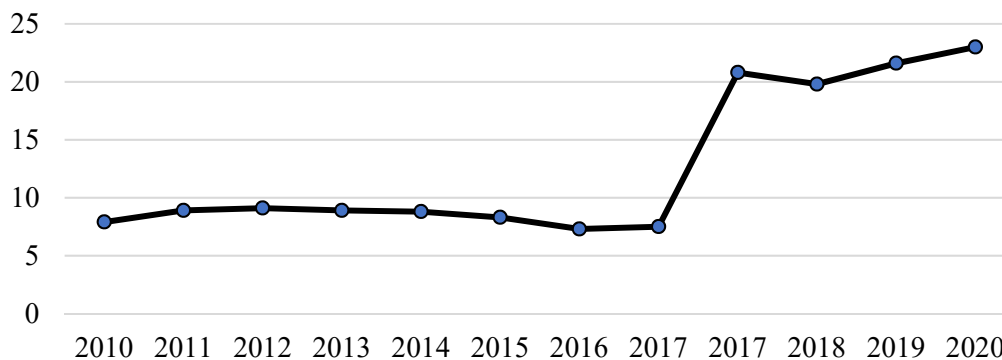
Рис. 1. Количество запущенных проектов (накопительным итогом)

Анализируя данные, можно заметить, что данный механизм партнерства приобретает все большее распространение, пусть и относительно стагнирует последние несколько лет. Тем не менее, есть явная перспектива дальнейшего роста количества успешных проектов, о чём говорят как восходящая линия тренда, так и общая ситуация, сложившаяся во взаимодействии государства и бизнеса. Но ряд проблем в развитии и продвижении ГЧП в инновационной сфере существует и ждёт решения. Наиболее важной

задачей сейчас является преодоление разрыва между фундаментальными и прикладными этапами разработок и обеспечение долгосрочности отношений и обоюдной выгоды между государством и бизнесом.

Частная сторона заинтересована в наименее затратном получении продуктов фундаментальных исследований, снижении рисков. Также встает вопрос о том, насколько бизнес готов к партнерским отношениям с государственными научными организациями в области наукоемких и высокотехнологичных производств. Более того, отечественный сектор исследований и разработок очень зависим от государства и зачастую не воспринимает частные инвестиции [5, с. 234].

Еще одной проблемой успешной работы ГЧП является бюджетное финансирование научных организаций и вузов, являющихся партнерами промышленных предприятий, коммерциализирующих результаты научно-исследовательских работ. Выделение средств на исследования и коммерциализацию из разных источников осложняет согласование действий бизнеса и науки и эффективность передачи разработок в производство. Незначительность числа предприятий, ориентированных на инновации, играет в этом немалую роль. Согласно статистике, инновационно-ориентированными в последние годы являлись в среднем 7-10% предприятий, и лишь в последние 5 лет их доля значительно увеличилась (рис. 2).

Составлено по данным Росстата (см.: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/innov-2.xls>).

Рис. 2. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в их общем числе

Кроме того, даже инновационно-ориентированные предприятия зачастую относятся к сотрудничеству с государством с недоверием. Соответственно, для успешного развития механизма ГЧП необходимо проработать следующие аспекты: устранить существующие законодательные противоречия, такие как проблемы в защите прав интеллектуальной собственности; практической реализации различных научных разработок; а также налоговых льгот и финансовой поддержки со стороны государства; стимулировании потребителей наукоемкой продукции.

Важно доведение исследований до воплощения в готовый продукт, который можно успешно внедрить в определенную сферу жизни общества, так как ввиду различных причин сегодня огромная часть разработок в России попросту не находит применения на практике, так и оставаясь лишь неоконченным проектом, не оказавшим ни экономического, ни социального, ни технологического эффекта. Преодоление данного разрыва сегодня является одной из главных задач в партнерстве между бизнесом и государством.

Предварительное определение специфики и направленности проекта помогло бы избежать данной ситуации, так как обе стороны заведомо знали бы, какой конечный продукт они получают и могли бы планомерно продвигать его, не тратя средства и время на исследования в какой-либо общей научной области, не имея конкретных представлений, будут ли они иметь практический результат, или так и останутся на фундаментальном этапе.

Практика развития ГЧП в инновационной сфере

Несмотря на то, что курс на цифровизацию общества и активное развитие ГЧП был взят правительством всего несколько лет назад, в нашей стране есть примеры вполне успешных проектов. Примером потен-

циально перспективной направленности реализации проектов на основе ГЧП является развитие городской инфраструктуры посредством внедрения специальных сервисов. Проект «Умный город» – один из ярких примеров. Он представляет собой единую систему мероприятий, направленных на улучшение городской среды через использование различных инноваций и цифровых новшеств в таких направлениях, как городское управление; «умное» ЖКХ; «умный» городской транспорт и пр.

Основой его реализации являются нацпроекты «Цифровая экономика» и «Жилье и городская среда». Главной целью является внедрение интеллектуальных систем безопасности, как экологической, так и общественной, а также реализация на практике автоматизированных систем в городах и энергоэффективных систем освещения. Согласно данным Министерства строительства РФ, около 16 млрд рублей из 80, требующихся на выполнение проекта до 2024 года, поступит от инвесторов в рамках ГЧП.

Среди так называемых «умных» проектов выделяется проект по переоснащению остановок общественного транспорта через внедрение систем навигации и видеонаблюдения. Также в последние годы активное развитие получили системы платных городских парковок, создаваемых на основе ГЧП. Так, соглашение с рядом муниципалитетов заключила организация «Городские парковки». Говоря о практической эффективности, можно отметить, что одна из таких парковок (в Воронеже) вмещает 6 тыс. парковочных мест (см.: https://tv-gubernia.ru/novosti/obwestvo/godovoj_abonement_na_parkovku_v_centre_goroda). Еще одним примером ГЧП в данной сфере является соглашение о создании системы платных городских парковок между администрацией Нижнего Новгорода и ПАО «Мегафон» (см.: <https://www.kommersant.ru/doc/5090854>).

В качестве еще одного примера практики инновационного развития можно назвать совместный проект ГК «Ростех» и ПАО «Ростелеком» «Цифромед», целью которого является создание единого цифрового контура в сфере здравоохранения. В данный момент в рамках этого проекта уже собрано внушительное количество медицинских данных граждан РФ, но должным образом они все еще не обрабатываются, тем не менее, данная инициатива по-прежнему является весьма перспективной (см.: <https://rostec.ru/news/rosteekh-i-rostelekom-budut-sovmestno-razvivat-tsifrovoe-zdravookhranenie>).

Есть успешные проекты ГЧП и в транспортной отрасли. Так, на железных дорогах стартовало тестирование десятка первых в своем роде локомотивов, оснащенных искусственным интеллектом на основе уникальной отечественной разработки «Cognitive Rail Pilot», делающей возможным распознавание препятствий любого рода на пути состава. Несколько лет назад сотрудники НИЦ НАМИ в сотрудничестве с «Яндексом» и «КАМАЗом» разработали «Шатл» – беспилотный 12-местный электромобиль. Похожим ярким примером является беспилотный трамвай с автоматической системой управления компаний «Cognitive Technologies» и «ПК Транспортные системы» (см.: <https://www.tadviser.ru/index.php>).

В сфере экологии также есть примеры успешных проектов. Так, в Пермском крае был запущен информационный ресурс, способствующий управлению лесным хозяйством – РГИС «Умный лес». «Ростелеком» представил ряд интеллектуальных сервисов видеоаналитики, самостоятельно обрабатывающих полученные данные и отправляющий их в местные коммунальные службы или управляющие организации.

Отдельного внимания заслуживает многофункциональный научно-индустриальный комплекс «Сколково», включающий в себя университеты, предприятия и бизнес-инкубаторы, вместе образующие систему приема, трансляции и коммерциализации инноваций. Основная цель комплекса заключается в создании технологий и основанных на них услуг, имеющих высокий практический и экономический потенциал и востребованность. С 2013 года «Сколково» развивается в рамках государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика», два этапа подпрограммы которой, непосредственно относящиеся к комплексу, были завершены в 2020 году, после чего было принято решение о продлении программы вплоть до 2024 года. Примечательно, что объем бюджетного финансирования за годы реализации программы составил 177 млрд рублей, а посредством ГЧП – 570 млрд руб. К партнерам проекта относится ряд университетов (РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина; НИУ МГСУ и др.), исследовательских центров, корпораций.

16 сентября 2022 года произошел запуск акселератора ИТ-проектов под руководством РФРИТ, Фонда «Сколково» и Национального центра ГЧП, целью которого является повышение эффективности реализации проектов ГЧП в сфере ИТ. Акселератор был запущен на базе платформы «Росинфра». В рамках соглашения будет создан центр, регулирующий компетенции по ГЧП в указанной сфере для

применения наиболее эффективных практик, их оптимизации и качественного улучшения уровня квалификации участников. Также будет создан единый проектный офис, учитывающий ключевые моменты данной сферы и напрямую работающий с предлагаемыми инициативами.

Сегодня также представляет интерес успешное партнерство в эксплуатации и развитии космической системы связи и вещания «Ямал», являющейся совместным проектом Роскосмоса и «Газпрома», включающей три спутника, наземные сети спутниковой связи и телевидения и комплекс управления. Такое партнерство создает явные перспективы для внедрения инноваций и развития инновационных отраслей. В 2021 году было заключено концессионное соглашение в отношении информационной системы «Цифровое Приморье», реализуемой в рамках национальной программы «Социально-экономического развития Дальнего Востока». Цель проекта заключается в разработке общедоступного информационного пространства, которое будет учитывать информационные потребности граждан в ряде сфер, таких как транспорт, образование, коммунальные услуги и др.

Заключение

Инновационная сфера в рамках ГЧП остается крайне перспективной как для государства, так и для частного бизнеса и более того, нуждается в активном развитии [6, с. 42]. На базе государственно-частного партнерства осуществление исследовательской деятельности и процесс внедрения инноваций в экономику и общественную жизнь становятся в разы эффективнее, повышая уровень жизни в стране и уровень технологического развития, при этом являясь взаимовыгодным для обеих сторон партнерства. И хотя в России все еще остается ряд проблем и вопросов, нуждающихся в решении, ГЧП приобретает все большее распространение и в будущем может вывести инновационное развитие РФ на качественно новый уровень.

В целом следует отметить, что создание необходимых условий для развития ГЧП в инновационной сфере требует достаточно длительного времени, в течение которого должны быть понятны экономические, социальные, экологические и иные стимулы для соблюдения принципов социальной ответственности, а также поддерживающие подсистемы должны быть идентифицированы и созданы. Как показало исследование, достаточная институциональная база уже существует и действует. Важным аспектом устойчивого развития ГЧП в сфере инноваций также является внедрение мониторинга комплексных регламентов и исполнения закона, регулирующего механизм ГЧП.

Благодарности

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность» (рег. № 121042600253-4).

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Боркова Е.А., Ватлина Л.В., Курбанов А.Х., Плотников В.А. Оценка влияния макроэкономических шоков на устойчивость развития секторов национальной экономики и проблемы экономической безопасности. СПб., 2022.
2. Курбанов А.Х., Плотников В.А. Государственно-частное партнерство и аутсорсинг: сравнительный анализ структуры и характера отношений // В мире научных открытий. 2013. № 4 (40). С. 33-47.
3. Плотников В.А., Маслюк А.В. Перспективы цифровизации процессов государственного управления // Управленческое консультирование. 2022. № 3 (159). С. 87-94.
4. Радушинский Д.А. Особенности реализации соглашений о государственно-частном партнерстве в инновационной сфере // Петербургский экономический журнал. 2016. № 2. С. 70-78.
5. Селищева Т.А., Ларионова Н.И. Механизм государственной поддержки высокотехнологичного сектора экономики России // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке. XXXVIII научная конференция профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам научно-исследовательской деятельности университета за 2015 год. СПб., 2017. С. 234-239.
6. Ватлина Л.В. Проблемы и предпосылки актуализации технологий при государственном управлении // Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике. Материалы IV Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2022. С. 42-45.

Жаринов И.О.

**СЦЕНАРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЦИФРОВОЙ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ ОПК**

***Аннотация.** Рассматриваются аспекты модернизации и цифровой реиндустриализации государственных корпораций с акцентом на стратегическую роль сквозных цифровых технологий в бизнес-процессах проведения внутрифирменных изменений, осуществляемых с государственным участием. Стек технологий позиционируется компонентом оборонно-промышленного потенциала РФ, необходимым для комплексной интеграции бизнеса в физическом и виртуальном экономических пространствах оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Предлагается комплексный подход к решению специфических проблем выбора сценария модернизации и цифровой реиндустриализации ОПК, заключающийся в систематизации двух вероятных направлений стратегического проведения изменений, основанных на наращивании и усечении стека сквозных цифровых технологий в составе инфраструктуры оборонного бизнеса в рамках общей программы цифровизации экономики РФ.*

***Ключевые слова.** Модернизация, реиндустриализация, оборонно-промышленный комплекс, стек, сквозные цифровые технологии, Индустрия 4.0.*

Zharinov I.O.

**SCENARIOS OF MODERNIZATION AND DIGITAL REINDUSTRIALIZATION
OF STATE DEFENSE CORPORATIONS**

***Abstract.** Aspects of modernization and digital reindustrialization of State corporations are considered with an emphasis on the strategic role of end-to-end digital technologies in the business processes of intra-company changes carried out with State participation. The technology stack is positioned as a component of the defense-industrial potential of the Russian Federation, necessary for the integrated integration of business in the physical and virtual economic spaces of the defense-industrial complex. A comprehensive approach to solving specific problems of choosing a scenario for modernization and digital reindustrialization of the defense industry is proposed, which consists in systematizing two likely directions of strategic changes based on increasing and truncating the stack of technologies as part of the infrastructure of the defense business within the framework of the program of digitalization of the Russian economy.*

***Keywords.** Modernization, reindustrialization, military-industrial complex, stack, end-to-end digital technologies, Industry 4.0.*

ГРНТИ 06.54.31

EDN OSIZNE

© Жаринов И.О., 2023

Игорь Олегович Жаринов – Заслуженный машиностроитель Российской Федерации, доктор технических наук, профессор, руководитель учебно-научного центра – ученый секретарь научно-технического совета АО «ОКБ «Электроавтоматика» (Санкт-Петербург).

Контактные данные для связи с автором: 198095, Санкт-Петербург, ул. Маршала Говорова, 40 (Russia, St. Petersburg, Marshal Govorov str., 40). Тел.: 8 (812) 252-20-37. E-mail: mpbva@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 18.02.2023.

Введение

В соответствии с реализуемой в настоящее время стратегией [1] цифровизации экономики РФ, модернизация и цифровая реиндустриализация ГК «Ростех», ГК «Роскосмос», ГК «Росатом» осуществляются в результате процессов замещения в бизнесе оборонно-промышленного комплекса (ОПК) средств производства, приводящих к общему изменению, по академику РАН Каблову Е.Н. [17], технологического и хозяйственного укладов отечественного ОПК. При этом, термины «технологический уклад» и «хозяйственный уклад» используются в аспектах и масштабе рассмотрения проблемы модернизации и цифровой реиндустриализации российского ОПК со смысловыми содержаниями определений, введенных академиком РАН Глазьевым С.Ю. [5], а именно: (а) «технологические уклады – это группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими «цепочками» и образующие воспроизводящиеся целостности»; (б) «мирохозяйственный (хозяйственный) уклад – система взаимосвязанных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство капитала, а также национальных и мировой экономики в соответствующем вековом цикле накопления».

В соответствии с вышесказанным, на этапе реализации концептов Индустрии 4.0 приоритет в экономике промышленности РФ отводится стеку сквозных цифровых технологий, имеющему «точки практического приложения» в составе инновационных производственных мощностей корпоративного бизнеса ОПК, т.е. стек технологий положен в основу качественной оценки технологического состояния экономической системы ОПК, в которой выделены актуальные для научного исследования эволюционные состояния, соответствующие концептам Индустрии 3.0, Индустрии 3.0+, Индустрии 4.0, дифференцированным по видам групп субтехнологий, имеющих адекватное экономическое применение в хозяйственных практиках государственных корпораций.

Процесс экономико-технологического развития современного ОПК Индустрии 3.0, таким образом, выполняется [2] посредством синхронного внедрения в инфраструктуру бизнеса ОПК субтехнологий в различных сочетаниях, приводящего к повышению технологического уровня производства и в терминологии цифровой экономики РФ к «повышению цифровой зрелости ключевых отраслей» экономической системы ОПК, т.е. модернизация и цифровая реиндустриализация государственных корпораций, имеющие общеэкономическое значение, проводятся с целью управляемого изменения качества экономической системы ОПК (накопление противоречий – используемых методов ведения хозяйственной деятельности – бизнеса по Perez С. [10] как основание для научно-технической революции), достигаемого в силу комбинаторных эффектов в результате коэволюции сквозных цифровых технологий и производственного бизнеса в их жизненных циклах.

Отметим, что Президент РФ Путин В.В. на прямой линии 2017 г. заявил: «Что касается цифровой экономики, то без цифровой экономики мы не сможем перейти к следующему технологическому укладу. А без этого перехода у российской экономики, а, значит, у страны нет будущего». Под цифровой экономикой в исследовании принято состояние экономики, при котором по члену-корреспонденту РАН Клейнеру Г.Б. [18]: (а) процессы производства, распределения, обмена и потребления, включая все связанные с ними способы взаимодействия, осуществляются на основе цифровых технологий; (б) реальные экономические процессы, объекты, проекты и среды в ходе взаимодействий дополняются или заменяются их цифровыми (программно-компьютерными) моделями (двойниками), т.е. в такой экономике должны быть сбалансированы интересы микро-, мезо-, макроэкономических систем в ходе их коэволюции за счет включения интеллектуальных систем и цифровых технологий в пространство экономических коммуникаций и использования механизмов системно-информационного регулирования, в результате которых будут нивелированы недостатки сложившегося административно-командного «конвейера полномочий».

Сценарии экономического развития ОПК, изменяющие соотношение между сквозными технологиями в общей логике организации процесса производства продукции ОПК, поддаются [3] формализации и оказывают влияние на микроуровневые экономические показатели, контролируемые в общем макроконтуре хозяйствования государственных корпораций. Отдельные бизнес-единицы государственных корпораций, применяющие сопряженные субтехнологии в различных сочетаниях при ведении хозяйственной деятельности, в связи с этим, формируют добавленную стоимость продукции ОПК и улучшают качественную структуру капитала всей экономической системы ОПК.

Методы и методология исследования

Стек сквозных цифровых технологий, выступающих предметом промышленного применения в экономике ОПК, с теоретико-методологической точки зрения составляет основу производственной функции Cobb Ch.W. – Douglas P.H. [15], определяющей сочетание факторов и множество технически эффективных способов изготовления продукции ОПК, связанных с затратами различных (материальных, энергетических, информационных) ресурсов. Технологии в стеке считаются относительно комплементарными и допускают конвергентное применение в процессах производства в различных пропорциях, зависящих от технической сложности реализации бизнес-проектов и состава продукции ОПК. В корпоративном бизнесе ОПК стек «отождествляется» с экономической категорией «общая факторная производительность», изменяемой в экономической системе ОПК в соответствии с динамиками технологического, производственного и рыночного уровней готовностей сквозных цифровых технологий, влияющих на внутрикорпоративные приращения объемов производства продукции ОПК, не связанные с затратами труда и капитала, т.е. влияющих на экономический рост и научно-технический прогресс экономики промышленности по Ayres R.U. & Warr B. [14].

В связи с этим, модернизация и цифровая реиндустриализация ОПК являются [4] составляющими более общих процессов создания и распространения (диффузии) в экономике РФ цифровых технологий (накопление противоречий – «напряжений технологических возможностей» – бизнеса по Perez С. [10] как основание для научно-технической революции), а также процессов их поступательного совершенствования в контекстах повышения уровней цифровой зрелости ключевых экономических отраслей ОПК и применения модели постоянных технологических изменений в экономике промышленности РФ, имеющих эндогенную природу.

В рассматриваемом контексте термин «реиндустриализация» применяется в контексте реформы ОПК РФ со смысловой нагрузкой, сформулированной членом-корреспондентом РАН Бодруновым С.Д. [2], а именно: «Реиндустриализация – это проведение экономической политики, представляющей собой набор мероприятий по восстановлению роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты на основе нового, передового технологического уклада путем решения комплекса взаимосвязанных экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России». В согласии с Сухаревым О.С. [12, 13] реиндустриализация предполагает структурное управление развитием ОПК как альтернативу «догоняющему» развитию.

Модернизацию и цифровую реиндустриализацию ОПК, таким образом, в согласии с Ершовой Н.А. и др. [6], с позиции анализа технологических изменений ГК «Ростех», ГК «Роскосмос», ГК «Росатом» следует рассматривать [7] элементом более глобального экономического процесса развития ОПК (повышение оборонно-промышленного потенциала РФ через расширение набора производственных возможностей субъектов ОПК), осуществляемого с участием: (а) изготовителей (микроэкономических объектов ОПК); (б) институциональных (ведомственных) Заказчиков, имеющих влияние на направленность процессов межкорпоративного трансфера технологий, сопряженных с достижением Российской Федерацией оборонных (технологический суверенитет) и социальных (занятость и образованность населения) интересов, а государственными корпорациями – финансово-экономических интересов, ориентированных на физические и информационные факторы производства.

Сценарии модернизации и цифровой реиндустриализации государственных корпораций

Задачу унификации технологического обеспечения производства ОПК следует рассматривать как задачу разработки суверенного стека сквозных цифровых технологий с целью его использования в бизнес-процессах экономической системы ОПК, связанных с модернизацией и цифровой реиндустриализацией ГК «Ростех», ГК «Роскосмос», ГК «Росатом». По своим возможностям стек технологий является видом обеспечения экономической деятельности ОПК, связанной с выполнением однотипных производственных задач в различных по технологическому оснащению структурах государственных корпораций, отличающихся составом средств производства и относящихся, в связи с этим, к экономическим агентам Индустрии 3.0, Индустрии 3.0+, Индустрии 4.0.

Такое разделение субъектов экономики РФ, с одной стороны, соответствует этапам реализации стратегии модернизации и цифровой реиндустриализации государственных корпораций, с другой – позволяет синтезировать унифицированные наборы сквозных цифровых технологий, комплексирование ко-

торых с различными средствами производства образует конечное множество производственных мощностей, имманентное микроуровню национальной экономики РФ. Помимо унификации в масштабе отечественного ОПК сквозных цифровых технологий и способов их применения в хозяйственной деятельности для решения задачи преобразования оборонной промышленности по схеме «Индустрия 3.0 → Индустрия 3.0+ → Индустрия 4.0», необходимо определить принцип разбиения пространства состояний экономической системы ОПК на «конечные зоны», абстрактно отождествляемые по Новицкому Н.А. [8, 9] с эволюционно достигаемыми экономическими объектами ОПК уровнями цифровой зрелости своего технологического развития.

Унифицированные сквозные цифровые технологии, таким образом, будут определять такие производственные компетенции хозяйствований ОПК, технологические возможности которых по изготовлению продукции ОПК можно путем смыслового анализа классифицировать по принадлежности на производственные возможности субъектов ОПК Индустрии 3.0, Индустрии 3.0+, Индустрии 4.0, одновременно функционирующих в условиях цифровизации многоукладной (по академику РАН Глазьеву С.Ю. [5]) экономики РФ.

В процессах реализации этапов проведения изменений ОПК допустимы два различных сценария освоения хозяйствованиями суверенного стека сквозных цифровых технологий: сценарий вариативного «наращивания» субтехнологий и сценарий их вариативного «усечения» во внутрифирменной производственной инфраструктуре ОПК. В сценарии «наращивания» субтехнологий реализация этапа цифровой реиндустриализации бизнеса ОПК предусматривает возможность объединения фаз проведения внутрифирменных изменений по мере усложнения субтехнологий и соответственно средств производства. Сценарий «усечения» стека сквозных цифровых технологий предусматривает реализацию этапа стратегии модернизации и цифровой реиндустриализации хозяйствования в обратном направлении, т.е. вариативное исключение отдельных субтехнологий из их полного набора в стеке технологий Индустрии 4.0, предварительно классифицированных ГК «Росатом» в «Атласе сквозных цифровых технологий».

Экономико-математический инструментарий сценарной реализации изменений в ОПК

Систематизация процессов модернизации и цифровой реиндустриализации ОПК (увязка технологий через градации по уровням w_n^p, w_n^c цифровой зрелости) основана на использовании в качестве векторных управляемых переменных единообразных метрических уровней Сухарева О.С. [12, 13]:

$$w_n^p = \frac{1}{w_n^p(t)}, w_n^c = \frac{1}{w_n^c(t)}, W_n^p(t) = Q_n m_n^\gamma s_n^\beta, W_n^c(t) = L_n v_n^\alpha z_n^\chi,$$

где $W_n^p(t), W_n^c(t)$ – функции развития технологий (по структуре совпадают с производственной функцией, предусматривающей взаимодействие объектов материальной и нематериальной природы на основе процессов обмена веществом, энергией и информацией), соответствующих уровню n для физической (p) и виртуальной (c) среды ОПК; $m = \frac{M}{Z}$ – материалоемкость, $v = \frac{V}{Z}$ – трудоемкость, $s = \frac{S}{Z}$ – энергоемкость, $z = \frac{Tr}{Z}$ – транзакционоемкость технологии; M – материалы, S – энергия, Z – продукт, V – труд, Tr – транзакционные издержки; $\gamma, \beta, \alpha, \chi$ – коэффициенты эластичности.

Заметим, кстати, что в работе [12] в выкладках допущены ошибки при определении полной производной от функции развития технологии. Настоящая работа устраняет эту неточность и представляет откорректированный вариант аналитического определения для: $\frac{dW_n^p(t,m,s)}{dt}, \frac{dW_n^c(t,v,z)}{dt}$, полученный через частные производные.

Задача модернизации и цифровой реиндустриализации ОПК в аналитической форме имеет вид:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{j=1}^J \underset{n \in N}{\operatorname{argmin}} \{ \max \{ w_n^{j,p} \} \} \\ \sum_{h=1}^H \underset{n \in N}{\operatorname{argmin}} \{ \max \{ w_n^{h,c} \} \} \end{array} \right\} \Rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \sum_{j=1}^J \underset{n \in N}{\operatorname{argmin}} \left\{ \min_{m \in M, s \in S} \{ W_n^{j,p}(t, m, s) \} \right\} \\ \sum_{h=1}^H \underset{n \in N}{\operatorname{argmin}} \left\{ \min_{v \in V, z \in Z} \{ W_n^{h,c}(t, v, z) \} \right\} \end{array} \right\}.$$

В качестве индикаторов результативности развития технологий целесообразно рассматривать отклонения $(w_n^p - \tilde{w}_n^p), (w_n^c - \tilde{w}_n^c)$ достигаемых от заданных уровней готовности стека, т.е. в системе управления технологическими изменениями ОПК (см. рис.) реализуется управляемый перевод технологий из

начальных состояний в конечные состояния между этапами жизненного цикла технологий, терминальные состояния которых определяются поэтапно «TRL→MRL→CRL» достигаемой комбинацией TRL9/MRL10/CRL8 в конфигурационном пространстве стека.

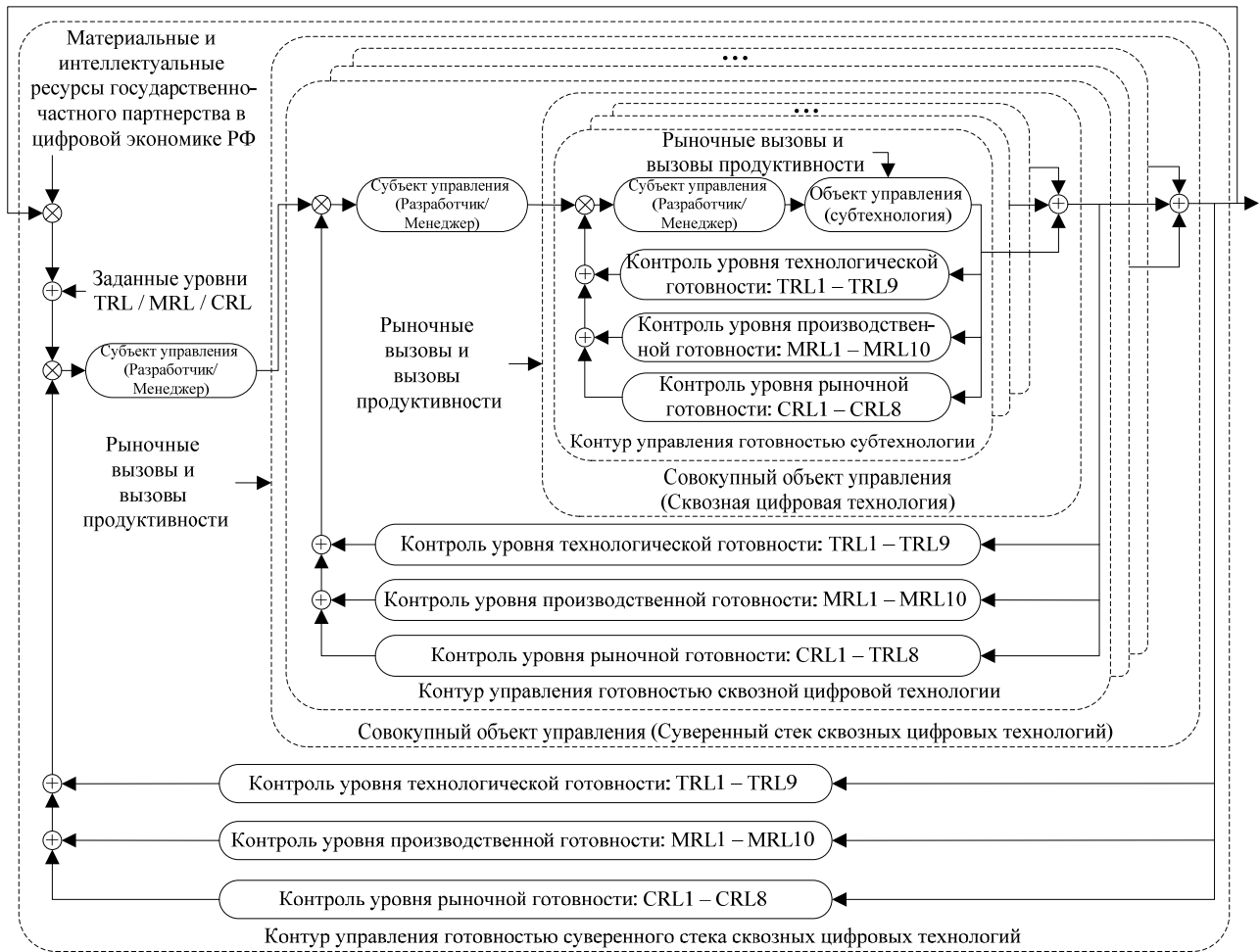

Рис. Схема системы управления развитием суверенного стека сквозных цифровых технологий (TRL – Technology, MRL – Manufacturing, CRL – Commercialization Readiness Level)

Динамика развития технологий, таким образом, описывается следующими выражениями:

$$\begin{aligned} \frac{dW_n^p(t, m, s)}{dt} &= \frac{\partial W_n^p(t, m, s)}{\partial m} \frac{dm}{dt} + \frac{\partial W_n^p(t, m, s)}{\partial s} \frac{ds}{dt} = \tilde{Q}_{n-1, n} \left(\gamma m_n^{\gamma-1} s_n^\beta \frac{dm_n^\gamma}{dt} + \beta m_n^\gamma s_n^{\beta-1} \frac{ds_n^\beta}{dt} \right) = \\ &= \tilde{Q}_{n-1, n} m_n^\gamma s_n^\beta \left(\gamma \frac{1}{m_n} \frac{dm_n^\gamma}{dt} + \beta \frac{1}{s_n} \frac{ds_n^\beta}{dt} \right) = W_n^p(t, m, s) \left(\gamma \frac{1}{m_n} \frac{dm_n^\gamma}{dt} + \beta \frac{1}{s_n} \frac{ds_n^\beta}{dt} \right) \\ &= \frac{1}{w_n^p} \left(\gamma \frac{1}{m_n} \frac{dm_n^\gamma}{dt} + \beta \frac{1}{s_n} \frac{ds_n^\beta}{dt} \right) \Rightarrow \\ &\Rightarrow \frac{d\left(\frac{1}{w_n^p}\right)}{dt} = \frac{1}{w_n^p} \left(\gamma \frac{1}{m_n} \frac{dm_n^\gamma}{dt} + \beta \frac{1}{s_n} \frac{ds_n^\beta}{dt} \right) \Rightarrow \frac{d\left(\frac{1}{w_n^p}\right)}{\frac{1}{w_n^p}} = \left(\gamma \frac{1}{m_n} \frac{dm_n^\gamma}{dt} + \beta \frac{1}{s_n} \frac{ds_n^\beta}{dt} \right) dt, \end{aligned}$$

$$\frac{dW_n^c(t, v, z)}{dt} = \frac{\partial W_n^c(t, v, z)}{\partial v} \frac{dv}{dt} + \frac{\partial W_n^c(t, v, z)}{\partial z} \frac{dz}{dt} = \tilde{L}_{n-1, n} \left(\alpha v_n^{\alpha-1} z_n^\chi \frac{dv_n^\alpha}{dt} + \chi v_n^\alpha z_n^{\chi-1} \frac{dz_n^\chi}{dt} \right) =$$

$$\begin{aligned}
&= \tilde{L}_{n-1,n} v_n^\alpha z_n^\chi \left(\alpha \frac{1}{v_n} \frac{dv_n^\alpha}{dt} + \chi \frac{1}{z_n} \frac{dz_n^\chi}{dt} \right) = W_n^c(t, v, z) \left(\alpha \frac{1}{v_n} \frac{dv_n^\alpha}{dt} + \chi \frac{1}{z_n} \frac{dz_n^\chi}{dt} \right) = \frac{1}{w_n^c} \left(\alpha \frac{1}{v_n} \frac{dv_n^\alpha}{dt} + \chi \frac{1}{z_n} \frac{dz_n^\chi}{dt} \right) \\
&\Rightarrow \\
&\Rightarrow \frac{d\left(\frac{1}{w_n^c}\right)}{dt} = \frac{1}{w_n^c} \left(\alpha \frac{1}{v_n} \frac{dv_n^\alpha}{dt} + \chi \frac{1}{z_n} \frac{dz_n^\chi}{dt} \right) \Rightarrow \frac{d\left(\frac{1}{w_n^c}\right)}{\frac{1}{w_n^c}} = \left(\alpha \frac{1}{v_n} \frac{dv_n^\alpha}{dt} + \chi \frac{1}{z_n} \frac{dz_n^\chi}{dt} \right) dt.
\end{aligned}$$

Процессы взаимодействия и смены состояний компонентов в стекe описываются для каждой ij -пары субтехнологий в пределах одной сквозной технологии, обладающих, соответственно, n -м и m -м уровнями готовности и связанных отношением функций развития:

$$\begin{aligned}
W_n^{ip}(t) &= \mathbb{R}^{ijp} \left(W_m^{jp}(t) \right), W_n^{ic}(t) = \mathbb{R}^{ijc} \left(W_m^{jc}(t) \right), W_n^{ip}(t) = {}^{ijpc} \left(W_m^{jc}(t) \right), W_n^{ic}(t) = {}^{ijcp} \left(W_m^{jp}(t) \right), \\
W_n^{ip}(t) &= {}^{ijp} \left(W_{m_1}^{1p}(t), W_{m_2}^{2p}(t), \dots, W_{m_j}^{jp}(t) \right) = {}^{ijp} \left(W_{m_j}^{j=\overline{1,J}p}(t) \right), i \notin \overline{1,J}, \\
W_n^{ic}(t) &= {}^{ijc} \left(W_{m_1}^{1c}(t), W_{m_2}^{2c}(t), \dots, W_{m_j}^{jc}(t) \right) = {}^{ijc} \left(W_{m_j}^{j=\overline{1,J}c}(t) \right), i \notin \overline{1,J}, \\
W_n^{ip}(t) &= \mathbb{Q}^{iJHpc} \left(W_{m_j}^{j=\overline{1,J}p}(t), W_{m_h}^{h=\overline{1,H}c}(t) \right), i \notin \overline{1,J}, i \notin \overline{1,H}, W_n^{ic}(t) = \\
&{}^{iJHcp} \left(W_{m_j}^{j=\overline{1,J}c}(t), W_{m_h}^{h=\overline{1,H}p}(t) \right), i \notin \overline{1,J}, i \notin \overline{1,H},
\end{aligned}$$

где $ijp, ijc, ijpc, ijcp, ijp, ijc, iJHpc, iJHcp$ – совокупность кросс-функций (по Woodward J. & Thompson J.D.), задаваемых предельно общими, универсальными выражениями:

$$\begin{aligned}
&\frac{dW_n^{ip}(t)}{dt} = k_{n-1,n}^{ip} \left(W_{n-1}^{ip} - {}^{ijp} \left(W_m^{jp}(t) \right) \right) = \\
&= \frac{d {}^{ijp} \left(W_m^{jp}(t) \right)}{dt} \cdot \frac{dW_m^{jp}(t)}{dt} = \frac{d {}^{ijp} \left(W_m^{jp}(t) \right)}{dt} \cdot k_{m-1,m}^{jpc} \left(W_{m-1}^{jc} - W_m^{jc} \right) = \\
&= k_{n-1,n}^{ip} \left(W_{n-1}^{ip} - {}^{ijp} \left(W_{m-1}^{jp} - \frac{1}{k_{m-1,m}^{jpc}} \frac{dW_m^{jp}(t)}{dt} \right) \right) = k_{n-1,n}^{ip} \left(W_{n-1}^{ip} - {}^{ijpc} \left(W_m^{jc}(t) \right) \right) = \\
&= \frac{d {}^{ijpc} \left(W_m^{jc}(t) \right)}{dt} \cdot \frac{dW_m^{jc}(t)}{dt} = \frac{d {}^{ijpc} \left(W_m^{jc}(t) \right)}{dt} \cdot k_{m-1,m}^{jcp} \left(W_{m-1}^{jp} - W_m^{jp} \right) = \\
&= k_{n-1,n}^{ip} \left(W_{n-1}^{ip} - {}^{ijpc} \left(W_{m-1}^{jp} - \frac{1}{k_{m-1,m}^{jcp}} \frac{dW_m^{jp}(t)}{dt} \right) \right) = k_{n-1,n}^{ip} \left(W_{n-1}^{ip} - {}^{ijp} \left(W_{m_j}^{j=\overline{1,J}p}(t) \right) \right) = \\
&= k_{n-1,n}^{ip} \left(W_{n-1}^{ip} - {}^{ijp} \left(W_{m_{j-1}}^{j-1p} - \frac{1}{k_{m_{j-1},m_j}^{jpc}} \frac{dW_{m_j}^{jp}(t)}{dt} \right) \Bigg|_{j=\overline{1,J}} \right) \\
&= k_{n-1,n}^{ip} \left(W_{n-1}^{ip} - {}^{iJHpc} \left(W_{m_j}^{j=\overline{1,J}p}(t), W_{m_h}^{h=\overline{1,H}c}(t) \right) \right) = \\
&= k_{n-1,n}^{ip} \left(W_{n-1}^{ip} - {}^{iJHpc} \left(W_{m_{j-1}}^{j-1p} - \frac{1}{k_{m_{j-1},m_j}^{jpc}} \frac{dW_{m_j}^{jp}(t)}{dt}, W_{m_h}^{h=\overline{1,H}c}(t) - \frac{1}{k_{m_h-1,m_h}^{hpc}} \frac{dW_{m_h}^{hc}(t)}{dt} \right) \Bigg|_{\substack{j=\overline{1,J} \\ h=\overline{1,H}}} \right), \\
&\frac{dW_n^{ic}(t)}{dt} = k_{n-1,n}^{ic} \left(W_{n-1}^{ic} - {}^{ijc} \left(W_m^{jc}(t) \right) \right) = \\
&= \frac{d {}^{ijc} \left(W_m^{jc}(t) \right)}{dt} \cdot \frac{dW_m^{jc}(t)}{dt} = \frac{d {}^{ijc} \left(W_m^{jc}(t) \right)}{dt} \cdot k_{m-1,m}^{jcp} \left(W_{m-1}^{jp} - W_m^{jp} \right) =
\end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
 &= k_{n-1,n}^{ic} \left(W_{n-1}^{ic} - i_{jc} \left(W_{m-1}^{jc} - \frac{1}{k_{m-1,m}^{jc}} \frac{dW_m^{jc}(t)}{dt} \right) \right) = k_{n-1,n}^{ic} \left(W_{n-1}^{ic} - i_{jcp} \left(W_m^{jp}(t) \right) \right) = \\
 &= \frac{d i_{jcp} \left(W_m^{jp}(t) \right)}{dt} \cdot d \frac{W_m^{jp}(t)}{dt} = \frac{d i_{jcp} \left(W_m^{jp}(t) \right)}{dt} \cdot k_{m-1,m}^{jp} (W_{m-1}^{jp} - W_m^{jp}) = \\
 &= k_{n-1,n}^{ic} \left(W_{n-1}^{ic} - i_{jcp} \left(W_{m-1}^{jp} - \frac{1}{k_{m-1,m}^{jp}} \frac{dW_m^{jp}(t)}{dt} \right) \right) = k_{n-1,n}^{ic} \left(W_{n-1}^{ic} - i_{jc} \left(W_{m_j}^{j=\overline{1},Jc}(t) \right) \right) = \\
 &= k_{n-1,n}^{ic} \left(W_{n-1}^{ic} - i_{jc} \left(W_{m_{j-1}}^{jc} - \frac{1}{k_{m_{j-1},m_j}^{jc}} \frac{dW_{m_j}^{jc}(t)}{dt} \right) \right) \Bigg|_{j=\overline{1},J} \\
 &= k_{n-1,n}^{ic} \left(W_{n-1}^{ic} - i_{jHcp} \left(W_{m_j}^{j=\overline{1},Jc}(t), W_m^{=\overline{1},Hp}(t) \right) \right) = \\
 &= k_{n-1,n}^{ic} \left(W_{n-1}^{ic} - i_{jHcp} \left(W_{m_{j-1}}^{jc} - \frac{1}{k_{m_{j-1},m_j}^{jc}} \frac{dW_{m_j}^{jc}(t)}{dt}, W_m^p - \frac{1}{k_{m-1,m}^p} \frac{dW_m^p(t)}{dt} \right) \Bigg|_{j=\overline{1},J} \right),
 \end{aligned}$$

т.е. в составе стека динамика и состояние развития одной технологии являются функциями динамики и состояния сопряженной (одной j, h или нескольких J -физических и H -виртуальных) технологии (последовательность состояний в комплексе устойчивых связей детерминации), поддерживать интегральное внутренне-рекурсивное стековое (многомерная конструкция из специфических связей состояний конкретных развивающихся объектов в классе цифровых технологий) развитие технологического уклада по которым в инфраструктурной (материально-информационной) парадигме развития ОПК оказывается возможным в регуляторных условиях экономических макросистем – государственных корпораций ОПК ($J + H$ определяет полную мощность стека технологий):

$$\begin{aligned}
 &\frac{dW_n^{jpHc}(t)}{dt} = \frac{dW_n^{jp}(t)}{dt} + \frac{dW_n^{Hc}(t)}{dt} = \sum_{i=1}^J \frac{dW_n^{ip}(t)}{dt} + \sum_{i=1}^H \frac{dW_n^{ic}(t)}{dt} = \\
 &= \sum_{i=1}^J \tilde{Q}_{n-1,n}^i m_n^{\gamma i} s_n^{\beta i} \left(\gamma \frac{1}{m_n^i} \frac{dm_n^{\gamma i}}{dt} + \beta \frac{1}{s_n^i} \frac{ds_n^{\beta i}}{dt} \right) + \sum_{i=1}^H \tilde{L}_{n-1,n}^i v_n^{\alpha i} z_n^{\chi i} \left(\alpha \frac{1}{v_n^i} \frac{dv_n^{\alpha i}}{dt} + \chi \frac{1}{z_n^i} \frac{dz_n^{\chi i}}{dt} \right),
 \end{aligned}$$

где уровни w_n^p, w_n^c отдельных взаимопроникаемых через малые приращения субтехнологий и стека в целом (наложение диалектических процессов индивидуального и коллективного развития объектов в результирующей закономерности и в синергетической по Haken Н. [16] интерпретации) имеют проекции на координатные оси кривой Gartner Hype Cycle for Emerging Technologies.

Анализ текущих состояний отдельных субтехнологий, оцененных ГК «Росатом» и представленных в «Атласе сквозных цифровых технологий», свидетельствует о существовании множества начальных условий в системе дифференциальных уравнений, определяемых достигнутыми к настоящему времени уровнями технологической, производственной и рыночной готовностей. В связи с этим, в аналитическом описании закономерностей взаимосвязи субтехнологий, применяемых на каждом конкретном микро-, мезо- или макроуровневом экономическом объекте ОПК, будут иметь место системы уравнений, высший порядок производной в которых определяется максимально возможным уровнем готовности технологии, а младшие производные могут отсутствовать, т.к. описываемые ими этапы развития технологий уже осуществлены исследователями на практике.

Стек сквозных цифровых технологий, таким образом, является многомерным экономическим объектом кумулятивного развития ОПК с разделенными во времени и локализованными в пространстве состояниями, динамика которых (динамическая сущность модернизации технологического уклада ОПК) обусловлена множественными пересекающимися обменными процессами материально-энергетически-информационного «близкодействия» разработчиков субтехнологий, имеющими за счет «цеп-

ной реакции» (единичные изменения, т.е. «волна-носитель», одной субтехнологии приводят к комплексному изменению группы субтехнологий, а те, в свою очередь, мультипликативно модифицируют стек) в системе процессов, основанных на комбинациях прямых и обратных связей, интегральное влияние («дальнодействие») на формирование новых системных свойств и технологических компетенций (нового качественного состояния) ГК «Ростех», ГК «Роскосмос», ГК «Росатом», в результате чего в экономике ОПК образуется «сетевой эффект», т.е. повышение полезности каждой потребляемой бизнес-структурой цифровой технологии как самостоятельного блага в зависимости от роста числа корпоративных потребителей этой технологии и их объемов потребления технологии.

При этом цепочка эволюции «Индустрия 3.0 → Индустрия 3.0+» соответствует экстенсивному пути развития ОПК, т.е. повышение потребления ресурсов не приводит к качественному изменению состояния ОПК (имеет место процесс перехода экономической системы ОПК во времени в новое состояние, в котором субъекты ОПК продолжают функционировать в прежних состояниях и не приобретают новых качеств совокупности), а «скачкообразная» цепочка «Индустрия 3.0 → Индустрия 4.0» — интенсивному пути развития ОПК, предусматривающему создание экономических объектов («фабрик будущего») качественного нового уровня цифровой зрелости производства (имеет место организованный переход индивидуальных состояний экономических объектов в первичных звеньях ОПК с обретением новых качеств совокупности — экономической системы ОПК — за счет синергетических эффектов на мезо- и макроуровнях экономики РФ, обусловленных внутрискетевой связностью сквозных цифровых технологий).

Таким образом, технологические изменения в ОПК рассматриваются не нейтральными по нобелевскому лауреату по экономике Hicks J., т.к. затрагивают баланс труда и капитала:

$$\begin{aligned} \gamma \frac{1}{m_n} \frac{dm_n^\gamma}{dt} + \beta \frac{1}{s_n} \frac{ds_n^\beta}{dt} < 0 &\Rightarrow \gamma \frac{1}{m_n} \frac{dm_n^\gamma}{dt} < -\beta \frac{1}{s_n} \frac{ds_n^\beta}{dt}, \\ \alpha \frac{1}{v_n} \frac{dv_n^\alpha}{dt} + \chi \frac{1}{z_n} \frac{dz_n^\chi}{dt} < 0 &\Rightarrow \alpha \frac{1}{v_n} \frac{dv_n^\alpha}{dt} < -\chi \frac{1}{z_n} \frac{dz_n^\chi}{dt}, \end{aligned}$$

в процессах развития каждой сквозной цифровой технологии через ее объемы материалоемкости, энергоемкости, трудоемкости и транзакционоемкости. При этом обеспечивается комплементарное развитие технологий в стеке, т.к. уровень каждой отдельной технологии регулируется по средневзвешенному технологическому уровню микро-, мезо- или макроэкономической системы ОПК, опирающемуся на пропорции развития в РФ составляющих стека. Дифференциалы $\frac{dm_n^\gamma}{dt}$, $\frac{ds_n^\beta}{dt}$, $\frac{dv_n^\alpha}{dt}$, $\frac{dz_n^\chi}{dt}$ являются отрицательными, т.к. материалоемкость, энергоемкость, трудоемкость и транзакционоемкость технологии снижаются с ростом уровня ее готовности, т.е. производные определены на убывающих участках функций времени.

В рамках процессов цифровой реиндустриализации ОПК развитие стека сквозных цифровых технологий соответствует базовым идеям ресурсной теории организации, в согласии с которой создание ценностного предложения в виде новой цифровой субтехнологии, обладающей требуемыми бизнесу уровнями технологической TRL, производственной MRL и рыночной CRL готовностей, и извлечение на ее основе экономической ренты субъектом-владельцем являются способом возобновления в цепочке состояний «Индустрия 3.0 → Индустрия 3.0+ → Индустрия 4.0» конкурентных преимуществ государственных корпораций за счет масштабного использования интеллектуального потенциала нематериальных активов микро-, мезо- и макроуровневых экономических объектов.

Для осуществления этого на фоне текущего выполнения ГК «Ростех», ГК «Роскосмос», ГК «Росатом» государственного оборонного заказа необходимо дополнительное финансовое обеспечение по линии федеральных целевых программ поддержки ОПК (институтов развития ОПК) в рамках общей государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», предусматривающей перевод субъектов хозяйствования на суверенный стек сквозных цифровых технологий и максимизацию оборонно-промышленного потенциала России.

Заключение

Институциональные и инфраструктурные изменения ОПК, связывающие макро-, мезо- и микроуровни хозяйствования ГК «Ростех», ГК «Роскосмос», ГК «Росатом» в согласии с их экономическими потребностями (интересами) и ресурсными возможностями, основанными на капиталах и опыте организации экономической деятельности ОПК, допускают различные варианты системной динамики «Индустрия

3.0 → Индустрия 3.0+ → Индустрия 4.0» экономического развития ОПК и обусловлены неудовлетворенностью власти текущими состояниями государственных корпораций, полученными в процессах экономической идентификации моделей их функционирования, ответственных за процессы разработки в РФ суверенного стека сквозных цифровых технологий по действующим соглашениям с Правительством РФ.

В связи с этим, в экономической науке востребованы новые решения, стержневым образом соответствующие особенностям экономики ОПК РФ с материально-энергетически-информационной основой, структурно трансформируемой в технологическом (цифровом) и институциональном аспектах, согласованных со стратегическими задачами национального развития РФ, которые выведены на приоритетные позиции в процессах модернизации и цифровой реиндустриализации ОПК и содействуют приведению ОПК к эквивалентному состоянию функционирования, определенному в исследовании [11] как экономическая система ОПК Индустрии 4.0.

Ключевая роль в поддержании требуемой динамики реформ государственных корпораций, очевидно, принадлежит институтам цифровизации экономики РФ, обеспечивающим заданное движение макроуровневой экономической системы ОПК «Индустрия 3.0 → Индустрия 3.0+ → Индустрия 4.0» в процессах ее модернизации и цифровой реиндустриализации, имеющих отражение на микро- и мезоуровнях хозяйствований в виде внутрифирменных изменений релевантных ОПК Индустрии 3.0 средств производства и производственных отношений. (Заметим, что под институтами модернизации и цифровой реиндустриализации государственных корпораций в согласии с North D.C. [19] нами понимаются правила и нормы поведения, установленные в РФ законодательными актами, а также организационные структуры и способы, инструменты, механизмы, централизованно применяемые органами государственного регулирования в интересах экономики ОПК как составляющей экономики России.)

Суверенный стек сквозных цифровых технологий, таким образом, подлежит вводу в экономику РФ, он выбран в качестве основного средства модернизации и цифровой реиндустриализации ОПК из-за его базового инфраструктурного влияния на экономические объекты макро-, мезо- микроуровней, согласующегося с инструментарием институциональной коррекции государства, имеющим уже системное влияние на корпоративный бизнес ОПК в целом. Взаимосвязь институциональной и инфраструктурной составляющих ОПК, используемых на различных корпоративных уровнях организации экономики РФ, объединена в связи с необходимостью поддержания в РФ общих правил осуществления экономической деятельности, обладающих отраслевым наполнением тематик выполняемых в рамках государственного оборонного заказа РФ производственных проектов и предполагающих централизованное распределение экономических факторов развития между ГК «Ростех», ГК «Роскосмос», ГК «Росатом» со стороны Правительства РФ.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Балашов А.И., Мартынова Я.В.* Реиндустриализация российской экономики и развитие оборонно-промышленного комплекса // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 31-44.
2. *Бодрунов С.Д.* О международном конгрессе «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» (22-23 ноября 2014 г.) // Экономическое возрождение России. 2014. № 3 (41). С. 8-10.
3. *Бондарь Т.В.* Государственная корпорация как инструмент модернизации экономики // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 2. С. 17-20.
4. *Дубенецкий Я.Н.* Реиндустриализация: практические шаги // Мир новой экономики. 2014. № 2. С. 13-20.
5. *Глазьев С.Ю.* Рынок в будущее: Россия в новых технологическом и хозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
6. *Ершова Н.А., Павлов С.Н.* Научно-методический подход к анализу проблемы экономического роста в долгосрочном прогнозировании развития экономики // Финансовая экономика. 2022. № 11. С. 195-197.
7. *Мау В.А.* Между модернизацией и застоем: экономическая политика 2012 года // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 4-23.
8. *Новицкий Н.А.* Вопросы выбора модели управления стратегическим прорывом в эпоху развития интеллектуального инвестиционного воспроизводства с применением искусственного интеллекта // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 4. С. 51-60.
9. *Новицкий Н.А.* Эволюционные основы государственного управления в системе: «общество – человек – знания – природа» // Экономика и предпринимательство. 2018. № 2 (91). С. 61-68.

10. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011. 231 с.
11. *Прудский В.Г.* Диалектика цифровой модернизации российской экономики и глобального конкурентного перехода к киберфизическим системам хозяйствования // Новые идеи в философии. 2020. № 7 (28). С. 114-124.
12. *Сухарев О.С.* Институциональная теория технологических изменений: определения, классификация, модели // Журнал институциональных исследований. 2014. Т. 6. № 1. С. 84-106.
13. *Сухарев О.С.* Реиндустриализация экономики России и технологическое развитие // Приоритеты России. 2014. № 10 (247). С. 2-16.
14. *Ayres R.U., Warr B.* The economic growth engine: how energy and work drive material prosperity. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2009. 411 p.
15. *Cobb Ch.W., Douglas P.H.* A theory of production // The American economic review. 1928. Vol. 18 (1). P.139-165.
16. *Haken H.* Synergetics: an introduction: nonequilibrium phase transitions and self-organization in physics, chemistry, and biology. Berlin; New York: Springer-Verlag, 1978. 382 p.
17. *Каблов Е.Н.* Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4. С. 2-7.
18. *Клейнер Г.Б.* Интеллектуальная экономика цифрового века // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56. № 1. С.18-33.
19. *North D.C.* Institutions, institutional change and economic performance. New York: Cambridge University Press, 1990. 152 p.

Трофимов В.В., Трофимова Е.В.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЭТИКА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Реализация «Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования», проводимая в рамках национальных проектов и стратегических инициатив Правительства РФ, с одной стороны, является обязательным условием достижения национальных целей, сформулированных в Указе Президента РФ, с другой стороны, требует трансформации классической системы образования, которая может привести к изменению университетской этики и утрате «духа» университета и, как следствие, к деградации нравственности и морали человека, подмене истинных целей, ценностей и смыслов университета при замещении его «цифровым двойником».

Ключевые слова. Цифровая трансформация, высшее образование, этические проблемы и риски, нравственность и мораль.

Trofimov V.V., Trofimova E.V.

DIGITAL TRANSFORMATION AND ETHICS OF HIGHER EDUCATION

Abstract. The implementation of the "Strategy for Digital Transformation of Science and Higher Education", carried out within the framework of national projects and strategic initiatives of the Government of the Russian Federation, on the one hand, is a prerequisite for achieving national goals formulated in the Decree of the President of the Russian Federation, on the other hand, requires the transformation of the classical education system, which can lead to a change in university ethics and the loss of the "spirit" of the university, and as a result, to the degradation of human morality and morality, the substitution of the true goals, values and meanings of the university when replacing it with a "digital twin".

Keywords. Digital transformation, higher education, ethical issues and risks, morals and morality.

Введение

Разум человека основан на работе с образами, т.е. образном мышлении. «Славянская культура и язык владеют способами передачи образов. Слова состоят из букв (символов). Символ – это знак со смыслом, выражающий некоторый образ. Слово – это тоже символ, как и знак выражающий образ, но более сложный! Словарь русского языка содержит более 5 млн слов и является самым большим в мире. Базовые слова языка относятся к праязыку и обладают первичным смыслом!» [10]. Для однозначного восприятия терминов, используемых ниже, рассмотрим их первоначальный смысл и заложенные в них образы.

Трансформация – преобразование (реинжиниринг) всех процессов (высшего образования): основных (наука и образование), вспомогательных (обеспечивающих работу основных), управления (основными и вспомогательными процессами) и развития (стратегического управления) [1]. Цифровая трансформация – преобразование (реинжиниринг) всех процессов (основных, вспомогательных, управления

ГРНТИ 06.52.17

EDN PJULVT

© Трофимов В.В., Трофимова Е.В., 2023

Валерий Владимирович Трофимов – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Елена Валерьевна Трофимова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры информатики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Трофимов В.В.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: 8 (812) 310-61-22. E-mail: tww@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023.

и развития) с помощью цифровых (сквозных) технологий с целью существенного повышения как производительности труда, так и качества получаемого результата. Под термином «цифровые технологии» будем понимать такие технологии, которые снижают когнитивные ограничения при реализации бизнес-процессов и позволяют людям и устройствам на равных выполнять их роли.

Образование – ваяние образа человека путем копирования его с некоторого эталона. Создание образа осуществляется путем воспитания (ось питания) и обучения. Каков эталон, таков и образ. Результат – образованный человек. Высшее образование является частью образования и неотъемлемой частью культуры. Культура и Образование – это базовые слова нашего языка, относятся к праязыку и обладают первичным (сакральным) смыслом. «Культура (Култ РА, - почитание, следование Свету Истины, т.е. жизнь по правилам, установленными Богами) – это упорядоченная система, а основа ее существования – самосохранение, т.е. способность носителей культуры иметь доступ к первоначальному образу (эталону) и способность формировать и передавать этот образ без искажений» [5].

«Противовесом термину «Культура» является термин «Цивилизация». ЦЫ (энергия) + ВИЛИ (поток разъединения) + ЗА (последовательность, местоположение) + ЦЫ (энергия) (Я). Разъединенная первичная энергия. Цивилизация стремится к стандарту, равенству и унификации. Цивилизация исключительно материальна. Культура – понятие глубинное и функциональное оно рождает многообразие, предполагает неравенство и неповторимость личности. Культура являет собой духовную и материальную цельность. Человек – явление культурное» [10].

Человек – это сложное многомерное существо (не только материальное, но и духовное), поэтому требует организации управления как духовной, так и материальной составляющими. Человек (как объект управления) также характеризуется как целенаправленная система, которая осуществляет свою деятельность в направлении достижения своих целей [3]. Обучение – это процесс, направленный на изучение и применение способов достижения поставленных целей и достижение конечного результата. Воспитание (ось питания) – деятельность всех сотрудников университета, которая направлена на развитие личности студента и создание условий для его самоопределения и социализации (т.е. развитие у него навыков выбирать и ставить перед собой цели), на основе университетской этики и учета принципов нравственности и морали [2, 3].

«Этика – философское учение, предметом которого является нравственность, а центральной проблемой – Добро и Зло. Этика изучает генезис, сущность и особенности нравственности и морали человека, постановки истинных целей, ценностей и смыслов; раскрывает их место и роль в жизни общества и человека, выявляет механизмы нравственного регулирования человеческой жизнедеятельности, а также критерии нравственного прогресса. Этика является основой построения модели гуманных и справедливых отношений в обществе, обеспечивающих высокое качество общения между людьми, а также ориентиром для выработки каждым человеком собственной стратегии и тактики "правильной жизни"» [4].

Таким образом, образование – это процесс, целью которого является формирование образованного человека (образовать человека), соблюдающего нравственные и этические нормы; строящего свою деятельность в направлении достижения истинных целей, ценностей и смыслов; полезного своему государству и обществу; продолжающего его традиции и поддерживающего его культуру.

Цифровая трансформация высшего образования.

В Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 [11] сформулированы пять национальных целей государства на период до 2030 года. В качестве основного инструмента достижения национальных целей выбрана цифровая трансформация, а ее измерителем – показатель «достижение "цифровой зрелости" ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе и образования». Для реализации этого указа распоряжением Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р [6] утвержден «Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» (см. рис.), в котором по направлениям «Цифровая трансформация» и «Технологический рывок» в рамках нескольких инициатив предусмотрена подготовка и обучение ИТ-специалистов.

Для реализации этих инициатив разработана и принята Минобрнауки России 14.07.2021 г. Стратегия цифровой трансформации отрасли наука и высшее образование [8]. Стратегия цифровой трансформации опирается на следующие основные принципы: практико-ориентированный подход должен быть реализован на основе цифровых инструментов, которые направлены на научный поиск и исследование; методы предиктивной аналитики должны обеспечивать превентивное управление и повышать качество образования при принятии управленческих решений; единое цифровое пространство должно стать основой для объединения усилий системы «наука – образование – бизнес – государство» при решении

проблем национальной экономики; цифровые университеты и цифровое министерство (Минобрнауки России) должны стать основой для взаимодействия всех участников образовательного процесса (абитуриенты, студенты, ученые, преподаватели, государство, общество и др.).

Рис. 1. Стратегические инициативы Правительства РФ

Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования включает пять направлений и 7 проектов: «Датахаб»; «Архитектура цифровой трансформации»; «Цифровой университет»; «Единая сервисная платформа науки»; «Маркетплейс программного обеспечения и оборудования»; «Цифровое образование»; «Сервис хаб». Стратегия также предусматривает семь индикаторов достижения целей для вузов [7, 8].

Этические проблемы цифровой трансформации высшего образования

Цифровая трансформация высшего образования предусматривает создание цифровых университетов и направлена на внедрение дистанционного обучения как в on-line, так и в off-line формах, разработку и использование учебных материалов в цифровой форме, обеспечение взаимодействия студентов и преподавателя в виртуальном пространстве и т.д. Все это приводит к появлению проблем этического характера. Напомним, что проблема – это рассогласование между тем, что мы хотим, и тем, что имеем в настоящее время. К этическим проблемам можно отнести следующие:

- соотношение личного и рабочего времени преподавателя катастрофически уменьшается за счет резкого возрастания времени, требуемого для проверки результатов самостоятельных работ студентов, выполненных практических заданий, написанных рефератов, ответов на вопросы тестов, проведения консультаций и т.д.;
- роль личности преподавателя и ее влияние на студентов резко ослаблена за счет ослабления обратной связи в общении со студентами (аудитория часто воспринимает преподавателя как блогера);
- подмена живого общения с аудиторией и использование современных цифровых методов для монотонного чтения с экрана;
- замещение традиционного образовательного пространства виртуальным (кажущимся) с искажением его традиционного нравственного содержания;

- изменение в цифровой реальности границ личного пространства преподавателя и студента;
- появление новых форм обмана при контроле знаний студентов (например, поиск ответов на вопросы теста с помощью поисковых систем в интернете, недобросовестное заимствование материала при написании курсовых и дипломных работ);
- грубые нарушения этикета и культуры общения во время проведения занятий в on-line.

Этические риски цифровой трансформации высшего образования

Кроме перечисленных выше проблем, возможно наступление этических рисков. Напомним, что риск – это негативное событие, которое может наступить в будущем с определенной вероятностью и нанести ущерб. К этическим рискам можно отнести следующие:

- изменение традиционной университетской этики, определяющей цели и смыслы университета, и на ее основе реконструкция традиционной системы университетских ценностей;
- виртуальная реальность искажает идентичность человека, форматируя ее в виде цифрового файла (цифрового следа), лишает его реальных интересов, заменяя их виртуальными, что приводит к снижению его креативности и интеллектуальному коллапсу;
- деградация норм морали и нравственности, снижение уровня общей культуры и культуры общения;
- искажение отношений между главными участниками учебного процесса «преподаватель – студент», ограничение функций преподавателя, т.к. главная роль в управлении этим процессом передается организатору on-line обучения;
- цифровая трансформация может привести к искажению цифрового пространства университета, его нравственного содержания и нарушению интересов и прав преподавателя и студента как частного лица;
- неправильное (некомпетентное) использование цифровых технологий в обучении может понизить качество образования за счет совмещения преподавателем двух функций – управление on-line обучением и собственно взаимодействие со студентами при передаче знаний;
- переход на цифровые методы обучения может привести к отказу от услуг преподавателей со стажем, которые имеют богатый опыт в своей предметной области, но испытывают трудности при использовании инструментов on-line образования;
- сокращение численности преподавательского состава (замены их на «цифрового двойника») за счет широкого внедрения видео-лекций и видеоматериалов для практических занятий, что приводит к снижению у студентов уровня знаний, умений и навыков.

Предложения

При вынужденном переходе университетов на дистанционное обучение в связи наступлением пандемии Covid-19 было выявлено и апробировано следующее:

- цифровая трансформация образования приводит к появлению цифрового (виртуального) университета и не может в полной мере заменить традиционное образование, так же как и цифровая платформа не может заменить живого преподавателя; платформа должна и может стать дополнительным инструментом для преподавателя, расширяющим его возможности и повышающим эффективность обучения;
- цифровая трансформация образования (в соответствии с требованиями к новым кадрам цифровой экономики) приводит к трансформации базовых смыслов и целей классического университета, которые являются фундаментом образования, для компенсации этого искажения требуется дополнительное изучение студентами таких дисциплин, как «Этика искусственного интеллекта», «Этика цифровых технологий», «Цифровой этикет» и т.д.;
- цифровая трансформация образования требует осуществления переподготовки преподавательского состава университета не только по изучению терминологии и освоению навыков работы с цифровыми технологиями, особенностями преподавания в on-line формате, но и по соблюдению норм и принципов профессиональной этики в среде on-line обучения;
- цифровая трансформация образования должна сопровождаться усилением роли комиссии по этике, которая формирует и совершенствует не только регламент своей работы, но и этический кодекс и правила поведения, образовательную деятельность в новых условиях.

Выводы

Таким образом, реализация Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования [8], с одной стороны, является обязательным условием достижения национальных целей, сформулированных в соответствующем Указе Президента РФ [11], и трансформации экономики, проводимой

Правительством РФ [6], с другой стороны, требует перестройки классической системы образования, которая может привести к: деградации университетской этики; дегуманизации процесса обучения; увеличению времени изучения предметов за счет сокращения времени получения фундаментальных знаний; утрате «духа» университета (*alma mater*); подмене истинных целей, ценностей и смыслов университета; деградации нравственности человека и подмене его «цифровым двойником».

Насколько велики эти риски? У входа в Стелленбосский университет (ЮАР) висит сообщение: «Уничтожение любой нации не требует атомных бомб или использования ракет дальнего радиуса действия. Требуется только снижение качества образования и разрешение обмана учащимися на экзаменах. Пациенты умирают от рук таких врачей. Здания разрушаются от рук таких инженеров. Деньги теряются от рук таких экономистов и бухгалтеров. Справедливость утрачивается в руках таких юристов и судей. Крах образования – это крах нации». И позволим себе еще одну цитату: «Если уж говорить об истории, хочу напомнить то, о чем говорили наши оппоненты на протяжении веков: Россию нельзя победить, ее можно только развалить изнутри» (В.В. Путин).

Так, 30 лет участия России в Болонском процессе является характерной иллюстрацией этих цитат. Образование – это не услуга (по принципу – Чего изволите?), а служение Отечеству. К чему это привело? Упустили целое поколение! Возможный результат? Достаточно одного взгляда на Украину. Отто Бисмарк как никто другой среди европейских политиков хорошо знал Россию и роль этики в ее культуре. Поэтому он и предлагал единственный путь к ее уничтожению через искажение нравственности и подмену моральных ценностей. «Могущество России может быть подорвано только отделением от неё Украины... необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно лишь найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное – дело времени».

Заключение

Таким образом, цифровая трансформация – это мощный обоюдоострый инструмент, влияющий на этику, преобразующий нравственность и мораль, изменяющий цели и ценности. Его использование в умелых руках может привести к благоденствию и процветанию, а в неумелых и злонамеренных – к деградации и разрушению как высшего образования, так и общества в целом.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Верзилин Д.Н., Дорошенко К.О., Максимова Т.Г.* и др. Моделирование управления экономическими процессами (на примере малых и средних предприятий): монография. М.: Мегapolis, 2022. 225 с.
2. Единое информационное пространство взаимодействия субъектов научной и инновационной деятельности / под ред. В.Ф. Минакова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 103 с.
3. Информационно-образовательная среда экономического вуза / под ред. В.В. Трофимова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 130 с.
4. *Исмошлова Н., Муїдинова М.* Учебно-методическое пособие по философии (этике, эстетике, логике) для студентов всех специальностей. Наманган, 2016. 188 с.
5. *Ожиганова А.А.* Конструирование традиции в неоязыческой общине "правоведи" // *Colloquium heptaplomeres*. 2015. № 2. С. 30-38.
6. Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 2816-р).
7. Система формирования исследовательских компетенций и технологических заделов в научной и образовательной деятельности / под ред. В.Ф. Минакова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 180 с.
8. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwtujw.pdf> (дата доступа 26.12.2022).
9. Технологические тренды и наукоемкая экономика: бизнес, отрасли, регионы. СПб.: Астерион, 2021. 666 с.
10. *Трофимов В.В., Трофимова Л.А.* Стратегия цифровой трансформации сферы науки и высшего образования России // *Цифровая трансформация в экономике и управлении. Сборник научных трудов*. СПб., 2021. С. 5-17.
11. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВЫХОДА НА НОВЫЕ РЫНКИ

Аннотация. В статье раскрыты и научно обоснованы возможности проникновения на новые горизонты рыночного пространства, позволяющие с помощью инструментария цифровых логистических сервисов объединить участников информационных технологических платформ в единой цепи поставок. Выделены базовые составляющие цифровых транспортных коридоров на рынке зерновых продуктов. Показаны перспективы развития цифровых транспортных коридоров в условиях реструктуризации цепей поставок на рынке зерновых продуктов.

Ключевые слова. Цифровые транспортные коридоры, логистические системы поставок платформенного типа, реструктуризация цепи поставок зерновых продуктов, выход на новые рынки.

Borisova V.V., Borodina A.S.

DIGITAL TRANSPORT CORRIDORS: OPPORTUNITIES TO ENTER NEW MARKETS

Abstract. The article reveals and scientifically substantiates the possibilities of penetration into new horizons of the market space, which allow using the tools of digital logistics services to unite the participants of information technology platforms in a single supply chain. The basic components of digital transport corridors in the market of grain products have been allocated. The prospects for the development of digital transport corridors in the context of the restructuring of supply chains in the market of grain products are shown.

Keywords. Digital transport corridors, logistics supply systems of platform type, restructuring of the supply chain of grain products, access to new markets.

Введение

Транспортной составляющей в теории логистики отведена ключевая роль. В зависимости от отрасли хозяйствования транспортные расходы в логистических системах поставок составляют от 30 до 70% общих логистических издержек [1, с. 87]. Столь значительные размеры транспортных расходов требуют их тщательного анализа с целью оптимизации схем грузопотоков и поиска новых эффективных транспортных коридоров. Для решения этих задач целесообразно использовать дополнительные возможности цифровой логистики [1].

Единая товаропроводящая система, объединяя цифровые технологии и цифровую инфраструктуру, организует информационно-телекоммуникационную координацию участников системы поставок. Так, при выборе перевозчика и экспедитора активно применяют цифровые логистические сервисы. Цифровая трансформация коснулась определения рациональных маршрутов перевозок, подбора транспортных средств под определённый груз и создания новых транспортных магистралей.

ГРНТИ 06.81.12

EDN PEMESK

© Борисова В.В., Бородина А.С., 2023

Вера Викторовна Борисова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры логистики и управления цепями поставок Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Алена Сергеевна Бородина – соискатель Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контактные данные для связи с авторами (Бородина А.С.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 (906) 243 48 80. E-mail: alenaborodina79@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023.

Среди инструментов оптимизации трудоёмких и затратных процессов перевозки грузов выделим цифровые транспортные коридоры (ЦТК). Преимуществом ЦТК является снижение затрат на логистическое обслуживание участников системы поставок, содействие поддержке конкурентных преимуществ каждого логистического звена и системы в целом [2]. ЦТК – инструмент минимизации логистических издержек, рационализации взаимодействия партнёров в цепи поставок, оптимизации транзакций и издержек, их сопровождающих.

По экспертным оценкам, внедрение цифровых транспортных коридоров позволит сократить транспортные расходы в цене конечной продукции примерно на 10% (с 20% до 10-12%) [3]. Теоретики и практики сходятся во мнении, что основу ЦТК образуют логистические системы платформенного типа [4; 5]. В рамках таких систем формируются условия для интеграции участников рынка на всём пути перемещения товаропотока. Важным условием работы такого рода логистических систем является интеллектуализация управления цепочкой поставок [5, с. 196].

Методы

В своём исследовании мы опирались на теоретический базис транспортной и цифровой логистики, включая инструментарий реструктуризации цепей поставок. Точки соприкосновения идей логистики во взаимосвязи с теорией реструктуризации рассмотрены нами на примере переконфигурации цепей поставок зерновых продуктов.

Развивая существующие подходы к построению цепей поставок, и учитывая специфику применения реструктуризации к субъектно-объектному составу зернового рынка, мы предложим «логистическую систему реструктуризации цепи поставок в цифровом формате. Определим данную логистическую систему как совокупность связанных между собой и внешней средой, реструктуризированных элементов-звеньев, объединённых цифровым потоком для достижения заявленных общесистемных целей. Реструктуризация цепи поставок направлена на увеличение скорости прохождения товара через все звенья системы при сохранении и улучшении показателей качества, надёжности, безопасности, ресурсосбережения и клиентоориентированности» [8, с. 133].

Логистический подход к сложившимся ныне транспортным коридорам содействует координации и интеграции партнёров, повышению гибкости, манёвренности и адаптивности бизнес-процессов. Чтобы цепь поставок работала эффективно, решаются сложные задачи: синхронизации движения грузопотоков; выбора транспортного средства; мест дислокации, погрузки-разгрузки грузов, хранения и комплексной информационной поддержки товаропотоков.

ЦТК на рынке зерновых продуктов

Рассмотрим возможности формирования эффективных (конкурентоспособных) цепей поставок на рынке зерновых продуктов с помощью инструментария цифровых транспортных коридоров. Прежде всего, отметим, что субъектно-объектный состав ЦТК обусловлен особенностями перевозимого груза. Это обстоятельство необходимо учитывать при создании ЦТК на рынке зерновых продуктов.

Современное положение дел на данном рынке свидетельствует о возросших транспортных издержках, обусловленных переконфигурацией экспортных цепей поставок. В условиях санкционного давления прежние международные рынки сбыта российских зерновых культур потеряли свою актуальность и экспортно-ориентированные зерновые потоки сместились в сторону дружественных для России стран [6, с. 298]. В обновленной 8 сентября 2022 года Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 года к приоритетным направлениям развития экспорта отнесены «страны Ближнего Востока, Африки, Юго-Восточной Азии и ближнего зарубежья, а также такие новые страны-импортеры, как Китай и Индия» [7, с. 27].

Обозначим цели создания ЦТК на рынке зерновых продуктов:

- снижение транспортной составляющей в цене конечной продукции;
- оптимизация затрат на организацию перевозки зерновой продукции;
- создание системы сервисного сопровождения грузопотоков зерна;
- внедрение информационной системы по принципу «единого окна» для всех участников рынка зерновой продукции;
- углубление интеграционных процессов и координации деятельности партнёров в логистической цепи поставок зерна;

- подключение новых партнёров к работе на рынке зерна;
- реструктуризация сложившихся ранее цепей поставок зерна и переориентация потоков зерновых грузов вовнутрь страны и на Восток;
- бесперебойность поставок зерновой продукции;
- повышение конкурентоспособности российской зерновой продукции на международном рынке.

Опыт создания цифровых транспортных коридоров

Нами установлено, что в рамках обновленной Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 года созданы предпосылки для институциональной организации цифровых транспортных коридоров на рынке зерна. Это находит отражение в поддержке государством цифровых платформ, объединяющих деятельность заинтересованных лиц на общей информационно-коммуникационной площадке. Зарубежный опыт создания цифровых платформ подтверждает эффективность работы таких бизнес-моделей.

«Наиболее крупными и известными мировыми платформами, обслуживающими ЦТК являются транснациональная European Logistics Platform (ELP) и Национальная открытая информационная платформа для транспорта и логистики Китая LOGINK» [5]. «Примером региональной информационной интеграционной платформы служит площадка Transwide TMS. Она разработана компанией Transwide и предназначена для сухопутных грузов. Такие европейские компании как Henkel, Bayer, Mars, DHL, FedEx и др. объединены для совместной работы с помощью данного программного обеспечения» [9, с. 283-291]. Представляет интерес Евразийский опыт создания цифрового логистического продукта «Агроэкспресс». Эта цифровая коммуникационная среда создана совместными усилиями АО «РЖД» и АО «Российский экспортный центр» [10].

ЦТК рационализируют процесс доставки и декларирования грузов, нивелируют барьеры, возникающие при освоении новых рынков, повышают конкурентоспособность участников системы поставок. Расширение возможностей ЦТК позволит выявить удобные маршруты и условия транспортировки, используя преимущества единого цифрового пространства. «Совокупность социальных механизмов, деловых отношений и общих рынков, использующих цифровые технологии и цифровую инфраструктуру, создают условия для совместной эксплуатации ЦТК» [11, с. 180].

Возрастает роль сервисов, реализующих сквозное управление цепями поставок с выходом на уровень 4/5PL провайдеров и электронные закупки/продажи товаров. В рамках исследования «Цифровые логистические сервисы в трансграничной электронной торговле России и Китая» (проект РНФ № 23-18-00306), нами установлено, что российские логистические операторы на рынке сельскохозяйственной продукции значительное внимание уделяют взаимодействию с партнёрами из стран центральной Азии. «Согласно предварительной экспертной оценке, эффект от формирования ЦТК до 2025 года оценивается в 154 млрд рублей при затратах в 10 млрд рублей. Можно согласиться с мнением, что цифровая трансформация инфраструктуры транспортных коридоров по ключевым для России направлениям является залогом успешного функционирования рынка грузоперевозок» [3, с. 76].

Высокотехнологичные центры размещения зерна

Собранный в России в 2022 году урожай зерновых культур по праву признан рекордным (156 млн тонн). Однако, высокие достижения сельхозпроизводителей сопровождаются проблемами поддержания сохранности и своевременной качественной доставки зерна конечному потребителю [12].

Складская логистика (поставка зерновых со склада) осуществляется в результате согласования возможностей (складских мощностей) с потребностями в складских поставках. В настоящее время баланс этих составляющих нарушен. Среди причин выделим отсутствие высокотехнологичных элеваторов, требуемых для хранения зерновых. Так, автоматизированными технологиями хранения зерна, поддерживающими требуемый температурный режим, активное вентилирование и возможность постоянного контроля его качества, оснащены элеваторы, способные принять лишь 40 млн тонн зерна.

Следовательно, необходима цифровая трансформация существующих элеваторных комплексов и активизация строительства новых «умных элеваторов». Например, разработанный программный продукт «Умный элеватор», позволяющий на основе ERP-системы и «1С Элеватор» формировать алгоритмы

управления операционными процессами: доступа, видеоконтроля, термометрии, сбора данных на элеваторе и др. [13].

Кроме того, требуется пересмотр сложившихся подходов к территориальному размещению современных высокотехнологичных распределительных центров хранения зерна. Качественный и комплексный анализ множества разнообразных факторов и условий, влияющих на эффективность развития и размещения таких центров, показал, что их строительство должно осуществляться в местах концентрации производства и сбора зерновых культур. Для каждого центра размещения зерна выбирается вариант мощности, обеспечивающий минимальные совокупные затраты на хранение и перевозку продукции.

Таковыми вариантами обычно являются те, которые имеют наибольшую технологическую и складскую мощность. Исходя из анализа альтернатив по вариантам максимальной мощности, формируется базовый план территориального размещения распределительных центров зерна. Более выгодным является вариант, разработанный с точки зрения совокупных затрат на хранение и перевозки, включая максимальное использование мощности проектируемого элеватора. Высокотехнологичные центры размещения зерна приобретают особую значимость в повышении эффективности функционирования цифровых транспортных коридоров. По сути, они становятся составной частью единой логистической системы поставки зерновых культур.

Выводы

Нами установлено, что «перемещение материальных масс в пространстве, из одного места в другое, сопровождается изменениями двоякого вида: изменениями состояния внешней экономической среды и изменением внутреннего состояния логистического потока» [14, с.77]. В состоянии «пауза» внутри логистического потока происходят преобразования: консолидация, разукрупнение, комплектация и другие логистические операции. В высокотехнологичных распределительных центрах потоки зерна обретают новую энергию и требуемое качественное состояние. Эти внутренние преобразования потоков зерна позволяют в цифровых транспортных коридорах «на практике реализовать правило логистики: поставка нужного товара требуемого качества и количества, в нужное место, в установленное время, по конкурентной цене» [14, с. 163].

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Афанасенко И.Д., Борисова В.В.* Цифровая логистика. СПб.: Питер, 2019.
2. *Зубко И.А.* Цифровые транспортные коридоры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/87085/256-259.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 07.02.2023).
3. *Дмитриев А.В.* Цифровая интеграция в транспортно-логистических системах // Логистика – евразийский мост. Материалы XVII международной научно-практической конференции. Красноярск, 2022. С. 75-80.
4. *Шульженко Т.Г.* Перспективы интеллектуализации управления логистическими процессами // Логистика и управление цепями поставок. Сборник научных трудов. СПб., 2022. С. 185-191.
5. *Тасуева Т.С., Борисова В.В.* Логистическая система платформенного типа в цифровой экономике региона // Вестник ГГНТУ. 2022. Т. XVIII. № 3. С. 27-33.
6. *Бородин А.С.* Перспективы развития логистических цепей поставок зерна (на примере экспорта) // Сборник материалов III национальной научно-образовательной конференции «Логистика: форсайт-исследования, профессия, практика». СПб., 2022.
7. Правительство утвердило Стратегию развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/46497> (дата обращения 07.02.2023).
8. *Борисова В.В., Марковина Е.А.* Теоретические основы реструктуризации цепей поставок // Вестник Томского государственного университета. 2012, июнь. С. 133-134.
9. *Дирко С.В.* Цифровые транспортные коридоры: понятие и подходы к построению // Цифровые вызовы для мировой экономики: евразийская перспектива плюс: сборник статей по материалам международной научной конференции. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. С. 283-291.
10. Евразийская Агрологистика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://evrazlog.com> (дата обращения 07.02.2023).
11. *Тасуева Т.С., Борисова В.В.* Институциональный каркас цифровой инфраструктуры региона. М.: Изд. Аборкина Е.О., 2022.

12. Россию ждет зерновая ловушка: рекордный урожай пшеницы может обернуться боком. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mk.ru/economics/2022/12/08/rossiyu-zhdet-zernovaya-lovushka-rekordnyy-urozhay-pshenicy-mozhet-obernutsya-bokom.html?ysclid=ldrhs5qjoo11807185> (дата обращения 07.02.2023).
13. Цифровой элеватор: объединяем все информационные процессы в единую систему управления. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://integral-russia.ru/2022/03/17/tsifrovoj-elevator-obedinyaem-vse-informatsionnye-protsessy-v-edinuyu-sistemu-upravleniya/?ysclid=ld7gym2eyi280456009> (дата обращения 07.02.2023).
14. *Афанасенко И.Д., Борисова В.В.* Логистика в системе совокупного знания. М.: ИНФРА-М, 2021.
15. *Афанасенко И.Д., Борисова В.В.* Экономическая логистика. СПб.: Питер, 2013.

МЕТОДОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ УПРАВЛЕНИЯ

Бездудная А.Г., Растова Ю.И., Львин Ю.М.

ОБРАТНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО КАК КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИННОВАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. В статье обратное наставничество рассматривается как двусторонняя модель обмена компетенциями между поколениями сотрудников. Представлены результаты обсуждения в фокус-группе студентов их отношения к обратному наставничеству, свидетельствующие о неготовности молодежи к партнерскому взаимодействию в рабочей среде, об опасениях относительно обратного эйджизма в начале карьеры. Предложен подход, определенный авторами как «управление институциональным гэпом», заключающийся в расширении социально-профессиональных возможностей для молодежи и снижении угроз для опытных сотрудников при реализации практики обратного наставничества. Такого рода компетенции должны быть включены в образовательные программы подготовки будущих менеджеров.

Ключевые слова. Корпоративная социальная ответственность, социальные инновации, цифровизация, обратное наставничество, «управление институциональным гэпом».

Bezudnaya A.G., Rastova Yu.I., Lvin Y.M.

REVERSE MENTORING AS A CORPORATE SOCIAL INNOVATION

Abstract. In the article, reverse mentoring is considered as a two-way model for the exchange of competencies between generations of employees. The results of a discussion in a focus group of students about their attitude to reverse mentoring are presented, indicating the unwillingness of young people to interact in a friendly work environment, about fears about reverse ageism at the beginning of a career. An approach is proposed, defined by the authors as "institutional gap management", which consists in increasing the gap between opportunities for young people and threats for experienced employees when implementing the practice of reverse mentoring. Such competencies should be included in the educational programs for the training of future managers.

Keywords. Corporate social responsibility, social innovation, digitalization, reverse mentoring, institutional gap management.

Введение

Многие компании стремятся к минимизации негативных социальных и экологических последствий своей деятельности. Практика корпоративной социальной ответственности (КСО) позволяет компании

ГРНТИ 06.56.21

EDN ORXPOA

© Бездудная А.Г., Растова Ю.И., Львин Ю.М., 2023

Анна Герольдовна Бездудная – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и инноваций им. Г.А. Краюхина Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Юлия Ивановна Растова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и инноваций им. Г.А. Краюхина Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Юрий Михайлович Львин – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Растова Ю.И.): 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32 (Russia, St. Petersburg, Griboedov canal emb., 30-32). Тел.: +7 911 993-79-84. E-mail: rastova.yu@uneccon.ru.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023.

своевременно реагировать на социальные, экологические и экономические изменения в глобальной среде. Одной из причин далеко не такой продуктивности усилий, как могла бы быть, М. Портер и М. Крамер считают то обстоятельство, что излишняя формализация требований со стороны общества заставляет компании «думать о корпоративной социальной ответственности в общих чертах, а не в том, что наиболее соответствует стратегии каждой фирмы» [13].

В частности, требования к содержанию КСО сегодня сформулированы «Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», принятой в 2015 году Генеральной Ассамблеей ООН, в международных стандартах ИСО 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» (ISO 26000:2010 «Guidance on social responsibility»), GRI, A1000AS, SA 8000, в России, как известно, принят ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности» [6, 16]. При этом, в случаях, когда компании реализуют дискреционные практики, подчиненные их собственной стратегии, достигаются позитивные, общественно значимые, устойчивые результаты [4, 8]. Примером здесь может служить социальная инновация, реализованная в 1999 году бывшим генеральным директором General Electric Джеком Уэлчем и получившая сегодня широкое распространение, – обратное наставничество. В частности, молодым сотрудникам (по определению М. Пренски, цифровым аборигенам [14]) была предоставлена возможность поделиться своими цифровыми навыками с топ-менеджерами (цифровыми иммигрантами) с целью лучшего использования Интернета в компании.

Традиционно наставничество считается способом адаптации молодых специалистов, когда руководитель или опытный сотрудник помогает новичку осваивать определенные компетенции непосредственно в ходе рабочего процесса, включая «мягкие» навыки (взаимоотношения с клиентами, лояльность, этика, внутренние передовые практики, цели и стратегии компании). Наставничество преследует цель создания условий для формирования у сопровождаемых молодых специалистов готовности самостоятельно разрешать тот или иной тип профессиональных проблем [1]. 23 декабря 2013 года на совместном заседании Государственного совета РФ и Комиссии при Президенте РФ по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития обсуждалась необходимость возрождения института наставничества [1]. В 2017 году началась работа по созданию общероссийской системы наставничества. В 2018 году Президент РФ подписал указ об учреждении знака отличия «За наставничество» [2].

Наставническая деятельность является сегодня предметом научных изысканий [3; 5; 9]. Обратное наставничество – двусторонняя модель взаимного наставничества. Потенциально посредством обратного наставничества между сторонами может быть произведен обмен не только профессиональными компетенциями, в том числе компетенциями цифровыми, связанными с Интернетом, социальными сетями, мобильными технологиями, различными приложениями, новой электроникой, поисковой оптимизацией, но и гибкими навыками (ошибки, неудачи, сочувствие, уважение, манеры, дружба, увлечения, баланс между работой и личной жизнью) [12]. Сегодня цель обратного наставничества состоит в том, чтобы заполнить цифровой разрыв за счет вклада разных поколений, поощряя при этом передачу ценностей, идей, ожиданий и навыков между менеджерами, опытными сотрудниками и молодыми талантами [7; 10].

При этом «пара наставник-подопечный оказалась связанной с тремя потенциальными элементами: с властью (менеджер-сотрудник), с разницей в возрасте (возрастной-молодой) или с положением в организации (старший-младший)» [12], что существенно усложняет модель обратного наставничества. К этому можно добавить неготовность руководителя демонстрировать лидерство и принимать непосредственное участие, например в процессе цифровой трансформации организации, при этом откровенно признаться в своей неполной цифровой компетенции участникам проекта, неспособности вовлечь их в активный обмен знаниями и цифровым контентом, продемонстрировать внимание и доверие к предлагаемым ими решениям [15].

Авторы задались целью определить, насколько студенты выпускных курсов, обучающиеся по направлению 38.03.02 «Менеджмент», готовы проявить энтузиазм в освоении практики обратного наставничества как лучшего способа извлечь выгоду из различий между поколениями [11].

Материалы и методы

Обсуждение в фокус-группе было организовано в очном формате. Чтобы рационально организовать проведение фокус-группы, участники были проинформированы о содержании концепции обратного

наставничества и практиках ее применения, а также установлен регламент работы на каждом этапе обсуждения и подведения итогов. Участникам фокус-группы были последовательно предложены четыре темы для обсуждения:

1) возможности, которые открываются перед молодыми сотрудниками, обладающими цифровыми компетенциями, в случае участия в практиках обратного наставничества;

2) угрозы для молодых сотрудников, обладающих цифровыми компетенциями, которые таит участие в практиках обратного наставничества;

3) возможности, которые открываются перед опытными сотрудниками, нуждающимися в развитии цифровых компетенций, в случае участия в практиках обратного наставничества;

4) угрозы для опытных сотрудников, нуждающихся в развитии цифровых компетенций, которые таит участие в практиках обратного наставничества.

При обсуждении каждой очередной темы участникам раздавалось по три незаполненных стикера с просьбой сформулировать по возможности по три варианта ответов, зафиксировав каждый на отдельном стикере. Заполненные стикеры собирались, и модерировалось обсуждение возможного распределения ответов по смысловым группам с выбором окончательных формулировок. Поименованные группы были ранжированы по принципу убывания числа попавших в них ответов.

Результаты и их обсуждение

Участники опроса смогли в среднем сформулировать по 1,7 варианта возможностей, открывающихся перед молодыми сотрудниками в случае участия в практиках обратного наставничества. Окончательно результаты были сгруппированы и распределены следующим образом: улучшение коммуникаций (52% опрошенных сформулировали в той или иной форме такое мнение); приобретение специальных компетенций в ходе общения с опытным специалистом (44% опрошенных); укрепление собственной позиции в компании (32% опрошенных); дополнительное вознаграждение (16% опрошенных); лучшее понимание целей и стратегии компании (12% опрошенных).

Вторая из предложенных тем особенно привлекла внимание и получила отклик у участников фокус-группы – в среднем было сформулировано по 2,3 варианта ответа. В ответах участников при обсуждении темы: «Угрозы для молодых сотрудников, обладающих цифровыми компетенциями, которые таит участие в практиках обратного наставничества», – явно прослеживаются опасения по поводу возможной дискриминации в начале карьеры, или так называемого обратного эйджизма. Об этом свидетельствуют такие формулировки: утрата конкурентного преимущества и перспектив вертикального карьерного роста в компании (68% опрошенных); дополнительная нагрузка без справедливого вознаграждения (64% опрошенных); возникновение напряженности в отношениях с руководителем из-за нарушения барьеров статуса (44% опрошенных); напряженные отношения с коллегами-ровесниками, не получившими предложения об участии в практике обратного наставничества (8% опрошенных).

Возможности и угрозы для опытных сотрудников в случае участия в практиках обратного наставничества участники фокус-группы формулировали с меньшим интересом. Среднее число вариантов возможностей получилось 1,1, а вариантов угроз – 0,7. В этих двух темах следует обратить внимание на ранжирование вариантов по частоте упоминания. Возможности, которые приобретают менеджеры и опытные специалисты в результате освоения цифровых компетенций через обратное наставничество, распределились следующим образом: снижение риска потери рабочего места (64% опрошенных); улучшение коммуникаций (44% опрошенных); возникновение новых решений профессиональных задач (24% опрошенных). Среди угроз были названы: негативное влияние на статус руководителя (52% опрошенных); обсуждения среди коллег Ваших неудач в освоении цифровых компетенций (44% опрошенных); сложность обеспечения информационной безопасности, утечка инсайдерской информации (32% опрошенных).

Как показали результаты обсуждения в студенческой фокус-группе перспектив обратного наставничества, участникам опроса не совсем ясно его содержание, видится много угроз, связанных с его распространением в деловой среде. Обратное наставничество в компаниях станет управляемым и прозрачным при условии его детальной регламентации, создания нормативно-методических документов, в которых отражаются требования к его ресурсам, содержанию и ожидаемым результатам. Как и в случае с традиционным наставничеством, должны быть формализованы [1]:

- формы наставничества – индивидуальная, групповая, коллективная, взаимная, онлайн;

- методы наставничества – накопления, оценки и осмысления, моделирования контекста, актуализации мотивации и т.д.;
- функции наставника – обучение, медиация, повышение квалификации;
- личностные качества и компетенции наставников;
- порядок отбора наставников – конкурс, хэндхантинг и т.д.;
- условия эффективной деятельности наставника;
- результаты деятельности наставников и критерии их оценки;
- риски, связанные с обратным наставничеством.

Благодаря этим инструментам будет реализован принцип «управления институциональным гэпом», предполагающий ситуацию, при которой последовательное увеличение/расширение социальных, квалификационно-профессиональных и карьерных возможностей молодых специалистов, вовлеченных в обратное наставничество, не влечет угроз для «сопровождаемых» руководителей и опытных специалистов. Реализация и распространение обратного наставничества поможет компаниям улучшить взаимопонимание между разными поколениями сотрудников. При таком взаимодействии обе стороны будут вынуждены выйти из зоны комфорта, научиться думать, работать и обучаться по-новому (с использованием новых цифровых технологий, социальных сетей, мессенджеров), более уважительно воспринимая социальные, возрастные и коммуникативные особенности друг друга, выдвигая на первый план возможность формирования уникальных компетенций и поведенческих моделей, соответствующих целям устойчивого развития организации.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что общее отношение участников фокус-группы к внедрению обратного наставничества скорее отрицательное. Нынешней молодежи свойственно опасаться проявления обратного эйджизма со стороны будущих руководителей и опытных коллег. Требуются большие усилия по подготовке молодежи к партнерскому взаимодействию в рабочей среде, в открытом неформальном пространстве и культуре, отвергающей «барьеры статуса, власти и положения» [11]. Самим компаниям предстоит решить большое число вопросов, касающихся регламентации обратного наставничества в логике управления «институциональным гэпом», обеспечивающим увеличение/расширение социально-профессиональных возможностей молодёжи и снижение угроз эйджизма в этой модели.

Практика обратного наставничества в корпоративном обучении будет развиваться и в дальнейшем, но для этого необходимо введение учебных дисциплин, обучающих наставничеству, формирование компетенций self-менеджмента, социального и эмоционального интеллекта, бизнес-тренера и обучения взрослых, такого рода компетенции должны быть включены в образовательные программы подготовки будущих менеджеров, с другой стороны, необходимо последовательное внедрение лучших практик наставничества в компаниях и организациях как части общей стратегии обучения и развития сотрудников.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Блинов В.И., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 3. С. 4-18.
2. Галагузова М.А., Головнев А.В. Наставничество: из прошлого в настоящее // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 6 (79). С. 16-22.
3. Ирismetova И.И., Масалимова А.Р. Модель и концептуальные подходы к формированию готовности наставников к осуществлению непрофессиональной педагогической деятельности // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2022. Т. 16. № 4. С. 10-25.
4. Каримова С.А. Корпоративная социальная ответственность как источник социального капитала организации: монография. М.: Креативная экономика, 2020. 208 с.
5. Красило Д.А. Наставник в контексте социальной ситуации развития молодежи // Культурно-исторический подход в современной психологии развития: достижения, проблемы, перспективы. Сборник тезисов участников шестой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Л.Ф. Обуховой. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2018. С. 536-538.

6. *Растов М.А., Суслов Е.Ю.* Устойчивое развитие как критерий эффективности управления в современной организации // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники. Сборник научных статей международной конференции. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. С. 2545-2547.
7. *Растова Ю.И., Салимьянова И.Г., Растов М.А.* Цифровая культура как antecedent успешной цифровой трансформации организации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 156-160.
8. Управление операционной эффективностью в секторе нефинансовых корпораций и в малом предпринимательстве / А.Г. Бездудная, Ю.И. Растова, В.И. Сигов. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 165 с.
9. *Чарина Е.В.* Отношения в системе «наставник-молодой специалист» в процессе профессионализации: дис. ... канд. психол. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 2004. 160 с.
10. *Brunetti F., Matt D.T., Bonfanti A., De Longhi A., Pedrini G., Orzes G.* Digital transformation challenges: strategies emerging from a multi-stakeholder approach // The TQM Journal. 2020. Vol. 32. № 4. P. 697-724.
11. *Cascio W.F.* Changes in workers, work, and organizations // Handbook of psychology. 2003. Vol. 12. P. 401-422.
12. *Cismaru L., Iunius R.* Bridging the generational gap in the hospitality industry: Reverse mentoring – an innovative talent management practice for present and future generations of employees // Sustainability. 2019. Vol. 12. № 1. P. 263.
13. *Porter M.E., Kramer M.R.* Strategy and society: the link between competitive advantage and corporate social responsibility // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84. № 12. P. 78-93.
14. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants. Part 2: Do They Really Think Differently? // On the Horizon. 2001. Vol. 9. № 6. P. 1-6.
15. *Shapira R.* Leaders' vulnerable involvement: Essential for trust, learning, effectiveness and innovation in inter-co-operatives // Journal of Co-Operative Organization and Management. 2013. Vol. 1. P. 15-26.
16. United Nations General Assembly. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development; A/RES/70/1. United Nations General Assembly: New York, NY, USA, 2015.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Влияние цифровых инструментов на развитие экономики и общества сегодня является определяющим. Но цифровое развитие и цифровую трансформацию нельзя рассматривать в отрыве от инновационного процесса. Цифровизация в статье рассматривается как одна из форм инновационного развития. Важной характеристикой развития «цифровой экономики» в России сегодня является не приобретение новых технологий, а инвестиции в инновации и научные исследования, оценка величины которых является одним из главных показателей, отражающих потенциал цифровизации страны и ее заинтересованность в развитии новых технологий.

Ключевые слова. Цифровизация, цифровая трансформация, инновации, инновационная сфера, инвестиции, государственное управление, финансирование.

Vatlina L.V., Plotnikov V.A.

DIGITALIZATION AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

Abstract. The influence of digital tools on the development of the economy and society is decisive today. But digital development and digital transformation cannot be considered in isolation from the innovation process. Digitalization in the article is considered as one of the forms of innovative development. An important characteristic of the development of the "digital economy" in Russia today is not the acquisition of new technologies, but investments in innovation and scientific research, the assessment of the value of which is one of the main indicators reflecting the country's digitalization potential and its interest in the development of new technologies.

Keywords. Digitalization, digital transformation, innovations, innovation sphere, investments, public administration, financing.

Введение

Цифровизация – одно из магистральных направлений развития современной экономики [1-5], ее осуществление связано с внедрением в практику работы и бизнеса, и органов публичного управления, и в повседневную жизнь людей инновационных цифровых технологий, т.е. цифровизация выступает одной из форм инновационного развития, она тесно связана с переходом к очередному технологическому и мирохозяйственному укладу [6, 7].

Коронавирусная пандемия поспособствовала ускорению процесса цифровой трансформации мировой и национальных экономик, обусловленные пандемией ограничения вынудили повсеместно (там, где это возможно) переходить к использованию удаленной занятости, которая базируется на

ГРНТИ 06.54.31

© Ватлина Л.В., Плотников В.А., 2023

EDN OSBQSI

Лина Владиславовна Ватлина – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной экономики Сибирского университета потребительской кооперации (г. Новосибирск).

Владимир Александрович Плотников – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Ватлина Л.В.): 630087, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, 26 (Russia, Novosibirsk, Karl Marx av., 26). Тел.: +7 913 483-42-68. E-mail: vatlina01@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023.

активном использовании цифровых технологий [8-10]. Как образно высказался один из редакторов делового издания Forbes, «в 2020-м нас насильно втолкнули в цифровую жизнь и фактически там заперли» (цит. по: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/421415-virtualnyy-god-kak-pandemiya-uskorilacifrovuyu-transformaciyu>). Так, «во II-м квартале этого [2020 – прим. авторов] года – в самый разгар пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, когда многие люди перешли на удаленный формат работы и учебы, – россияне провели в мобильных приложениях 7,3 миллиарда часов, заняв пятое место в общемировом рейтинге» (цит. по: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2428220>).

При этом выяснилось, что практическая широкомасштабная цифровизация затруднена недостаточной подготовленностью экономики и общества к внедрению ее достижений: неразвитой оказалась техническая инфраструктура, у многих граждан отсутствовали необходимые цифровые навыки, инновационная восприимчивость в целом, несмотря на прилагавшиеся в предыдущий период усилия, оказалась довольно низкой, что было обусловлено комплексом технико-экономических, социально-психологических, организационно-правовых и иных причин. Ускоренная цифровизация 2020 года показала, насколько важным является не только для развития, но и для устойчивого функционирования социально-экономической системы ее высокий уровень инновационности.

Новые фактические подтверждения этого умозаключения появились в 2022 году, после начала специальной военной операции и «вала» антироссийских санкций [11-13]. Их мишенью стал, в том числе, и инновационный сектор российской экономики. Возникли проблемы с использованием иностранного программного обеспечения, радиоэлектронного оборудования, поставками микроэлектронных компонентов и т.д. Например, в апреле 2022 года «компания Zoom Video Communications [отметим, что само название этой компании в период пандемии стало в России де-факто синонимом для цифровых сервисов видеоконференций – прим. авторов] запретила своим дистрибуторам осуществлять продажу доступа к сервису видеоконференций госучреждениям и госкомпаниям из России и стран СНГ» (цит. по: <https://3dnews.ru/1036703/zoom-perestanut-rabotat-s-gosudarstvennimi-uchregdeniyami-i-kompaniyami-iz-rossii>).

Очевидно, что в условиях высокой экономической неопределенности, сопровождающей современный этап социально-экономического развития, растет потребность в быстрой адаптации к новым, меняющимся условиям, это означает, что проблема ускорения инновационного (в частности – цифрового) развития в современной России сохраняет свою актуальность.

Материалы и методы

В рамках авторского исследования использован понятийный аппарат предметной области инноватики, введенный Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ», в статье 2 которого (в действующей редакции) даны следующие ключевые определения:

- «инновации – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях;
- инновационный проект – комплекс направленных на достижение экономического эффекта мероприятий по осуществлению инноваций, в том числе по коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов. Инновационный проект характеризуется высоким допустимым уровнем риска, возможностью недостижения запланированного результата, в том числе экономического эффекта от реализации такого проекта;
- инновационная инфраструктура – совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг;
- инновационная деятельность – деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности».

Исходя из приведенных трактовок основных терминов предметной области, можно сделать вывод, что процессы цифровизации являются инновационными по своей сути и должны рассматриваться в рамках соответствующего направления государственного регулирования экономики. Согласно ст. 16.1

Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», «государство оказывает поддержку инновационной деятельности в целях модернизации российской экономики, обеспечения конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг на российском и мировом рынках, улучшения качества жизни населения». При этом, «государственная поддержка инновационной деятельности – совокупность мер, принимаемых органами государственной власти ... в целях создания необходимых правовых, экономических и организационных условий, а также стимулов для юридических и физических лиц, осуществляющих инновационную деятельность».

Очевидно, что, с позиций инновационного развития, только изобрести что-то недостаточно, необходимо чтобы изобретения были нацелены на инновации с последующей коммерциализацией и продвижением на рынке новых продуктов, технологий и т.п. Это касается и цифровых инноваций, которые становятся таковыми лишь после практического внедрения и начала их целесообразного и выгодного, с точки зрения социально-экономических критериев, использования. Распространение цифровых технологий изменило облик многих отраслей, создало благоприятные условия для повышения производительности труда, снижения числа ошибок и сбоев в бизнес-процессах, роста качества товаров и услуг и – в конечном счете – улучшения качества жизни общества.

Значимость цифровых преобразований отчетливо понимается в России. Так, в мае 2018 года был подписан Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», далее – 21 июля 2020 года – был выпущен очередной указ о национальных целях развития страны на период до 2030 года. В этом документе одна из национальных целей получила название: «Цифровая трансформация». Данный документ предопределил запуск системы национальных проектов, в том числе обозначил основные направления развития цифровизации отраслей экономики и развития инновационной сферы, что обусловило необходимость увеличения инвестиций в отечественные инновационные решения в сфере информационных технологий (см.: <https://runet.news/column/33103>).

Результаты и обсуждение

Сегодня многие страны рассматривают цифровизацию как одно из приоритетных направлений развития своих социально-экономических систем. На инновации и связанные с ними цифровые решения тратятся колоссальные суммы: по оценкам Института статистики ЮНЕСКО – почти \$2 трлн (по паритету покупательной способности). Почти 47% этих расходов приходятся на США, Китай и Сингапур и 80% – на первую десятку стран в рейтинге. Китай всё ближе к лидерству (страна наращивает как общий объем затрат на исследования и разработки, так и их долю в ВВП), а такие крупные развивающиеся страны, как Турция и Индия вошли в число топ-40 стран-лидеров по уровню развития инноваций (см.: <https://issek.hse.ru/news/704062411.html>).

Следует отметить, что в международной статистике рассматриваются не только страны, но и отдельные компании. Такой подход вполне правомерен, например, китайская компания Huawei тратит на НИОКР 70% от общероссийских расходов на эти цели. Составители EU Industrial R&D Investment Scoreboard [14] выделили 2,5 тыс. компаний с самыми большими тратами на НИОКР в 2020 году. Общий объем их инвестиций составил 908,9 млрд евро, что эквивалентно 90% мировых НИОКР, финансируемых бизнесом. В топ-2500 входят: 401 компания из ЕС, 779 американских компаний, 597 китайских компаний, 293 японских компании и 430 компаний из остального мира. К сожалению, российские компании отнесены в этом рейтинге к «остальному миру» и специально не выделены.

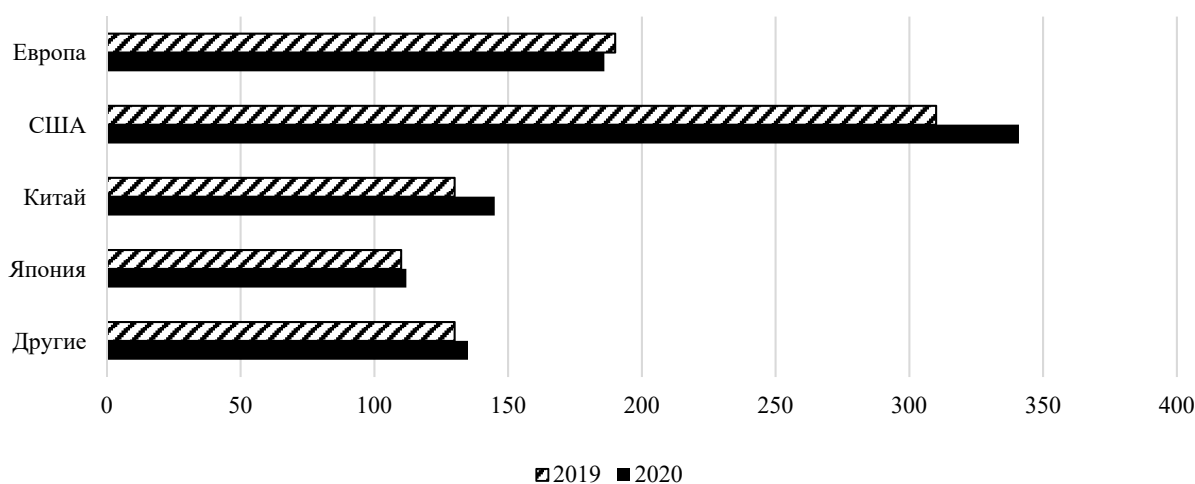
Очевидно, что одним из значимых векторов инновационного и цифрового развития в России должна стать не только разработка и реализация общесистемных мер [15], но и селекция и последующая целевая поддержка «национальных чемпионов» в инновационной и, в частности, цифровой сфере. Да, такой подход означает смену парадигмы экономической политики и фактический отход от принципов «рыночного фундаментализма», но, по нашему мнению, экономическая политика должна быть прагматичной и преследовать цели роста национального благосостояния, обеспечения национальной безопасности и достижения устойчивого социально-экономического развития. Если для реализации движения к этим целям необходимо изменить какие-то из ранее декларированных принципов, то это, несомненно, следует сделать.

Вернемся к рассмотрению данных EU Industrial R&D Investment Scoreboard [14]. Компании из США и Китая продемонстрировали самые высокие показатели роста финансирования НИОКР (9,1% и 18,1%,

соответственно). Это неудивительно, поскольку в США большая часть компаний секторов ИКТ и здравоохранения не пострадала от пандемии, а в Китае особенно велика доля компаний сектора ИКТ. Напротив, инвестиции компаний ЕС в НИОКР упали на 2,2%, что нарушило положительную тенденцию, наблюдавшуюся в последние годы (увеличение на 6,0% в предыдущем году). Японские компании увеличили финансирование НИОКР на скромные 0,9%.

Показатели ряда компаний были обусловлены ростом НИОКР фирм, базирующихся в основном на Тайване (10,0%) и в Южной Корее (4,2%). Доля глобальных инвестиций в НИОКР для компаний ЕС и США немного снизилась до 20,3% и 37,8%, соответственно, тогда как доля китайских компаний продолжала увеличиваться, достигнув 15,5% (см. рис. 1).

Анализируя представленные данные, можно сделать вывод, что доля мировых инвестиций в НИОКР для компаний ЕС и США немного снизились до 20,3% и 37,8%, соответственно, тогда как у китайских компаний – значительно увеличилась, достигнув 15,5%. При этом, рост финансирования НИОКР был обусловлен ростом инвестиций в услуги в секторе ИКТ (15,5%), за которым следует здравоохранение (12,8%). Технологическая гонка в мире усилилась в последние годы: американские и китайские компании резко увеличили свои инвестиции в НИОКР, а компании из ЕС последовали за ними. Инвестиции в НИОКР все больше концентрируются в четырех основных секторах, на долю которых приходится 77,4% глобальных НИОКР, это сектора производства ИКТ (22,9%), здравоохранения (20,8%), услуг ИКТ (18,6%) и автомобилестроения (15,2%) (см. табл.). Хотелось обратить специальное внимание на то, что 2 из 4 мировых лидеров по объемам инвестиций непосредственно связаны с цифровизацией.

Составлено Ватлиной Л.В. по данным EU Industrial R&D Investment Scoreboard, см.: <https://iri.jrc.ec.europa.eu/scoreboard/2021-eu-industrial-rd-investment-scoreboard>.

Рис. 1. Уровень инвестиций в НИОКР в 2019–2020 гг. по странам, млрд евро

Таблица

Доля инвестиций в НИОКР в 2020 г. по регионам/странам и отраслевым группам

Сектор экономики	Европа	США	Китай
Автомобили и другой транспорт	33,6	5,6	9,3
Здравоохранение	19,9	27,2	6,1
Производители ИКТ	13,9	24,3	27,3
Услуги ИКТ	7,6	32,3	18,4
Промышленность	6,0	2,2	9,5
Финансы	3,5	0,8	1,9
Аэрокосмическая промышленность и оборона	3,4	1,9	0,3

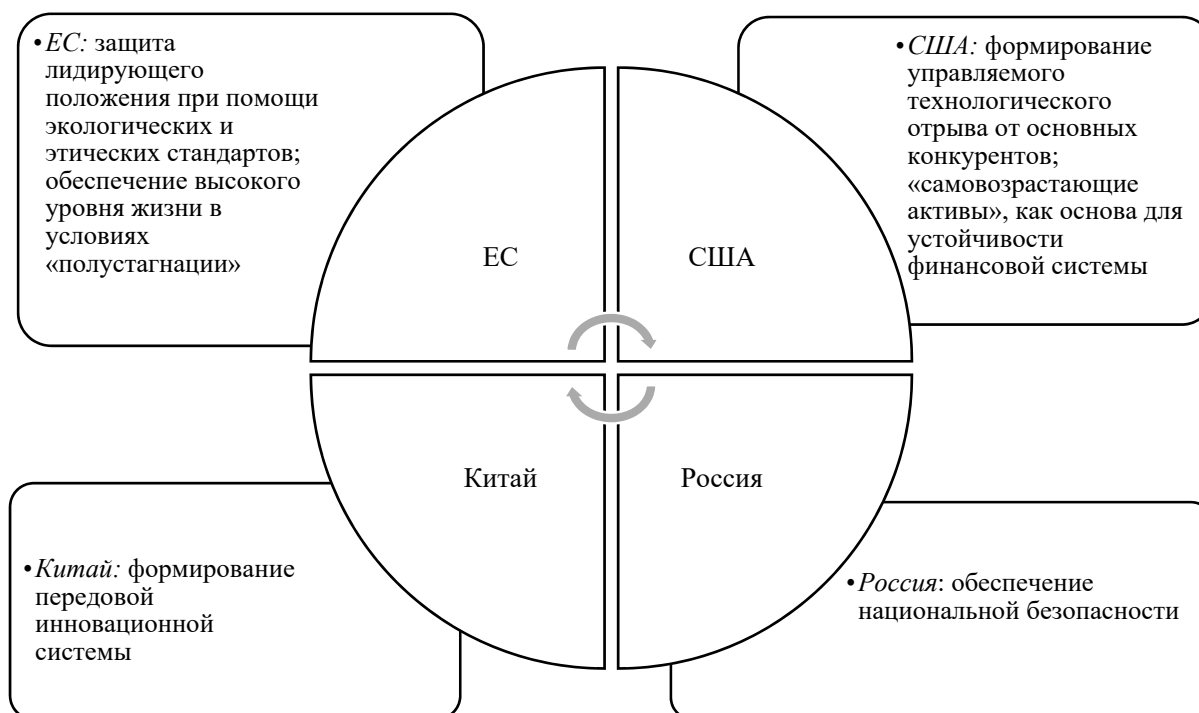
Окончание табл.

Сектор экономики	Европа	США	Китай
Химическая промышленность	2,8	1,2	1,4
Энергия	2,9	0,7	3,8
Строительство	0,8	0,1	13,3
Другое	5,6	3,6	8,7

Составлено Ватлиной Л.В. по данным EU Industrial R&D Investment Scoreboard, см.: <https://iri.jrc.ec.europa.eu/scoreboard/2021-eu-industrial-rd-investment-scoreboard>.

Наращение инвестиций в НИОКР за последние 10 лет существенно изменило специализацию НИОКР в регионах мира. Десять лет назад европейские компании инвестировали в НИОКР в два раза больше, чем их американские коллеги в автомобильном секторе, но вдвое меньше в секторах здравоохранения и ИКТ и в пять раз меньше в секторе услуг ИКТ. Отраслевая специализация более явно проявилась за последние 10 лет, в 2020 году компании ЕС инвестировали в 3,2 раза больше, чем их американские коллеги, в автомобилестроение, в 2,5 раза меньше в здравоохранение, в 3,3 раза меньше в сектор производства ИКТ и в 7,9 раза меньше – в услуги ИКТ.

Указанные процессы оказывают непосредственное влияние и на экономику России, в частности, на обеспечение научно-технологического суверенитета, который требует развитой инновационной сферы. Сегодня Россия в мировом рейтинге по доле внутренних расходов в ВВП на НИОКР (см.: <https://issek.hse.ru/news/504082564.html>) находится лишь на 35 месте, поднявшись на 2 пункта с 2019 года. Такое изменение в рейтинге не повлияло на позицию РФ по величине затрат на НИОКР в расчете по паритету покупательной способности: страна по-прежнему занимает 9-е место в мире, ее опережают США (657,5 млрд долл.), Китай (525,7), Япония (173,3), Германия (147,5), Республика Корея (102,5), Франция (72,8), Индия (58,7) и Великобритания (56,9 млрд долл. США). Отличается и целеполагание в НИОКР-сфере и в целом в инновациях в России, что во многом определяется геополитической ситуацией (см. рис. 2).

Составлено Ватлиной Л.В.

Рис. 2. Позиционирование России в научно-технологическом развитии

Сильные стороны

- Высокие масштабы научно-инновационного комплекса. Страна имеет одни из крупнейших в мире расходов на НИОКР (примерно – 42 млрд долл. по ППС, немного больше уровня Италии).
- В стране – шестой в мире по численности исследователей сектор НИОКР (406 тыс. исследователей – уровень Германии, Республики Корея, Великобритании и Франции).
- Страна располагает значительным набором уникального научно-экспериментального оборудования, как для «физического», так и для цифрового моделирования сложных технических и физических процессов.
- По отдельным направлениям естественно-научных исследований (ядерная физика, математика и т.д.) Россия имеет достаточно сильные позиции в мировой научной среде

Слабые стороны

- Чрезмерно широкий спектр исследований, низкая концентрация ресурсов на наиболее приоритетных направлениях.
- Зависимость по ряду ключевых компетенций от внешнего мира, особенно значительная в сфере электронной компонентной базы, химических реагентов и особо чистых веществ, прекурсоров для биохимических процессов, баз данных и алгоритмов инженерного назначения, отдельных узлов и агрегатов машин.
- Высокая, в условиях жесткого геополитического противостояния, значимость обеспечения национальной технологической безопасности – как в оборонной сфере, так и в более широком аспекте (контроль баз данных, наличие собственного инженерного, геологоразведочного, биомедицинского программного обеспечения, биомедицинское оборудование и т.д.).

Составлено Ватлиной Л.В.

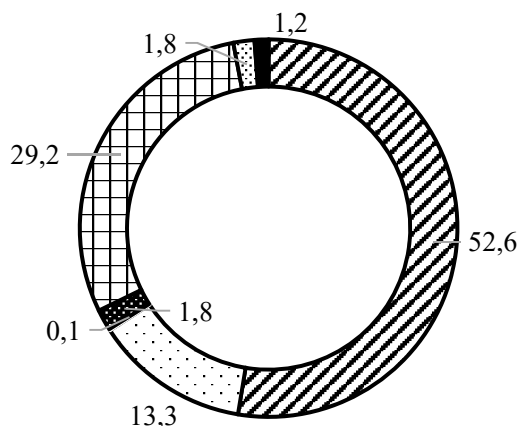
Рис. 3. Сильные и слабые стороны России на мировой арене по развитию НИОКР

Ключевые проблемы, которые предстоит преодолеть России в инновационном развитии – это, прежде всего, не дефицит (гос)финансирования [16, 17], а разрывы между структурными уровнями науки и технологий, отсутствие качественно новых рынков (например, рынка беспилотного транспорта), а также проблема состоит в том, что основная доля инновационных компаний не находит нужных для своего развития и функционирования решений на внутреннем рынке. Соответственно, весь предкризисный период Россия активно импортировала результаты чужих НИОКР в составе импорта готовых товаров («импорт расходов» на НИОКР составлял порядка 1,0-1,5% ВВП в год, (см.: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2022-11-07PITER2.pdf).

Да, в России есть собственные технологические, инновационные и цифровые лидеры. Такие крупные технологические компании как, например, Yandex, Cognitive Pilot успешно капитализируют импортные технологии и результаты собственных разработок. Но они слабо контактируют с «официальной наукой» в России и со среднетехнологическими фирмами. Также слаб спрос на технологические инновации со стороны основной массы производств и ещё хуже – со стороны «нового технологического бизнеса». Сильные и слабые стороны России в инновационной сфере и сфере НИОКР приведены на рисунке 3.

Слабые стороны многие эксперты связывают с отсутствием надлежащих рыночных условий для развития инноваций и низким уровнем инвестиционной активности со стороны отечественного бизнеса (см.: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/6148be4e9a7947ab1a592e21>). Для перехода страны на новый уровень инновационного и цифрового развития необходимо нарастить инвестиции в инновации компаниям в 4 раза, с нынешних 12,24 млрд долл. (по паритету покупательной способности) до 49 млрд долл. при сопутствующем росте прочих источников финансирования (включая иностранные, на сегодня – из дружественных стран) с 1,4 млрд долл. (по паритету покупательной способности) до 6,15 млрд долл., что будет означать общий рост расходов на НИОКР с 1% до 2% ВВП (см. рис. 4) (см.: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2021-10-21RSF.pdf).

- средства федерального бюджета
- средства организаций гос сектора (включая собственные)
- бюджетные ассигнования на содержание образовательных организаций высшего образования
- средства бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов
- средства предпринимательского сектора
- средства иностранных источников
- прочие средства

Составлено Ватлиной Л.В. по данным НИУ ВШЭ.

Рис. 4. Структура внутренних затрат на исследования и разработки в 2020 г., %

Заключение

Таким образом, инновационное и, в частности, цифровое развитие в современной экономике становится критически важным для обеспечения национальной конкурентоспособности. Особо актуальна эта проблематика для России, вынужденной в условиях жесткого внешнего санкционного давления обеспечивать собственный технологический суверенитет и устойчивость социально-экономической системы. Инвестиции в фундаментальные исследования и прикладные инновационные разработки в мире из года в год увеличиваются. И нам необходимо не отставать от мирового тренда. Необходим комплекс преобразований, включающих модернизацию науки, реализацию прорывных инновационных проектов, осуществление технологической модернизации ключевых отраслей. И все это следует делать на основе активной цифровизации и формировании соответствующих экосистем. И такую модернизацию невозможно решить без активной позиции государства. Из этого вытекает необходимость разработки национальной стратегии инновационного развития, чтобы консолидировать ресурсы в этой сфере и не допустить разрыва в процессах инновационного и цифрового развития, который (по крайней мере, на уровне официальных документов) сегодня намечается.

Благодарности

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета: «Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность» (код 121042600253-4).

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Ватлина Л.В. Культура цифровой трансформации предоставления государственных услуг // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 1 (133). С. 73-78.
2. Институциональная трансформация социально-экономических систем в условиях цифровизации: состояние, тренды, проблемы и перспективы: монография. Курск, 2020. 294 с.
3. Кениг А.В. Цифровая экономика и ее влияние на экономический рост: российские и глобальные тенденции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4 (54). С. 10-14.
4. Назаров Д.М. Цифровая экономика как результат информационных революций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 12-24.
5. Пороховский А.А. Цифровизация и искусственный интеллект: перспективы и вызовы // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 2. С. 84-91.

6. *Бодрунов С.Д.* Технологический прогресс: предпосылки и результат социогуманитарной ориентации экономического развития // Экономическое возрождение России. 2022. № 1 (71). С. 5-13.
7. *Глазьев С.Ю.* Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 190, № 1. С. 37-45.
8. *Боркова Е.А., Ватлина Л.В., Курбанов А.Х., Плотников В.А.* Оценка влияния макроэкономических шоков на устойчивость развития секторов национальной экономики и проблемы экономической безопасности. СПб.: Инфо-да, 2022.
9. *Гамидова А.Э.* Трансформация тенденций развития сферы услуг под воздействием пандемии COVID-19 (на материалах отрасли туризма) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 2 (48). С. 15-19.
10. *Пролубников А.В.* Трансформация государственной экономической политики в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1 (47). С. 11-14.
11. *Гришков В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О.* Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7-13.
12. *Луфт К.С., Пирогова Е.Д., Боркова Е.А.* Инвестиции как фактор устойчивого развития экономической системы в России // Экономика и предпринимательство. 2022. № 9 (146). С. 205-207.
13. *Харламов А.В., Харламова Т.Л., Поняева И.* Государственное управление инновационным развитием с использованием возможностей импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 69-75.
14. *Grassano N., Hernandez G.H., Tübke A. et al.* The 2021 EU industrial R&D investment scoreboard. European Commission, Joint Research Centre, Publications Office of the European Union, 2022.
15. *Вертакова Ю.В., Плотников В.А.* Стратегия инновационного развития России: управленческие проблемы реализации // Друкеровский вестник. 2020. № 1 (33). С. 5-20.
16. *Селищева Т.А., Ларионова Н.И.* Механизм государственной поддержки высокотехнологичного сектора экономики России // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке. XXXVIII научная конференция профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам научно-исследовательской деятельности университета за 2015 год. СПб., 2017. С. 234-239.
17. *Ватлина Л.В.* Проблемы и предпосылки актуализации технологий при государственном управлении // Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике. Материалы IV Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2022. С. 42-45.

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОРРЕКТИРОВКИ В ОТРАСЛЕВОМ СТРАТЕГИРОВАНИИ

Аннотация. В статье показывается роль стратегической корректировки в отраслевом стратегировании. Отмечаются основные изменения, которые могут инициировать стратегическую корректировку, выделены категории уровней стратегической корректировки, а также предложен общий алгоритм стратегического корректирования в отраслевом стратегировании.

Ключевые слова. Теория стратегии, отраслевое стратегирование, стратегическая корректировка, реализация отраслевой стратегии

Sasaev N.I.

THE ROLE OF STRATEGIC ADJUSTMENT IN INDUSTRIAL STRATEGIZING

Abstract. The scientific article shows the role of strategic adjustment in industrial strategizing. The main changes that can initiate strategic adjustment are noted, the categories of levels of strategic adjustment are highlighted, and a general algorithm for strategic adjustment in industrial strategizing is proposed.

Keywords. Theory of strategy, industrial strategy, strategic adjustment, industrial strategy implementation

Введение

Процесс разработки отраслевой стратегии многосложен. Он опирается на теоретико-методологический аппарат отраслевого стратегирования [19], основанный на общей теории, методологии и практике разработки и реализации стратегий отечественной научной школы стратегирования, основоположником и лидером которой является академик, Иностраный член РАН В.Л. Квинт [8, 9, 25]. Подход призван находить и обосновывать сквозь нестационарность и неопределенность будущего верный вектор и траекторию развития с выбранными к реализации стратегическими возможностями, организовывать вокруг них прочную и одновременно гибкую систему, учитывающую все необходимые компоненты для их полной реализации [20]. Методология стратегирования не раз показывала свою состоятельность и эффективность [10, 17], в том числе как в относительно устойчивые [5, 15], так и в постнормальные и чрезвычайные периоды [7, 11, 21, 23].

Особое значение имеет комплексный стратегический анализ объекта стратегирования и его перспектив развития, формирование на основе этой информации концепции будущей стратегии, содержащей миссию и видение (стратегические принципы, стратегические приоритеты и цели, а также потенциальную общественную и экономическую эффективность) и выступающей ее стержневым блоком [19]. Этот трудоемкий этап занимает у разработчиков продолжительный период времени, как правило, от двух месяцев до полугода, в зависимости от масштаба объекта стратегирования (отдельный

ГРНТИ 06.52.13

EDN OOADAV

© Сасаев Н.И., 2023

Никита Игоревич Сасаев – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Контактные данные для связи с автором: 119234, Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 61 (Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1, 61) Тел.: +7 903 100-24-84. E-mail: msemu@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023.

отраслевой аспект, межотраслевые связи, отрасль в целом, группа отраслей и т.д.) и стратегируемого периода (среднесрочный, долгосрочный, сверхдолгосрочный). Последующая стадия детализации, формализации и композиционирования всех разработанных концептуальных элементов в единый документ отраслевой стратегии, а также процесс ее утверждения на нормативно-правовом уровне могут занимать еще от трех месяцев до полугода.

Когда отраслевая стратегия разработана, утверждена в качестве нормативно-правового документа и принята к исполнению, требуется еще несколько месяцев на проработку имплементирующих ее документов (стратегического плана, дорожных карт, целевых программ и проектов).

Обобщая вышесказанное, процесс разработки стратегии и переход к ее реализации – долгосрочный и многосложный процесс. Между тем, категории, на которых выстраивается любая стратегия, в том числе отраслевая, прежде всего ценности и интересы, стратегические тенденции и закономерности, стратегические факторы и возможности, не являются статическими категориями, другими словами, со временем они могут изменяться. В силу нестационарности внешней и внутренней среды, включающей в том числе постнормальные периоды [12, 14, 20], некоторые связанные с этими категориями риски и их потенциальные изменения не представляется возможным учесть непосредственно в процессе подготовки всей стратегии или ее отдельных элементов [4]. В то же время, данные изменения могут оказать положительное или негативное влияние на те или иные элементы стратегии, на стратегию в целом, к примеру, снижая или повышая ее практичность и/или эффективность.

Для своевременного нивелирования влияния появившихся и неучтенных изменений и рисков, либо учета их в процессе реализации, с целью обеспечения контролируемого движения стратегируемого объекта в соответствии с выбранным вектором по достижению генеральной цели, процесс стратегирования и отраслевая стратегия, в частности, могут быть подвержены стратегической корректировке. Так как она вносит изменения в уже выстроенный процесс отраслевого стратегирования выбранного объекта или непосредственно в элементы отраслевой стратегии или документ в целом, стратегическая корректировка представляет собой стратегическое решение, которое, безусловно, требует соответствующего обоснования, включающего оценку потенциальной эффективности от его принятия. При этом не каждое изменение может вести к подготовке решения о необходимости той или иной стратегической корректировки.

Целью настоящего исследования является конкретизация и определение роли «стратегической корректировки» как инструмента оперативного совершенствования, как процессов отраслевого стратегирования, так и документа отраслевой стратегии и ее элементов, в частности. В исследовании определены основные изменения, которые могут инициировать стратегическую корректировку, выделены категории уровней стратегической корректировки, а также предложен общий алгоритм стратегического корректирования в отраслевом стратегировании.

Динамичность и изменчивость категорий и элементов отраслевого стратегирования

Процесс стратегирования, в том числе по отраслевой направленности, начинается со стратегического анализа и учета ценностей, именно они определяют ценностные ориентиры и предпочтения, которые в свою очередь выступают основой в формировании интересов разных групп акторов (общество, государство, регионы, отрасли, предприятия, международные организации и т.п.) [16, 20, 25], на их реализацию нацелена вся стратегия. В то время как базовые ценности и интересы акторов более устойчивы в долгосрочном периоде [20, 24, 27] и, как правило, могут измениться только в силу масштабных структурных шоков и трансформаций экономических, социальных, политических и прочих систем [2, 6], специфические ценности и интересы более динамичны и подвержены трансформированию на фоне даже незначительных изменений внутри системы.

В свою очередь, категории «ценности» и «интересы» напрямую взаимосвязаны с формированием важнейших элементов отраслевой стратегии: миссии, генеральной цели и видения. Как правило, в процессе разработки стратегии в миссии закрепляется система ценностей и интересов, сконцентрированных вокруг функционирования и развития объекта стратегирования, тем не менее, учитывая важнейшую роль интересов [19, 26], они могут быть расширены, дополнены, либо исключены в процессе реализации. К примеру, расширение или дополнение новых групп интересов может быть взаимосвязано с

появлением потенциальных инвесторов, заинтересованных в реализации стратегических возможностей, обоснованных в документе реализуемой стратегии. В таком случае включение дополнительных интересов в отраслевую стратегию, с одной стороны, способно расширить ее возможности по имплементации, в том числе за счет дополнительного финансирования, ресурсного или технологического обеспечения, с другой стороны, за счет укрепления горизонтальных и вертикальных взаимосвязей может привести к мультиплицированию общественных и экономических эффектов от реализации стратегии [13, 18, 21].

Согласно методологии стратегирования [9, 26], учитывающей общественно значимые постулаты [28], генеральная цель, которая в конечном счете подразумевает обеспечение общественной пользы и содействие повышению качества и уровня жизни населения от реализации любой стратегии, включая отраслевую, сущностно остается неизменной, тем не менее, опираясь на потенциальные изменения ценностных ориентиров, можно уточнить отдельные аспекты или параметры ее успешного достижения.

Видение как составной документ отраслевой стратегии также имеет ряд элементов, поддающихся стратегической корректировке, и элементов, которые остаются неизменными. Общие методологические стратегические принципы, призванные обеспечить как методологическую корректность разработки отраслевой стратегии, так и эффективность ее последующей реализации [19], остаются неизменными. Могут быть скорректированы лишь специфические стратегические принципы, сопутствующие особенностям стратегируемого объекта или связанные с его непосредственным развитием. Эти изменения могут быть связаны как с изменением ценностных ориентиров или интересов, либо с появлением новых или нивелированием уже учтенных стратегических тенденций, закономерностей и стратегических факторов на фоне нестационарности экономических, общественных, технологических, политических и прочих систем.

Отметим, что стратегический мониторинг изменений тенденций, закономерностей и стратегических факторов выполняет особо важную функцию не только во время разработки отраслевой стратегии, но и при ее реализации [21]. Во-первых, это позволяет своевременно отследить влияние новых тенденций и закономерностей на объект отраслевого стратегирования и его перспективы развития, что особенно актуально в условиях реиндустриализации и ускоренного перехода к «цифровой экономике» [3], во-вторых, в условиях повышенной межрегиональной конкуренции за стратегические факторы позволяет оценить их актуальность и значимость в соответствии с потенциальными изменениями тенденций разного уровня и масштаба [1]. В-третьих, результаты анализа могут указать на появление или упущение стратегических возможностей и конкурентных преимуществ, что в негативном случае может привести к критическим последствиям реализации отраслевой стратегии.

Стратегические приоритеты, центральный элемент видения и всей отраслевой стратегии, как правило, в целом остаются неизменными, могут быть скорректированы включенные группы интересов, на реализацию которых нацелен отдельно взятый стратегических приоритет, включены или исключены стратегические факторы, требуемые для его полной и последовательной имплементации, скорректированы или расширены потенциальные эффекты общественной и экономической эффективности от его реализации.

Неизменным в видении остается выбранный долгосрочный вектор развития объекта стратегирования, как правило, его изменение подразумевает полное прекращение реализации принятой отраслевой стратегии. В то же время, может быть скорректирована траектория развития – линия стратегии с распределением по периодам реализации стратегических приоритетов [19]. К примеру, это возможно за счет включения новых интересов, новых значимых стратегических факторов или привлечения дополнительных источников ресурсного обеспечения, когда исходная траектория может быть существенно сокращена, и это позволит досрочно реализовать те или иные стратегические приоритеты или отраслевую стратегию в целом.

Следующий элемент отраслевой стратегии, который может быть изменен, это – стратегический сценарий, который предполагает некоторую модель внешней и внутренней среды, учитывающей

стратегические факторы [22, 25], тенденции, потенциальные риски, в которой будет реализовываться стратегия. Так, появление новых или изменение включенных стратегических факторов и тенденций, связанных рисков, могут быть дополнительно учтены стратегической корректировкой.

Стратегическое корректирование может коснуться и стратегии входа, то есть процесса внедрения отраслевой стратегии, а именно пересмотра сферы ее внедрения, отраслевой специфики и особенностей рынка, с учетом внешних и внутренних изменений. К примеру, могут быть скорректированы требования по кадровой подготовке, по приобретению или разработке конкурентных преимуществ, внесены изменения в требуемые объемы необходимых ресурсов, пересмотрено нормативно-правовое и информационное поле, а также скорректированы организационные механизмы и инструменты обеспечения реализации отраслевой стратегии.

Аналогично, может быть скорректирована стратегия выхода, предполагающая запланированную инициацию завершения реализации отраслевой стратегии, либо заблаговременного завершения исполнения принятой отраслевой стратегии. В таком случае могут быть скорректированы критерии оценки запланированной реализации отраслевой стратегии, ведущие к ее плановому завершению, или критические параметры, сигнализирующие о необходимости «свертывания» ее реализации.

Непосредственно и сама система стратегического управления процессом реализации отраслевой стратегии может быть трансформирована с учетом измененной системы стратегических принципов, стратегических тенденций и закономерностей, стратегических факторов, возможностей, показателей эффективности, стратегического сценария, траектории.

Уровни стратегических корректировок и инструментарий их проведения

Все вышеперечисленные изменения предполагают разные уровни стратегической корректировки, которые можно разделить на три категории: незначительный, средний, критический (таблица). При этом, необходимо руководствоваться основным принципом проведения стратегической корректировки, а именно: она не должна разрушать выстроенную систему отраслевого стратегирования, а – наоборот – содействовать укреплению ее целостности и гибкости, а также повышать эффективность реализации заложенной доктрины, стратегических приоритетов в направлении выбранного вектора развития объекта отраслевого стратегирования.

Таблица

Уровни стратегической корректировки

Уровень	Потенциальные случаи, предписывающие уровень	Примеры соответствующих изменений	Характер стратегической корректировки
Незначительный	Изменения, не вносящие значимые корректировки в элементы отраслевой стратегии, отраслевую стратегию в целом, либо в процесс отраслевого стратегирования	Изменение ценностных ориентиров, изменение групп интересов, уточнение показателей эффективности, появление или исчезновение малозначимых стратегических тенденций, закономерностей и стратегических факторов, существенно не влияющих на реализацию отраслевой стратегии	Корректирование связанных с изменением элементов с целью удержания объекта стратегирования на исходной траектории реализации отраслевой стратегии (как правило, штатная работа тактического блока)
Средний	Изменения, вносящие значимые корректировки в элементы отраслевой стратегии, отраслевую стратегию в целом, либо в процесс отраслевого стратегирования	Появление или исчезновение значимых стратегических тенденций, закономерностей и стратегических факторов, существенно влияющих на реализацию отраслевой стратегии. Разрыв вертикальных и/или горизонтальных связей между объектом отраслевого стратегирования и объектами общей системы стратегий	Корректирование связанных с изменением элементов с целью оптимального изменения траектории реализации отраслевой стратегии (в том числе, уточнение стратегических приоритетов, корректирование стратегического сценария или переход к альтернативному, пересмотр или уточнение стратегического плана)

Окончание табл.

Уровень	Потенциальные случаи, предписывающие уровень	Примеры соответствующих изменений	Характер стратегической корректировки
Критический	Критические изменения элементов отраслевой стратегии, отраслевой стратегии в целом, либо процесса отраслевого стратегирования	Прекращение функционирования объекта стратегирования (в том числе, в силу наступления чрезвычайной ситуации, масштабных структурных изменений системы, в которой функционирует объект)	Пересмотр, стратегии выхода и ее досрочная реализация
		Упущение стратегической возможности, в том числе, когда результирующие эффекты от реализации стратегической возможности ниже затрат, необходимых на ее реализацию	Пересмотр соответствующего стратегического приоритета, в том числе полное прекращение его реализации
		Упущение значимого конкурентного преимущества, необходимого для реализации стратегической возможности	
		«Закрытие» окна стратегических возможностей, когда большая часть стратегических возможностей упущена и реализация стратегических приоритетов нецелесообразна	Досрочная реализация стратегии выхода с возможным переходом к новой отраслевой стратегии с новым вектором развития

Составлено автором.

Стратегическое корректирование может осуществляться в соответствии со следующими этапами: (1) выявление внешнего или внутреннего изменения, связанного с отраслевой стратегией или процессом отраслевого стратегирования; (2) детерминация уровня стратегической корректировки (незначительный, средний, критический); (3) обоснование и подготовка стратегического решения о проведении стратегического корректирования; (4) оценка эффективности потенциальной стратегической корректировки; (5) исполнение стратегического корректирования, в том числе с внесением необходимых корректировок в связанные элементы отраслевой стратегии или процесс отраслевого стратегирования.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что процесс разработки отраслевой стратегии и переход к ее реализации – долгосрочный и многосложный процесс. Стратеги всегда стремятся разработать лучшую стратегию, которая «всегда проста и имеет отблеск совершенства» [8, с. 135], а так как весь процесс отраслевого стратегирования занимает длительный период времени, и могут возникать новые существенные параметры, влияющие на эффективность стратегического документа, в таком случае именно стратегическая корректировка выступает действенным и полезным инструментом своевременного учета таких изменений, направленным на совершенствование как отраслевой стратегии и ее элементов, так и процесса отраслевого стратегирования.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Математические методы анализа сложных систем».

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Алимуратов М.К. Межрегиональная конкуренция за стратегические экономические факторы // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2 (2). С. 163-172.
2. Бодрунов С.Д. От экономических интересов – к нооценностям // Вопросы философии. 2022. № 7. С. 15-26.
3. Бодрунов С.Д., Демиденко Д.С., Плотников В.А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. 2018. № 2. С. 43-54.

4. *Квинт В.Л.* Стратегическое экономическое воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма // *Управленческое консультирование*. 2016. № 6. С. 14–25.
5. *Квинт В.Л.* Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // *Экономика промышленности*. 2020. Т. 13. № 3. С. 290–299.
6. *Квинт В.Л., Бодрунов С.Д.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. 351 с.
7. *Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимуратов М.К., Сасаев Н.И.* Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики // *Управленческое консультирование*. 2022. № 9. С. 57–67.
8. *Квинт В.Л.* Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2020. 170 с.
9. *Квинт В.Л.* Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М.: Бизнес Атлас, 2012. 626 с.
10. *Козырев А.А.* Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития // *Экономика промышленности*. 2020. Т. 13. № 4. С. 434–447.
11. Концептуальное будущее Кузбасса: стратегические контуры приоритетов развития до 2071 г. 50-летняя перспектива / В.Л. Квинт, М.К. Алимуратов, Г.В. Задорожная и др. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 283 с.
12. *Курюкин А.Н.* "Новая нормальность" экономики, политики и социума в условиях Covid-19 и после // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2021. Т. 12. № 2. С. 160–181.
13. *Лившиц В.Н., Миронова И.А., Швецов А.Н.* Оценка эффективности инвестиционных проектов в различных условиях // *Экономика промышленности*. 2019. Т. 12. № 1. С. 29–43.
14. *Максимцев И.А., Межевич Н.М.* Мировая экономика после шока первого полугодия 2020 года: старые проблемы в новых условиях // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2020. № 3 (123). С. 22–27.
15. *Мирзиева С.Ш.* Обоснование стратегической приоритетности отраслей в структуре экономики Узбекистана // *Экономика промышленности*. 2019. Т. 12. № 1. С. 4–17.
16. *Некпелов А.Д.* О природе социального выбора // *Россия и современный мир*. 2006. № 4 (53). С. 5–16.
17. *Плотников В.А., Шамахов В.А.* Стратегическое управление: глобальный подход // *Управленческое консультирование*. 2013. № 5 (53). С. 157–164.
18. *Садовничая А.В.* Общественная и экономическая эффективность выставочно-ярмарочной деятельности: методология и практика // *Экономическое возрождение России*. 2019. № 1 (59). С. 76–85.
19. *Сасаев Н.И.* Основы отраслевого стратегирования: формирование концепции // *Управленческое консультирование*. 2022. № 9. С. 106–115.
20. *Сасаев Н.И.* Роль отраслевого стратегирования в период постнормальности // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022. № 3 (135). С. 107–110.
21. *Сасаев Н.И.* Стратегирование газовой отрасли России: дальневосточный вектор: монография. М.: Первое экономическое издательство, 2022. 164 с.
22. *Фадеев А.М.* и др. Методические подходы к сценарному планированию в минерально-сырьевом комплексе // *Проблемы развития территории*. 2017. № 6. С. 53–67.
23. *Цивилева А.Е., Голубев С.С.* Методология стратегического управления угледобывающими предприятиями в чрезвычайный период // *Стратегирование: теория и практика*. 2022. Т. 2. № 4. С. 470–482.
24. *Kenrick D.T. et al.* Renovating the pyramid of needs: Contemporary extensions built upon ancient foundations // *Perspectives on psychological science*. 2010. Vol. 5 (3). P. 292–314.
25. *Kvint V.L.* Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications. New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.
26. *Kvint V.L., Okrepilov V.V.* Quality of life and values in national development strategies // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2014. Vol. 84. № 3. P. 188–200.
27. *Maslow A.H.* A theory of human motivation // *Psychological review*. 1943. Vol. 50 (4).
28. *Phelps E.S.* Mass flourishing: How grassroots innovation created jobs, challenge, and change // *Business Economics*. 2014. Vol. 49 (3). P. 203–205.

МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКА НА ОСНОВЕ СНИЖЕНИЯ НЕПРОДУКТИВНЫХ ЗАТРАТ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию и эмпирическому исследованию влияния снижения затрат на непродуктивную работу на эффективность деятельности работника на примере производственного предприятия. Повышение производительности и эффективности деятельности персонала весьма актуально в условиях сокращения численности экономически активного населения в России, усиления санкционного давления со стороны недружественных стран. По данным ОЭСР, производительность 1 чел.-часа работы в России за 2020 год составляет 33 доллара США, в Германии – 76 долларов США, в Соединенных Штатах Америки – 80 долларов США, Франции – 79 долларов США. Резервами роста эффективности деятельности работников производственных предприятий являются сокращение затрат на непродуктивную работу: снижение объемов лишней, двойной, повторной работы и повышение качества продуктов труда. Однако сегодняшний уровень развития теории не позволяет осуществлять систематическую деятельность по выявлению и использованию резервов эффективности деятельности работников производственных предприятий. Отсутствует единая теоретическая система, объединяющая понятия эффективность деятельности работника, продуктивная деятельность, лишняя, двойная, повторная работа и др. Недостаточное развитие системы знаний не позволяет разрабатывать и эффективно осуществлять комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности работников. Обоснованию и разработке метода повышения эффективности деятельности работников посвящена авторская статья.

Ключевые слова. Эффективность деятельности работника, повышение эффективности деятельности работников, повышение продуктивного времени работника, снижение затрат работника на непродуктивную работу, сокращение лишней, двойной и повторной работы.

Nikolaev N.A.

METHOD OF INCREASING THE EFFICIENCY OF AN EMPLOYEE ON THE BASIS OF REDUCING COSTS FOR NON-PRODUCTIVE WORK

Abstract. The article is devoted to the theoretical substantiation and empirical study of the impact of reducing the cost of unproductive work on the efficiency of the employee's activity on the example of a manufacturing enterprise. Increasing the productivity and efficiency of personnel is very important in the context of a reduction in the economically active population in Russia, and increased sanctions pressure from unfriendly countries. According to the OECD, the productivity of 1 man-hour of work in Russia for 2020 is 33 US dollars, in Germany 76 US dollars, in the United States of America 80 US dollars, France 79 US dollars USA. The reserves for increasing the efficiency of the activity of employees of manufacturing enterprises are the reduction of costs for unproductive work: reducing unnecessary, double, repeated work and improving the quality of labor products. However, the current level of development of the theory does not allow carrying out systematic

---

ГРНТИ 06.77.02

EDN ОСВСВВ

© Николаев Н.А., 2023

Николай Алексеевич Николаев – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Контактные данные для связи с автором: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45 (Russia, Yekaterinburg, 8 March / Narodnaya Volya str., 62/45). Тел.: +7 902 273 4896. E-mail: wagner83@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 27.10.2022.

activities to identify and use the reserves of the efficiency of the work of workers in the conditions of industrial enterprises. There is no single theoretical system that combines the concepts of employee performance, productive activity, extra, double, repeated work, and others. The insufficient development of the knowledge system does not allow developing and effectively implementing a set of measures aimed at improving the efficiency of employees. Our article is devoted to the justification and development of a method for improving the efficiency of employees.

Keywords. *Efficiency of the worker, improving the efficiency of the work of workers, increasing the productive time of the worker, reducing the cost of the worker for unproductive work, reducing unnecessary, double and repetitive work.*

Введение

Систематическое повышение эффективности деятельности работников, подразделений и предприятия в целом является основой для сохранения конкурентоспособности, а значит выживания и развития в условиях рыночной экономики с высокой конкуренцией. Вместе с тем, подходы к оценке и повышению эффективности деятельности работников, представленные в современной научно-методической литературе, не позволяют сформировать единые теоретические представления о взаимосвязи понятий «эффективность деятельности работника», «качество продукта труда», «продуктивная деятельность», «непродуктивная деятельность», «лишняя работа», «двойная работа», «повторная работа» и других.

Это не позволяет эффективно осуществлять систематическую целенаправленную деятельность, направленную на снижение затрат на лишнюю, двойную, повторную работу, повышать качество продуктов труда, а значит и эффективность деятельности работников, персонала и организаций в целом. Указанными обстоятельствами определяется актуальность задачи теоретического обоснования и разработки метода повышения эффективности деятельности работников на основе снижения непродуктивных затрат рабочего времени, живого и овеществленного труда.

Гипотеза исследования состоит в том, что систематическое снижение непродуктивных затрат рабочего времени, живого и овеществленного труда закономерно приводит к повышению эффективности деятельности работников производственных предприятий. Цель работы – теоретическое обоснование и разработка метода повышения эффективности деятельности работников на основе снижения непродуктивных затрат рабочего времени, живого и овеществленного труда. Объект исследования – управление эффективностью деятельности работников производственных предприятий. Предмет исследования – управление эффективностью деятельности работников на основе снижения непродуктивных затрат рабочего времени, живого и овеществленного труда.

Теоретическая основа исследования

В научной литературе представлено множество подходов к определению и оценке понятий «эффективность деятельности работника» и «эффективность труда». Часто эти понятия используются как синонимы. Кратко рассмотрим и проанализируем эти подходы к оценке и повышению эффективности труда и деятельности персонала.

1. Подход с использованием КРІ (Key Performance Indicators), ключевых показателей результативности, иногда называемых ключевыми показателями эффективности, в последнее время широко распространился как в зарубежной, так и отечественной практике управления персоналом. Суть подхода заключается в том, что для работника, подразделения или организации в целом задаются целевые показатели деятельности, обычно согласованные со стратегией развития предприятия. Данный подход представлен в трудах Каплана Р.С., Нортон Д.П. [1], Борисенко В.П. [2], Ветлужских Е.Н. [3] и др. На наш взгляд, подход с использованием КРІ позволяет оценить степень достижения целевых результатов деятельности работника, что, по сути, является оценкой результативности, а не эффективности.

2. Подходы, основанные на оценке системы показателей социально-экономической эффективности деятельности подразделения и предприятия являются схожими с методами использования показателей

КРІ. Как нам представляется, в основе применения данных подходов лежит тезис, что целевыми результатами руководителей, специалистов и других работников являются социально-экономические показатели деятельности подразделения или предприятия: объем прибыли, рентабельность затрат, производительность труда и т.д. Оценка этих показателей позволяет судить об эффективности деятельности подразделений, предприятия, однако не позволяет оценить эффективность деятельности конкретных работников, соответствие качества, затрат живого и овеществленного труда принятым в организации стандартам.

3. Новым оригинальным подходом к оценке эффективности деятельности работников является предложенный Хачатуровым А.Е., Голубевым А.В., которые определяют ее как величину удовлетворенности результатами труда всех заинтересованных сторон на всех стадиях жизненного цикла как самого труда, так и его результата [4]. На наш взгляд, данное определение не отражает сущности категории эффективность труда, т.к., по сути, является определением понятия удовлетворенность. Понятия эффективность и удовлетворенность взаимосвязаны, но все-таки имеют разную сущность и содержание. Эффективность труда может являться причиной удовлетворенности всех сторон, а может и не являться. Удовлетворенность трудом может наблюдаться у всех сторон трудового процесса и при низкой его эффективности. Например, ручная лепка пельменей, выпечка хлеба, ручная работа на даче может характеризоваться высокой величиной удовлетворенности всех участников труда, несмотря на относительно низкую производительную силу и эффективность ручного труда, а автоматизированный высокоэффективный труд на конвейере, высоко производительном станке или экскаваторе может вызывать крайнюю неудовлетворенность работников из-за высокой интенсивности труда, низкой заработной платы, вредных условий труда и т.д. Однако мы разделяем тезис авторов о том, что повышение эффективности труда работников должно приводить к повышению уровня их удовлетворенности работой в организации.

4. Количественно-качественный подход к оценке эффективности труда, предложенный Галиуллиным Х.Я., Ермаковым Г.П., Симоновой М.В., определяет эффективность труда как категорию, которая характеризует качественно-количественную сторону труда. Содержанием (сущностью) эффективности труда является способность труда генерировать (производить) эффект. Количественная сторона этой категории заключается в объективной количественной связи таких переменных, как эффект и ресурсы (затраты) труда, которые имеют размер, объем и числовые значения [5]. Мы согласны с тем, что эффективность труда характеризует отношение эффекта и затрат труда на его получение, однако данный подход не может быть применен при оценке эффективности деятельности работника поскольку деятельность работника, как нам представляется, является понятием, большим по объему. Под деятельностью работника понимается любая его деятельность в рамках организации или от ее имени. В отличие от труда, деятельность включает подготовку, планирование, организацию, контроль процесса труда, а также нетрудовую деятельность работника в организации, которая также может потреблять трудовые, временные и материальные ресурсы. Например, занятие личными делами в рабочее время, предназначенное для осуществления трудового процесса, злоупотребление ресурсами организации в своих личных интересах, расход ресурсов на деятельность, не связанную с трудовым процессом и т.д. Поэтому понятия эффективность труда и эффективность деятельности работника, на наш взгляд, отражают разные предметы и не являются синонимами. А значит эффективность труда и эффективность деятельности работника должны по-разному.

Как видно из проведенного нами краткого анализа подходов к оценке эффективности деятельности персонала, на сегодняшний день в научной литературе нет единого общепринятого подхода к определению и оценке эффективности деятельности работников предприятия. В нашей работе мы используем подход к оценке эффективности деятельности персонала на основе положений трудовой теории стоимости, которую разработал А. Смит, а в дальнейшем развивали К. Маркс, Ф. Энгельс и другие исследователи.

Деятельность работников, с одной стороны, направлена на создание товаров и услуг, обладающих потребительской ценностью или, согласно теории К. Маркса, потребительной стоимостью. А с другой стороны, трудовая деятельность требует затрат живого и овеществленного труда, необходимого для создания товаров и услуг, обладающих потребительской ценностью. То есть, согласно теории

К. Маркса, заключающийся в товарах и услугах труд носит двойственный характер. Как пишет Маркс, «всякий труд, есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости» [6].

Таким образом, всякий труд рассматривается в диалектическом единстве конкретного и абстрактного труда. В качестве конкретного труд создает полезный эффект или потребительные стоимости, иначе говоря предметы потребления. В качестве абстрактного труд создает стоимости, которые проявляются в форме меновой стоимости в процессе обмена. «Величина стоимости определяется количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для его изготовления» [6, с. 48].

Традиционно под эффективностью понимается соотношение между результатами и затратами ресурсов на их получение. В соответствии с трудовой теорией стоимости мы рассматриваем эффективность деятельности работника в диалектическом единстве конкретного и абстрактного труда. В качестве результатов конкретного труда эффективность деятельности работника является отношением полезного эффекта труда к затратам живого и овеществленного труда на его получение. В качестве результатов абстрактного труда эффективность деятельности работника является отношением стоимости, созданной его трудом, к стоимости рабочей силы, а также стоимости материальных и денежных ресурсов, затраченных в процессе его деятельности.

Теоретическое обоснование понятия «эффективность деятельности работника»

Как мы уже определили выше, под эффективностью деятельности работника в ее конкретном аспекте понимается отношение полезного эффекта к затратам живого и овеществленного труда на его получение. Возникает важный теоретический вопрос: как соотносятся понятия эффективность труда и эффективность деятельности работника, персонала?

Труд традиционно понимается как целесообразная деятельность человека, направленная на изменение предмета труда. Под деятельностью же понимается сознательное активное взаимодействие субъекта с объектом (окружающей средой), во время которого субъект целенаправленно воздействует на объект, удовлетворяя какие-либо свои потребности или достигая цели. Поэтому понятие деятельность представляется нам большим по объему чем понятие труд или трудовая деятельность. Деятельность работника в организации включает в себя и трудовую, и нетрудовую деятельность. Например, прием пищи, регламентированный и нерегламентированный отдых на рабочем месте не являются трудом в его традиционном понимании, но являются деятельностью работника, направленной на удовлетворение потребностей.

Следовательно, понятие эффективность деятельности работника является большим по объему, чем понятие эффективность труда, поскольку должно включать в себя оценку соотношения результатов и затрат не только труда, но и иной деятельности работника. Рассмотрим структуру понятия «эффективность деятельности работника». Традиционно под эффективностью в обобщенном смысле понимается отношение результатов к затратам на их достижение.

Ценность представляют полезные свойства результатов деятельности работника: материальных, нематериальных благ. А именно то, в какой степени труд или его результаты удовлетворяют ту или иную организационную или общественную потребность. В соответствии с экономической теорией труда В.Н. Белкина, степень удовлетворения труда общественной потребности называется полезным эффектом труда (ПЭТ) [7, с. 76]. Под результатами деятельности мы будем понимать полезный эффект труда работника. Полезный эффект определяется величиной и качеством созданного продукта. Он может быть определен по следующей формуле [7, с. 76]:

$$\text{ПЭТ} = \text{ПродТ} \cdot \text{УК}, \quad (1)$$

где ПЭТ – полезный эффект труда; ПродТ – продукт труда; УК – уровень качества продукта труда.

Таким образом, чем больше количество продуктов труда произвел работник и чем выше уровень их качества, тем выше полезный эффект его труда, тем более полноценно он удовлетворяет потребности внутренних или внешних потребителей результатов его труда.

Уровень качества определяется наиболее важными для потребителя характеристиками товаров, услуг, работ. В практической деятельности предприятий уровень качества определяется соответствием характеристик товаров, услуг, работ стандартам, регламентам качества, принятым на предприятии. В условиях товарного общественного производства и рыночной экономики блага, создаваемые работниками коммерческих организаций, становятся стоимостью, т.е. отношением, которое лежит в основе обмена товаров, что, в частности, делает их соизмеримыми [8]. Однако, как на наш взгляд верно утверждают Бузгалин А.В., Калганов А.И.? «в других общественных системах труд создавал и будет создавать общественное богатство, имеющее другую – нестоимостную – социально-экономическую природу и форму» [3].

В условиях отсутствия рынка работник создает полезный эффект труда, который, выражаясь в терминах трудовой теории стоимости, имеет потребительную стоимость, но стоимостью не становится. Например, выращивание овощей и фруктов в огороде для личного потребления, производство продуктов и услуг в условиях общественной собственности на средства производства и плановой экономики, ученые, которые производят нематериальные ценности – знания и дарят их миру и т.д. Таким образом, результат труда работника – полезный эффект труда может быть выражен в нестоимостной и стоимостной, в том числе денежной форме.

Если под эффективностью деятельности персонала мы понимаем отношение результатов к затратам на их достижение, то в качестве результатов деятельности работника (персонала) необходимо принять полезный эффект труда, выраженный в натуральном или денежном выражении, а в качестве затрат – затраты живого и овеществленного труда для их получения. Таким образом, эффективность деятельности работника – это отношение полезного эффекта к затратам живого и овеществленного труда на его создание. Тогда эффективность деятельности работника (персонала) в натуральной форме определяется по формуле:

$$Э_{\text{раб.}} = \text{ПЭТ} / (\text{З}_{\text{ж.труд.}} + \text{З}_{\text{ов.труд.}}) = \text{ПродТ} \cdot \text{УК} / (\text{З}_{\text{ж.труд.}} + \text{З}_{\text{ов.труд.}}), \quad (2)$$

где ПЭТ – полезный эффект труда работника; ПродТ – продукт труда; УК – уровень качества продукта труда [7, с. 76]; $\text{З}_{\text{ж.труд.}}$ – затраты живого труда на создание полезного эффекта труда, выраженные в затратах рабочего времени; $\text{З}_{\text{ов.труд.}}$ – затраты овеществленного труда на создание полезного эффекта труда в натуральном выражении.

Если принять массу стоимости, созданной трудом работника, за цену его полезного эффекта труда, массу стоимости израсходованной рабочей силы за ее цену, массу стоимости использованных ресурсов за их цену, то эффективность деятельности работника в денежном выражении будет определяться формулой:

$$Э_{\text{раб.}} = \text{ПЭТ} \cdot \text{Ц}_{\text{пэт}} / (\text{РС} \cdot \text{Ц}_{\text{рс}} + \text{С}_{\text{рес.}} \cdot \text{Ц}_{\text{рс}} + \text{Д}), \quad (3)$$

где ПЭТ – полезный эффект труда работника; $\text{Ц}_{\text{пэт}}$ – цена полезного эффекта труда, созданного работником (персоналом); РС – расход рабочей силы на создание полезного эффекта труда; $\text{Ц}_{\text{рс}}$ – цена рабочей силы, расходуемой на создание полезного эффекта труда (включает заработную плату, налоги, обязательные взносы в государственные фонды, иные выплаты в пользу работников, относимые на единицу полезного эффекта труда); $\text{С}_{\text{рес.}}$ – расход материальных ресурсов на создание полезного эффекта труда; $\text{Ц}_{\text{рес}}$ – цена материальных ресурсов на создание полезного эффекта труда; Д – денежные ресурсы, затрачиваемые на создание полезного эффекта труда.

Из приведенной формулы видно, что повышение эффективности деятельности работника в денежном выражении возможно как за счет натуральных, так и ценовых факторов. Следовательно, при неизменной эффективности деятельности работника (персонала) в натуральном выражении эффективность деятельности работника в денежном выражении может повышаться за счет повышения цены полезного эффекта труда и/или снижения цены рабочей силы, цен материальных ресурсов или суммы денежных средств на его создание.

Таким образом, эффективность деятельности работника (персонала) может быть повышена следующими способами: повышением количества, качества, цены продуктов труда (полезного эффекта труда); снижением затрат или цены рабочей силы на создание полезного эффекта труда; снижением затрат или цен материальных ресурсов на создание полезного эффекта труда; снижением затрат денежных ресурсов на создание полезного эффекта труда; сочетанием детерминант:

количества, качества, цены продукта труда, расхода или цены рабочей силы, материальных ресурсов, денежных ресурсов при условии, что эффективность деятельности работника (персонала) повышается ($\Delta_{\text{раб.}} \uparrow$).

Резервы повышения эффективности деятельности работника за счет снижения непродуктивных затрат

С целью поиска резервов повышения эффективности необходимо выделить ту деятельность работника, которая осуществляется установленными рациональными способами и создает продукт труда нормативного уровня качества (полезный эффект труда). Сущностью продуктивной деятельности работника является ее осуществление с соблюдением установленного технологией рационального порядка трудовых операций, результатом выполнения которых является продукт труда, соответствующий установленным нормативам качества – полезный эффект труда.

Рациональный порядок осуществления трудовых операций – продуктивная деятельность, которая позволяет получить продукт труда нормативного уровня качества – полезный эффект труда должен быть установлен в регламентах и стандартах осуществления трудовых функций работниками. Отклонения от рационального порядка приводят или к получению продукта труда несоответствующего уровня качества (бесполезного эффекта труда), или к перерасходу затрат ресурсов (рабочей силы, материальных, денежных) для получения полезного эффекта труда или к тому, и к тому и другому вместе. В соответствии с предложенным подходом затраты на полезную деятельность работника можно дифференцировать на продуктивные и непродуктивные.

$$Z_{\text{рес.пол.}} = Z_{\text{прод.}} + Z_{\text{непрод.}} \quad (4)$$

С другой стороны, согласно традиционному подходу, полезную трудовую деятельность работника можно разделить на оперативную деятельность, подготовительно-заключительную деятельность, деятельность, направленную на обслуживание рабочего места, регламентированные перерывы на обед и личные надобности, нерегламентированные перерывы. Формула затрат ресурсов на полезную трудовую деятельность примет вид:

$$Z_{\text{рес.пол.}} = Z_{\text{опер.}} + Z_{\text{подг-закл.}} + Z_{\text{обсл.}} + Z_{\text{рег.пер.}} + Z_{\text{нерег.пер.}} \quad (5)$$

где $Z_{\text{опер.}}$ – затраты ресурсов на оперативную деятельность; $Z_{\text{подг-закл.}}$ – затраты ресурсов на подготовительно-заключительные операции; $Z_{\text{обсл.}}$ – затраты ресурсов на обслуживание рабочего места; $Z_{\text{рег.пер.}}$ – затраты ресурсов на регламентированные нормативными и иными документами предприятия перерывы в работе; $Z_{\text{нерег.пер.}}$ – затраты времени на нерегламентированные перерывы в работе, вызванные нарушением нормального течения трудового процесса.

Оперативная деятельность непосредственно направлена на осуществление трудовых операций по целесообразному изменению предмета труда. Она включает в себя основную и вспомогательную деятельность. Затраты на оперативную деятельность включают в себя затраты на основное и вспомогательную деятельность:

$$Z_{\text{опер.}} = Z_{\text{осн.}} + Z_{\text{вспом.}} \quad (6)$$

где $Z_{\text{осн.}}$ – время, затрачиваемое непосредственно на изменение формы, размера и свойств предмета труда (действия по качественному и количественному изменению предмета труда), например, время, направленное на обработку детали у токаря, скрепление деталей у сварщика, перевозку груза у водителя, перемещение груза у крановщика и т.д.; $Z_{\text{вспом.}}$ – затраты вспомогательного времени, направленные на обеспечение выполнения основной работы, эти затраты включают в себя затраты на передвижения работника, изменение настроек оборудования, инструмента в процессе трудовой деятельности и т.п., например, это может быть замена электрода в сварочном аппарате, замена сверла в сверлильном станке, заправка автомобиля бензином и т.д.

Традиционная структура затрат рабочего времени позволяет структурировать время, затрачиваемое работником в течение смены, осуществлять нормирование труда, определять резервы снижения затрат рабочего времени на производство продуктов труда за счет сокращения времени нерегламентированных перерывов, времени на обслуживание рабочего места и т.д. Однако она не позволяет увидеть резервы снижения затрат рабочего времени за счет сокращения оперативного времени, времени на подготовительно-заключительные операции, времени на обслуживание рабочего места, времени нерегламентированных перерывов.

Непродуктивная – нерациональная трудовая деятельность приводит к непродуктивному расходу ресурсов на лишние трудовые движения и операции – лишняя трудовая деятельность или лишняя работа, а если продукт труда в результате такой деятельности не соответствует нормативам качества, и возникает необходимость переделывать работу для устранения недостатков – повторной трудовой деятельности или повторной работе. Согласно предлагаемому подходу, затраты на оперативную деятельность делятся на затраты продуктивного времени и потери оперативного времени:

$$Z_{\text{опер}} = Z_{\text{прод.}} + Z_{\text{пот.опер.}} \quad (7)$$

где $Z_{\text{прод.}}$ – затраты на продуктивную деятельность (включают в себя время и ресурсы, затрачиваемые на получение результатов труда нормативного уровня качества при используемой технике, оборудовании, соблюдении регламентированной технологии, организации выполнения работ, регламентов подготовительно-заключительных операций, обслуживания оборудования); $Z_{\text{пот.опер.}}$ – потери оперативной деятельности, которые включают в себя время и ресурсы, затрачиваемые на непродуктивную работу – двойную, повторную, лишнюю работу:

$$Z_{\text{пот.опер.}} = Z_{\text{дв.р.}} + Z_{\text{повт.р.}} + Z_{\text{л.р.}} \quad (8)$$

где $Z_{\text{дв.р.}}$ – затраты на двойную работу, они включают время и ресурсы, затрачиваемое дважды в процессе трудовой деятельности на выполнение одной и той же работы для получения результатов труда, двойная работа может возникать по различным причинам: несогласованного задания, недостаточной квалификации или ответственности работника, неорганизованности рабочего места и т.д.; $Z_{\text{повт.р.}}$ – затраты на повторную работу, они включают время и ресурсы, затрачиваемые на повторное выполнение или переделывание одной и той же работы для получения результатов труда по причине некачественного выполнения ее в первый раз, например, это может быть переделывание некачественно изготовленной детали токарем, повторная сварка водопроводных труб из-за некачественно выполненной первой и т.д.; $Z_{\text{л.р.}}$ – затраты на лишнюю работу (включают в себя время, затрачиваемое на операции, не предусмотренные принятой технологией и организацией выполнения работ или нормативными документами предприятия), например, это могут быть затраты на лишние трудовые движения из-за нерационального расположения инструментов на рабочем месте, затраты на лишние перемещения в рабочей зоне предприятия, неверное выполнение трудовых операций из-за недостаточной квалификации – понимания и умения выполнять работы в соответствии с принятой технологией и т.д.

Сущностным отличием продуктивной работы от операционных потерь является то, что продуктивная работа осуществляется наиболее рациональным способом для получения результатов труда нормативного уровня качества. Порядок, рациональные способы, нормативы качества результатов труда должны определяться регламентами и нормативными документами предприятия.

Операционные потери не являются необходимыми затратами рабочего времени для получения результатов труда, их можно сократить или избежать путем повышения уровня организации рабочего процесса, квалификации и мотивации работников, соблюдением регламентов выполнения работ и т.д. Затраты на нерегламентированные перерывы относятся к потерям рабочего времени, поскольку их можно избежать, и они снижают эффективность его деятельности. Потери рабочего времени образуют резервы сокращения затрат рабочего времени на получение результатов труда и складываются из потерь операционного времени и нерегламентированных перерывов:

$$Z_{\text{пот.рв.}} = Z_{\text{пот.опер.}} + Z_{\text{нерег.пер.}} \quad (9)$$

Подставив вместо затрат операционного времени сумму продуктивного времени и потерь операционного времени, мы получим формулу расчета продуктивного времени работника:

$$Z_{\text{прод.}} = Z_{\text{пол.}} - Z_{\text{подг-закл.}} - Z_{\text{обсл.}} - Z_{\text{рег.пер.}} - Z_{\text{пот.опер.}} - Z_{\text{нерег.пер.}} \quad (10)$$

Таким образом, затраты продуктивного времени и ресурсов рассчитываются как общие затраты на полезную деятельность за вычетом затрат подготовительно-заключительного времени, затрат времени на обслуживание рабочего места, затрат времени на регламентированные, нерегламентированные перерывы и потерь операционного времени. Применение предложенного подхода к расчету затрат продуктивного времени позволяет определять источники резервов сокращения затрат живого труда при используемой технике, оборудовании, технологии за счет сокращения затрат на двойную, повторную, лишнюю работу.

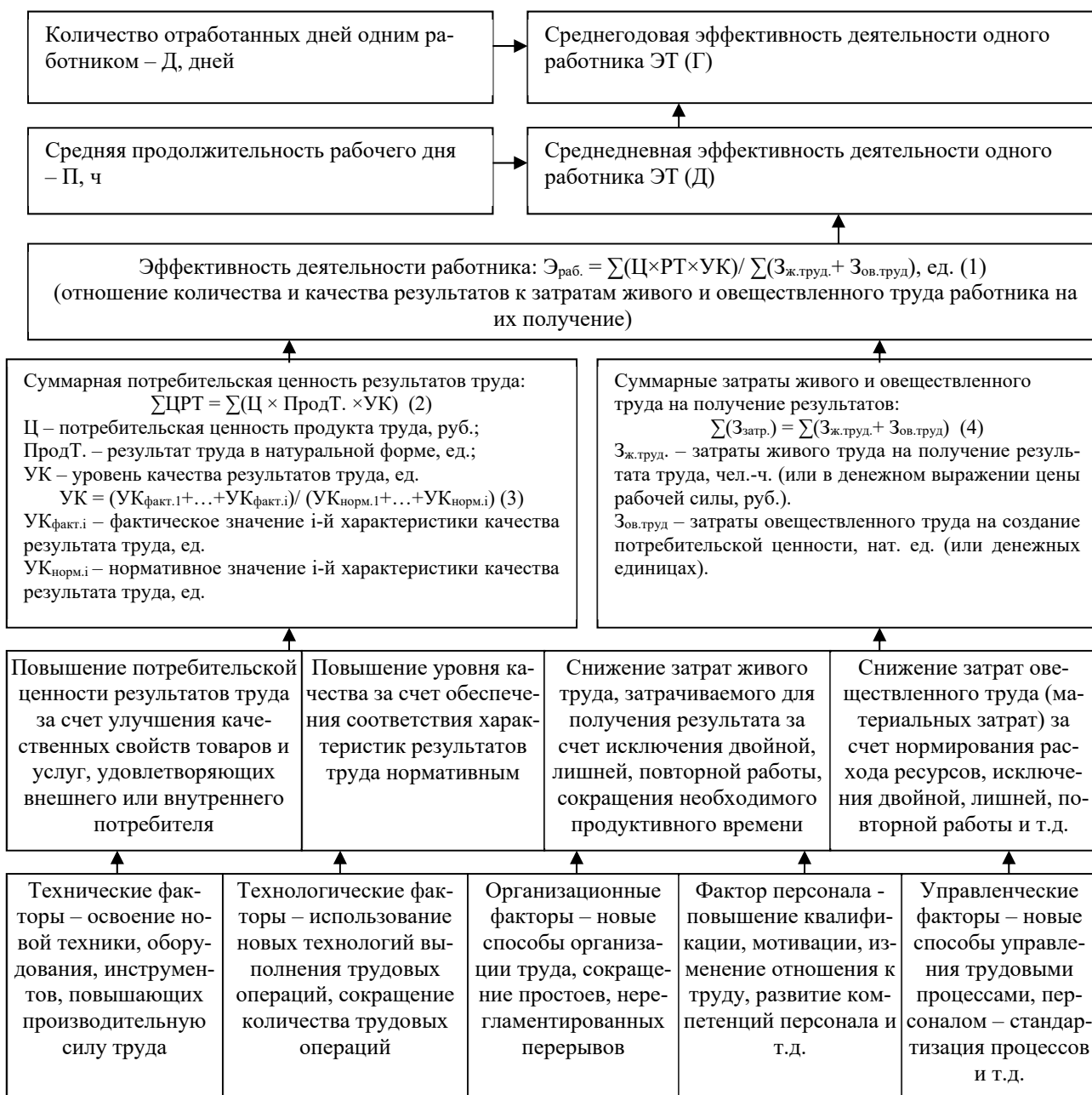

Рис. Факторная модель повышения эффективности деятельности работника

Предлагаемый подход к оценке эффективности деятельности работника позволяет нам разработать факторную модель повышения эффективности деятельности работника предприятия (см. рисунок). Как видно из рисунка 1, повышение эффективности деятельности работника может осуществляться в трех основных направлениях:

- повышение потребительской ценности результатов труда за счет повышения качественных свойств товаров и услуг, удовлетворяющих внешнего или внутреннего потребителя и, как следствие, повышение его удовлетворенности.
- сокращение трудозатрат, затрат материальных или денежных ресурсов при производстве товаров и услуг;
- одновременное повышение потребительской ценности результатов труда и сокращение затрат живого и/или овеществленного труда.

Приоритетные технические, технологические, организационные, человеческие и управленческие факторы для повышения эффективности деятельности персонала определяются особенностями и положением дел на конкретных предприятиях. Как показывает опыт применения предложенного подхода к повышению эффективности деятельности, мониторинг, оценка трудозатрат, затрат материальных и денежных ресурсов, выявление непродуктивных затрат, а также организация систематической целенаправленной деятельности по совершенствованию трудовых процессов позволяют существенно повышать эффективность деятельности отдельных работников, подразделений и организации в целом.

Заключение

Проведенные теоретические исследования позволяют сделать вывод, что применение предложенного подхода позволяет выявлять резервы и систематически повышать эффективность деятельности работников, подразделений и организации в целом. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка методов выявления и комплексного повышения эффективности деятельности работников в трудовых процессах на всех уровнях управления. Особенно высокую эффективность предложенный подход может иметь в производственных и строительных организациях с высокой долей ручного труда, а также затрат материальных ресурсов: машиностроительных, горнодобывающих, строительных и других.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-бизнес, 2003. 210 с.
2. Борисенко В.П., Васильева О.Н., Диканова М.Ю. Сбалансированная система показателей в действии // Справочник по управлению персоналом. 2005. № 7. С. 15-19.
3. Ветлужеских Е.Н. Система вознаграждения. Как разработать цели и КРІ. М.: Альпина Паблишер, 2013. 216 с.
4. Хачатуров А.Е., Голубев А.В. Эффективность труда как фактор повышения качества жизни // Компетентность. 2012. № 5 (96). С. 36-41.
5. Галиуллин Х.Я., Ермаков Г.П., Симонова М.В. Понятие эффективности труда // Экономика труда. 2017. № 3.
6. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Кн. 1: Процесс производства капитала. М.: ЛЕНАНД, 2020. 802 с.
7. Белкин В.Н., Белкина Н.А. Экономическая теория труда. М.: Экономика, 2007. 304 с.
8. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трудовая теория стоимости и теория предельной полезности: от исследования содержания к апологии превратных форм // Журнал экономической теории. 2013. № 2. С. 114-124

Крылова М.Б.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ: ОТ КЛАССИКИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Процессы глобализации связаны не только с трансформацией экономических процессов, часто базирующихся на доминанте деятельности транснациональных компаний и крупных наднациональных структур, но и на активных социальных процессах, связанных с различными видами миграции представителей разных национальностей и рас. Подобные процессы существенно влияют как на социальные явления, так и на вопросы управления внутри компаний, поскольку требуют решения вопросов, связанных со спецификой кросс-культурного менеджмента.

Ключевые слова. Кросс-культурный менеджмент, кросс-культурные исследования, специфика организации кросс-культурных групп.

Krylova M.B.

CROSS-CULTURAL MANAGEMENT – FROM CLASSICS TO MODERNITY

Abstract. Globalization processes are associated not only with the transformation of economic processes, often based on the dominance of trans-national companies and large supranational structures, but also on active social processes associated with various types of migration of different nationalities and races. Such processes have a significant impact both on major social processes, and on issues of management within companies, because they require the solution of issues related to the specifics of cross-cultural management.

Keywords. Cross-cultural management, cross-cultural research, specifics of cross-cultural groups' organization.

Введение

Планетарные процессы, связанные со сменой технологического уклада, переход общества из индустриальной эпохи в информационную требуют пересмотра основных вопросов управления. Одним из интереснейших и важнейших направлений исследования этих фундаментальных вопросов является кросс-культурный менеджмент.

Традиционно принято называть исследования Г. Хофштеде в области кросс-культурного менеджмента одними из самых фундаментальных. Такая постановка вопроса определяется вполне разумными причинами: исследования проводились по заказу одной из крупнейших транснациональных компаний того времени – IBM, исследования проводились в течение 6 лет (1967-1973 гг.), в опросе приняли участие 117 тыс. человек из 50 стран [1]. В период с 1973 года по настоящее время исследований такого масштаба, с точки зрения числа участников и учёных, длительности работы, спектра методов, финансирования и постановки задачи, больше не проводилось.

Стоит отметить при этом, что исследования Г. Хофштеде были описательными, и их главным результатом был краткий перечень оценок-индексов моделей описания различных культур. К сожалению,

---

ГРНТИ 06.81.65

EDN NXKIYI

© Крылова М.Б., 2023

Марина Борисовна Крылова – кандидат экономических наук, доцент кафедры международного бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 (812) 458-97-30. E-mail: krylova.mb@live.unecon.ru.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023.

за весь период времени с 1973 года никто из представителей научного мира даже близко не подошёл к описанным выше возможностям и результатам. Современные ученые не могут позволить себе роскошь сколько-нибудь большой статистической выборки, в первую очередь, исходя из материальных соображений, поскольку компании масштаба IBM не делают заказов на подобные исследования, как, впрочем, и государственные структуры.

Анализ литературы

Г. Хофштеде не был первым в вопросах изучения особенностей кросс-культурной специфики в вопросах управления. Одни из первых научных исследований в данном вопросе принадлежат американским учёным, которые стали ими заниматься начиная с 50-х годов XX века. Причиной исследований стало большое число коммуникативных проблем американских специалистов за рубежом при культурных контактах в странах их пребывания: около трети сотрудников досрочно возвращалось из зарубежных командировок в связи с адаптационными и коммуникативными проблемами [7]. Такая ситуация провоцировала финансовые потери и требовала серьёзного внимания к фактору кросс-культурной осведомлённости сотрудников компаний.

Одним из первых открытий в этой области стало обнаружение явления, названного К. Обергом «культурный шок» [8]. Примерно в это же время появились «характеристики развитой межнациональной личности». Так, А. Тьюксбери [6] были обозначены следующие: кросс-культурная осведомлённость; наличие культурного самосознания; объективная оценка своей культуры; дружба с представителями других культур; желание сделать мир лучше; обучаемость; хорошее знание, как минимум, одной иностранной культуры. С 60-х годов XX века началось активное осознание кросс-культурных процессов, а также поиск методов и инструментов их оценки, предполагавший решение следующих задач [5]: исключение провалов в деятельности экспатов; адекватный прогноз результатов деятельности экспатов; формирование моделей отбора персонала для работы за рубежом; создание моделей обучения и оценки эффективности кросс-культурного обучения.

Одними из ярчайших исследований этого периода в кросс-культурной области были, конечно, результаты работ Г. Хофштеде. 70-е годы XX века были связаны с появлением понятия кросс-культурной компетентности в Европе, особенно в Германии. В это же время была установлена связь между развитием кросс-культурной компетентности и продолжительностью контактов с представителями другой культуры [3]. В 80-90-е годы XX века основная доминанта исследований была связана с желанием правящих кругов многих западных стран внешне нивелировать модель отношений «аборигены и пришельцы» [4].

В начале 2000-х годов возник интерес к кросс-культурной коммуникативной компетентности как составной части профессиональной компетентности менеджера. У. Кьюпач и Б. Шпицберг определили такого человека, как способного «эффективно управлять своим социальным окружением для достижения своих целей и демонстрировать поведение, которое ожидается и одобряется партнерами по коммуникации в ситуациях взаимодействия» [10]. Такой подход предполагал диалог, при котором были важны оценки всех представителей всех сторон кросс-культурного взаимодействия.

Начиная с 2015 года интерес к вопросам кросс-культурного менеджмента был усилен и спровоцирован миграционным кризисом, вызвавшим перемещение за период с января по сентябрь 2015 года в страны ЕС более 700 тыс. беженцев. По разным оценкам, число мигрантов и беженцев из Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии в ЕС за год составило от 1,0 до 1,8 млн человек [11], что создало огромный спектр проблем как социального, так и управленческого характера.

Практика кросс-культурных исследований за прошедшие годы, чаще всего базировалась на темах насущных, но не столь масштабных, как исследования Г. Хофштеде, например, таких: специфика восприятия справедливости в отношении вознаграждения и оплаты труда; распределение нагрузки; процедуры разрешения конфликтов; возможности высказывать свое мнение; соискательство и увольнение; взаимодействие корпоративных и национальных культур в компаниях; вопросы преждевременного возвращения экспатов из зарубежных командировок; кадровая политика многонациональных компаний; проблемы адаптации и коммуникации экспатов в регионах базирования компаний [1].

Среди доминирующих в опубликованных исследованиях методов изучения кросс-культурных проблем наиболее распространенными можно назвать почтовые опросы, наблюдения, эксперименты, ин-

тервью, методы выборки и статистического анализа [3]. Очень часто в почтовых опросах ответов было меньше, чем вопросов. Более того, большинство количественных исследований строились по принципу удобства организации эксперимента. Большинство наблюдений и экспериментов были проведены среди студентов, что, естественно, сделало результаты исследований весьма относительными. Очень часто выводы делались на материале одной организации [7].

Корреляционный анализ применялся при изучении вопросов соотношения между различными видами деятельности и культурной неоднородностью крайне редко. Вариации факторного анализа использовались при изучении культурных аспектов Г. Хофштеде. Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA и многовариационный дисперсионный анализ MANOVA были одними из наиболее популярных инструментов для тестирования различий между различными кросс-культурными группами [3]. Анализ большого количества литературы по кросс-культурному менеджменту показал, что для значительной части исследований существуют характерные особенности, точнее сказать, специфические проблемы, связанные с тем, что поведение и динамика процессов были изучены в пределах двух, реже трех-четырех стран. Кроме того, в кросс-культурных исследованиях преобладали сравнения американской и азиатской культуры, что отражалось на точности оценок и выводов [5].

В результате подобного перекоса в исследованиях возникло большое количество необоснованных стереотипов. Среди таких стереотипов можно назвать, например, кросс-культурные сравнения США и Китая. В результате многих исследований традиционный стереотип подачи и восприятия американцев связан с низкой дистанцией власти, низким уровнем избегания неопределенности, культурой мужской и индивидуалистической [8]. В свою очередь, Китай стал символом коллективизма, высокой дистанции власти и высокого уровня избегания неопределенности, культурой женской и коллективистской. Однако, по результатам исследований того же Г. Хофштеде, с точки зрения маскулинных факторов США имеет не самый высокий индекс (15/50), дистанция власти не самая низкая (38/50), степень избегания неопределенности, действительно, высокая (43/50) и культура, действительно, крайне индивидуалистическая. При этом китайская культура представляет собой образец далеко не самой коллективистской, женственной, с доминантой высокой дистанции власти, как обычно принято считать.

Мало внимания в исследованиях было уделено теме субкультур, как уже говорилось выше, представители одной нации в зависимости от региона, социального статуса, вероисповедания или возраста могут иметь противоположные наборы значений индексов Г. Хофштеде [9]. Однако вслед за исследованиями Г. Хофштеде появилось много работ, изучающих культурно-специфические различия: представления о справедливости и их влиянии на динамику команды; стили руководства; способы группового принятия решений; средства и способы мотивации; стили переговоров; когнитивные процессы; кросс-культурные этические представления; тема доверия; степень удовлетворенности деятельностью и приверженностью компании; популярная, давно и устойчиво, в западном мире, тема сексуальных домогательств [10].

Результаты

Реальность сегодняшнего дня, связанная с активной миграцией населения в результате процесса глобализации, делает достоверность модели Г. Хофштеде относительной, так как возможность работать в разных странах в течение долгого времени размывает национальную идентичность. Более того, люди, живущие в пределах одной страны, например США, с одной стороны, являются представителями одной нации, но, с другой – вполне очевидно, что набор ценностей американца из Нью-Йорка и американца из какого-нибудь маленького традиционно мормонского городка в штате Юта будет различен. Аналогичной будет ситуация в Индии, где не только система ценностей людей, но и система ценностей самого общества в отношении представителей высшей и низшей каст различны.

Кроме того, личные культурные ценности зависят от возраста, уровня образования, социально-экономического статуса, религии и многих других факторов. Российская ситуация вполне понятно описывается присказкой «Питер и Москва – это не Россия», ну, а система ценностей жителей московской Рублевки, описание которых пока еще отсутствует в качестве научного феномена, будет, что совершенно очевидно, совсем другим, чем их аналог в какой-нибудь деревне с аналогичным названием где-нибудь в российской глубинке. Индексы Г. Хофштеде были выделены и сформулированы в условиях принципиально отличных от сегодняшних. В связи с отсутствием базы для исследований, даже отдаленно напоминающих ресурсы Г. Хофштеде, попробуем рассмотреть варианты различных как кросс-

культурных групп, положив в основу классификации следующие факторы: состав и цели команды, миссии и цели.

Деление кросс-культурных групп с точки зрения состава и целей команды даст следующие варианты:

1. Группы с одним представителем другой культуры. Было установлено, что роль одного иностранца в группе, иногда называемая в литературе «знак», зависит от его действительного или предполагаемого статуса. В случае низкого статуса иностранец может восприниматься как «невидимый знак» остальной частью команды, в случае высокого статуса он может играть важную роль. Так обычно происходит в случае западных экспатриантов в развивающихся странах [5].

2. Группы «большинства» / «меньшинства». Так называется тип кросс-культурных групп, где присутствуют представители двух и более культур, одна из которых находится в «большинстве» или «меньшинстве». В таких группах, как правило, присутствуют стереотипное и несколько невежественное поведение «большинства» в отношении «меньшинств». Господство культурно-обусловленного «большинства» обычно лишает «меньшинство» возможности в полной мере реализовываться в команде. Рабочим группам «большинства» / «меньшинства» свойственны дисбаланс власти и жесткие стереотипы, что приводит к снижению удовлетворенности от взаимодействия в группе и провоцирует ее членов покинуть группу [3].

3. Бикультурные группы. Это группы с примерно равным числом представителей от каждой культуры. Обычно принято считать, что такая конфигурация является оптимальной по составу участников, однако проблемы присутствуют и в этих рабочих группах. Они проявляются через стратегию предпочтения в коммуникациях представителей своей культуры, что приводит к дефициту коммуникации в команде в целом [1].

4. Поликультурные группы. Это – так называемые глобальные команды. С одной стороны, такие команды предполагают повышение уровня сложности в межкультурной коммуникации, с другой – при грамотном управлении ресурсом команд такого типа могут быть оригинальность группового мышления на фоне синергетического эффекта.

Деление групп с точки зрения миссии и цели даёт возможность выделить следующие типы кросс-культурных рабочих групп:

1. Команды одного события. Это команды, представляющие свои компании в пределах какого-то конкретного эпизода переговоров, симпозиума или конгресса. Члены такой группы проводят вместе только короткий период и часто не имеют ни времени, ни интереса для того, чтобы больше узнать друг о друге. Результатом этого процесса являются недоразумения, трудности в достижении соглашений и невозможность правильно истолковать поведение своих коллег.

2. Краткосрочные проектные группы. Примером такой группы будет, например, команда технических специалистов по установке оборудования для иностранного партнера. В литературе принято считать, что группы такого типа, как правило, минимально отягощены проблемами, связанными с кросс-культурными различиями. Подобная ситуация обусловлена следующими факторами. Во-первых, проектные группы обычно имеют четкую объединяющую цель – завершение проекта. Во-вторых, совместная работа происходит в течение короткого периода времени, в результате чего члены команды, как правило, не достигают точки, где конфликт становится невыносимым. Однако, менеджерам проектных команд для достижения максимальной эффективности очень важно уделять внимание разным стилям работы и проблемам межкультурной коммуникации.

3. Постоянные рабочие группы. Группы такого типа часто состоят из работников, занимающих низшие места в организационной иерархии. Это могут быть работники, производящие товары или услуги. Группы по составу могут быть мультинациональными или состоять из жителей одной страны, приехавших из разных частей мира. В силу традиционно малого внимания к низшим уровням иерархии в системе, представители подобных групп, как правило, обделены вниманием со стороны высшего руководства и, естественно, проблемами, возникающими в этих группах менеджмент не занимается.

4. Управленческие группы. Они отвечают за обеспечение руководства и создаются для совместной работы в течение длительного периода времени. Члены таких групп встречаются лишь периодически для решения конкретных проблем. Такие группы состоят из представителей высших уровней организационной иерархии, в связи с чем внимание к ним со стороны высшего руководства и ученых обычно максимально.

Выделенные на базе интервью с менеджерами международных компаний, а также исследований литературы по изучаемому вопросу [2, 5, 7] группы являются объединениями с частой заменой участников, с большими дистанциями между членами группы, часто обусловленными дистанционными формами работы. Видится вероятным и необходимым в ближайшем будущем необходимость существенных перемен в восприятии личной национальной самоидентификации, а также корректировок классических индексов Г. Хофштеде.

Заключение

Кросс-культурные исследования с момента своего зарождения до наших дней прошли большой путь. Их значимость в широком спектре вопросов управления растёт с каждым годом и будет увеличиваться, чему активно способствуют процессы планетарной трансформации, которым мы являемся свидетелями и участниками.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Грушевицкая Т.Г.* Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022.
2. *Пивоваров С.Э.* Сравнительный менеджмент. СПб.: Питер, 2008.
3. *Скосарёв С.А.* Кросс-культурная компетентность глобального менеджера. М.: Восток-Запад, 2010.
4. *Триандис Г.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2016.
5. *Хэмден-Тернер Ч., Тромпенаарс Ф.* Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Минск: Попурри, 2014.
6. *Эпиттейн М.З.* Сравнительный менеджмент. СПб.: Изд-во СПбГУЭ, 2003.
7. *Auernheimer G.* Einführung in die Interkulturelle Erziehung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2012.
8. *Oberg K.* Culture shock: Adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*. 2020. Vol. 7. P. 177-182.
9. *Rokeach M.* Understanding Human Values. NY: Free Press, 2010.
10. *Spitzberg B.H., Cupach W.R.* Interpersonal communication competence. Beverly Hills, CA: Sage, 1994.
11. *Гасанов Р.М.* Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, пути разрешения // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2016. № 7.

Давыдов С.А.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ДРЕВНОСТИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И БАЗА ЗНАНИЙ**

Аннотация. В статье предпринимается попытка охарактеризовать современное состояние социологических исследований архаических хозяйственных укладов. Экономическая социология древности до сих пор не признана в качестве самостоятельной отрасли социологической науки, но она располагает разработанной методологией и опирается на широкую эмпирическую базу знаний о хозяйственной жизни древних обществ. Анализ хозяйственных практик архаического общества следует основывать на методологии субстантивизма. В контексте такой методологии древнее хозяйство не может рассматриваться как отдельно существующая и ориентированная на собственные критерии система. Его следует рассматривать как часть единой социо-культурной системы, органично связанную с другими ее частями, а на ранних стадиях развития общества и подчиненную им. Соответственно, всякий хозяйственный уклад следует рассматривать как уникальный, а при его анализе целесообразно использовать идеографические методы.

Ключевые слова. Архаическое общество, субстантивизм, хозяйственные практики, хозяйственные уклады, экономическая социология.

Davydov S.A.

**ECONOMIC SOCIOLOGY OF ANTIQUITY:
METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND KNOWLEDGE BASE**

Abstract. The purpose of the article is to characterize the current state of sociological research of archaic economic structures. The economic sociology of antiquity has not yet been recognized as an independent branch of sociological science, but it has a developed methodology and relies on a broad empirical knowledge base about the economic life of ancient societies. The analysis of the economic practices of an archaic society should be based on the methodology of substantialism. In the context of such a methodology, the ancient economy cannot be considered as a system that exists separately and is oriented towards its own criteria. It should be considered as part of a single socio-cultural system, organically connected with its other parts, and at the early stages of the development of society and subordinate to them. Accordingly, any economic structure should be considered as unique, and it is advisable to use ideographic methods in its analysis.

Keywords. Archaic society, substantialism, economic practices, economic patterns, economic sociology.

Введение: имеет ли право на существование экономическая социология древности?

Сегодня широко распространена точка зрения, согласно которой экономическая социология, как и социология вообще, должна иметь отношение исключительно к современности [58, p. 4607], поэтому ей

ГРНТИ 04.21.51

EDN NOVASP

© Давыдов С.А., 2023

Сергей Анатольевич Давыдов – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Россия, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: 8 (929) 104-53-19. E-mail: licurg@inbox.ru.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022.

не следует углубляться в историю для изучения хозяйственных практик прошлого. Это мнение проистекает из того обстоятельства, что экономическая социология изначально была ориентирована на исследование закономерностей формирования и функционирования хозяйства индустриального общества, являвшегося «современным» на момент начала его изучения.

Однако подобная позиция не кажется безупречной, поскольку сталкивается с двумя контраргументами:

- с одной стороны, изучаемая современность становится историей уже к моменту завершения сбора данных и, уж конечно, становится ею по окончании процесса их теоретической интерпретации. И дело здесь не только во времени, которое неизбежно должно пройти с начала научной работы и до ее завершения. Бывает, что за это время наблюдаемый объект претерпевает существенные изменения, притом нередко под непосредственным воздействием самого процесса социологического исследования. В этих случаях собранные на первоначальном его этапе данные не могут репрезентировать «новое» состояние исследуемого объекта и способны представлять его прежнее состояние, ставшее уже «историей». Но если исследования «современности» в принципиальном плане столь же историчны, что и исследования прошлого, то они мало чем должны отличаться и с точки зрения возможности применения аналитических инструментов экономической социологии;
- с другой стороны, важным требованием к эконом-социологическому анализу является соотнесение его результатов с идеями классиков социологии, которые, в свою очередь, нередко обращали свой взор к прошлому. Действительно, сегодня едва ли можно вспомнить фундаментальный социологический труд, автор которого не исследовал бы глубокие слои исторической реальности либо непосредственным образом, либо же не обращался к историческому опыту для лучшего понимания современности. Во многих работах кросс-исторический анализ представлен настолько развернуто, что составлял основную канву исследования, что находило свое отражение даже в названии произведений. Взять хотя бы «Историю хозяйства» М. Вебера [10], «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса [24], «Этюды по истории развития экономического человека» В. Зомбарта [15], «Исследование по социологии короля и придворной аристократии» Н. Элиаса [45] и многие другие сочинения. Авторы этих исследований фокусировали свое внимание на типичных для экономической социологии проблемах, анализируя экономические процессы, институты, структуры и смыслы социального и экономического действия. Но при этом они не ограничивали себя узкими временными рамками «современности», охватывая широкую ретроспективу архаичных культур, ранних государств и античного мира, эпохи Средневековья и Возрождения, периода становления капитализма. Тем самым, сложившаяся в науке традиция не отрицает возможности осмысливать историю хозяйства с помощью аналитических инструментов экономической социологии.

Если принять во внимание оба этих соображения, то может показаться даже странным, что изучающим хозяйственные уклады прошлого эконом-социологам до сей поры приходится доказывать правомерность использования в своей работе социологических инструментов, а то и вовсе свою принадлежность к стану социологов. Впрочем, это неудобство не стало непреодолимым препятствием для проведения социологами кросс-исторических исследований развития хозяйства, оно не стало ограничением для формирования социологического взгляда на этот интересный предмет. В фокусе внимания эконом-социологов оказались и хозяйственные практики древности – те, что сложились в недифференцированных обществах номадов и ранних земледельцев, в вождествах и ранних государствах.

Выработка подхода к пониманию хозяйственной мотивации и хозяйственных практик в древности

Уже в первых социологических работах по истории хозяйства древних обществ была развернута дискуссия по методологическим вопросам исследования. Особое место в дискурсе занял один из ключевых вопросов экономической социологии – вопрос о том, какие способы объяснения экономического действия и хозяйственных практик прошлого следует принять как адекватные.

Глядя в ретроспективу, основатели экономической социологии не могли игнорировать содержание тех социально-экономических процессов, которые протекали на их глазах в развитых странах Европы и Северной Америки. С начала XIX века здесь все более отчетливо проявляла себя тенденция подчинения всех сторон общественной жизни экономике, что повлекло за собой коренную перестройку всех общественных институтов, слом этических норм и революцию в хозяйственной мотивации. Наступало

время, когда экономические критерии становились основными при выработке решений в сфере семейных и дружеских отношений, в сфере социальной защиты, охраны здоровья, науки, культуры и творчества. В новой реальности не оставалось места докапиталистическому человеку, который, по словам Вернера Зомбарта, «еще не балансирует на голове и не бегаёт на руках как это делает экономический человек наших дней» [15, с. 12].

Экономическое мышление стало господствующим, а потому могло восприниматься как имманентно свойственное человеку. В связи с этим нет ничего удивительного в том, что в научной литературе того времени была широко распространена точка зрения об относительной неизменности во времени основных характеристик «экономического человека» с его эгоизмом, рационализмом, независимостью и осведомленностью. Подобных воззрений придерживались многие социологи-позитивисты [100, р. 60], марксисты [23, с. 6], представители социетального направления в экономической теории. Некоторые из них попросту приписывали архаическому хозяйствующему агенту черты «экономического человека» без каких бы то ни было обсуждений, иные сопровождали их разъяснениями, но только в том плане, что черты «экономического человека» являются врожденными, в силу чего имманентно свойственны человеческой природе [36].

Однако попытки проецирования подобных представлений на эмпирические данные об архаических хозяйственных практиках приводили к тому, что теоретически выстроенные представления о них были далеки от наблюдаемой реальности. Так, обнаружилось, что хозяйственный агент архаического общества в своих установках и стереотипах действия совсем не походил на модельного «экономического человека», а развитие хозяйственных систем древности не могло быть объяснено построениями классической экономической теории.

К примеру, выяснилось, что первобытные номады в отличие от людей эпохи капитализма, судя по всему, не осознавали дефицита ресурсов жизнеобеспечения [35, с. 22]. Напротив, они пребывали в состоянии «первобытного изобилия», проистекающего из их представлений о доступности всех необходимых для жизни благ [35, с. 19-20]. Хозяйственный расчет имел место и у них [84, р. 243-244], но он не был ориентирован на накопление, напротив, человек стремился рациональным образом избавиться себя от лишнего имущества и пожитков [70, р. 86-87], чтобы не стеснять себя в передвижении [108, р. 136-137]. Подлинное же богатство для него составляли, прежде всего, неисполненные обязательства людей, попавших от него в зависимость [31, с. 29].

По мере усложнения архаического общества и его перехода к производящему хозяйству человек переосмысливал значение хозяйственных благ. Но он лишь немногим и лишь отчасти приблизился к модели «экономического человека». Рационализм не был ему чужд. Но в своей хозяйственной деятельности он руководствовался отнюдь не соображениями экономического эгоизма. Он стремился к другому – повысить свой социальный статус и по возможности закрепить его за собой и за своим потомством. В этих целях хозяйствующий субъект зачастую совершал абсолютно алогичные действия при их рассмотрении с точки зрения классической экономической теории. Например, он совсем не был независим в принятии хозяйственных решений [22, с. 710], мог неделями пребывать в праздности [81, р. 37] или, наоборот, в иных случаях производить продукцию, объем которой значительно превышал необходимый для его личного потребления и потребления его семьи [20], проявлять необузданную расточительность [83, 113].

К. Поланьи писал в связи с этим, что «гипотеза Адама Смита об экономической психологии первобытного человека была столь же ложной, как и представления Руссо о политической психологии дикаря ... пресловутая «склонность человека к торгу и обмену» почти на сто процентов апокрифична. Истории этнографии известны различные типы экономик, большинство из которых включает в себя институт рынка, но им неведома какая-либо экономика, предшествующая нашей, которая бы, пусть даже в минимальной степени, регулировалась и управлялась рынком» [32, с. 56].

Очевидно, широкое распространение в архаическом обществе не вписывающихся в модельные представления классической экономической теории образов хозяйственного действия наряду с наличием в нем успешных хозяйственных структур требовали создания альтернативной методологической основы для адекватной теоретической интерпретации хозяйственных укладов древности. Первые шаги к ее выработке были сделаны в рамках классической немецкой социологии. Например, Ф. Теннис подвергал сомнению универсализм экономической мотивации и выдвигал требование учитывать значение

человеческой воли в принятии хозяйственных решений [38, с. 33]. М. Вебер утверждал, что современный ему капитализм стал следствием развития «в первую очередь ... капиталистического духа» [11, с. 24], чем имплицитно отрицал неизменность и врожденность капиталистической мотивации, вдохновляя исследователя уделять особое внимание поиску адекватного реальности образа мотивационной структуры архаического человека.

Чуть позже в этом направлении был сделан еще один важный шаг, связанный с возникновением и развитием неозволюционизма. Рассматривая социальное развитие как качественное преобразование общества, выражающееся, прежде всего, в усложнении его структуры [30], неозволюционисты при определении места всякого конкретного общества на шкале развития отводили его экономическим параметрам явно второстепенное значение. Главными здесь становились его структурные характеристики, отражающие сложность его социальной организации [97]. Одновременно этот структурный критерий принимался в качестве системообразующего, что прочно увязывало изменения во всех сферах экономической, социальной и культурной жизни со структурными изменениями в обществе [54, 95]. Несложно увидеть, что неозволюционизм открыл перед исследователями возможность выйти за пределы эконом-детерминистских представлений в анализе хозяйственных систем, объясняя их развитие, прежде всего, усложнением социальной структуры архаического общества. А это давало исследователю необходимые основания для поиска причин становления и развития раннего производящего хозяйства уже за пределами собственно экономической сферы, а при его исследовании использовать приемы анализа, выходящие за рамку привычного для экономиста набора методов.

Основываясь на таком понимании, антропологи пришли к мнению о том, что при проведении исследований архаического хозяйства необходимо сделать теоретический выбор «между готовыми моделями ортодоксальной экономики..., с одной стороны, и с другой – убеждением, исходящим из посылки, что формализм недостаточно основателен и что необходима разработка новых аналитических методов, которые в большей мере бы подходили к историческим обществам, изучаемым антропологически, и в большей мере бы соответствовали интеллектуальной истории Антропологии» [35, с. 16]. Сделав такой выбор и встав на путь субстантивизма, исследователь приходил к мысли, что хозяйственная мотивация архаического человека не может быть принята априорно, а всякий раз нуждается в отдельном и самом тщательном исследовании.

Также для него стало важным рассматривать хозяйственную систему древности не как отдельно существующую и ориентированную на собственные критерии, а скорее как часть единой социо-культурной системы, органично связанную с другими ее частями, а на ранних стадиях развития общества и подчиненную им. В любом случае, изучение ранних хозяйственных практик может проводиться только в тесной связи со структурным анализом архаического общества, изучением обычаев и верований первобытных людей, выработкой понимания стереотипов восприятия ими окружающей реальности. Стало ясно, что исследователь хозяйственных укладов архаических обществ должен быть готов к тому, чтобы с головой погрузиться в изучение культур, столь непохожих на привычную ему культуру, чтобы понять их и глубоко прочувствовать.

Данные и способы их интерпретации

Методологические посылки субстантивизма оказались восприняты историками, антропологами и социологами. И к началу XXI века наука стала располагать корпусом изданий, содержащих богатые натурные данные и интересные эмпирические обобщения о хозяйственных укладах древности. В их ряду стоят, с одной стороны, опубликованные литературные памятники и скрупулезные описания археологических артефактов и антропологических наблюдений, а, с другой – результаты интеллектуальной работы, связанной с их анализом и интерпретацией.

Так, важными источниками первичной социологической информации о хозяйственной жизни первых государств стали ранние письменные источники и литературные памятники. Многие из них были переведены на европейские языки и опубликованы в академических изданиях. Благодаря этому они оказались доступными для социолога, не владеющего древними языками. Многие древние рукописи оказались переведенными и на русский язык. Они были собраны и сопровождаемы ценными комментариями в хрестоматиях. Наиболее весомыми из них являются: История Древнего Востока. Тексты и документы. М.: Высшая школа, 2002; Хрестоматия по истории Древнего Востока: 2-х частях / под ред.

М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1980; Хрестоматия по истории древнего мира. М.: Учпедгиз, 1950; Хрестоматия по истории Древнего мира / под ред. Е.А. Черкасовой. М.: Просвещение, 1991 и др. Эти издания содержат бесценный фактический материал, способный не только сформировать априорные представления о ранних хозяйственных практиках, но и быть проанализированным с помощью социологических методов качественного и качественно-количественного анализа текстов.

Важную роль в социологическом исследовании раннего хозяйства сыграли описанные в научной литературе археологические данные, а также апробированные способы их социологической интерпретации. Хорошим подспорьем для социолога здесь стали работы зарубежных исследователей М.Д. Коя [55, р. 117–146], Г. Пачура [89, р. 13–32], Г. Ротерта [93, р. 609–635], М. Стирлинга [103, р. 138], К.В. Фланнери и Дж. Маркуса [68], Дж. Хардоя [72], Г. Чайлда [52], отечественных специалистов Д.Д. Беляева [4, с. 6], О.В. Старовой [37, с. 266] и др. Они показали роль археологических данных в социологическом моделировании контуров раннего хозяйства, раскрыли возможности и применили на практике способы их интерпретации при конструировании социологического вывода.

Не меньшую ценность для социолога могут иметь результаты интеллектуальной работы, связанной с анализом и интерпретацией литературных и археологических памятников, результатов антропологических наблюдений. Богатую пищу для понимания образа жизни собирателей и охотников, а также о социально-экономическом содержании и последствиях неолитической революции создают насыщенные эмпирическими данными труды ведущих зарубежных исследователей С. Айкенса [46], А. Андерхилла [105], О. Бар-Есефа [47], К. Вителли [106], А. Вейнера [110], Г. Гауптмана [73], Э. Дюркгейма [13], М. Гвисайнда [70], К. Имамуры [75], Р. Лии [81], Б. Малиновского [20], Л.Г. Моргана [28], М. Мосса [29], Г. Ниссена [87], К. Поланьи [32], М. Салинза [35], Д. Снита [99], Р. Спенсера [102], Д.К. Фейла [65], Дж. Фрззера [40], М. Элиаде [44], Р. Эмерсона [64]. Отдельные аспекты перехода от присваивающего к производящему хозяйству в различных регионах Евразии были затронуты в работах отечественных исследователей Ю.П. Аверкиевой [1], Е.В. Антоновой [2], Е.С. Аристова, П.А. Елясина и А.М. Зайдмана [3], Е.С. Бондаренко [6], Г.И. Максименкова [19], В.И. Молодина [27] и др.

Понимание направлений и этапов развития хозяйственных систем в ранних производящих обществах может быть облегчено, если обратиться к работам, в которых содержится объяснение специфики перехода от вождества к раннему государству у «незападных» обществ. Изначально они выстраивались вокруг понимания особенностей азиатского способа производства и выяснения причин его формирования.

Проблема своеобразия азиатского способа производства, поставленная еще в ранних работах К. Маркса [22], получила свое эффективное, хотя и не бесспорное, теоретическое решение в каноническом произведении К.А. Виттфогеля «Восточный деспотизм» [112]. Значение этой работы для социологии древности сложно переоценить, поскольку она положила начало широкой дискуссии вокруг вопроса о природно-климатической детерминации принципов построения хозяйственной жизни и социальной организации ранних государств, а также открывала глаза на возможность пути развития цивилизации, альтернативного западному.

В дискурс вокруг неизбежности возникновения деспотической формы правления на основе «ирригационной» экономики были вовлечены не только социологи, но также культурологи, историки и антропологи. В их числе зарубежные социологи и антропологи М. Дэвис [57], Б. Канг [77], С. Лиис [82], Д. Прайс [91], Б. Ронделли и С. Страйд [104], Д. Сайер [96] и др. Плодотворные идеи для объяснения того, как именно протекание климатических и биосферных процессов могло отразиться на особенностях перехода общества к производящему хозяйству и началу государственно-хозяйственного строительства в «гидравлических» обществах, содержатся в работах К. Бутзера [49], Ф. Вендорфа и Р. Шилда [111], Е. Гиффорда [69], П. Дракера [61], А. Кребера [80], Э. Кульпина [17], Л. Мизеса [26], М. Мосса [29], Г. Мэрдока [85], Г. Поудермейкера [90], К. Поланьи [31], Д.Б. Прусакова [34].

Широкое антропологическое объяснение причин и механизмов трансформации ранних хозяйственных систем при переходе общества от стадии племени и вождества к раннему государству нашло свое отражение, прежде всего, в широко известном, но, к сожалению, не переведенном на русский язык сборнике под редакцией Г. Классена и П. Скальника «Раннее государство», опубликованном в 1978 году. Содержащиеся в сборнике идеи хорошо соотносятся с идеями, высказанными в работах зарубежных исследователей М. Брента [5], Е. Брумфила [48], М. Вебба [109], Ф. Вогета [107], Е. Волфа [113],

Дитриха [59], Г. Джонсона [76], М. Доурнбуса [60], Т. Ерла [56], Р. Карнейро [51], Г. Классена [53], С. Корна [78], Дж. Насона [86], К. Оберга [88], М. Салинза [94], Е. Сервиса [97], Г. Спенсера [101], П. Скальника [98], Т. Парсонса [30], Е.М. Редмонда [92], Дж. Фейнмана [66], Дж. Фланагана [67], Р.С. Ханта [74], С. Халлпайка [71], Дж. Хардоя [72], Г.В. Чайлда [52], К. Экхольма [64], Р. Эмерсона [64], Р. Эхренрейха [62] и др.

Эта тема в тех или иных аспектах разрабатывалась и отечественными исследователями Д.М. Бондаренко [7], Л.С. Васильевым [8], С.А. Васютиным [9], Л.Е. Грининым [12], А. В. Загоруйко [14], А.В. Коротчаевым [51], Ю.В. Латушко [18], Н.Н. Крадиным [79], Л.Е. Куббелем [16], С.А. Маретиной [21], К.Ю. Мешковым [25], В.А. Поповым [33], А.И. Тюменевым [39], А.М. Хазановым [41], И.Ш. Шифманом [42], Е.М. Штаерман [43] и др. Определенные усилия эти исследователи сосредоточили на описании роли хозяйственной деятельности в процессе вырастания ранних государств из вождества или же, минуя вождество, из иных политий схожих с ним по критерию сложности социальной организации.

Безусловно, автор в рамках своей статьи был ограничен в возможности представить исчерпывающий список исследователей, деятельность которых в той или иной мере была связана с социологическим анализом ранних хозяйственных практик, и их работ, а потому констатирует его неполноту и считает важным отметить, что корпус исследований по данной тематике постоянно пополняется.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день в социально-экономической науке сложился комплекс представлений о методологических подходах и правилах проведения социологического исследования ранних хозяйственных укладов, а также сформирована база эмпирических знаний о них. Это позволяет изучать хозяйственные практики древности под углом зрения экономической социологии.

Уже в первых работах по истории хозяйства древних обществ была развернута дискуссия по методологическим вопросам исследования. Одним из центральных в дискурсе стал вопрос о возможности применения постулатов классической экономической теории при анализе хозяйственных практик древности. В ходе научной дискуссии было поставлено под сомнение утверждение об относительной неизменности основных характеристик «экономического человека», инвариантности сложившихся к сегодняшнему дню принципов ведения хозяйства. Так, большинство попыток проецирования подобных представлений на эмпирические данные об архаических хозяйственных практиках приводило к тому, что теоретически выстроенные представления о них заметно расходились с наблюдаемой реальностью.

Более адекватным при анализе хозяйственных практик архаического общества является широко применяемый в социологии и антропологии субстантивистский подход. В контексте методологии субстантивизма древнее хозяйство не может рассматриваться как отдельно существующая и ориентированная на собственные критерии система. Его следует рассматривать как часть единой социо-культурной системы, органично связанную с другими ее частями, а на ранних стадиях развития общества и подчиненную им. Соответственно, всякий хозяйственный уклад следует рассматривать как уникальный, а при его анализе целесообразно использовать идеографические методы.

В целом можно заключить, что хотя экономическая социология древности до сих пор не признана в качестве самостоятельной отрасли социологической науки, она располагает разработанной методологией и опирается на широкую эмпирическую базу знаний о хозяйственной жизни древних обществ. Весьма интересными представляются результаты исследований архаического хозяйства, отвечающие социологическим критериям и формирующие новые модели его теоретического восприятия. Это открывает известные перспективы в развитии и институционализации экономической социологии древности.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974.
2. *Антонова Е.В.* Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература, 1998. 223 с.
3. *Аристова Е.С., Зайдман А.М., Елясин П.А.* Население юга Западной Сибири в эпоху неолита-энеолита и бронзы – адаптация к экстремальным факторам внешней среды // Сибирское медицинское обозрение. 2010. Т. 64. № 4. С. 71-73.

4. *Беляев Д.Д.* Еще раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской археологической культуры // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конф. Владивосток: ДВФУ, 2012. С. 3–29.
5. *Берент М.* Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
6. *Бондаренко Е.С.* Информационное поле неолита Ближнего Востока // История и современность. 2006. № 2. С. 47–66.
7. *Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Сборник статей / Волгоградский центр социальных исследований. Волгоград, 2006. С. 15–36.
8. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. 327 с.
9. *Васютин С.А.* Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 4. С. 20–34.
10. *Вебер М.* История хозяйства: очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг.: Наука и школа, 1923. 240 с.
11. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М: Прогресс, 1990.
12. *Гринин Л.Е.* Аналоги раннего государства: альтернативные пути эволюции // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 1 (34). С. 149–169.
13. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М: Наука, 1996. 391 с.
14. *Загоруйко А.В., Крадин Н.Н.* Рец. на кн.: Early State Economics. New Brunswick; London, 1991 // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 156–160.
15. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории развития экономического человека. Художественная промышленность и культура. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. 576 с.
16. *Куббель Л.Е.* Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М.: Наука, 1988. С. 140–269.
17. *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990.
18. *Латушко Ю.В.* Проблемы интерпретации политической организации гавайского общества // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 123–132.
19. *Максименков Г.И.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 168 с.
20. *Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004. 552 с.
21. *Маретина С.А.* К проблеме универсальности вожеств: о природе вождей у нага (Индия) // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 1995. С. 79–103.
22. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. изд. 2, т. 12. М.: Политиздат, 1959.
23. *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2, т. 13. М.: Политиздат, 1959.
24. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.
25. *Мешков К.Ю.* Филиппины // Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М.: Наука, 1982. С. 175–226.
26. *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М.: Социум, 2012.
27. *Молодин В.И.* Памятник Сопка–2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
28. *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации // Материалы по этнографии. Т. 1. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1934.
29. *Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996. С. 83–222.
30. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
31. *Поланьи К.* Аристотель открывает экономику // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. Выпуск 5. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004.
32. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетей, 2002.
33. *Попов В.А.* "Хождение в Абомей в сухое время года", или к вопросу об инверсиях полюды // Ранние формы политической организации. М., 1995.
34. *Прусаков Д.Б.* О причине «позднего» перехода к неолиту // История и современность. 2005. № 2.
35. *Салинз М.* Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.
36. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.

37. Старова О.В. Культура художественной обработки металла в эпоху племенных союзов и ранних государств Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 265-269.
38. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.
39. Тюменев А.И. Евреи в древности и в средние века. Репринтное издание. М., 2003.
40. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. В 2 т. Т. 1: Гл. I-XXXIX. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.
41. Хазанов А.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975.
42. Шифман И.Ш. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III – первая половина I тыс. до н.э.) // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. Сборник статей. М., 1989. С. 53–85.
43. Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. № 2. С. 76–94.
44. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. I. От каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002. Т. I. 464 с.
45. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
46. Aikens C.M., Higuchi T. Prehistory of Japan. New York, London, Toronto: Academic Press, 1982.
47. Bar-Yosef O. The PPNA in the Levant: An Overview // Paléorient. 1989. № 15/1. P. 57–63.
48. Brumfiel E. Aztec State Making: Ecology, Structure, and the Origin of the State // American Anthropologist. 1983. № 85. P. 261–284.
49. Butzer K.W. Pleistocene History of the Nile Valley in Egypt and Lower Nubia. // In: Williams M.A.J., Faure H. (eds.) The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa. Rotterdam: Balkema, 1980. P. 253–280.
50. Carneiro R.L. The Chieftdom: Precursor of the State // In: Jones G.D., Kautz R.R. (eds.). The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, 1981. P. 37-39.
51. Carneiro R.L., Grinin L.E., Korotayev A.V. (eds.) Chieftdoms: yesterday and today. New York: Eliot Werner Publications, Inc., 2017.
52. Childe G.V. The Urban Revolution // Town Planning Review. 1950. Vol. 21 (1). P. 3–17.
53. Claessen H.J.M. On Chiefs and Chieftdoms // Social Evolution & History. 2011. Vol. 10. № 1. P. 5-26.
54. Claessen H.J.M., van de Velde P., Smith M.E. (eds.). Development and Decline; The Evolution of Sociopolitical Organization // In: South Hadley: Bergin and Garvey, 1985. P. 196–218.
55. Coe M.D. San Lorenzo Tenochtitlan // In: Supplement to the Handbook of Middle American Indians. Vol. I: Archaeology / Ed. J.A. Sabloff. Austin: University of Texas Press, 1981. P. 117–146.
56. Costin C.L., Earle T.K. Status Distinction and Legitimation of Power as Reflected in Changing Patterns of Consumption in Late Prehispanic Peru // American Antiquity. 1989. № 54. P. 691–714.
57. Davies M. Wittfogel's dilemma: heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia // World Archaeology. 2009. Vol. 41. № 1. P. 16–35.
58. Delanty G. Sociology // George Ritzer (ed.) The Blackwell Encyclopedia of Sociology. Oxford: Blackwell Publishing, 2009. P. 4606-4617.
59. Dietrich W. (ed.) The Early Monarchy in Israel: the Tenth Century B.C. Atlanta, 2007.
60. Doornbos M.R. Institutionalization and Institutional Decline // In: Claessen H.J.M., van de Velde P., Smith M.E. (eds.). Development and Decline. South Hadley, MA: Bergin and Garvey, 1985. P. 23–35.
61. Drucker P. The Tolowa and their Southwest Oregon Kin. University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. 1937. P. 221-300.
62. Ehrenreich R.M., Crumley C.L., Levy J.E. (eds.) Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Washington, D.C.: American Anthropological Association, 1995.
63. Ekholm K. External Exchange and Transformation of Central African Social Systems // In: Friedman J., Rowlands M. (eds.) The Evolution of Social Systems. London, 1977. P. 115–136.
64. Emerson R.W. History // In: Essays by Ralph Waldo Emerson. New York: Hurst, 1978. P. 1–26.
65. Feil D.K. The Evolution of Highland Papua New Guinea Societies. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987.
66. Feinman G.M. Chieftdoms and Non-industrial States // In: Levinson D., Ember M. (eds.) Encyclopedia of Cultural Anthropology. New York: Henry Holt and Company, 1996. P. 185–191.
67. Flanagan J.W. Chiefs in Israel // In: Community, Identity, and Ideology: Social Science Approaches to the Hebrew Bible / Ch.E. Carter, C.L. Meyers (eds.). Indiana, 1996. pp. 311–334.
68. Flannery K.V., Marcus J. The Creation of Inequality. Cambridge: Harvard University Press, 2012. 630 p.
69. Gifford E.W. Clear Lake Pomo Society // American Archaeology and Ethnology. 1926. P. 287-390.
70. Gusinde M. The Yamana. 5 vols. New Haven, Conn.: Human Relations Area Files, 1961. P. 86-87.

71. *Hallpike C.* The Principles of Social Evolution. Oxford: Oxford University Press, 1986.
72. *Hardoy J.* Pre-Columbian Cities. New York: Walker and Company, 1973. 602 p.
73. *Hauptmann H.* Ein Kultgebäude in Nevalı Çori // In: Between the Rivers and over the Mountains. Roma, 1993. P. 37-69.
74. *Hunt R.C.* One-way Economic Transfer // In: Handbook of Economic Anthropology. 2005.
75. *Imamura K.* Prehistoric Japan. New Perspectives on Insular East Asia. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1996.
76. *Johnson G.* Organizational Structure and Scalar Stress // In: Theory and Explanation in Archaeology. New York, 1982. P. 389–421.
77. *Kang B.W.* Large-scale reservoir construction and political centralization: a case study from ancient Korea // Journal of Anthropological Research. 2006. Vol. 62. № 2. P. 193–216.
78. *Korn S.R.* Hunting the Ramage: Kinship and the Organization of Political Authority in Aboriginal Tonga // The Journal of Pacific History. 1978. № 13. P. 107–113.
79. *Kradin N.N.* Heterarchy and Hierarchy among the Ancient Mongolian Nomads // Social Evolution & History. 2011. Vol. 10. № 1. P. 187-214.
80. *Kroeber A.L.* Handbook of the Indians of California // Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology Bulletin, 78. Washington, U.S. Government Printing Office, 1925.
81. *Lee R.* What Hunters Do for a Living, or How to Make Out on Scarce Resources // In: R. Lee and I. Dellore (eds.) Man the Hunter. Chicago: Aldine, 1968.
82. *Lees S.H.* Irrigation and society // Journal of Archaeological Research. 1994. Vol. 2. № 4. P. 361–378.
83. *Lemarchand R., Legg K.* Political Clientelism and Development: A Preliminary Analysis // Comparative Politics. 1972. Vol. 4. № 2. P. 151-152.
84. *Marshall L.* Sharing, Talking, and Giving: Relief of Social Tensions Among Kung Bushmen // Africa. 1961. № 31. P. 231-249.
85. *Murdock G.P.* Africa: Its peoples and their culture history. New York: McGraw-Hill, 1959.
86. *Nason J.-C.* Political Change: an Other Island Perspective // In: Highes D.T., Lingenfelter S.G. (eds.) Political Development in Micronesia. Columbus, Ohio, 1974. P. 119–143.
87. *Nissen H.J.* The PPNC, the Sheep and the “Hiatus Palestinien”. Paléorient 19/1, 1993.
88. *Oberg K.* Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America // American Anthropologist. 1955. № 57. P. 472–487.
89. *Pachur H.-J.* Tethering Stones as Palaeoenvironmental Indicators // Sahara. 1991. № 4. P. 13–32.
90. *Powdermaker H.* Life in Lesu. New York: Norton, 1933.
91. *Price D.H.* The evolution of irrigation in Egypt's Fayoum Oasis: state, village and conveyance loss. Ph.D. University of Florida, 1993.
92. *Redmond E.M.* Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas. Gainesville: University Press of Florida, 1998.
93. *Rhotert H.* Libysche Felsbilder. Darmstadt: Wittich, 1952.
94. *Sahlins M.* Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History. 1963. Vol. 5. № 3. P. 285-303.
95. *Sahlins M.D., Service E.R.* (eds.) Evolution and Culture. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. 131 p.
96. *Sayer D.* Medieval waterways and hydraulic economics: monasteries, towns and the East Anglian fen // World Archaeology. 2009. Vol. 41. № 1. P. 134-150.
97. *Service E.R.* Primitive Social Organization. New York: Random House, 1966. 221 p.
98. *Skalnik P.* Authority versus Power: Democracy in Africa Must Include Original African Institutions // Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 1996. № 37–38. P. 109–121.
99. *Sneath D.* The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2007. 273 p.
100. *Spencer H.* Social Statics. New York: D. Appleton, 1851. 459 p.
101. *Spencer H.* The Principles of Sociology. Vol. 2. New York: D. Appleton, 1890.
102. *Spencer R.* The North Alaskan Eskimo: A Study in Ecology and Society. Washington: U.S. Government Printing Office, 1959.
103. *Stirling M.* Stone Monuments of Southern Mexico. Washington, 1943. 160 p.
104. *Stride S., Rondelli B., Mantellini S.* Canals versus horses: political power in the oasis of Samarkand // World Archaeology. 2009. Vol. 41. № 1. P. 73–87.
105. *Underhill A.* Regional Growth of Cultural Complexity During the Longshan Period of Northern China // In: Pacific Northeast Asia in Prehistory: Hunter-Fisher-Gatherers, Farmers and Sociopolitical Elites / eds. C.M. Aikens, S.N. Rhee. Pullman: Washington State Univ. Press, 1992. P. 173-178.
106. *Vitelli K.D.* Pots, Potters, and the Shaping of Greek Neolithic Society // In: The Emergence of Pottery / eds W.K. Barnett, J.W. Hoopes. Washington; London: Smithsonian Inst. Press, 1995. P. 55-64.
107. *Voget F.W.* A History of Ethnology. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975. 862 p.
108. *Warner W.L.* A Black Civilization (first edition 1937). New York: Harper & Row, 1964.

109. *Webb M.* The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // In: Lamberg-Karlovski C., and Sabloff J. (eds.) Ancient Civilization and Trade. Albuquerque, 1975. P. 155–210.
110. *Weiner A.* Inalienable Possessions: Paradox of Keeping-while-Giving. Berkeley, 1992.
111. *Wendorf F.A., Schild R., Haas H.* A New Radiocarbon Chronology for Prehistoric Sites in Nubia // Journal of Field Archaeology. 1979. № 6. P. 219–223.
112. *Wittfogel K.A.* Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press, 1957.
113. *Wolf E.* Kinship, Friendship and Patron-Client Relations in Complex Societies // In: Social Anthropology of Complex Societies. London, 1966. P. 16-18.

Воронцов А.В., Захаров Н.Л., Малявин С.Н., Перфильева М.Б.

ПРОБЛЕМА ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. В статье отмечается высокий интерес и практиков, и ученых к проблематике лояльности персонала. Рациональный научный подход восстанавливает свои позиции. А его прямым следствием является разработка программ лояльности, которые опираются на отработанные технологии и имеют опору на эмпирические данные. Суть этих программ – они должны создать в организации такие условия и использовать такие стимулы, которые будут мотивировать персонал на инициативную работу в соответствии с целями компании. Исследовательская проблема заключается в том, что большой массив эмпирических данных и надежные технологии разработки программ лояльности не обеспечивают лояльности персонала в организации. Проблема разрешается при системном использовании инструментов регулирования лояльности.

Ключевые слова. Лояльность персонала, социальные регуляторы, регулирование, управление.

Vorontsov A.V., Zakharov N.L., Malyavin S.N., Perfilieva M.B.

THE PROBLEM OF STAFF LOYALTY: RESEARCH APPROACHES

Abstract. The article notes the high interest of both practitioners and scientists to the issue of staff loyalty. The rational scientific approach is regaining its positions. And its direct consequence is the development of loyalty programs based on proven technologies that are based on empirical data. The essence of these programs is that they should create such conditions in the organization and use such incentives that will motivate staff to work proactively for the benefit of their company. The research problem is that a large amount of empirical data and reliable technologies for developing loyalty programs do not ensure the loyalty of personnel in an organization. The problem is resolved with the systematic use of loyalty regulation tools.

Keywords. Personnel loyalty, social regulators, regulation, management.

Введение

Совсем не так давно, не более полутора десятилетий назад в нашей стране научный и практический интерес к проблематике лояльности персонала еще начинал формироваться. И в то время только-только эта проблематика начинала покидать публицистический жанр, приобретая черты научности. Одной из

ГРНТИ 04.21.61

EDN NKMIUN

© Воронцов А.В., Захаров Н.Л., Малявин С.Н., Перфильева М.Б., 2023

Алексей Васильевич Воронцов – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Николай Львович Захаров – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой экономики и финансов Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Сергей Николаевич Малявин – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Марина Борисовна Перфильева – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Контактные данные для связи с авторами (Захаров Н.Л.): 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48 (Russia, St. Petersburg, Moika river emb., 48). E-mail: znl29@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 01.01.2023.

первых публикаций в этом направлении стала книга Константина Викторовича Харского «Благонадежность и лояльность персонала» [17]. К сегодняшнему дню наука и практика преодолели популистский флер. Защищено несколько докторских диссертаций, множество кандидатских; более двух сотен научных публикаций, построенных на грандиозном массиве эмпирических данных, вышли только за последние три года.

И не только в науке, но и в практической деятельности наблюдается уход от моды на «знаменитых тренеров» и «дипломированных консультантов». В настоящее время рациональный научный подход восстанавливает свои позиции. А его прямым следствием является разработка программ лояльности, опирающихся на отработанные технологии, которые имеют опору на эмпирические данные. Суть этих программ в том, что они должны создать в организации такие условия и использовать такие стимулы, которые будут мотивировать персонал на инициативную работу на благо своей компании. Заметим, что эта задача не из легких, но вполне по силам современным технологиям управления персоналом.

Вместе с тем, несмотря на обилие эмпирических данных, несмотря на то что к сегодняшнему дню накоплен большой прикладной опыт, практика постоянно сталкивается с проблемой недейственности программ. Об этом весьма ярко и эмоционально, но достоверно и с опорой на эмпирические факты, написала в своей статье студент Волгоградского университета Анастасия Скрыпникова [12]. Налицо исследовательская проблема – эмпирических данных очень много, технологии разработки программ надежные, а в результате «программа есть, лояльности нет» [12]. Именно разрешению этой проблемы и посвящена наша статья.

Материалы и методы

Дискуссия по проблематике лояльности достаточно активно ведется в нашей литературе. Имеется около двух тысяч публикаций с ключевым словом «лояльность» и более двухсот публикаций только за последние три года, относящихся собственно к проблематике лояльности (фильтрация материалов по теме лояльности проводилась авторами на сайте eLibrary.ru [8]). Выделим группы научного интереса по проблематике «лояльность персонала»:

- прежде всего, это – весьма большой массив публикаций, который отражает результаты исследования «факторов лояльности»;
- публикации, которые большое внимание уделяют «оценке лояльности персонала»;
- и еще одно большое направление – разработка программ лояльности;
- небольшое количество статей посвящено, по заявлениям авторов, «теории лояльности». Возможно, эти статьи вызвали бы пристальный интерес, если бы в большей мере опирались на уже действующие теории (созданные на базе эмпирии), а не на идеальное видение авторов.

Обращает на себя внимание также и то, что два важных направления исследований лояльности персонала – «факторов лояльности» и «оценки лояльности» – либо совсем не связаны с друг другом, либо связаны только отчасти. За исключением некоторых публикаций, вызывающих несомненный научный интерес [4]. Это – не что иное, как разрыв между причиной и следствием. Это явление, наблюдаемое в большинстве публикаций, несомненно, вызывает ощущение когнитивного диссонанса. Вполне логично было бы предположить, что изучение влияния факторов и должно нам дать материал для оценки лояльности персонала (во всяком случае в ряде исследований так и делается – исследуются факторы, затем исследуется оценка [2; 7; 10; 13; 15; 16; 19]).

Другому направлению, вызывающему особый заслуженный интерес, посвящены публикации о программах лояльности, разрабатываемых на предприятиях. В представленных в литературе программах отражен современный опыт деятельности организаций и их служб персонала. Этот опыт имеет несомненную ценность. Как говорил классик: «Практика – критерий истины» [5]. Среди опубликованных работ стоит отметить наиболее интересные: по описанию опыта разработки внедрения программы лояльности [18]; работы по оценке эффективности таких программ [3; 11].

Работы, посвященные программам, несомненно, важны и обладают практической и теоретической ценностью, равно как и работы, посвященные «факторам» и «оценке» лояльности персонала. Но, вместе с тем, остается еще одно неисследованное поле этого направления. Необходима валидная концепция, как фундамент для разработки программ лояльности. Для того, чтобы охарактеризовать проблему необходимости валидной концепции, приведем пример, описанный в [20], касающийся строительства зданий в сейсмоопасной зоне.

При выявлении причин, способствующих разрушению заданий, рассматривают три основных фактора: виноваты рабочие, сделавшие свою работу недобросовестно (например, положили меньше, чем нужно цемента и больше песка подмешали в бетон); виноваты инженеры, нарушившие установленные технологии; виноваты архитекторы, разработавшие неправильную концепцию строительства. При тщательном изучении причин было установлено, что очень часто ни рабочие, ни инженеры не виновны. Они делали свою работу добросовестно. Виной служила неправильная концепция строительства зданий в сейсмоопасных зонах.

Заметим, что архитекторы во второй половине XX века решили эту задачу, разработав адекватную концепцию строительства зданий в сейсмоопасной зоне. Так и «лояльность» – это тоже «здание», которое должно иметь надежные составляющие. Рассмотрим важнейшие структуры конструкции этого «здания»:

- эмпирическая составляющая. Нам необходимо знать, какие факторы и в какой степени оказывают влияние на лояльность персонала в организации;
- технологическая или программная составляющая. Программа лояльности, с одной стороны, представляет собой составную часть программы социального развития организации [22], а с другой – является технологией, обеспечивающей процедурные действия по строго заданному регламенту. При этом программная составляющая задает направления эмпирическим исследованиям, а выбор технологии зависит от эмпирических данных;
- концептуальная составляющая. Она определяет выбор технологии. Создает обоснование для разработки технологии. При этом определяет цели эмпирических исследований. Анализирует данные в соответствии с выбранной концепцией. Проводит сравнительный анализ данных по факторам и по оценкам лояльности персонала, который необходим для понимания того, что представляет собой система факторов лояльности.

Все три составляющие структуры системно взаимосвязаны, где каждая играет свою роль. Их функционирование можно понять только с системной точки зрения. Любая попытка наделить одну из «структур» некой «силой первопричины» или принять одну из «структур» за детерминанту неминуемо приведет к построению неадекватной концепции.

Результаты и обсуждение

В сфере использования технологий (программ) лояльности имеется значительный успех. Но возникает резонный вопрос: «Всегда ли используется именно необходимая технология в данной ситуации?» Приведем пример из быта. И стиральная машина, и посудомоечная машина – высокотехнологичные машины. Но посудомоечная машина не предназначена для стирки белья, как и стиральная машина – для того, чтобы мыть посуду. В домашнем быту мы точно знаем (т.к. у каждого из нас «достаточно основательная эмпирическая база», или просто – житейский опыт) какой именно технологией в данном случае необходимо воспользоваться. И точно знаем, что нельзя стирать кошку в стиральной машине – это неадекватное применение технологии.

А всегда ли в организациях принимается и внедряется адекватная ситуации программа лояльности (адекватные технологии)? Отвечая на вопросы, заданные в статье волгоградской студентки [12], авторы полагают, что не нужно засовывать кошку в стиральную машину, т.к. каждая технология предназначена для своих целей. И определенному предприятию, определенному персоналу необходима адекватная ситуации технология, или в нашем случае – программа лояльности. На это в своей монографии, еще полтора десятка лет назад обратила внимание Е.П. Померанцева [11], доказав, что определенной организации, находящейся в определённой среде необходимы определённые социальные регуляторы, или определённые способы управления социальным развитием в целом и для программы лояльности, в частности.

Приведем пример из социологических исследований. Руководитель крупного предприятия отметил в интервью, что им приглашались бизнес-тренеры, которые провели ряд деловых игр с персоналом организации. На его взгляд, после этого положительный настрой персонала повысился и, по объективным данным, возросла на некоторый период производительность труда. Интервьюер поинтересовался – а действительно ли деловые игры определили положительную динамику и настрой, и производительности. Руководитель с юмором ответил, что он как-то наблюдал танцы с бубнами шаманов: «И настрой поднимают, и производительность увеличивают». А серьезно добавил, что люди устают, им нужна какая-то разрядка.

Можно устроить «корпоратив», но, заметил руководитель, по опыту известно, что после него производительность точно падает. А «бизнес-консультант» искренне верит в свое предназначение и пользу своих игр. Эта вера и заряжает людей, это поднимает их настроение, вселяет уверенность, что о них, о подчиненных, заботится их начальник – вот это и поднимает производительность [13].

Несомненно, эмоциональная разрядка необходима – и приведенный в примере метод деловых игр имеет смысл включать в арсенал программы лояльности, предварительно определив его место в программе, оценив затраты на его реализацию. Особо подчеркнем, имеющийся у нас массив эмпирических данных не позволяет установить прямую корреляцию деловых игр и производительности труда. А тем более установить закономерную зависимость, что проведение в организации «деловых игр» (или других аналогичных форм мероприятий по эмоциональной разгрузке) влияет на рост производительности труда. Мероприятия по эмоциональной разрядке нельзя оценивать с точки зрения экономической эффективности, т.к. известна только одна переменная – затраты, а вот результат не поддается исчислению.

Методы эмоциональной разрядки не единственные в практике создания программ лояльности персонала. Основным материалом этой статьи являются данные, полученные в результате социально-экономических исследований группы ученых на ряде предприятий Санкт-Петербурга и Ижевска, проводимых с 2019 по 2022 годы. Общий путь, или концепция программы лояльности персонала, опирается на методические принципы и теоретические основы:

1. Методический принцип или принцип «триединства», сформулированный группой коллег [20], рассмотрен выше в этой статье – это системная взаимосвязь эмпирии, программы и концепции лояльности.

2. Теоретическая основа – теория социальных регуляторов, разработанная профессором Н.Л. Захаровым [2] и нашедшая свое отражение в работах представителей научной школы «социальных регуляторов» [10; 15; 16; 19].

Рассмотрим, как функционирует методический принцип «триединства» при разработке программы лояльности персонала. Любая деятельность начинается с получения технического задания, в нашем случае – на разработку программы лояльности. Для этого нам необходимо проведение ряда действий:

1. Эмпирический этап:

1.1. Оценка внешних условий организации:

1.1.1. Дать характеристику фазы развития организации [21].

1.1.2. Дать характеристику конъюнктуры внешней среды [21].

1.1.3. Соотнести характер деятельности организации – ее стратегические цели – с позицией во внешней среде – с репутацией организации [26].

1.2. Оценка внутренних условий организации:

1.2.1. Определить место программы лояльности в общей программе социального развития. Программа лояльности персонала – это стратегическая программа, поэтому она является составным разделом программы соцразвития, так же как она, в свою очередь, входит в стратегический план организации.

1.2.2. Определить модели лояльности для групп подразделений, в зависимости от их характера деятельности [10]. Например, модель лояльности менеджеров по продажам коммерческого подразделения весьма отличается от модели бухгалтерского подразделения.

1.2.3. Определить действующие в организации типичные и нетипичные социальные регуляторы, используя апробированную методику социологического исследования [15].

2. Концептуальный этап, или разработка концепции программы лояльности персонала организации:

2.1. В соответствии с теорией социальных регуляторов [2], на основе полученных эмпирических данных, определить общую модель лояльности для всей организации и частные модели – для подразделений [15].

2.2. Определить базовые положения программы.

2.3. Определить этапы реализации программы, поэтапные результаты.

2.4. Сделать предложение, кто будет отвечать за результаты на каждом этапе.

3. Программный этап (разработка программы лояльности персонала организации):

3.1. На основе концепции определить необходимые и возможные дополнительные затраты на реализацию программы.

3.2. Дать сравнительный анализ возможных результатов и возможных затрат на осуществление программы. Необходимо отметить, что если затраты на реализацию имеют финансовое выражение, то результаты могут иметь только социологический характер (удовлетворенность-неудовлетворенность персонала) [15]. И в этом случае никто, кроме руководителя, принимающего решение, исходя из присущей для него системы ценностей, не может оценить затраты и результаты.

3.3. На основе решения руководства, опираясь на концепцию, разработать экспериментальную программу лояльности. Ее внедрение отсылает нас вновь к эмпирическому и концептуальному этапам.

3.4. Если эксперимент обеспечит выход на прогнозируемые результаты, на основании решения руководства, разработать программу лояльности и внедрить ее в организации.

Далее рассмотрим теоретическую основу – теорию социальных регуляторов. Теория социальных регуляторов [2] представляет собой развитие социологической парадигмы «социального действия», разработанной М. Вебером [1], получившей развитие в трудах американских социологов, прежде всего в работах Т. Парсонса [9] и Р. Мертона [6]. Сутью теории социального действия является социологическая аксиома – социальные действия людей вполне осознанны, каждый отдельный индивид соотносит свои социальные действия с действиями и ожиданиями других людей [1].

Согласно Н.Л. Захарову, социальные (осознанные) действия отдельных индивидов могут реализовываться следующим образом [2]:

- вариант первый, в неожиданной ситуации социальные действия отдельных индивидов складываются в комплексное действие, которое может привести к неожиданному результату для всех (поведение игроков на рынке ценных бумаг, поведение водителей на перекрестке, где перестал работать светофор);
- вариант второй, в типичных ситуациях социальные индивиды регулируют свои действия – участники рынка ценных бумаг ориентируются знаниями и данными, водители ориентируются дорожными правилами, покупатели организуются в очередь перед кассой.

При первом варианте хаос снимается, когда место переставших функционировать социальных регуляторов занимает прямое управление, в качестве инструментов которого могут быть, для примера: авторитетные (для участников рынка) указания, что делать в той или иной ситуации; появление на перекрестке полицейского, дающего прямые указания по порядку движения. Применительно к программе лояльности действует вариант второй, сложившиеся регуляторы. Для их надежного функционирования необходимо периодически поощрять модели поведения групп персонала, которые обеспечивают лояльность в целом. А отрицательные для организации модели – наоборот – публично, наглядно для всех подвергать остракизму. А в отдельных случаях и наказывать отдельных виновных (но не группы).

Ведущими ориентирами социальных действий, влияющими на лояльность, являются [15]:

- вера в успех социальных индивидов, действующих в организации: «Если я сделаю так – меня поощрят, как было – на примере того-то или как было в прошлый раз. Мой личный успех связан с успехом организации»;
- напротив, неверие в личный успех приводит к утрате лояльности;
- важное уточнение – полная уверенность в награде, независимо от личного вклада, также способствует нелояльности работника.

Очень важно обращать внимание, что обеспечение успеха в поддержании необходимого уровня лояльности зависит от системного использования социальных регуляторов.

Заключение

Главное, что следует отметить в заключение, это то, что в настоящее время сложился устойчивый интерес и в науке, и в практической деятельности к проблеме лояльности персонала. Стоит также отметить и то, что рациональный научный подход восстановил свои позиции. А его прямым следствием является разработка программ лояльности, опирающихся на отработанные технологии, которые имеют опору на эмпирические данные. Суть этих программ в том, что они должны создать в организации такие условия и использовать такие стимулы, которые будут мотивировать персонал на инициативную работу на благо своей компании. Исследовательская проблема состоит в том, что большой массив эмпирических данных и надежные технологии разработки программ лояльности не всегда в достаточной мере оказывают регулирующее влияние на лояльность персонала в организации. Проблема разрешается при системном использовании инструментов регулирования лояльности.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Захаров Н.Л. Организационное поведение государственных служащих. М.: ИНФРА-М, 2020. 236 с.
3. Ильясова М.К., Максимова О.В. Методы оценки эффективности программы лояльности // Социальное и технико-экономическое развитие регионов: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Краснодар, 23 марта 2018 года. Краснодар: Научное партнерство «Апекс», 2018. С. 53-57.
4. Легостаева И.В. Организационная лояльность: факторы формирования, проблемы измерения, система управления лояльностью персонала // Глобальные риски – локальные решения: сборник материалов международной междисциплинарной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 июня 2014 года / Балтийский институт экологии, политики и права. СПб.: НИЦ АРТ, 2014. С. 50-59.
5. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2. М.: Политиздат. Т. 3. С. 1-4.
6. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 91-96.
7. Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л. Мотивация труда работников промышленных предприятий // Проблемы региональной экономики. 1999. № 1-4. С. 439-450.
8. Научная электронная библиотека Elibrary.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/query_results.asp?pagenum=3 (дата обращения 30.12.2022).
9. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
10. Померанцева Е.П. Модели управления персоналом: исследования, разработки, внедрения. М.: Вершина, 2006.
11. Рувенный И.Я., Аввакумов А.А. Затраты на программы лояльности и подходы к оценке их эффективности // Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XVI Международной научной конференции, Уфа – Павловка, 01–03 декабря 2016 года. Уфа – Павловка: УГАТУ, 2016. С. 244-247.
12. Скрытникова А.А. Программы лояльности: программа есть, лояльности нет // Журнал научных и прикладных исследований. 2015. № 4. С. 31-33.
13. Социально-экономическое исследование лояльности персонала: стандартизированное экспертное интервью руководителей предприятий / координаторы проекта: Н.Л. Захаров, А.Л. Кузнецов, М.Б. Перфильева; май 2022 г., Санкт-Петербург – Ижевск. Индекс: СЭЛ-22.
14. Захаров Н.Л. Социологический анализ советской партийной кадровой политики // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. Т. 6. № 6. С. 14-18.
15. Захаров Н.Л., Пономаренко Б.Т., Перфильева М.Б. Управление настроем персонала в организации. М.: Инфра-М, 2018. 287 с.
16. Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л. Управление социальным развитием организации. М.: ИНФРА-М, 2015. 206 с.
17. Харский К.В. Благонадежность и лояльность персонала. СПб.: Питер, 2003.
18. Шафеев Р.Ш. Корпоративная программа повышения лояльности персонала на примере АО "Сызранский нефтеперерабатывающий завод" // Трибуна ученого. 2021. № 1. С. 602-614.
19. Шелонаев С.И. Репутационный менеджмент // Технологии общественной коммуникации. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 90-123.
20. Беркутова Т.А., Махова А.В. Предпочтительный подход к преобразованию системы управления персоналом предприятий оборонно-промышленного комплекса при диверсификации // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2022. Т. 18. № 2. С. 6-12.

Покровская Н.Н., Молодкова Э.Б., Снисаренко С.О.

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕГУЛЯЦИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПОТОКОВ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Возросшее значение границ и регулирования перехода товаров, услуг, капиталов и человеческих ресурсов через государственные границы и границы надгосударственных объединений определяет актуальность как технологических аспектов, например регулирования применения блокчейна, так и социально-гуманитарных, социокультурных и организационно-административных подходов к управлению потоками, их балансировке и обеспечению безопасности и целесообразности. В статье систематизированы социальные технологии, применимые к регуляции трансграничных потоков в контексте геополитических изменений и реализации мобилизационной модели экономики.*

Ключевые слова. *Социальная регуляция, мобилизационная экономика, блокчейн, трансграничные операции, внешнеэкономические связи.*

Pokrovskaia N.N., Molodkova E.B., Snisarenko S.O.

SOCIAL GOVERNANCE IMPLEMENTED TO THE REGULATION OF CROSS-BORDER FLOWS IN THE CONTEXT OF MOBILIZATION ECONOMY MODEL

Abstract. *The increase of significance of national State borders and of importance of regulation applied to the cross-border transfer of goods, services, capital, and human resources, including of supranational coalitions areas, determines the relevance of both technological aspects, for example, regulation of the use of blockchain, and sociocultural organizational-administrative approaches to balance flows, ensuring safety and expediency. The paper systematizes social technologies that are pertinent to regulate cross-border flows in the context of geopolitical shift and of mobilization model of the economy.*

Keywords. *Social regulation, mobilization economy, blockchain, cross-border operations, foreign economic relations.*

ГРНТИ 06.73.15

EDN NJUSRO

© Покровская Н.Н., Молодкова Э.Б., Снисаренко С.О., 2023

Надежда Николаевна Покровская – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина); профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; профессор кафедры экономики и управления социально-экономическими системами Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики; профессор Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.

Элеонора Борисовна Молодкова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Светлана Олеговна Снисаренко – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления социально-экономическими системами Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Контактные данные для связи с авторами (Покровская Н.Н.): 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29 (Russia, St. Petersburg, Polytechnicheskaya str., 29). Тел.: +7 (952) 281-2796. E-mail: nnp@spbstu.ru.

Статья поступила в редакцию 05.01.2023.

Введение

В условиях мобилизационной экономики страновые интересы национального государства выступают ключевым аргументом при формировании процедур организации движения потоков разнообразных ресурсов через границы зон регулирования. Применение технологических инструментов и социально-управленческих подходов нуждается в систематизации в новом геополитическом контексте. Развитие информационного общества и прозрачности общественных процессов, потребностей и проблемных зон, цифровая трансформация [4] и сокращение транзакционных издержек проведения информационных потоков через разнообразные коммуникационные каналы, размывание культурных и социально-регулятивных механизмов [5] отражаются в социологическом анализе через разработку методов социального инжиниринга и социально-управленческих процедур [10].

Социальная технологизация регулятивных процессов как предмет изучения

Задача развития регуляции потоков разнородных ресурсов (товаров, услуг, данных, человеческих ресурсов, капитала и др.) связана сегодня с геоэкономическими изменениями начала III тысячелетия, от глобального коллапса финансовых институтов (рынков и ряда денежно-кредитных учреждений) до пандемии Covid-19 в 2020-2022 гг. Регулятивный коллапс выразился в энергетическом кризисе осени (сентября) 2021 г., когда последовательные попытки либерализации энергетики с 1996 г. в ЕС и затем принятие ряда протекционистских мер для реального сектора в США привели к заметному смещению механизма объема поставок и цен от равновесного положения к слабо предсказуемой волатильности. Ограничения рыночных механизмов и неспособность глобального частного бизнеса реагировать адекватно на базовые угрозы жизнедеятельности (как в форме пандемии, так и в форме роста цен на электроэнергию), неэффективность государственных попыток навязывания рыночного механизма в инфраструктурных сетевых системах ставят задачу переосмысления регуляции в целом.

Социальное управление и регуляция отражают два близких концептуальных образования, которые связаны ключевым содержанием (воздействием на самостоятельных субъектов, совершающих выбор поведенческих моделей и принимающих решения на основе оценки собственных индивидуальных и коллективных интересов) и различаются характером (управление предполагает прямое воздействие, а социальная регуляция отражает сложный комплекс исходных предпосылок, например, определяющих само содержание интересов, предпочтение при выборе между коллективом и индивидом, приемлемые и неприемлемые способы удовлетворения потребностей, социальный контроль и санкционирование). Под социально-управленческим подходом к регуляции понимается применение технологических решений к формированию среды, в которой субъект (компания, сообщество, человек) будет выбирать стратегию достижения целей – от применения цифровых программных решений (блокчейн, нейросети и пр.) до организационно-административных (принцип «одного окна», электронная очередь и т.п.).

Трансграничные потоки в контексте мобилизационной экономики

Глобальные процессы и институты показали свою недостаточную эффективность, что привело к новому пониманию смысла и значимости границ. Помимо глобальных цепочек создания добавленной ценности в транснациональном бизнесе, предметом социально-экономических исследований вновь становятся вопросы регулирования потоков, пересекающих национальные и региональные границы.

Мобилизационный характер развития экономики стран и регионов проявился в течение последних лет (после финансового коллапса 2007-2009 гг.) наиболее заметно с начала пандемии Covid-19, когда глобальные управленческие структуры не взяли на себя ответственность за решения по защите жизни и здоровья населения и передали полномочия по спасению людей национальным, региональным и местным сообществам [3]. Вывод вопросов здравоохранения и, соответственно, других общественных благ (начиная от образования и подготовки врачей, снабжения импортными лекарствами, обеспечения транспортной инфраструктуры, вплоть до правосудия и обороны, вовлечённых в функционирование институтов обеспечения жизнедеятельности) на первый план привёл к переоценке роли механизмов социального и социокультурного регулирования в условиях противостояния общества угрозам.

Вертикализация глобального надгосударственного управления показала свою ограниченность и на примере недостаточной эффективности ООН в ходе геополитических сдвигов 2022-2023 гг., когда проявилась заметная активность на уровне национальных государств и в сфере двухсторонних договорённостей (например, работа над единой валютой Бразилии и Аргентины), и в расширении БРИКС (инте-

рес к присоединению к данному блоку проявили Иран, Алжир, Аргентина и ряд других стран), и в смещении бывших колониальных африканских стран от европейской метрополии к горизонтальному построению многосторонних связей на основе взаимовыгодных договорённостей.

Доминирование государственной системы как инструмента формирования и действия правил, т.е. государственного регулирования, над формами вертикальной межгосударственной политической структурно-организационной интеграции привело к новому социально-управленческому видению договорённостей между государствами, что позволяет вновь говорить не только зонах и союзах (зонах свободной торговли, таможенных союзах, общем рынке и пр.), но, прежде всего, о потоках ресурсов с разной степенью добавленной стоимости через границы государств, т.е. о трансграничном движении.

Мобилизационную социально-экономическую модель, с точки зрения исследования социальной регуляции, операционально можно трактовать с учётом трёх основных параметров:

- мобилизация населения, активизация действий индивидов по решению локальных проблем [3], например, адресная точечная помощь добровольцев нуждающимся группам или сетевая организация повседневных решений [8] (в модели gig economy термин gig отражает работу на несколько минут, которой соседи готовы взаимно обмениваться за низкую плату или бесплатно);
- мобилизация усилий государства, регионального и местного сообщества для решения срочных социальных проблем, требующих быстрого решения (например, в КНР реализация протоколов по эпидемическим мерам включает от одного до нескольких часов для закрытия населённого пункта и развертывания необходимых медицинских организационных форм и процедур [12]) с вводом личной ответственности за результаты действий, за целедостижение и за последствия принимаемых решений;
- мобилизация государства как единого лица во внешней среде при противостоянии возникшим или длительно накапливавшимся угрозам любой природы (геополитическим, геоэкономическим, социокультурным, инфраструктурным и т.п.), например, развитие Северного морского пути в Арктической зоне России может рассматриваться как компонент мобилизационной модели, поскольку включает системное управление единством проектов и программ на уровне государства, отвечая на задачи развития роли страны в мировой системе хозяйственных связей.

Социум проявляет интерес к усилению горизонтальных взаимоотношений, что с управленческой точки зрения требует усиления «одноранговых» моделей взаимодействия: sharing economy, модель распределённого потребления, одноранговые сети блокчейн [12], агрегирование услуг в уберизации и данных о товарах в маркетплейсах как системах оркестровки действий множества одноуровневых субъектов, принцип «одного окна» в оказании государственных или банковских услуг и т.п. Горизонтальная социальная интеграция снижает неоптимальность привычных институциональных форм решения задач общества с учётом расширения цифровой трансформации [11].

На примере трансграничных потоков, цифровизация может быть проиллюстрирована статистикой электронной регистрации таможенных деклараций (например, за январь 2021 г. было автоматически, без участия инспектора, зарегистрировано более 3,9 млн деклараций, выпущено более 1,27 млн, это больше, чем за весь 2020 год – 3,8 млн и 1,088 млн деклараций, соответственно, около 20% импортных и 40% экспортных деклараций выпускается полностью автоматически [1]).

Цифровая трансформация регулирования трансграничных потоков

Социально-конструктивистская парадигма предполагает, что поведение самостоятельных акторов с разной степенью институционализации (компании, сообщества, граждане) опирается на картину мира и ценностно-смысловую ориентацию, заданные в сетевой социально-коммуникационной среде. Понятие «фиджитал»-мир (phygital, от англ. physical + digital – физический и цифровой) сочетает цифровой и физический опыт, давая основания для принятия решений и выбора действия [2]. Phygital-управление переносит удобные эффективные онлайн-привычки в мир физической действительности.

С помощью дополненной реальности, интерактивных сенсорных поверхностей, стоек и экранов происходит интеграция виртуального мира с физическим. Современный человек легко переключается между цифровыми и аналоговыми каналами, используя мобильные устройства, очки с встроенной AR-функцией, QR-коды, NFC-чипы (передающие данные между объектами, расположенными на близком расстоянии, не более 20 см друг от друга), RFID-метки (миниатюрные транспондеры для проверки данных с помощью радиосигналов), IoT (интернет вещей), умные сенсоры, маячки [7].

В условиях цифровой прозрачности государственное регулирование трансграничных потоков может позволять, с одной стороны, обеспечивать точность и безошибочную регистрацию, а с другой, существенно ускорять процессы. Так, Федеральная таможенная служба (ФТС) с 1 февраля 2021 г. запустила автоматическую диспетчеризацию деклараций на товары между таможенными органами на основе искусственного интеллекта, что исключает ошибочную подачу декларации в таможенный орган, не обладающий компетенцией по ее регистрации и выпуску. Благодаря внедрённой в 2016 г. цифровой платформе «Портал Морской порт», электронный документооборот участников перевозки грузов в морских портах ускорился – сократилось время оформления грузов: 80% декларационного массива выпускается менее чем за 4 часа, среднее время автоматической регистрации составляет 3 минуты, автоматического выпуска – 5 минут [1], в мировой практике эффективным считается прохождение таможенного контроля за 2 часа [6].

ФТС, Минфин и ФНС РФ провели эксперимент по взаимодействию «Портала Морской порт» с блокчейн-платформой TradeLens компании «Маэрск». ФТС с августа 2022 г. запустила приложение «Машиночитаемые доверенности» (МЧД) [9] для интеграции с инфраструктурой ФНС и обмена данными на базе распределенного реестра Налоговой службы и Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов, что упростит проверку и контроль срока действия доверенностей участников внешнеторговых операций, система дает доступ всем участникам блокчейн-сети к проверке данных, позволяя не прикладывать электронную доверенность к каждой сделке. Эксперимент запущен ФНС в сентябре 2021 г., продлён до 31.08.2023.

29 июля 2022 г. разработан совместный формат единой формы МЧД от ФНС и Нотариальной палаты с учетом поправок к закону об электронной подписи от 14 июля 2022 года. На сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ опубликованы одновременно два «формата формы доверенности в электронной форме в машиночитаемом виде», разработанные Минцифры России (версия v.1.0.1) и ФНС России (<https://digital.gov.ru/ru/documents/?type=51>), на портале госуслуг содержится подробное описание требований к XML-файлу доверенности, диаграмма его структуры и шаги для регистрации.

В конце 2020 г. завершено создание единой сети электронных таможен и центров электронного декларирования (ЦЭД), в 2021 г. в них было оформлено 99% деклараций. При этом предварительное декларирование отстает: в 2021 г. по предварительным таможенным декларациям оформлено лишь 4,8% грузов по технологии «выпуска с борта судна» [1]. Концентрация декларирования в ЦЭД обеспечила механизм автоматического распределения деклараций между таможенными постами, диспетчеризацию: если товар прибыл водным транспортом в морской порт, то декларация на товары будет автоматически распределена в один из морских ЦЭД в зависимости от федерального округа, куда прибыл товар, независимо от региона налогового учета декларанта и места доставки товара по таможенной процедуре таможенного транзита [1].

Наконец, в январе 2023 г. стало известно о законопроекте по регулированию потоков автомобилей на пунктах пропуска через границу с 1 марта 2023 г. путём бесплатного онлайн-резервирования даты и времени проезда, включая категории и ситуации срочного или свободного проезда. Таким образом, сегодня цифровые технологии представляют собой инструменты для реализации общественных интересов организации коллективных действий. Можно систематизировать цифровые и социально-управленческие подходы к регулированию поведения так, как указано в таблице.

Введённый в 2014-2017 г. в Китае социальный рейтинг представляет собой цифровую реализацию социального регулятивного механизма репутации [15]. В условиях развития проектов Шёлкового пути [13], для российской модели регулирования трансграничных потоков будет полезно изучить опыт КНР по внедрению «системы социального доверия» и оценить применимость технологических и организационных решений для оптимизации ресурсных потоков и эффективности [14].

Заключение

Геополитические смещения 2022-2023 гг. и пандемия Covid-19 показали сохраняющуюся значимость национальных государств как субъектов предоставления общественных благ своим гражданам и одновременно как пространств единой социокультурной регуляции, опирающейся на общее символическое содержание (репрезентативно-интерпретативную схему отражения реальности в создании людей),

на комфортный набор поведенческих моделей (картирование нормативных форматов канализации потребностей) и на принятую и близкую для каждого индивида систему ценностно-смысловых оценочных суждений (мотивационно-аксиологическую шкалу). Одновременно актуализировалась необходимость адаптации структур и институтов к требованиям мобилизационной экономики инновационного роста с учетом цифровой трансформации и организационных технологий, востребованных современным обществом для решения задач развития экономики знаний, включая вопросы формирования и мониторинга развития компетенций [8; 12].

Таблица

Социально-управленческие подходы к регуляции трансграничных потоков

Социальный механизм	Цифровое решение	Управленческий подход	Процесс	Пример регуляции трансграничных потоков
Одноранговые связи, пиринг	Блокчейн	Горизонтальная структура	Децентрализация, сетевизация	Сервис машиночитаемых доверенностей ФНС, ФТС
Компетенции	Нейросети	База знаний	Анализ опыта	Оценка ответственности
Репутация	Цифровой документ	Статистика проверок	Диспетчеризация	Центры электронного декларирования
Прозрачность	Большие данные	Непосредственные взаимодействия	Прямые связи без посредников и точек монополии неопределённости	ЕАИС, единая автоматизированная информационная система ФТС
Регуляция	Электронная очередь	Концентрация	Планирование	Процедура предварительного декларирования
Доверие	Портал; МЧД	«Одно окно»	Межведомственные взаимодействия	Проверка полномочий

Вопросы применения социально-управленческих подходов к регуляции поведения сосредоточены на построении цепочек создания ценности. В мобилизационной экономике цифровые технологии и социально-регулятивные инструменты применимы для обеспечения коллективного благополучия.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Будущее наступило: таможня внедряет искусственный интеллект в портах // Морские порты. 2021. № 9.
2. Гарин А.К., Покровская Н.Н., Шангутов А.О., Шангутов О.А. Цифровые технологии государственных функций и сетевые модели коммуникации социального предпринимательства // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 1. С. 32-41.
3. Гришков В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О. Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7-13.
4. Плотников В.А. Методика оценки уровня развития цифровизации сложных экономических систем // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2(137). С. 131-138.
5. Покровская Н.Н. Рациональность экономического поведения // Известия РГПУ: Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 12. С. 128-137.
6. Полешкина И.О., Васильева Н.В. Технология blockchain как инструмент управления цепями поставок с учетом воздушного транспорта // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2020. Т. 23. № 2. С. 72-86.
7. Талу С., Плотников В.А. Мобильный модуль обеспечения безопасности процессов идентификации и аккумуляции данных посетителей образовательного учреждения // Цифровые модели и решения. 2022. Т. 1. № 3. С. 8.
8. Терёбова Т.А., Слободской А.Л., Гарин А.К. Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных. Материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2020. С. 287-289.

9. ФТС России начнет обмениваться машиночитаемыми электронными доверенностями через блокчейн-платформу ФНС России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12400941 (дата обращения 30.12.2022).
10. *D'Ascenzo F., Cappelli L., Burova N.V., Pokrovskaja N.N., Ruggieri R.* Performance management and competitive strategies of international companies. СПб.: СПбГЭУ, 2015.
11. *Pokrovskaja N.N.* Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-driven economy. Blockchain algorithms and fog computing for the efficient regulation // Proceedings of 2017 XX IEEE international conference on soft computing and measurements (SCM), Saint-Petersburg, 24-26 may 2017. N.Y.: IEEE, 2017. P. 709-712.
12. *Wei F., Pokrovskaja N.N.* Digitizing of regulative mechanisms on the masterchain platform for the individualized competence portfolio // Proceedings of 2017 IEEE VI Forum Strategic Partnership of Universities and Enterprises of Hi-Tech Branches (Science. Education. Innovations), SPUE 2017, St. Petersburg, 15–17 Nov 2017. N.Y.: IEEE Inc., 2017. P. 73-76.
13. *Wei F.* Measurement of Investment Potential and Spatial Distribution of Arable Land among Countries within the “Belt and Road Initiative” // Agriculture. 2021. Vol. 11. P. 848.
14. *Wei F.* Research on the Spatial Network Structure and Influencing Factors of the Allocation Efficiency of Agricultural Science and Technology Resources in China // Agriculture. 2021. Vol. 11. P. 1170.
15. *Yang J.* The Politics of the Dang'an: Spectralization, Spatialization, and Neoliberal Governmentality in China // Anthropological Quarterly. 2011. Vol. 84 (2). P. 507-533.

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. Стратегия развития предприятий рассматривается современными исследователями как направление деятельности на длительную перспективу, достижение конкурентного преимущества, интегрированный процесс, ориентированный на достижение «стратегического соответствия», наилучшее практическое решение, инструмент управления предприятием, определение основных долгосрочных целей и задач предприятия с утверждением курса действий, распределение ресурсов, необходимых для достижения этих целей. В формировании и реализации стратегии развития предприятий участвуют различные профессионально-квалификационные и статусные группы работников, обладающие различными интересами, социальными ожиданиями, профессиональными компетенциями, морально-нравственными позициями, способностями и социальными действиями, которые рассматриваются как обобщенные характеристики участников производственно-экономической деятельности. При этом утрачиваются многие характеристики социальной действительности, которая перестаёт быть «остаточной» категорией производственных отношений и носит определяющий характер в развитии научно-технических, производственно-экономических и производственных систем. Личность в этой связи необходимо рассматривать как дескриптивную систему координат: предрасположенность, ориентированные ожидания, самочувствие, целеполагание и т.п., в которой не только описывается, но и структурно оформляется социальный механизм формирования стратегии развития предприятий. Личностный фактор способствует установлению степени готовности коллектива к возможным трансформациям в профессиональной деятельности, позволяет зафиксировать и отслеживать в значительном периоде времени мотивационную предрасположенность, индивидуальные особенности характера и условий его изменения в конкретных производственных ситуациях. Без учёта личностного фактора стратегия развития предприятия носит «документальный» характер без конкретизирующих её социальных действий, направленных на решение общественно значимых целей и задач.

Ключевые слова. Стратегия, предприятия, коллектив, личность, ценности, интересы, социальные ожидания, мотивы, социальные действия, напряженность, доверие, социально-психологический климат, коммуникации, нормы, поведение, самосознание, ответственность, мораль, нравственность, установки.

Potemkin V.K.

PERSONAL FACTOR IN ENTERPRISE DEVELOPMENT STRATEGY

Abstract. The development strategy of enterprises is considered by modern researchers as a direction of activity for the long term, achieving a competitive advantage, an integrated process to achieve "strategic compliance", the best practical solution, an enterprise management tool, determining the main long-term goals and objectives of an enterprise with the approval of a course of action, allocation of resources necessary to achieve these goals. In the formation and implementation of the development strategy of enterprises, various profes-

---

ГРНТИ 04.51.31

EDN PDJFGO

© Потемкин В.К., 2023

Валерий Константинович Потемкин – доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, Griboedov Canal emb., 30-32). Тел.: 8 (812) 310-47-19. E-mail: valpot49@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022.

sional and qualification and status groups of employees with different interests, social expectations, professional competencies, moral positions, abilities and social actions are involved, which are considered as generalized characteristics of participants in production and economic activity. At the same time, many characteristics of social reality are lost, which ceases to be a "residual" category of production relations and is of a decisive nature in the development of scientific, technical, production, economic and production systems. Personality in this regard must be considered as a descriptive coordinate system: predisposition, oriented expectations, well-being, goal setting, etc., which not only describes, but also structurally formalizes the social mechanism for the formation of an enterprise development strategy. The personal factor contributes to the establishment of the degree of readiness of the team for possible transformations in their professional activities, to fix and track in a significant period of time the motivational predisposition, individual characteristics of the character and the conditions for its change in specific production situations. Without taking into account the personal factor, the enterprise development strategy is of a "documentary" nature without concretizing its social actions aimed at solving socially significant goals and objectives.

Keywords. *Strategy, enterprises, team, personality, values, interests, social expectations, motives, social actions, tension, trust, socio-psychological climate, communications, norms, behavior, self-awareness, responsibility, morality, ethics, attitudes.*

Введение

Стратегия развития предприятий зависит от преобладающей идеологии использования рабочей силы, средств и предметов труда, сложившихся трудовых коллективных ценностей, смыслов жизнедеятельности, профессиональных и общественных ориентаций различных профессионально-квалификационных и статусных групп персонала и, пожалуй, главное – от генеральной политики, отражающей профессиональные и межпрофессиональные коммуникации в решении общественно значимых задач. Т. Петерс и Р. Уотерман подчёркивали необходимость учёта принципов, которыми предприятия и организации обязаны руководствоваться в своей организационной деятельности, среди которых: беспристрастность социально трудовых отношений; учёт личных обстоятельств в деятельности работников; организационное научение, обеспечивающее разработку и реализацию управленческих решений и производственно-экономических практик; важность корпоративной культуры в профессиональном и общественном взаимодействии персонала; баланса между затратами времени на производственную деятельность и личную жизнь работников; учёт самочувствия работников при выполнении поставленных целей и задач, в достижении результатов, характеризующих успешность функционирования предприятия в конкурентной среде [20].

Стратегия развития предприятия предусматривает и выбор политики функционирования как в конкурентной среде производства и реализации товаров и услуг, так и социальной среде, обеспечивающей жизнеспособность работников, их социальное благополучие и качество жизни. Д. Гест один из первых исследователей предпринял попытку формулирования основных критериев выбора политики функционирования предприятий, среди которых: гибкость и универсальность, устранение границ профессионального и межпрофессионального взаимодействия работников, повышение качества труда различных профессионально-квалификационных групп работников, относящихся к категориям работодателей и наемных работников; использование принципов традиционного коллективизма в работе, организационных каналов взаимодействия и способов регулирования социально-трудовых отношений, включая конфликтные ситуации; индивидуальный подход в распределении функциональных обязанностей и стимулировании результатов труда; фиксация слабых сигналов разрушительного воздействия на организационные принципы работы коллектива предприятия.

Стратегия развития предприятий при выборе политики функционирования, по нашему мнению, должна учитывать и всевозможные социальные практики: командная работа и сотрудничество, социокультурное развитие коллектива, вовлеченность персонала в разработку управленческих решений и их реализацию, формирование приверженности и лояльности к организационному устройству и функционированию предприятия и т.п. [7, с. 47-53].

Материалы и методы

Социальные практики в деятельности предприятий отражают сложившиеся и перспективные социально-трудовые отношения между различными категориями персонала, что характеризует развитость социального партнёрства [10], социальный механизм развития социально-трудовых отношений и социальной защиты работников [6], способности и роли личности в профессиональной деятельности [9], характер организационной и корпоративной культуры и социальные практики преодоления конфликтных ситуаций [8].

Как и любой общественный проект, стратегия развития предприятий видоизменяется под воздействием внутренней и внешней среды их функционирования, что предполагает уточнение и дополнение в содержании и структуре стратегии «как ответ на развитие ситуации» [8, с. 66-74]. Не вызывает сомнений, что эффективность и качество реализации целей и задач стратегии развития предприятия, во многом зависит от «потенциала компетенций» – структуры, содержания, комплексности, предметно-деятельной направленности на достижение предполагаемого результата.

Заметим, что Л. Миллер и Н. Ранкин отмечали различные подходы к пониманию роли компетенций работников в деятельности предприятий: 22.0% работодателей настаивали, чтобы их работники обладали единым набором или схемой базовой компетентности; 48.0% ограничились компетентностью в определённых видах работ; 20.0% полагали, что работники должны обладать поведенческой компетентностью, во многом чисто функциональной [17]. Многоаспектность факторов формирования стратегии развития предприятий даёт нам основание утверждать, что это, по своей сути, социальный процесс, предполагающий выполнение последовательных действий, ведущих к комплексности поставленных целей и задач и, как следствие, к проектируемому результату. Достижение результата связывается, прежде всего, с развитием личности, формированием ценностных ориентаций, установок и мотивации поведения, внутри- и межгруппового взаимодействия работников.

Для личностного контекста стратегии развития предприятий характерны самооценки респондентами степени доступности работников к обеспечению функциональной деятельности (см. табл. 1). Из представленных данных видны различия в доступности для работников информации по обеспечению функциональной деятельности предприятия, что послужило основанием для более углубленной детализации причин самооценок работников российских предприятий. В качестве основного показателя выбрана оценка степени включенности работников в процесс социально-экономического развития предприятий (см. табл. 2).

Таблица 1

Самооценка доступности информации по обеспечению функциональной деятельности предприятий

Ключевая информация о степени доступа работников к обеспечению функциональной деятельности предприятий	Оценка степени доступности, %	
	Работники европейских предприятий	Работники российских предприятий
Наличие чёткого представления о том, чего хочет добиться предприятие	37.0	12.0
Степень ориентированности работников относительно важнейших целей	14.0	10.0
Доступности информации для работников о важнейших целях предприятия	44.0	4.0
Соответствие работы цели предприятия	22.0	11.0
Наличие приверженности работников целям предприятия	9.0	4.0
Наличие индивидуальных целей у работников	33.0	2.0
Выполнение объема срочных, но не важных работ	23.0	15.0
Степень бюрократизации управленческих решений	17.0	22.0
Уровень реализации способности работников на предприятии	48.0	4.0
Возможность открытого самовыражения на предприятии	58.0	21.0
Работа в атмосфере «выиграл – проиграл»	43.0	9.0

Окончание табл. 1

Ключевая информация о степени доступа работников к обеспечению функциональной деятельности предприятий	Оценка степени доступности, %	
	Работники европейских предприятий	Работники российских предприятий
Встреча с руководителем для совместной оценки трудовых достижений	48.0	11.0
Систематичность отчётности о личных результатах работы	50.0	15.0
Препятствия для эффективной работы:		
– огромная нагрузка;	31.0	42.0
– нехватка ресурсов;	30.0	67.0
– изменяющиеся приоритеты в работе	27.0	65.0
Уровень профессионального сотрудничества	28.0	12.0
Наличие чётких показателей оценки труда	35.0	7.0

Примечания. Самооценки доступности информации по обеспечению функциональной деятельности европейских предприятий приведены по: Гончаров В.В. В поисках совершенства управления: руководство для высшего управленческого персонала. В 2-х томах. Т. 2. М.: МНИИПУ, 1998. 784 с. Аналогичные данные приведены по 19 российским предприятиям (N = 1270). Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований РАН по теме: «Разработка процессов формирования целей стратегического развития регионов». № г.р. = 01200101805.

Таблица 2

Состав показателей, характеризующих включённость работников в социально-экономическое развитие предприятий, %

Состав показателей, характеризующих включённость работников в социально-экономическое развитие предприятий	Состав работников промышленных предприятий		
	Рабочие основного и вспомогательного производства	Инженерно-технические работники	Руководители Структурных подразделений
Ясность целей: все ли работники сфокусированы на целях социально-экономического развития?	8.0	11.0	32.0
Имеют ли рабочие группы чёткие измеримые цели?	11.0	27.0	41.0
Составляют ли рабочие группы планы по достижению целей развития предприятий?	2.0	23.0	38.0
Степень взаимодействия работников при реализации планов работы	19.0	17.0	37.0
Доверие внутри рабочих групп при выполнении производственных заданий	15.0	36.0	52.0
Уровень ответственности работников при выполнении плановых заданий	14.0	36.0	51.0
Имеет ли место взаимная подотчётность при выполнении плановых заданий	2.0	10.0	58.0
Увязаны ли цели работы со сроками их достижения?	12.0	78.0	92.0
Насколько мотивированы работники для достижения поставленных целей?	8.0	42.0	60.0
Проявляют ли работники инициативу при выполнении работ?	24.0	20.0	48.0
Развито ли сотрудничество между различными категориями работников?	7.0	52.0	74.0
Привержены ли работники общим целям развития предприятий?	2.0	11.0	41.0

Окончание табл. 2

Состав показателей, характеризующих включённость работников в социально-экономическое развитие предприятий	Состав работников промышленных предприятий		
	Рабочие основного и вспомогательного производства	Инженерно-технические работники	Руководители Структурных подразделений
Соблюдает ли «предприятие» обязательства по стимулированию труда работников	10.0	34.0	88.0
Развитость культуры взаимодействия различных профессионально-квалификационных групп работников	4.0	22.0	55.0
Уровень ответственного поведения работников при выполнении плановых работ	47.0	52.0	74.0

Примечание. Опрос проведён на 19 промышленных предприятиях полного технологического цикла: руководители различных уровней управления – 105 чел.; ИТР – 270 чел.; рабочие основного и вспомогательного производства – 401 чел. (2015-2020 гг.).

Результаты и обсуждение

Состав показателей, характеризующих включённость работников в социально-экономическое развитие предприятий, составлен по принципу профессиональных бесед по интересующим вопросам, так как традиционные интервью и анкетирование позволяют получить менее 60% ответов на поставленные вопросы. В беседах в большей мере проявляет себя феномен доверительности. Полученные в результате исследования эмпирические данные о доступности работникам информации по обеспечению функциональной деятельности предприятий и включённости персонала в социально-экономическое развитие позволили определить характер взаимоотношений в процессе коллективной деятельности: взаимного доверия – 22.0%; делового сотрудничества – 35.0%; жёсткого единоначалия – 7.5%; неоднозначные – 15.5%; конфликтные – 21.0%; зависящие от сложившейся ситуации – 34.0%; противодействия – 8.0%. В своих оценках респонденты отмечали показатели взаимоотношений, характеризующие различную степень напряженности в коллективе предприятия – 78.5%.

Причинами напряженности во взаимоотношениях между различными профессионально-квалификационным и статусными группами работников в различные периоды времени становились: неумение некоторых руководителей найти профессиональный контакт с работниками – 18.5%; отсутствие желания контактировать с работниками – 10.5%; нежелание руководителей идти на соглашение/компромисс с работниками при решении производственно-экономических и социальных задач развития предприятий – 6.5%; общая кризисная ситуация на предприятиях – 33.5%; отсутствие необходимых профессиональных компетенций – 44.5%; превалирование в работе личных интересов над интересами коллективными – 52.0%.

Представленные эмпирические данные об информационном обеспечении деятельности коллектива предприятий и причинах напряженности во взаимоотношениях различных категорий персонала стали основанием для исследования структуры профессиональных и межпрофессиональных отношений при разработке стратегических принципов работы предприятий: участие в подборе и расстановке кадров – 68.0%; распределение функций в проведении технико-технологических и организационно-экономических работ – 55.0%; участие в вопросах стратегического планирования и управления предприятиями – 7.0%; совместная выработка целей и задач краткосрочного планирования работ – 12.0%; маркетинговая деятельность – 2.0%; распределение доходов предприятия – 0.8%; инновационная деятельность – 9.0%; создание информационных и цифровых технологий развития профессиональной деятельности работников – 5.0%; деконфликтизация трудовых процессов – 1.7%.

Хотя С. Мерсье полагал, что руководители формируют дух и ценности предприятия, их действия определяют желательное поведение работников [16], всё же структура и характер отношений между различными профессиональными группами работников не всегда зависят от деятельности руководящего звена предприятий, а во многом, становятся атрибутом формирования мировоззрения индивидов, характеризуемого познавательными, эмоциональными, бытовыми, социально-политическими, организационно-правовыми и социокультурными установками в ценностной ориентированности человека.

Ценности, по М. Веберу, определяют форму человеческого мышления, способ умозаключений и контуры поведения [2]. В.А. Ядов, развивая взгляд на теорию ценностного поведения человека, обосновал взаимосвязь восприятия той или иной ценности с установкой личности на материальное, духовно-нравственное и социокультурное развитие [11].

Ряд исследователей определяли ценностные ориентации работников как динамическую систему, воздействующую на сложившиеся социально-трудовые отношения и принятие управленческих решений [12], как системообразующий фактор формирования структуры личности, определяющий её содержательную направленность и поведение [1]. Кроме того, правомерно утверждать, что в личной ценности формируется представление о должном, задающее направление жизнедеятельности человека на образование, профессиональную подготовку, сферу приложения труда и участия в общественном развитии. Совершенно прав У. Оучи, который подчёркивал, что ценностные ориентации работников влияют на производственно-экономическую, научно-техническую и социальную деятельность предприятий [19].

На ранних стадиях формирования ценностных ориентаций, связанных с получением знаний, умений и навыков и предполагающих занятость в конкретной сфере предложения труда, необходимо отметить следующее: человек отдаёт предпочтение получению хорошего образования 87.4%; целью получения образования и профессии является желание «много работать» – 82.6%; для того, чтобы добиться профессионального признания, необходимо иметь знакомства и связи – 71.4%; достичь материального благополучия возможно только при стечении обстоятельств – 65.2%; качество и уровень жизни обеспечивает происхождение из обеспеченной семьи – 50.6%. Респонденты (N = 345), представляющие четыре крупных промышленных предприятия, отмечали, что главным средством достижения жизненных целей и ориентиров является получение высшего образования. Однако, ценностные ориентации, зависящие от своего образовательного статуса, самые различные: чтобы стать высококвалифицированным специалистом – 96.0%; чтобы сделать карьеру – 91.5%; чтобы получить интересную работу – 89.4%; для самосовершенствования – 84.8%; чтобы получить диплом – 33.0%; чтобы завести ценные знакомства – 22.6%; просто интересно – 59.6% [5, с. 56].

В представленных ценностных ориентациях работников преобладает позиция обывателя: получить образование и специальность, работать, обеспечить семью. Связь ценностных ориентаций с решением общественно значимых задач на предприятиях не просматривается. Во многом такое положение является следствием того, что более 70% людей намереваются получить образование и специальность безотносительно к полезности для их работы в конкретной сфере предложения труда. Из них более половины не проявляет интереса и не демонстрирует желания включения в процессы преобразования производственно-экономической и социальной деятельности предприятий. Около 15% работников занимают выжидательную позицию в реализации своих профессиональных знаний, навыков и умений на предприятии. В последующие периоды работы на предприятии у большинства работников ценностные ориентации приобретают другую направленность: позиционировать себя в конкурентной среде как профессионал – 78.5%; создать свое дело – 52.0%; быть независимым от произвола работодателей – 34.0%; получить смежное (второе) образование, позволяющее усилить свою профессиональную позицию и обеспечить карьерный рост – 27.0%; активнее отстаивать свои профессиональные интересы на предприятии – 8.0%.

В этих ценностных ориентациях работников преобладает эго-позиция, только косвенно совпадающая с интересами функционирования предприятия. Эго-составляющая ценностных ориентиров включает в себя восприятие собственных черт, диспозиций, мотивов, потребностей и способностей и отвечает на вопрос: «Какой я?» Слишком большое внимание, уделяемое работником своему «я», является признаком того, что даже по истечении срока работы на предприятии в 5-7 лет он не достиг успеха в реализации своих жизненных целей. Происходит переход от одних к другим по направленности ценностным ориентациям, но опять же без учета интересов коллектива предприятия. Л.П. Гримак в этой связи подчёркивал, что процесс формирования «я» работника должен быть связан не только с формированием и развитием сознания, но и осознанием окружающей действительности [3]. Принимая во внимание то обстоятельство, что индивидуальные ценностные ориентации не всегда и не везде совпадают с коллективными, видимо, возникает объективная необходимость формирования механизма воздействия на процессы соответствия ценностных ориентаций целям и задачам функционирования предприятий.

В этой связи востребованным становится механизм управления ценностными ориентациями. Результатами управления ценностными ориентациями становятся: конкретная направленность личности, развитие аналитических способностей, формирование стратегического мышления, коммуникативная приверженность, адаптивность к изменениям профессиональной среды и условий деятельности работника. Этому во многом способствует применение ценностно-ориентированной модели управления персоналом предприятий. Совершенно прав К. Легге, делающей упор на интеграцию политики управления предприятием и социально-трудовыми отношениями, вбирающими в себя множество компетенций и ценностных ориентаций [15]. В этих условиях результатом может стать расширение спектра ценностных ориентаций, направленных на решение общественно значимых задач предприятия, рост профессиональных навыков и умений работников и коллектива в целом, способность к самооценке работника в составе коллективной деятельности на предприятии.

При обращении к личностному фактору стратегии развития предприятия, видимо, необходимо более детально анализировать степень влияния социально-психологического климата на её результативность. Механизм проявления социально-психологического климата осуществляется через общественные настроения работников, которые могут быть оптимистическими и пессимистическими, созерцательными и познавательными, целеустремленными и безразличными, предметно-деятельными и аналитичными. Состояние социально-психологического климата коллектива предприятия является определяющим в:

- выборе способа осуществления совместной деятельности (индивидуального, группового, локального, контактного, глобального);
- установлении потенциальных возможностей модернизации всех видов деятельности на предприятии;
- признании и стимулировании результатов деятельности различных профессионально-квалификационных групп работников;
- установлении возможностей самореализации работников в производственной деятельности предприятия, то есть наиболее полном использовании профессиональных способностей, компетенций, дарований;
- определении факторов социально-психологической напряженности работников в процессе производственной деятельности;
- определенности и направленности управленческих решений на результаты деятельности коллектива предприятия;
- установлении фактов девиантного поведения работников.

Признаками социально-психологического климата выступают: общая профессиональная деятельность; соответствие деятельности социально-значимым целям; опосредование межличностных отношений целями, ценностями и содержанием совместного труда; сознательное, устойчивое единство и сплоченность; наличие определенной организационной формы объединения работников; согласованность и учет основных интересов всех членов трудового коллектива; устойчивость и гармоничность отношений, основанные на взаимной контактности и ответственности, самоуправляемости, а также признании не только социально-значимых приоритетов, но и индивидуальных потребностей каждого члена коллектива; организационная культура предприятия.

В процессе формирования социально-психологического климата реализуется перцептивная функция общения работников, которая объясняет восприятие и понимание другого человека и самого себя, установление на этой основе взаимопонимания и взаимодействия. В качестве механизмов социальной перцепции выделяют: идентификацию, рефлекссию и эмпатию. Идентификация обозначает отождествление, уподобление себя другим. Идентифицировать себя с другим работником означает: во-первых, объединение себя с ним на основе установившейся эмоциональной связи и включение в собственный мир принятых его норм и ценностей; во-вторых, это представление, видение работником своего партнера как продолжения самого себя (проекции), наделение его своими особенностями – чертами, чувствами, желаниями; в-третьих, постановка себя на место партнера, что проявляется в виде погружения, перенесения себя в поле, пространство, обстоятельства партнера и приводит к усвоению его личностных позиций в производственной деятельности.

Рациональное осмысливание ситуации партнера усиливается эмоциональным переживанием, то есть эмпатией (вчувствованием, сопереживанием). Эмпатия позволяет принять во внимание линию поведения другого работника. На основе эмоциональной оценки работника формируется отношение к нему: симпатия – положительный образ другого, антипатия – отрицательный. Эмпатия может проявляться в формах: сопереживание – переживание тех же эмоциональных состояний, что и другой работник через отождествление с ним; сочувствие – переживание собственных эмоциональных состояний по поводу чувств другого работника. Феномен и структурные характеристики социально-психологического климата представляется сложным и многофункциональным явлением, предполагающим деятельное опосредование межличностных отношений в процессе деятельности на предприятии и личностное опосредование функционально-ролевых отношений по поводу организации и управления предприятием.

Напомним, что более 150 лет назад Н.Д. Ножин отмечал, что сходные по своим интересам личности не борются друг с другом за существование, но стремятся, напротив, сливаться друг с другом, так сказать, связывать воедино свои однородные силы, свои интересы, развивая отношения сотрудничества [4]. Данное положение является предупреждающим разработчиков стратегии развития предприятий, потому что появление таких стереотипов поведения как «нежелание», «отвлечённый взгляд», «социальная напряженность», «доверие и не доверие» всегда препятствует созидательной деятельности коллектива, из-за противоречий собственным интересам.

В контексте представленных эмпирических оценок остается совершенно неизученной проблема абсорбции энергии внешней среды функционирования предприятий на их внутрипроизводственную деятельность и формирование доверия в системе социально-трудовых отношений. Совершенно не случайно, по самооценкам работников, только 42.3% из них непосредственно включены в состав социально-трудовых отношений, 39.4% совершенно безразличны и высказывают недоверие к возможностям эффективной работы предприятия, 17.9% абстрагированы от социально-трудовых отношений и не проявляют интереса к ним. Причина подобных оценок, видимо, не только в аморфности социально-трудовых отношений, отчужденности высшего руководящего звена предприятия от «нужд» коллективов, связанных с качеством и уровнем жизни, но и в состоянии жизненных и нравственных позиций в коллективе, культуре поведения, в активной жизненной позиции, которые самооцениваются соответственно в 2-3 балла из пяти возможных.

В этой связи можно утверждать, что предметная направленность социально-трудовых отношений на развитие доверия в коллективах предприятий определяет:

- реальные жизненные и производственные условия, которые обуславливают устойчивость или динамику доминирующих мотивов поведения;
- структуру и направленность жизненной позиции личности, ее мировоззрение, ценностные ориентации и установки, обуславливающие предрасположенность в выборе определенных способов и методов поведения, достижения тех или иных актуальных жизненных и трудовых целей, а также в выборе средств и условий их достижения;
- «базисные» характеристики личности, зависящие от временных фаз и состояния их жизненного трудового и семейного циклов, на каждом из которых формируются и преобладают цели и задачи, связанные с необходимостью реализации конкретных общественно и лично значимых функций, соответствующих той или иной стадии социальной зрелости;
- многообразные социальные институты и организации, регулирующие и определяющие основные параметры жизненного и трудового пути личности на всех стадиях, формирующих и влияющих на процесс становления реализации и выбора ею тех или иных образцов поведения;
- интеллектуальный потенциал, функциональные способности и энергетические возможности личности, определяющие вектор ее притязаний и достижений, реальное социальное партнерство, а также «поле» ее активности в сфере труда и общественной жизни;
- качественные характеристики производственно-экономических, материально-технических и организационно-нормативных условий труда, побуждающих личность определять наиболее целесообразные формы и способы активизации и реализации своих профессиональных способностей;
- ситуативные обстоятельства, складывающиеся в пространственно-временных пределах и границах конкретной социально-производственной среды и системы общения, которые детерминируют и определяют актуальные мотивы и мотивацию личности и, соответственно, модальные реальные формы поведения.

Заключение

Влияние доверия в коллективе предприятий на результаты работы во многом зависит от социокультурного контекста, преобладающего во взаимоотношениях между руководителями и наемными работниками. Объясняется это положение тем, что феномен культуры на предприятии должен рассматриваться в своей целостности как сложная организационная система, не только зависимая, но и целенаправленная в конкретных производственных условиях. Социокультурная составляющая отношений доверия в коллективе предприятия имеет свою предметность, реализуемую через личностные качества работников, состояние производственно-технической среды и социальной организации коллектива.

Рассмотрение феномена доверия в системе социально-трудовых отношений позволило сделать вывод о том, что в каждой производственно-социальной и экономической среде доверие нуждается в организационном начале, так как организация есть определенное бытие различного вида общественных отношений, включая социально-трудовые отношения, «плод» деятельности людей, направленной на укрепление общества, с помощью стабильных прочных структур, независимых от каждого отдельного человека и предлагаемых ему обществом как некая объективная реальность, которую он волен принять, согласовывая с ней свое поведение [13].

Личностный фактор в стратегии развития предприятий является определяющим в уровне профессионализации работников – 26.0%; росте профессиональных и межпрофессиональных коммуникаций – 21.0%; объективизации управленческих решений – 19.0%; развитии инициативы и предприимчивости работников – 19.0%; повышении уровня ответственности за результаты своего труда – 17.5%; деконфликтизации в системе «работодатель – наемный работник» – 15.0%; преодолении девиаций в процессе труда – 11.0%. Личностные установки в деятельности предприятий становятся основой «коллективного тела», в котором формируется стратегия развития, ориентированная на достижение поставленных целей и результатов.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система. М.: Институт психологии РАН, 1998.
2. Вебер М. Основные социологические понятия. М.: Директ-медиа, 2014. 52 с.
3. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики: введение в психологию активности. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
4. Ножин Н.Д. Наша наука и учение // Книжный вестник. 1866. № 7. С. 473.
5. Потёмкин В.К. Самоактуализация профессиональной деятельности работников предприятий. СПб.: Инфо-да, 2018.
6. Потёмкин В.К. Социальный механизм преобразования российского общества / Институт социально-экономических проблем РАН. СПб., 1997. 294 с.
7. Потёмкин В.К. Экономическое развитие предприятий и социальные практики управления персоналом // Экономика и управление. 2019. № 3 (161). С. 47-53.
8. Потёмкин В.К., Вельмисова Д.В. Конфликтология. СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2021. 375 с.
9. Потёмкин В.К. Способности и роли личности в профессиональной деятельности. СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2019. 160 с.
10. Потёмкин В.К., Балкизов М.Х. Социальное партнёрство в экономической системе рыночного типа. Нальчик, Эльбрус, 1993. 264 с.
11. Ядов В.А. Диспозиционная концепция личности. Социальная психология. Л.: 1979.
12. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбасвузиздат, 2000.
13. Dzikowski R. The measurement and management of intellectual capital: An introduction // Management Accounting. 2017. Vol. 78 (2). P. 32-36.
14. Guest D.E. Human Resource Management: trade unions and industrial relations / In J. Store (ed.) Human Resource Management; A critical text. Routledge, London, 1995.
15. Legge K. The morality of HRM // C. Mabey, D. Skinner and T. Clark (eds.). Experiencing Human Resource Management, Sage, L., 1998.
16. Mercier S. L'ethique dans les entreprises. P.: De'couverte, 1999.
17. Miller L., Rankin N. Competency Frameworks in UK Organizations. CIPD, London, 2001.
18. Mintzberg H. Crafting Strategy // Harvard Business Review. 1987. July - August. P. 66-74.
19. Ouchi W.G. Theory Z. How American Business can Meet the Japanese Challenge. Reading, Addison, Wesley. 1981.
20. Peters T., Waterman R. In Search of Excellence, Harper&Row, New York, 1982.

Сметанина Т.В.

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНОМ МОНИТОРИНГЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

***Аннотация.** Экспертные оценки играют одну из ведущих ролей в социальном исследовании. Одной из сторон экспертных оценок является роль индивида в этом процессе. Мнение специалиста или заинтересованного лица в результате исследования становится одним из главных. Процесс управления многообразен. Он включает в себя и планирование, и мотивацию, и координацию, и принятие решений, и прогнозирование, и контроль. Все эти функции невозможно оценить без специалиста, знающего специфику деятельности социально-экономической системы. Социальный мониторинг в данном случае расширяет оценку эффективности управления социально-экономической системой. Социология даёт возможность более глубоко оценить происходящий внутри социально-экономической системы процесс. В этом заключается актуальность исследования представленной проблемы. Прикладной характер экспертных оценок в социальном мониторинге представлен в виде реализации программы проведения этого исследования. Результаты применения программы позволяют оценить значимость использования междисциплинарных методов исследования в изучении процессов эффективности управления системами.*

***Ключевые слова.** Стейкхолдеры, индивиды, социально-экономические системы, функции, власть, уровень, влияние, социальная ответственность, программа, матрица, стандарт.*

Smetanina T.V.

EXPERT ASSESSMENTS AND THEIR ROLE IN SOCIAL MONITORING OF THE EFFICIENCY OF THE MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

***Abstract.** Expert assessments play one of the leading roles in social research. One of the sides of expert assessments is the role of the individual in this process. The opinion of a specialist or an interested person as a result of the study becomes one of the main ones. The management process is diverse. It includes planning, motivation, coordination, decision making, forecasting, and control. All these functions cannot be assessed without a specialist who knows the specifics of the socio-economic system. Social monitoring in this case expands the assessment of the effectiveness of managing the socio-economic system. Sociology makes it possible to assess the process taking place more deeply within the socio-economic system. This is the relevance of the study of the presented problem. The applied nature of expert assessments in social monitoring is presented in the form of the implementation of the program for conducting this study. The results of the application of the program allow us to evaluate the significance of using interdisciplinary research methods in studying the processes of system management efficiency.*

***Keywords.** Stakeholders, individuals, socio-economic systems, functions, power, level, influence, social responsibility, program, matrix, standard.*

ГРНТИ 04.21.00

EDN MVUZHB

© Сметанина Т.В., 2022

Татьяна Владимировна Сметанина – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Контактные данные для связи с автором: 198516, г. Санкт-Петербург, Петергоф, бул. Разведчика, 14/1 (Russia, St. Petersburg, Razvedchika str., 14/1). Тел.: 8 (921) 964-41-24. E-mail: smetdipdok@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022.

Введение

Социальный мониторинг занимается выверкой результатов, которые прогнозируются при формулировке гипотезы. Использование экспертных оценок при проведении социального мониторинга является актуальным. В экспертных оценках принимают участие специалисты в области изучаемого социального явления или заинтересованные лица.

Эмиль Дюргейм [1] говорил о том, что социология должна быть самостоятельной наукой. Общество – самостоятельная реальность. Эмиль Дюргейм занимался функцией разделения труда, определял соответствие между результатом и действием. Определял разницу между ролью и функцией. Принимая решение, мы думаем, что сами принимаем решение. Но это не так. Принимая решение, мы опосредованно зависим от его результата. Изучение социологического явления в области деятельности социально-экономических систем не ново. По словам Георга Зиммеля [2], индивиды частично обобществлены, а часть индивидов не обобществлены с обществом. Мы не понимаем, что часть общества составляют обобщественность, а часть – нет. Процесс эффективности управления ставит вопрос вовлеченности индивидов в данное явление.

Макс Вебер [3] в своих исследованиях подчеркивал, что собственным предметом социологии является смысл социального действия. То есть изучение того, как себя ведут люди. Но это не всегда так. Если вы в действие не вносите смысл – то тогда вы не действуете. Социальное действие – действие под влиянием кого-либо. Опрос – метод социологического исследования – распространенная форма. Но полагать, что мы в результате получим социологию, это не знать ничего о том, что является социальным. Карл Полаanyi [4] подчеркивал, что экономика не является доминирующей структурой. По этой причине можно по своей сути исходить из определения экономических последствий при реализации управленческих решений.

Франк Х. Найт [5] писал о значимости распределения ресурсов в обществе. Что это является основным социальным фактором, определяющим жизнеспособность систем в обществе. Его убеждения являются актуальными и сейчас. Как раз в своих работах об эффективности функционирования он уделил внимание следующим функциям: установлению стандартов (без них эффективная деятельность организации невозможна), организации производства, распределению, поддержанию экономического порядка и прогресса. Во взаимосвязи все они предопределяют эффективность функционирования социально-экономических систем.

Материалы и методы

В своем исследовании мы занимаемся разработкой программы мониторинга деятельности социально-экономических систем. Этот мониторинг возможен лишь при условии вовлеченности в этот процесс установленных правил, по которым функционирует социально-экономическая система. Применение мониторинга позволяет расширить понимание происходящих внутри социально-экономических систем явлений.

Чтобы разобраться во всем многообразии социального поведения, необходимо использовать различные методы. Одним из методов являются экспертные оценки. В этом методе экспертами выступают индивиды, обладающие определенными квалификационными требованиями. Есть случаи использования в оценке и мнения заинтересованных лиц. В обоих случаях эти люди могут выработать вопросы для проведения экспертного исследования, определиться с целевой аудиторией, на которую будет оно нацелено. Эксперты способны оценить принадлежность индивидов и социальной общности к этой аудитории, сделать соответствующие выводы по результатам исследования, определить обобщественность.

Неопределенность факторов среды, в которой существует социально-экономическая система, можно тоже оценить только с помощью экспертных оценок. Степень неопределенности – относительное понятие. Так как социальное пространство является многомерным, установить многообразие факторов, воздействующих на его функционирование, очень сложно. Они многогранны. В результате их неопределенность оправдана. Любая управленческая деятельность осуществляется в опоре на неопределенность.

Основные результаты

Управленческая деятельность определяет поведение социально-экономической системы на всех этапах развития. Она включает в себя функции планирования, прогнозирования, мотивации, контроля, координации и принятия решений. В функции планирования управленческая деятельность реализуется через концепцию устойчивого развития [6] в том числе. Социально-экономические системы добиваются

устойчивого развития, что предусмотрено Программой устойчивого развития на период до 2030 года (SDG) [7]. Программа предполагает развитие социально-экономических систем как на глобальном уровне, так и на уровне самих организаций. Она утверждает «зелёную» повестку. Кроме того, развитие такой Программы ставит перед социально-экономическими системами задачу, связанную с публичным представлением своей отчетности. Цель данного публичного представления – показать стейкхолдерам системы, насколько она устойчива в своём развитии.

В этой связи оцениваются узкие места в деятельности социально-экономических систем на всех уровнях развития. Даже при определении списка стейкхолдеров необходимо прибегнуть к экспертам. В работе Никифоровой С.В. [8] были сформулированы основные направления, в разрезе которых происходит формирование групп стейкхолдеров. Это направление, связанное с юридическими обязательствами социально-экономической системы; влиянием как положительным, так и отрицательным на другие объекты, круг стейкхолдеров, которые могут оказать помощь системе, стейкхолдеры, включенные в принятие решений социально-экономической системы, а также определяющие уровень риска, при принятии и реализации решений.

При этом реализация потребностей социально-экономической системы со стороны стейкхолдеров, с достижением её устойчивого развития, предопределяет пошаговость их взаимодействия, оцененную экспертами. В данном случае экспертами являются менеджеры социально-экономической системы, отвечающие за реализацию конкретных функций, а также за социальную ответственность системы, рабочие группы из представителей подразделений, руководство и внешние консультанты. При этом применяются матричные методы анализа, сочетающие в себе соотношение между значимыми факторами: соотношение уровня интереса и уровня власти. На рисунке представлена матрица стейкхолдеров.

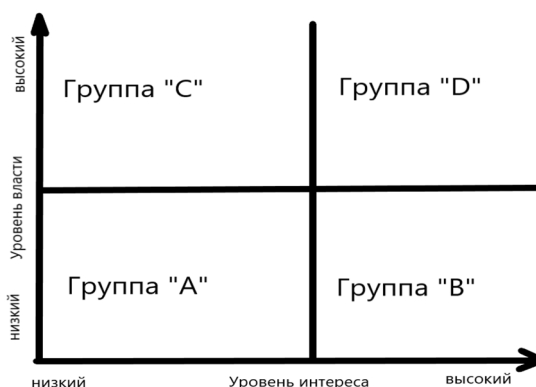

Рис. Матрица стейкхолдеров

Группа «А» представляет собой сосредоточение стейкхолдеров с низким уровнем интересов и низким уровнем власти. В противовес ей группа «В» представляет собой стейкхолдеров с высоким уровнем интереса к социально-экономической системе и высоким уровнем власти, оказывающим влияние на положение системы.

Положение социально-экономической системы характеризуется многофакторным воздействием со стороны внешней среды организации. Эти факторы могут непосредственно воздействовать на положение социально-экономической системы. Их воздействие опосредовано. Степень влияния данных факторов можно определить с помощью оценки экспертов. Лишь специалисты в области той или иной группы факторов способны определить последствия их влияния на социально-экономическую систему. Большую роль в этой ситуации играет политика [9]. Часто она определяет последующее влияние на систему экономических, социальных, технологических и экологических групп факторов. Политические факторы и их влияние подпадает также в зону оценки экспертов.

Социально-экономическая система характеризуется элементами, входящими в её состав. Индивиды составляют основу её существования. Реакция индивидов на происходящие события, как во внешней, непосредственной среде, так и во внутренней среде организации требует проведения социального мониторинга.

Матричные методы наиболее часто используются в разработках стратегий развития социально-экономических систем. Они отработаны. В части принятия решений – это SMART-метод, в части оценки внешней среды и влияния на социально-экономическую систему – это PESTE-анализ, в части соотношения между факторами внешней и внутренней среды – SWOT-анализ. Все они представляют сочетание факторов с определенными характеристиками проявления их действий на уровне систем. При этом сочетание степени проявления характеристик и конкретной группы факторов позволяет определиться с вариантами принятия решений в той или иной ситуации для рассматриваемой социально-экономической системы. Степень проявления характеристик оценивается балльно-рейтинговыми системами, которые становятся обязательными правилами, определяющими проведение экспертного исследования.

Корпоративная социальная ответственность (КСО), лежащая в основе реализации управленческой деятельности социально-экономических систем, предполагает также проведение социального мониторинга с использованием экспертных оценок. КСО стандартизирована, как в России, так и за рубежом. На территории РФ действует ГОСТ Р ИСО 26000 – 2012 «Руководство по социальной ответственности». На международном уровне реализуется ИСО 26000:2010. Отличие заключается в отношении к КСО. Это и уровень финансирования, это и реализация КСО во время кризиса, а также мотивация к выстраиванию КСО в социально-экономических системах. Без финансирования идей КСО её реализация на уровне управления системами невозможна.

В период развития цифровизации общества еще одним направлением использования экспертных оценок является оценка информационной безопасности (ИБ) [10]. Для оценки ИБ необходимо разработать структуру экспертной системы. Она включает в себя техническое обеспечение, информационное обеспечение, правовое обеспечение, математическое обеспечение, программное обеспечение, организационное обеспечение. Привлекая экспертов для оценки этих составляющих, можно сформулировать уровень риск-менеджмента управления социально-экономической системой. Данный этап оценки системы предполагает длительность эффективности управления ею. Социологические исследования позволяют оценить поведение социально-экономических систем в условиях неопределённости [11].

Рассмотрим вариант реализации экспертных оценок при проведении социального мониторинга социально-экономической системы, определяющего уровень эффективности управления ею. Программа мониторинга будет состоять из следующих этапов:

1. Определение стейкхолдеров системы. Выявление среди них наиболее значимых и влиятельных в отношении деятельности социально-экономической системы.
2. Определение уровня корпоративной ответственности внутри системы, предопределяющего результат реализации мониторинга.
3. Определение информационной безопасности системы, позволяющей предопределить длительность реализации программы мониторинга.

При определении уровня интереса к управленческой деятельности социально-экономической системы и уровня власти над ней в процессе её осуществления установим следующие балльные зависимости: высокий уровень интереса или высокий уровень власти – 3 балла; средний уровень интереса или средний уровень власти – 2 балла; низкий уровень интереса или низкий уровень власти – 1 балл. Проведем оценку с использованием этого подхода (см. таблицы 1-3).

Таблица 1

**Первый этап реализации социального мониторинга.
Определение стейкхолдеров социально-экономической системы**

Стейкхолдеры	Уровень интереса	Уровень власти
Клиенты (оказывают непосредственное влияние на деятельность социально-экономической системы)		
Физические лица (формирующие спрос на продукцию, услуги) чаще в рознице	Средний	Средний
Юридические лица (формирующие спрос на продукцию, услуги) чаще в опте	Высокий	Средний
Сотрудники (оказывают изнутри социально-экономической системы влияние на её деятельность)	Высокий	Высокий

Окончание табл. 1

Стейкхолдеры	Уровень интереса	Уровень власти
Общество (сообщества) (оказывают непосредственное влияние на деятельность социально-экономической системы)		
Экологические сообщества	Средний	Средний
Негосударственные общественные объединения	Средний	Средний
Акционеры и инвесторы		
Мажоритарные акционеры и инвесторы	Высокий	Высокий
Миноритарные акционеры и инвесторы	Высокий	Низкий
Органы государственной власти (в зависимости от участия в управлении организацией)		
Федеральный уровень	Высокий	Высокий
Региональный уровень	Высокий	Высокий
Муниципальные образования		
Муниципалитет	Средний	Средний
Эксперты		
Физические лица – специалисты в области управленческой деятельности	Высокий	Высокий
Итого баллов	35	26

Таблица 2

**Второй этап реализации социального мониторинга.
Определение уровня корпоративной ответственности внутри системы**

Стандарт ГОСТ Р ИСО 26000 – 2012	Реализация на уровне социально-экономической системы	
	Уровень интереса	Уровень власти
Принцип социальной ответственности		
Подотчётность	Высокий	Высокий
Прозрачность		
Этичное поведение	Средний	Низкий
Уважение интересов заинтересованных сторон	Средний	Средний
Соблюдение верховенства закона	Высокий	Высокий
Соблюдение международных норм поведения	Средний	Средний
Соблюдение прав человека	Высокий	Высокий
Признание социальной ответственности и взаимодействие со стейкхолдерами		
Признание социальной ответственности	Средний	Средний
Выявление заинтересованных сторон и взаимодействие с ними	Средний	Низкий
Основные направления реализации социальной ответственности		
Организационное управление	Средний	Средний
Права человека	Высокий	Высокий
Трудовые практики	Средний	Средний
Окружающая среда	Средний	Средний
Добросовестные деловые практики	Средний	Средний
Проблемы, связанные с потребителями	Высокий	Высокий
Участие в жизни сообществ и их развитие	Средний	Средний
Организация сквозной интеграции социальной ответственности внутри организации		
Отношение характеристик организации к социальной ответственности	Высокий	Высокий
Понимание социальной ответственности организации	Средний	Средний
Практики для интеграции социальной ответственности в организации	Средний	Высокий

Окончание табл. 2

Стандарт ГОСТ Р ИСО 26000 – 2012	Реализация на уровне социально-экономической системы	
	Уровень интереса	Уровень власти
Обмен информацией о социальной ответственности	Средний	Средний
Повышение доверия в организации к социальной ответственности	Высокий	Высокий
Добровольная инициатива в области социальной ответственности	Средний	Средний
Итого баллов	49	48

Таблица 3

**Третий этап реализации социального мониторинга.
Определение информационной безопасности системы**

Элементы структуры экспертной системы	Реализация на уровне социально-экономической системы	
	Уровень интереса	Уровень власти
Техническое обеспечение	Средний	Средний
Математическое обеспечение	Средний	Средний
Программное обеспечение	Высокий	Средний
Информационное обеспечение	Высокий	Высокий
Организационное обеспечение	Высокий	Высокий
Правовое обеспечение	Высокий	Высокий
Итого баллов	16	15

Анализирую данные таблицы 4, можно сделать вывод, что при разработке программы социального мониторинга социально-экономической системы необходимо в первую очередь определить влияние стейкхолдеров социально-экономической системы на её функционирование, далее проанализировать уровень корпоративной культуры внутри системы и только после этого определить значимые элементы экспертной системы, определяющие уровень её безопасности функционирования в информатизированном общественном пространстве. Такую программу можно использовать для мониторинга эффективности управления социально-экономическими системами как в целом, так и в разрезе экономики, организации, персонала, технологии. При этом, необходимо делать акцент на уровне влияния и уровне власти элементов на внутренние элементы системы (экономику, организацию, персонал и технологию).

Таблица 4

**Расчет парных сравнений реализации мониторинга эффективности
управления социально-экономической системы, балл**

Бланк парных сравнений				
	Требования потребителя системы с точки зрения эффективности управления ею (уровень интереса)	Требования потребителя системы с точки зрения эффективности управления ею (уровень власти)		
		1	2	3
1	Определение влияния стейкхолдеров системы	35		
2	Определение уровня корпоративной ответственности внутри системы	49	48	
3	Элементы структуры экспертной системы	16	15	15
Итого баллов		100	63	15
Ранг		1	2	3

Заключение

Участие социологии в исследованиях в советский период времени было в некоем другом виде [12]. Связано это было с особым отношением к собственности. Общество потребления изменило отношения и индивидов, и самой общности людей к социологии. Проблемы, с которыми столкнулось современное общество, можно определить как следствие действия теории потребления [13]. Основные выводы, к которым мы пришли в процессе исследования:

1. Значение социологии в исследовании эффективности управления социально-экономическими системами расширяет проводимую оценку рассматриваемого явления.

2. Эксперты и их роль в социальном мониторинге значительны. Мониторинг без специалистов в исследуемой области и заинтересованных лиц невозможен.

3. Стейкхолдеры и их значение в оценке положения социально-экономических систем определяется по их степени влияния на управление в рассматриваемой системе.

4. Программа деятельности и её значение для положения социально-экономических систем объединяет и определение заинтересованных лиц с последующей их классификацией, и корпоративную систему внутри социально-экономической системы, и безопасность в период цифровизации.

5. Неопределенность, риск-менеджмент и социальный мониторинг определяют состояние устойчивости социально-экономической системы.

6. Устойчивость социально-экономической системы и ее связь с концепцией устойчивого развития и «зеленой экономикой», подтвержденная социальным мониторингом в рамках экспертных оценок, дает возможность подтвердить междисциплинарность данного рода исследований.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Дюргейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
2. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семёнов В.А. Формальная социология Г. Зиммеля // Западная теоретическая социология. М.: Ольга, 1996.
3. Вебер М. Исследования по методологии наук. М.: ИНИОН, 1980.
4. Розинская Н.А., Латов Ю.В. Труды и дни Карла Поляни (1886-1964) // "Великая трансформация" Карла Поляни: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. С. 11-18.
5. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003. 360 с.
6. Krausmann F., Schandl H., Eisenmenger N., Giljum S., Jackson T. Material Flow Accounting: Measuring Global Material Use for Sustainable Development // Annual Review of Environment and Resources. 2017. № 42. P. 647-675.
7. Экономический, социальный и экологический анализ деятельности экономических субъектов. М.: КноРус, 2022. 184 с.
8. Никифорова Е.В. Элементы стейкхолдер-анализа экономических субъектов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 213-216.
9. Gourevitch P. The Role of Politics in Economic Development // Annual Review of Political Science. 2008. № 11 (1). P. 137-159.
10. Поздняк И.С., Киреева Н.В., Караулова О.А. Экспертные системы оценки информационной безопасности. Самара: ПГУТИ, 2019. 23 с.
11. Comfort L.K. Risk, security, and disaster management // Annual Review of Political Science. 2005. № 8 (1). P. 335-356.
12. Greenfeld L. Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union // Annual Review of Sociology. 1988. № 14 (1). P. 99-123.
13. Smil V. Energy in the Twentieth Century: Resources, Conversions, Costs, Uses, and Consequences // Annual Review of Energy and the Environment. 2000. № 25 (1). P. 21-51.

Авдеева Э.А.

ТЕКУЩИЙ СТАТУС И ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Аннотация. В статье обосновывается необходимость постоянного пересмотра прогнозов в нефтегазовой отрасли, а также поиска новых способов оперативного принятия управленческих решений по преобразованию топливно-энергетических балансов (ТЭБ) в зависимости от внешних и внутренних факторов. Ключевым фактором в современных динамичных условиях становится трансформация основных потоков и процессов с целью выработки наиболее эффективного подхода на национальном уровне. В этой связи, в данной статье рассматривается влияние геополитических факторов на ТЭБ стран, а также их преобразование с целью формирования наиболее энергоэффективного подхода с минимальными затратами. В качестве основного подхода к исследованию данной проблемы был выбран системный и сравнительный анализ, были рассмотрены различные подходы к управлению развитием топливно-энергетических комплексов стран по каждому из направлений (нефтегазовый сектор, возобновляемые источники энергии, атомная энергетика и др.). В статье доказано, что значительную экономику страны находится в непосредственной зависимости от нефтегазового сектора, а рост экономики и вектор развития непосредственно связаны с инфраструктурной базой, степенью развитости технологий и объемом денежных средств. Материалы статьи имеют практическую ценность для развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК), для совершенствования систем его контроля, планирования и координации. Результаты статьи могут быть учтены компаниями ТЭК при разработке стратегий дальнейшего развития.

Ключевые слова. Топливо-энергетический комплекс, топливно-энергетический баланс, энергетический переход, энергоэффективность, международные нефтегазовые компании, стратегическое развитие.

Avdeeva E.A.

INTERNATIONAL ENERGY COMPLEX STATUS AND DEVELOPMENT TRENDS AT THE ENERGY TRANSITION PRESENT STAGE

Abstract. The article substantiates the need for constant revision of forecasts in the oil and gas industry, as well as the search for new ways to quickly make managerial decisions on the transformation of fuel and energy balances depending on external and internal factors. The key factor in today's dynamic environment is the transformation of the main flows and processes in order to develop the most effective approach at the national level. In this regard, this article discusses the influence of geopolitical factors on the fuel and energy balance of countries, as well as its transformation in order to form the most energy-efficient approach at minimal cost. As the main approach to the study of this problem, a systematic and comparative analysis was chosen, various approaches were considered for the countries fuel and energy complexes development in each of the areas,

ГРНТИ 06.51.21

EDN MHLBUR

© Авдеева Э.А., 2023

Элана Александровна Авдеева – соискатель кафедры международных проблем топливно-энергетического комплекса им. Н.П. Лаврова МГИМО МИД России (г. Москва).

Контактные данные для связи с автором: 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76 (Russia, Moscow, Vernadsky av., 76). Тел.: 8-916-691-56-86. E-mail: elavtraum@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023.

including the oil and gas sector, renewable energy sources, nuclear energy, etc. The article proves that often the country's economy is directly dependent on the oil and gas sector, and the growth of the economy and the vector of development is directly related to the infrastructure base, the degree of technology development and the amount of funds. The article materials are of practical value for the countries fuel and energy complex for improving the control, planning and coordination systems. The results of the article can be applied by the fuel and energy companies in the process of developing strategies for their further development.

Keywords. Fuel and energy complex, fuel and energy balance, energy transition, energy efficiency, international oil and gas companies, strategic development.

Введение

Восстановление мировой экономики после ситуации с пандемией коронавируса привело к нехватке энергии. В то же время, кризис в нефтегазовой сфере все более влияет на экономическую и финансовую сферу. Следовательно, с целью корректировки сложившейся негативной динамики развития отрасли и для выполнения ранее поставленных целей необходима корректировка моделей и стратегий на государственном и корпоративном уровнях. Данный процесс предполагает преобразование объемов инвестиций, интеграцию современных технологий, диверсификацию ресурсов, что непосредственно влияет на топливно-энергетического баланс (ТЭБ) страны и вектор развития компаний, осуществляющих деятельность в отрасли. На корпоративном уровне все чаще происходит привлечение и приобретение сервисных и технологических компаний, в то время как на уровне государства преобразуются модели развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК).

В январе 2022 г. общепризнанным основным трендом развития мирового и российского ТЭК был энергопереход, основные элементы которого отражены на рисунке. С технологической точки зрения энергопереход – глобальная трансформация энергосистем, состоящая из четырех элементов: энергоэффективности, декарбонизации, децентрализации и цифровизации, которые во многом дополняют и ускоряют друг друга. В дополнение к энергопереходу проявился новый тренд, из-за которого большинство стран стали перестраивать свои энергетические стратегии – деглобализация мировой экономики и разделение рынков ТЭК.

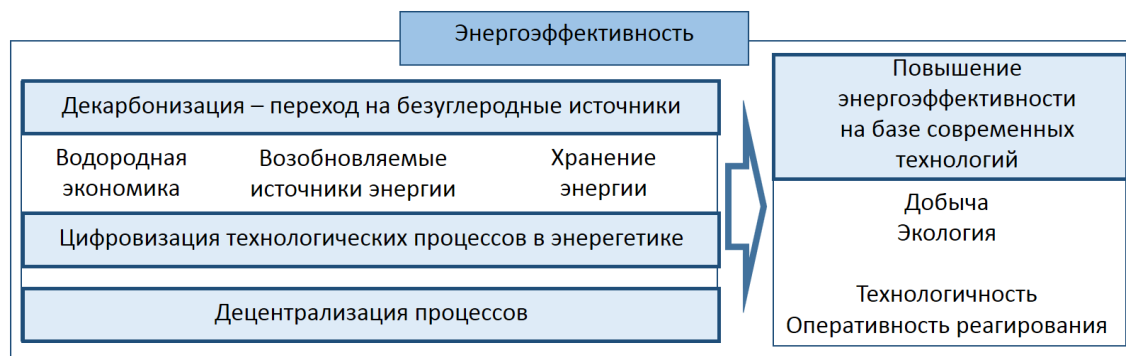

Рис. Основные технологические элементы энергоперехода (составлено автором)

Текущая геополитическая, технологическая, экологическая и экономическая ситуация способствуют ускорению процессов для получения максимальной эффективности от своевременного преобразования установленных моделей и перехода на новые как на локальном, так и на национальном уровне. Для достижения указанных задач требуется выявить тренды, а также определить динамику энергетического перехода на национальном уровне для создания ясной картины информационных потоков, процессуальных преобразований, финансовой составляющей, эффективного применения лучших практик для оптимизации издержек. Это становится возможным благодаря анализу опыта ТЭК других стран с учетом прогнозов развития отрасли, составленных международными агентствами.

В этой связи, анализ процессов преобразования ТЭБ стран в разрезе текущего состояния энергетического перехода на основе внешних вызовов становится достаточно актуальным. Целью данного исследования является анализ прогнозов развития ТЭК стран, а также преобразование прогнозов и ТЭБ стран на фоне современных вызовов (эпидемиологических и геополитических изменений).

Краткий анализ литературы

Достаточно большое число исследований, посвященных вопросам энергетического перехода, представлено в научной литературе, но современная ситуация отлична от той, что наблюдалась еще несколько лет назад, изменения способствуют глобальному преобразованию установленных ранее процессов. Ряд авторов изучали энергетический переход в условиях неопределенности исследуемого рынка [1, 2, 3, 4, 5]. Также в трудах российских авторов (Гулиев И.А., Малышков Г.Б., Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Салыгин В.И., Соловова Ю.В. и др.) уделяется внимание анализу перспективных направлений энергетического перехода и вопросам изменений в топливно-энергетических комплексах разных стран [6].

Преобразование нефтегазового рынка в постпандемический период изучались как зарубежными, так и отечественными учеными (Kumeka T.T., Uzoma-Nwosu D.C., David-Wayas M.O. [7], Liu W., Chen X. [8], Norouzi N. [9], Sheveleva A., Tyaglov S., Khaitey P. [10], Tyaglov S.G., Sheveleva A.V., Rodionova N.D., Guseva T.B. [11] и др.). Однако следует отметить, что в имеющихся трудах энергетический переход, а также преобразование ТЭБ рассматриваются исключительно с точки зрения одного или нескольких факторов, которые частично учитывают актуальные геополитические преобразования. Автором данной статьи выдвинуто предположение о том, что преобразование ТЭБ фактически отражает экономическое положение страны и вектор ее развития.

Автор провел изучение научной литературы по исследуемой проблеме, в результате чего дополнил сложившиеся взгляды и предложил авторское видение данного вопроса, ТЭБ страны рассматривался как способ определения стадии энергетического перехода и вектора развития экономики страны. Был применен системный подход, который позволил в комплексе рассмотреть ряд разноплановых элементов, которые до этого изучались отдельно. Так, было проведено исследование влияния геополитических преобразований 2022 года на ранее сформированную постпандемическую ситуацию.

Проведенный анализ влияния изменений на процессы планирования, логистики, координации, организации и контроля позволил выявить положительные качественные и количественные результаты, непосредственно влияющие на экономические показатели стран, а также их дальнейшее развитие. Путем обобщения и синтеза полученных результатов сделаны основные выводы, которые представлены в конце статьи.

Результаты исследования

В марте 2022 г. Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (IRENA) опубликовало дорожную карту достижения климатических целей «1,5°C», где изложены приоритетные области и действия, основанные на доступных технологиях, которые необходимо реализовать к 2030 г. для уменьшения климатических изменений. Документ получил название: «Перспективы перехода к мировой энергетике: путь к 1,5°C» [12]. Приоритетными направлениями развития ВИЭ выделены использование энергии ветра и солнца. Другим альтернативам, таким как водород, геотермальная энергия, биомасса и биогаз в прогнозе отведена нишевая роль. В активном развитии отказано и атомной энергетике, несмотря на то, что ядерная энергетика Европейским парламентом была занесена в так называемый список «таксономии», то есть включена в ту часть экономики, инвестиции в которую не вредят климату [13].

В «1,5°C» IRENA предполагает утроение производства электроэнергии в мире к 2050 г. с преобладанием ВИЭ (90%). Оставшиеся 10% будут покрываться с помощью природного газа (6%) и атомной энергетики (4%). Доля ветровой и солнечной энергетики достигнет 63%. При этом в докладе подчеркивается, что только «целостная глобальная политическая основа может объединить страны для организации справедливого перехода, который никого не оставит без внимания и укрепит международный поток финансов, потенциала и технологий» [12].

В марте 2022 г. опубликован доклад BP Energy Outlook 2022 [14], где фиксируется, что структура спроса в мире на энергию меняется, при этом значение ископаемых видов топлива постепенно снижается, уступая место растущей доле ВИЭ и возрастающей электрификации. В отчете появился новый сценарий, учитывающий происходящие изменения. Этот самый консервативный сценарий носит название «Новый импульс» (New Momentum); другие сценарии – это «Ускоренный» (Accelerated) и «Углеродная нейтральность» (Net zero).

Целью сценария «Новый импульс» является определение траектории, по которой в настоящее время развивается глобальная энергетическая система. В «Новом импульсе» выбросы CO₂ сократятся только на 20% к 2050 г. (по сравнению с 2019 г.). Этот масштаб декарбонизации значительно меньше предполагаемого, который был бы достигнут, если бы все глобальные обязательства и обещания были выполнены в полном объеме. И это значительно медленнее, чем темпы обезуглероживания, необходимые для достижения целей Парижского соглашения по климату.

В части потребления природного газа, отмечается широкий разброс вариантов развития. В сценарии «Новый импульс» спрос растёт до конца прогнозного периода, в двух других быстро сокращается после 2030 г. по причине всё большего переключения экономики на низкоуглеродные виды топлива. Использование природного газа поддерживается за счет увеличения спроса в странах с развивающейся экономикой, поскольку они продолжают индустриализацию и будут снижать свою зависимость от угля. Рост производства сжиженного природного газа (СПГ) играет центральную роль в расширении доступа развивающихся рынков к природному газу. Роль углеводородов постепенно снижается по мере перехода мира к низкоуглеродным источникам энергии. На ископаемые виды топлива в 2019 г. приходилось около 80% мирового предложения первичной энергии. В зависимости от сценария ВР эта доля снизится до 20–60% к 2050 г.

В отчете отмечается перспектива развития ВИЭ, главным образом солнечной и ветровой энергетики. Установленная мощность в этих секторах будет быстро расти во всех сценариях, а приведённая стоимость единицы энергии (LCOE) к 2030 г. снизится на 20–25% для ветроэнергетики и на 40–55% – для солнечной энергетики. Снижение роли ископаемых видов топлива компенсируется быстрым распространением ВИЭ (ветровая и солнечная энергия, биоэнергия и геотермальная энергия). Доля ВИЭ в мировом предложении первичной энергии увеличивается примерно с 10% до 35–65% к 2050 г. в соответствии с тремя сценариями. Возрастающее значение ВИЭ поддерживается продолжающейся электрификацией мировой энергосистемы. Доля электроэнергии в общем конечном потреблении энергии увеличивается примерно с 20% в 2019 г. до 30–50% к 2050 г. в трех сценариях.

Прогнозируется революционное развитие водородной энергетики. В двух оптимистичных сценариях ВР потребление H₂ в мире в 2050 г. составит 300–450 млн т (для сравнения – потребление водорода в мире в 2020 г. оценивается в 75 млн т). Это похоже на показатели, которые приводил в своём последнем прогнозе французский нефтегазовый концерн TotalEnergies. По еще более оптимистичной оценке Energy Transitions Commission, к 2050 г. мировой спрос на чистый водород достигнет 500–800 млн т в год, и он будет обеспечивать 15–20% общего конечного потребления энергии [15]. Таким образом, в представлениях ВР о будущем ТЭК продолжает доминировать зеленая энергетика.

В отчете McKinsey «Глобальные энергетические перспективы» (Global Energy Perspective, апрель, 2022) [16] прогнозируется, что энергетический переход в мире будет набирать обороты, при этом пик мирового спроса на нефть возможен уже в этом десятилетии – в 2025 г. Доля ВИЭ в мировом производстве электроэнергии удвоится в следующие 15 лет, а общий спрос на ископаемое топливо, по прогнозам, достигнет пика к 2030 г. Основные выводы экспертов McKinsey следующие:

- глобальный энергетический баланс будет смещаться в сторону низкоуглеродных решений, при этом особенно важную роль будут играть электроэнергия, водород и синтетическое топливо;
- мировой спрос на нефть достигнет пика в ближайшие 3–5 лет, в основном за счет внедрения электромобилей и гибридов (EV). К 2035 г. спрос на газ вырастет еще на 10–20% по сравнению с сегодняшним днем;
- прогнозируется, что ВИЭ уже к 2030 г. будут составлять 50% производства электроэнергии в мире, а к 2050 г. – 79–89%;
- к 2050 г. спрос на водород вырастет в 4–6 раз, в основном за счет автомобильного, морского и авиационного транспорта. На водород и синтетическое топливо, полученное из водорода, будет приходиться 10% мирового конечного потребления энергии. Производство водорода к 2035 г. на 60% станет «зеленым»;
- к 2050 г. улавливание, хранение и использование углерода (CCUS) может вырасти более чем в 100 раз. При этом отмечается, что прогнозируемые цены на CO₂ до \$150–205 за 1 т могут оказаться недостаточными для ускорения внедрения CCUS в направлении траектории нулевого уровня выбросов.

Отмечается, что даже при текущих правительственных обязательствах и прогнозируемых технологических тенденциях глобальное потепление, по прогнозам, превысит $1,7^{\circ}\text{C}$ к 2100 г., а достижение прогнозного уровня $1,5^{\circ}\text{C}$ становится все более сложной задачей. Только для одного из пяти предложенных сценариев это возможно.

Детальный анализ, представленный в январе 2022 г. в докладе McKinsey Global Institute «The Net-Zero Transition» [17] показывает, что сценарий сокращения выбросов углекислого газа до чистого нуля к 2050 г. потребует ежегодных средних затрат на материальные активы в \$9,2 трлн. Это почти в четыре раза выше предварительных оценок Международного энергетического агентства (IEA), представленных 3 года назад, когда климатическая повестка набирала вес в мировой политике. Трансформация экономики, необходимая для достижения нулевого уровня выбросов к 2050 г., потребует колоссальных инвестиций, у которых пока нет реальных финансовых источников.

Согласно докладом на конец 2021 г. IHS Markit [18] прогнозирует сохранение высокого спроса на нефть и газ на будущие десятилетия по своим основным глобальным энергетическим сценариям [19]. Мировой спрос на сырую нефть продолжает расти до 2033 г. и не превысит «доковидный» уровень. При этом спрос на нефть после 2033 г. практически остается на максимальном уровне к 2040 г.

Wood Mackenzie в своем февральском аналитическом обзоре по направлению геологоразведочных работ (ГРП) 2022 г. [20] представила две оценки прогноза, один на основе деклараций о приверженности нефтегазовых компаний климатической повестке и зеленому энергопереходу – сценарий Accelerated Energy Transition Scenario (АЕТ 1.5), а другой – с учетом обобщения действий и планов нефтегазовых компаний (НГК) по выполнению ГРП и поддержанию своей нефтегазодобычи – базовый сценарий Energy Transition Scenario (ЕТО):

- согласно сценарию АЕТ 1.5 будет происходить быстрое, кратное сокращение нефтедобычи и отсутствие реального роста добычи газа, поддержание его на достигнутом уровне. АЕТ 1.5 иллюстрирует сокращение спроса на нефть до менее чем 70 млн барр. в сут. к 2035 г. и до 30 млн барр. в сут. к 2050 г. При этом аналитики Wood Mackenzie подчеркивают, что любая компания, которая видит большую вероятность того, что будущее может выглядеть как АЕТ 1.5, давно бы прекратила бурение разведочных скважин, направив инвестиции в энергопереход. Но в действительности это – не так;
- в сценарии ЕТО спрос на нефть растет к 2035 г. до пикового значения в 105 млн барр. в сут., а затем медленно снижается до примерно 95 млн барр. в сут. к 2050 г. Ожидаемый спрос на газ имеет похожую тенденцию – рост до 2035 г. с медленным снижением после 2040 г. ЕТО выглядит более реалистично. По данным апрельского исследования Rystad Energy, расходы на разведку и добычу нефти и газа в 2022 г. вырастут на 16%, или на \$142 млрд, по сравнению с прошлым годом, поскольку производители нефти и газа во всем мире увеличивают свои инвестиционные бюджеты для увеличения добычи до 99,6 млн барр. в сут. В секторе газа и СПГ также наблюдается увеличение инвестиций на 15% с ростом производства.

В прогнозе 2022 г. ЕИА ожидает роста спроса на нефть в мире на 2,22 млн барр. в сут. до 99,61 млн барр. в сут. по сравнению с 2021 г. В 2023 г. спрос вырастет еще на 1,94 млн барр. в сут. Это составит 101,55 млн барр. в сут., что превысит доковидный уровень. В дальнейших по времени прогнозах добыча нефти и газа сохранит в целом положительную динамику, за этими энергоресурсами останется ключевая роль в мировом ТЭК: их добыча будет расти на фоне растущего спроса на экспорт и промышленное использование.

ВИЭ продолжит свое активное развитие, но, скорее, в эволюционном плане, несмотря на то, что производство электроэнергии из ВИЭ будет расти быстрее, чем общий спрос на электроэнергию до 2050 г.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что консенсуса в прогнозах мирового ТЭК и особенно в выделении технологических приоритетов в мировом экспертном сообществе не наблюдается. На фоне нового этапа энергетического перехода, где приоритетными задачами являются энергетическая безопасность и определение сроков реализации, практически все прогнозы признают, что в ближайшей перспективе, по крайней мере до 2030 г., нефть и газ сохранят ключевую роль в мировом ТЭБ, однако дополнительное давление и соответствующее преобразование структур ТЭК и ТЭБ могут привести к ускорению сроков в части реализации целей по сокращению выбросов углерода (2030 год вместо 2050 года).

В то же время, существует вероятность, что масштаб поставленной задачи недооценивается на фоне энергетического шока, экономических трудностей, роста цен на энергоносители, геополитических конфликтов. Все это в совокупности заставило многие правительства пересмотреть свои стратегии, в результате чего было признано, что энергетический переход должен быть неразрывно связан с энергетической безопасностью, т.е. наличием достаточного количества энергоносителей по доступным ценам. Это поможет заручиться общественной поддержкой и избежать серьезных экономических потрясений, которые могут иметь опасные политические последствия.

Заключение

Постоянная актуализация изменяющихся обстановки и инфраструктуры, а также геополитической обстановки значительно влияют на тренды развития топливно-энергетического комплекса каждой страны, что непосредственно сказывается на скорости энергетического перехода. Выявление ключевых трендов способствует своевременному вводу дополнительных регуляторных механизмов. На основе накопленной базы возможно осуществление сравнений этапов развития и схожих опытов, а также выявление наиболее перспективных механизмов оптимизации процессов и повышения производительности с максимальным эффектом для страны.

Энергетическая безопасность становится серьезной проблемой для экономики в целом и производителей нефти и газа, ВИЭ, атомной энергетики, так как и среднесрочные, и долгосрочные планы как на государственном уровне, так и на частном могут быть скорректированы на фоне внешних факторов. События 2022 года внесли дополнительную неопределенность от волатильности цен до преобразования логистических цепочек. Анализ тенденций развития ключевых трендов ТЭК на современном этапе энергетического перехода выявил то, что все прогнозы были подвержены корректировкам на фоне международной ситуации.

В то же время, топливно-энергетический баланс значительно преобразовался, а страны сконцентрировались на четких задачах потенциального развития, которые отвечают запросам внутренней экономики. К примеру, практически во всех прогнозах 2021-2022 гг. не рассматривается и не обсуждается потенциал развития атомной энергетики, несмотря на принятые во многих странах решения по активизации развития атомной электрогенерации (Китай, США, Франция, Россия и др.). В процессе текущего энергетического перехода возникают дополнительные риски как для государств, так и для компаний, работающих в ТЭК, но данная тематика требует отдельного, дополнительного исследования.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Sheveleva A., Tyaglov S., Khaite P.* Digital Transformation Strategies of Oil and Gas Companies: Preparing for the Fourth Industrial Revolution // *Digital Strategies in a Global Market: Navigating the Fourth Industrial Revolution.* Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. P. 157-171.
2. *Тяглов С.Г., Шевелева А.В.* Формирование зеленых кластеров: опыт европейских стран и Российской Федерации // *Современная Европа.* 2022. № 2 (109). С. 100-116.
3. *Шевелева А.В.* К вопросу о разработке методики оценки повышения энергоэффективности нефтегазового комплекса России // *Современные проблемы науки и образования.* 2015. № 1-1. С. 470.
4. *Slamersak A., Kallis G., O'Neill D.W.* Energy requirements and carbon emissions for a low-carbon energy transition // *Nature communications.* 2022. Vol. 7331.
5. *Svobodova K., Owen J.R., Kemp D., Moudry V., Lebre E., Stringer M., Sovacool B.K.* Decarbonization, population disruption and resource inventories in the global energy transition // *Nature communications.* 2022. Vol. 7674.
6. *Гулиев И.А., Соловова Ю.В.* Энергетический переход: понятие и исторический анализ, особенности текущего энергетического перехода // *Вестник Алтайской академии экономики и права.* 2021. № 10-2. С. 98-105.
7. *Kumeka T.T., Uzoma-Nwosu D.C., David-Wayas M.O.* The effects of COVID-19 on the interrelationship among oil prices, stock prices and exchange rates in selected oil exporting economies. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301420722001921> (дата обращения 21.01.2023).
8. *Liu W., Chen X.* Natural resources commodity prices volatility and economic uncertainty: Evaluating the role of oil and gas rents in COVID-19. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301420722000320> (дата обращения 21.01.2023).
9. *Norouzi N.* Post-COVID-19 and globalization of oil and natural gas trade: Challenges, opportunities, lessons, regulations, and strategies. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34219899> (дата обращения 21.01.2023).

10. *Конина Н.Ю., Тяглов С.Г., Шевелева А.В.* Особенности развития российских нефтегазовых компаний в условиях глобальных вызовов и угроз // Развитие российской экономики и ее финансовая безопасность в условиях современных вызовов и угроз. Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции, Ростов-на-Дону, 22–23 октября 2020 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет "РИНХ", 2020. С. 282-287.
11. *Tyaglov S.G., Sheveleva A.V., Rodionova N.D., Guseva T.B.* Contribution of Russian Oil and Gas Companies to the Implementation of the Sustainable Development Goal of Combating Climate Change // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. International Science and Technology Conference on Earth Science, ISTCEarthScience 2020, Vladivostok, 06–09 October 2020. IOP Publishing Ltd, 2021. P. 022007.
12. World Energy Transitions Outlook: 1.5°C Pathway. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.irena.org/publications/2022/Mar/World-Energy-Transitions-Outlook-2022> (дата обращения 20.01.2023).
13. Taxonomy: MEPs do not object to inclusion of gas and nuclear activities. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220701IPR34365/taxonomy-meps-do-not-object-to-inclusion-of-gas-and-nuclear-activities> (дата обращения 20.01.2023).
14. BP Energy Outlook 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2022.pdf> (дата обращения 20.01.2023).
15. Зеленый водород будет конкурентоспособен по стоимости с серым к 2030 г. без углеродного налога. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://in-power.ru/news/alternativnayaenergetika/37706-zelenyi-vodorod-budet-konkurentosposoben-po-stoimosti-s-serym-k-2030-.html> (дата обращения 20.01.2023).
16. Global Energy Perspective 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/global-energy-perspective-2022> (дата обращения 20.01.2023).
17. The net-zero transition. What it would cost, what it could bring. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://icmfalkfoundation.org/the-net-zero-transition-what-it-would-cost-what-it-could-bring> (дата обращения 20.01.2023).
18. *Brady A., Nguyen H., Yazynin S.* Global Crude Oil Cost Curve in the energy transition era // IHS Markit. 2021, September.
19. *Judson J., Abbink O., Carolyn S., Minuri S.* Underinvestment in Oil & Gas Technology and its Potential Implications // IHS Markit. Technology and Innovation (webinar). 2022.
20. What companies' wildcats reveal about their oil and gas outlooks // Wood Mackenzie. A Verisk Business. 2022.

Ермакова Е.В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭКСПОРТНЫХ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК С УЧЕТОМ ТАМОЖЕННЫХ РИСКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются таможенные риски и их влияние на экспорт в современных условиях введения ограничительных мер на осуществление международной торговли. Обоснована целесообразность прогнозирования и минимизации таможенных рисков на этапе проектирования цепи поставок. Рассмотрены варианты и алгоритмы моделирования экспортных цепей поставок с учетом таможенных рисков, что позволит минимизировать логистические затраты, которые возникают у участников экспортной цепи поставок, и стимулировать развитие экспортной деятельности.

Ключевые слова. Таможенный риск, экспортные цепи поставок, логистические затраты, моделирование.

Ermakova E.V.

SOME ASPECTS OF MODELING EXPORT SUPPLY CHAINS TAKING INTO ACCOUNT CUSTOMS RISKS

Abstract. Based on the results of various scientific studies, the article discusses customs risks and their impact on exports in the current conditions of the introduction of restrictive measures on international trade. The expediency of forecasting and minimizing customs risks at the design stage of the supply chain is substantiated. The options and algorithms for modeling export supply chains, considering customs risks, are considered, which will minimize the logistics costs that arise for participants in the export supply chain and stimulate the development of export activities.

Keywords. Customs risk, export supply chains, logistics costs, modeling.

Введение

В настоящее время международная торговля осуществляется в условиях глобальной политической напряженности. Динамично изменяющаяся под влиянием санкционного давления внешняя среда провоцирует сбои и разрывы в цепях поставок. При этом возрастающая значимость развития экспортной деятельности как для бизнеса, так и для государства обуславливает необходимость обеспечения эффективного функционирования цепей поставок и устранения экспортных барьеров.

Согласно исследованию Allianz Group [17], в 2020 году риск прерывания бизнеса (нарушения цепочки поставок) занимал первое место в мировом рейтинге наиболее значимых для бизнеса рисков, достигнув значения 41% (+37% рост к прошлому году) и превысив показатель по рискам пандемий (+3% к прошлому году). В России риск прерывания бизнеса в этот же период занимал второе место рейтинга. По результатам опроса предприятий [15], проведенного на начальном этапе выхода из кризиса, вызванного пандемией коронавирусной инфекции, минимум 14% действующих экспортеров считают фактором, сдерживающим экспорт, сложности на таможне.

ГРНТИ 06.51.65

EDN JIHWNN

© Ермакова Е.В., 2023

Евгения Владимировна Ермакова – главный специалист отдела развития конкурентоспособности и экспорта Управления развития экспортной деятельности Комитета по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга.

Контактные данные для связи с автором: 191144, Санкт-Петербург, Новгородская ул., 20А (Russia, St. Petersburg, Novgorodskaya str., 20A). Тел.: +7 964-385-50-77. E-mail: ermakova.sftd@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 09.12.2022.

Таможенные риски в силу возможности блокировать движение материального потока выступают сдерживающим фактором, оказывая серьезное влияние на экспортные цепи поставок (ЭЦП). Последствием выявления таможенного риска становится применение мер по минимизации, то есть дополнительных форм таможенного контроля, перечень которых определен Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС). Перечень отдельных мер, направленных на минимизацию риска, с предельными сроками их проведения, установленными таможенным законодательством, представлен в таблице 1.

Таблица 1

**Предельные сроки применения форм таможенного контроля
в процессе минимизации таможенных рисков**

Действия (меры) по минимизации таможенных рисков	Предельный срок проведения
Проведение форм таможенного контроля и (или) мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля (проверка документов и сведений, таможенный досмотр и др.)	10 рабочих дней со дня, следующего за днем регистрации таможенной декларации
Запрос и получение таможенными органами документов и (или) сведений у уполномоченных организаций	5 рабочих дней со дня получения запроса (без учета времени пересылки)
Таможенная экспертиза	20 рабочих дней со дня принятия материалов и документов для проведения таможенной экспертизы, с возможностью продления
Приостановление таможенными органами срока выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности (ОИС): включенные в Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТР ОИС); не включенные в ТР ОИС	10 рабочих дней, с возможностью продления еще на 10 рабочих дней 7 рабочих дней, с возможностью продления еще на 10 рабочих дней

Представленные данные демонстрируют, что в случае выявления таможенного риска применение мер по минимизации может приостановить движение материального потока, следствием чего может стать перенос транспортировки на более поздний срок или отмена поставки. Подобные временные потери практически всегда влекут финансовые издержки, которые могут возникнуть непосредственно в процессе совершения таможенных операций (оплата хранения на складах временного хранения, переупаковка, маркировка, получение документов, проведение исследований и др.) или иметь отложенный эффект.

Нарушение условий поставки может привести к штрафным санкциям участников ВЭД за нарушение контрактных обязательств и/или репутационным потерям. В некоторых случаях следствием нарушения контрактных обязательств может стать полный разрыв партнерских отношений. Экономический смысл последствий прекращения торговых отношений с контрагентом заключается в упущенной выгоде, размер которой в большинстве случаев многократно превышает прямые логистические издержки.

Ограничительные санкционные меры усиливают и без того жесткую конкуренцию на мировом рынке, требуя от российского бизнеса повышения качества экспортируемых товаров и предложения цен, конкурентных в масштабе конкретного внешнего рынка. Говоря о формировании цены товара, как основного фактора его конкурентоспособности, в контексте управления цепями поставок следует поддержать мнение авторов работы [12], что в структуре конечной цены товара помимо закупочной стоимости учитываются логистические издержки, под которыми авторы [12] понимают совокупность затрат от оформления заказа до его доставки.

Традиционные временные и финансовые затраты в экспортных цепях поставок в большинстве своем предсказуемы, не подвержены значительным колебаниям, могут быть учтены и в значительной степени оптимизированы. Говоря о логистических издержках, отметим, что их уровень часто рассматривается в качестве одного из показателей эффективности логистической деятельности. Модель общих логистических затрат (TLC) [7, 14], включает в числе прочих затраты на хранение,

затраты, связанные с нарушением условий поставки (например, срока поставки), а также латентные (скрытые) затраты.

Таможенные риски часто не поддаются прогнозированию, а, следовательно, управление ими со стороны участников экспортной цепи поставок весьма затруднительно. Проблематика затрат, связанных с выявлением и минимизацией таможенного риска, остается малоизученной. Логистические затраты на совершение таможенных операций, упоминаемые в некоторых работах [3, 6 и др.], не учитывают затрат на таможенные риски.

Процесс идентификации таможенных рисков зависит от различных обстоятельств, в том числе от корректности работы специальных программных средств и интегрированных в них алгоритмов, поэтому иногда в результате различных сбоев отмечаются случаи некорректного выявления таможенным органом рисков, когда объективно признаки рисков ситуации отсутствуют. В таких случаях принято говорить о наличии необоснованных затрат, возникших в результате ошибочного выявления таможенного риска.

По результатам проведенного анализа официальных публикаций, затрагивающих вопросы таможенной системы управления рисками, установлено, что «необоснованные затраты возникают более чем в половине поставок товарных партий, в отношении которых выявлены таможенные риски» [2, с. 26]. Необоснованные затраты участников ЭЦП могут также возникать при избыточности мер по минимизации риска, то есть в случаях применения таможенным органом различных форм контроля «в объеме, существенно превышающем потребность сложившейся рискованной ситуации» [1, с. 88].

В качестве примера необоснованных затрат, возникших у экспортера в связи с некорректным выявлением таможенного риска, можно привести поставку кондитерских изделий из Санкт-Петербурга в Китай. Поставка осуществлялась дорогим видом транспорта – самолетом, поскольку требовалось успеть ко дню распродаж – «черной пятнице». Поставщиком были запланированы маркетинговые продвижения продукции через блогеров с использованием прямых эфиров нескольких социальных сетей. Экспортер не учел возможности выявления таможенного риска, поскольку поставки идентичной продукции осуществлялись ранее на регулярной основе в минимальные сроки. В результате выявления таможенного риска и применения мер по его минимизации произошла задержка в принятии решения о выпуске товаров. В результате отказа от запланированного рейса поставка к намеченному дню сорвалась, экспортеру контрагентом были выставлены штрафы. Под угрозой оказались отношения с крупным клиентом в Китае, потеря значимой доли рынка и репутации надежного поставщика.

Было установлено, что ситуация произошла из-за некорректной идентификации таможенным органом рискованной ситуации: был выявлен риск нарушения прав интеллектуальной собственности при том, что экспортировались кондитерские изделия под собственным товарным знаком производителя. Также в качестве меры по минимизации был применен таможенный досмотр, что, учитывая специфику и особые условия хранения экспортируемого товара, а также комплект представленных документов, позволяет говорить об избыточности данной меры. Представляется, что в данном случае для минимизации таможенного риска возможно было ограничиться проверкой документов и сведений.

Стоит отметить, что таможенным законодательством не предусмотрена компенсация затрат, возникших у участников цепи поставок в связи с ошибками таможенного органа, вызвавшими сбои в функционировании цепей поставок. С позиции потенциальных временных и финансовых потерь возможность выявления таможенных рисков следует учитывать еще на этапе проектирования экспортной цепочки поставок. Затраты на минимизацию риска могут быть заложены в контрактную цену товара или иным образом учтены на этапе заключения внешнеэкономической сделки, что позволит избежать незапланированных издержек экспортера.

В качестве примера того, как этап принятия мер по минимизации вредных последствий риска влияет на затраты, в таблице 2 упрощенно рассмотрены два варианта минимизации риска в области экспортного контроля и соответствующих им затрат. Данные, представленные в таблице 2, показывают, что принятие мер по минимизации риска в сжатые сроки увеличивает затраты: получение идентификационного заключения в срочном порядке обойдется значительно дороже.

В случае, когда минимизация возможного риска производится на этапе проектирования ЭЦП, рассмотрены два возможных способа подтверждения неподконтрольного статуса товара: оформление заключения в ФСТЭК России и получение заключения идентификационной экспертизы в аккредитован-

ной экспертной организации. По результатам анализа информации о тарификации услуг таких организаций, размещенных на официальных сайтах в сети Интернет, установлено, что стоимость услуг составляет от 8 до 15 тысяч рублей, время на оказание услуги определяется сложностью и количеством экспортируемых товаров (обычно – 3-5 рабочих дней).

Таблица 2

**Примеры возможных затрат
на минимизацию таможенного риска в области экспортного контроля**

Направление затрат	Стоимость услуг, рубли	Временные затраты, сутки
Минимизация риска на этапе проектирования ЭЦП		
Получение идентификационного заключения о неподконтрольном статусе товара:		
Заключение ФСТЭК России	0	30
Заключение аккредитованной экспертной организации	8000-15000	3-15
Минимизация риска на этапе выявления риска при таможенном декларировании		
Получение идентификационного заключения аккредитованной экспертной организации:		
Заключение ФСТЭК России	15000	3-15
Заключение аккредитованной экспертной организации	30000	1-3
Временное хранение, складские операции, включая подготовку и выставление на досмотр	12000	10
Непредставление груза для перевозки в установленное время, изменение адреса и маршрута доставки	Зависит от условий договора с перевозчиком и расписания рейсов в конкретную страну	

Представление в таможенный орган информации об идентификационном заключении если не предотвратит выявление риска, будет способствовать его минимизации в сжатые сроки. При наличии у экспортера запаса времени целесообразно оформить заключение не в коммерческой организации, а в уполномоченном федеральном органе – ФСТЭК России.

Если на этапе проектирования ЭЦП не предпринимались меры по предотвращению риска или снижению его неблагоприятных последствий, то, в случае выявления таможенного риска может быть проведен таможенный досмотр, что потребует размещения товара на временное хранение и соответствующих финансовых расходов. С целью своевременной отправки груза может потребоваться более сжатые сроки для оформления идентификационного заключения, что приведет к дополнительным затратам.

Таким образом констатируем, затраты на минимизацию рисков будут ниже на этапе проектирования ЭЦП, чем на этапе реагирования на риск, выявленный при декларировании. Дополнительно следует отметить, что смещение конкуренции от отдельных товаров и/или компаний к цепям поставок требует управления, основанного на принципах интегрированной логистики. Такой подход предполагает оптимизацию всех звеньев цепи и процессов взаимодействия между ними для достижения синергетического эффекта.

Поэтому, ориентируясь на долгосрочное стабильное развитие экспортной деятельности, в процессах управления таможенными рисками следует учитывать интересы всех участников цепи, так как снижение планируемой прибыли иностранного контрагента в связи с таможенными рисками может привести к выбору более выгодного для него варианта цепи поставки. Управление таможенными рисками должно осуществляться комплексно, в тесной корреляции с иными управленческими процессами, с учетом специфики ЭЦП и всех возможных затрат на каждом этапе цепи.

В динамично изменяющейся внешней среде оптимизацию функционирования цепей поставок может обеспечить их быстрая подстройка под внешний контекст, для содействия которой потребуются оперативный анализ, позволяющий осуществить в сжатые сроки выбор варианта оптимальной ЭЦП. В качестве одного из подходящих инструментов содействия адаптации ЭЦП к изменяющимся условиям внешней среды следует рассматривать моделирование, позволяющее произвести комплексную оценку эффективности управленческих решений. В рамках моделирования возможно решать задачи сравнения

проектируемых цепей поставок по совокупности параметров и осуществлять обоснованный выбор самой лучшей альтернативы.

Многие научные исследования [7, 8, 13] посвящены моделям в логистике и затрагивают различные теоретические и практические аспекты процессов моделирования. В работе [7] представлена классификация моделей и методов логистики с позиции их применения в практической плоскости. Данная классификация, с учетом отмеченных ранее особенностей ЭЦП, является актуальной в том числе и для современной экономической ситуации.

В условиях неопределенности функционирования ЭЦП применяются такие модели, которые позволяют решать задачи с применением вероятностных оценок, произведенных в дополнение к простым моделям. В условиях риска авторами работы [7] предлагается применять метод «дерево решений» с последующим выбором лучшей альтернативы, которую можно определить на основе расчета математического ожидания при известных вероятностях и результатах исходов с последующим их сравнением. Для решения однокритериальных задач в условиях риска в качестве основного критерия выбора могут быть рассмотрены потери от риска, оцениваемые в стоимостном и/или вероятностном выражении.

При моделировании ЭЦП с учетом таможенных рисков наиболее важной задачей представляется не только выбор подходящих параметров цепи для исключения таможенного риска или снижения его неблагоприятного воздействия, но и реализация системного подхода с целью обеспечения оптимального функционирования всей цепи в целом. При проектировании цепей поставок часто рассматриваются различные варианты параметризации и решаются задачи многокритериального выбора. Например, для решения задачи выбора вида транспорта в работе [10] представлена система соответствующих критериев. Выбор оптимального варианта транспортировки подробно рассмотрен в работе [11]. Процесс выбора логистического посредника представлен в работе [7].

Большинство научных разработок не затрагивают особенности международных цепей, связанные с прохождением таможенных формальностей. Отдельные авторы (Малевич Ю.В., Аитова К.А.) рассматривают процессы моделирования логистических операций с учетом данного фактора, хотя и преимущественно для цепей импортных поставок. С учетом особенностей экспортных цепей поставок предлагаемые в исследованиях модели и варианты решения задач многокритериального выбора [7, 9] могут быть применены в определенной части и/или после соответствующей адаптации для построения модели ЭЦП с учетом таможенных рисков.

Принимая во внимание специфику ЭЦП и множественность их конфигураций, для целей эффективного управления рисками может быть использовано вариативное моделирование, представляющее собой, как указано в работе [16], построение нескольких моделей исследуемого объекта, их тестирование в процессе работы и последующий перенос полученных результатов на оригинал.

Учеными предлагаются различные алгоритмы построения моделей, состоящие из различных процессов, которые учитывают выбранные методы, решаемые задачи и специфику возможных ситуаций. Несмотря на некоторые принципиальные различия в процессах построения моделей, соглашаясь с мнением авторов работы [4], отметим наличие некоторых этапов моделирования, в равной степени применимых для любых условий, которые могут быть представлены четырьмя группами процессов: изучение среды принятия решений; анализ имеющейся информации; формализация управленческой ситуации; построение модели.

Опираясь на предложенную схему для построения альтернативных моделей автором определены наиболее значимые параметры, комбинации возможных значений которых будут составлять варианты альтернатив. С учетом специфики ЭЦП и основных факторов, влияющих на возникновение таможенных рисков, для формирования альтернатив предложены параметры, представленные на рисунке.

Для определения количества возможных альтернатив ЭЦП применяется стандартное правило комбинаторики, согласно которому искомое значение находится посредством перемножения количества возможных значений по каждому параметру. Приняв условное допущение, что моделирование осуществляется на базе трех выбранных параметров (из всех возможных, рассмотренных на рисунке), каждому из которых соответствует 2 варианта значений, общее количество возможных альтернатив составит 8 ($2 \times 2 \times 2$).

После формирования множества различных вариантов ЭЦП с целью определения оптимального необходимо осуществить оценку каждого варианта. В данном случае целесообразно воспользоваться методом оценки на основе ранжирования критериев. Заслуживающий внимания, по нашему мнению,

метод ранжирования, основанный на применении экспертного подхода, рассмотрен в работе [7]. Авторами предлагается определить для каждого критерия ранг и весовые коэффициенты, которые учитывают степень влияния каждого критерия на интегральную оценку [7].

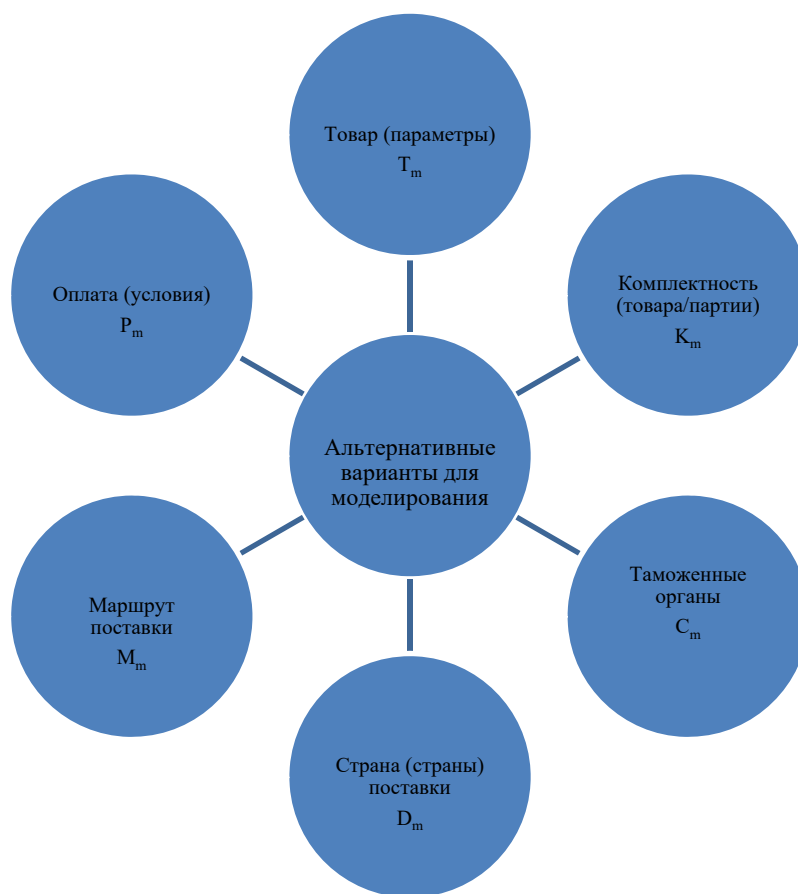

Рис. Примеры параметров для вариативного моделирования ЭЦП с учетом таможенных рисков

Расчитанные интегральные оценки альтернатив позволят исключить нерациональные варианты ЭЦП, оставив лишь определенное количество рациональных. Далее для оценки рациональных вариантов ЭЦП требуется их оценка с учетом комбинации выбранных значений параметров. Основными критериями оценки рискованных ситуаций следует считать последствия риска в стоимостном выражении и вероятность его наступления. Определение стоимостных последствий риска в определенном варианте ЭЦП целесообразно осуществлять в разрезе прямых убытков и упущенной выгоды.

Выбор способа оценки вероятности наступления таможенного риска является нетривиальной задачей и требует глубоких познаний процессов, наработанной практики, применения программных средств. Процесс определения вероятности наступления рискованного события не подлежит описанию отдельной формулой или простым алгоритмом, в связи с чем не рассматривается в рамках настоящего исследования, а лишь упоминается как один из способов оценки альтернатив в рамках вариативного моделирования. Возможен вариант экспертной оценки вероятности наступления таможенного риска с последующим ранжированием по группам высокой, средней и низкой вероятности, что наиболее часто применяется в методиках оценки рисков. Шкала вероятности риска может быть расширена за счет введения при необходимости промежуточных значений.

После оценки вариантов рациональных ЭЦП и выбора оптимального из них, можно применить инструментарий оптимизации параметров ЭЦП для снижения неблагоприятного воздействия риска, что может быть осуществлено на основе ранее обоснованного подхода о совершении действий по минимизации риска на этапе проектирования ЭЦП.

Заключение

Таким образом, нами обоснована необходимость проектирования экспортных цепей поставок с учетом вероятных таможенных рисков. В качестве возможного способа проектирования ЭЦП с позиции содействия снижению неблагоприятного влияния таможенных рисков на временные и финансовые издержки предложено вариативное моделирование. С использованием инструментария, учитывающего специфику ЭЦП и возникающих в них таможенных рисков, рассмотрен укрупненный алгоритм вариативного моделирования, в котором в качестве параметров для выбора альтернатив рассматриваются основные рискообразующие факторы, а критериями оценки альтернативных ЭЦП выступают вероятности наступления риска и его последствия в стоимостном выражении.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Ермакова Е.В.* Международные цепи поставок: комплексный подход к анализу рисков // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2021. Т. 12. № 4 (51). С. 85-94.
2. *Ермакова Е.В.* Подходы к минимизации рисков в международных цепях поставок в условиях развития автоматизации технологий таможенного контроля // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2020. № 4. С. 25-30.
3. *Лукинский В.В., Малевич Ю.В.* Оптимизация логистических издержек в цепях поставок // Логистика. 2009. № 2. С. 22-25.
4. *Лукинский В.В., Малевич Ю.В., Пластунок И.А.* Модели и методы управления транспортно-терминальными и таможенными операциями в цепях поставок. СПб., 2012. 140 с.
5. *Малевич Ю.В., Пластунок И.А.* Использование инструментов моделирования при проведении учебных занятий по дисциплинам специальности 38.05.02 «Таможенное дело» // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 3. С. 129-132.
6. *Малевич Ю.В.* Методология управления логистическими функциями в цепях поставок: автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. СПб.: СПбГИЭУ, 2010.
7. Модели и методы теории логистики / под ред. В.С. Лукинского. СПб., 2007. 448 с.
8. *Николайчук В.Е.* Логистика. СПб., 2001. 160 с.
9. *Носков А.А.* Методы оценки эффективности транспортно-логистических операций в цепях поставок: дисс. ... канд. экон. наук. СПб.: СПбГИЭУ, 2012.
10. Основы логистики / под ред. В.В. Щербакова. СПб., 2009. 432 с.
11. *Пластунок И.А.* Актуальные проблемы транспортировки в цепях поставок: теория и практика. СПб., 2018. 173 с.
12. *Сток Дж.Р., Ламберт Д.М.* Стратегическое управление логистикой. М.: Инфра-М, 2005. 797 с.
13. *Чудаков А.Д.* Логистика. М.: Изд-во РДЛ, 2001. 480 с.
14. *Шульженко Т.Г., Лукинский В.В.* Интегральная оценка эффективности логистической деятельности с использованием ключевых показателей // Логистика и управление цепями поставок. 2011. № 6 (47). С. 61-68.
15. Что мешает российскому экспорту: результаты опроса предприятий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/ec_research/chto-meshaet-rossiyskomu-eksportu-rezul-taty-oprosa-redpriyatij/ (дата обращения 01.12.2022).
16. Интеллектуальный анализ «данных» и вариативное моделирование системных позиций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inftech.webservis.ru/it/conference/scm/> (дата обращения 01.12.2022).
17. Allianz risk barometer. Identifying the major business risks for 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.agcs.allianz.com/news-and-insights/reports/allianz-risk-barometer.html> (дата обращения 01.12.2022).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. В статье определена методика работы с посетителем и его впечатлением в музейной среде. Представлены модели и механизмы управления поведением посетителя, основанные на конкретно-социологических данных. Проанализировано восприятие и впечатление, определены виды потребительского поведения и критерии их определяющие и формирующие при клиентоориентированном подходе; определены факторы, влияющие на потребительские предпочтения посетителя: этапы работы с впечатлением; возможности управления поведением посетителя; определено место досуга в деятельности музея; ожидания и мотивация посетителей в зависимости от разных количественных и качественных показателей в деятельности музеев. Также определена роль музеев в экономике будущего.

Ключевые слова. Покупательское и потребительское поведение, экономическая эффективность и ее механизмы, экономика впечатлений, сервисная экономика, социальное предпринимательство.

Ziukina S.L.

MUSEUM ACTIVITIES: MODERN CHALLENGES

Abstract. The article defines the methodology of working with the visitor and his impression in the museum environment. The perception and impression are analyzed, the types of consumer behaviour and the criteria for determining and shaping them with a client-oriented approach are identified; the factors influencing consumer preferences of the visitor are defined: stages of work with impression; the ability to manage visitor behaviour; a place of leisure is determined; expectations and motivation of visitors depending on various quantitative and qualitative indicators in the activities of museums. The role of museums in the economy of the future is also defined.

Keywords. Purchasing, consumer behaviour, economic efficiency and its mechanisms, experience economy, service economy, social entrepreneurship.

Введение

В 21 веке экономическая, финансовая, социальная жизнь общества меняются, мы живем в эпоху перемен, когда старые модели не работают, а новые еще до конца не вступили в свои права. Единственное, что ученым и практикам стало понятно, это важность роли культуры и социально-культурных процессов в жизнедеятельности общества, которые должны быть тщательно изучены в настоящее время. До недавнего времени культуру рассматривали как дотационную сферу жизни, которую поддерживает государство и «клубы друзей», она не включалась в реальную экономическую жизнь. Но в последнее время стало снижаться бюджетное и спонсорское финансирование культурных учреждений, и они вынуждены интегрироваться в реальную экономику.

ГРНТИ 04.51.63

EDN KVSPUS

© Зюкина С.Л., 2023

Светлана Леонидовна Зюкина – старший преподаватель кафедры гостинично-ресторанного бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 197025, Санкт-Петербург, ул. Панфилова, 16, (Russia, St. Petersburg, Panfilova str., 16). Тел.: +7 921 962 42 46. Email: sveta_ha@list.ru.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023.

Другой момент – общество стало подвергаться разного рода кризисам: финансовым, экономическим, экологическим, духовным, чтобы уменьшить их последствия на человечество, появилась необходимость проанализировать и изменить некоторые подходы в социальной жизни, культуре. В частности, многие ученые считают, что только культура и человек могут стабилизировать жизнь общества и дать ей новый виток развития, в том числе и в экономике. Сейчас очень актуальны теории и результаты исследований таких ученых, как Акишев Т., Парсонс Ж., Думанье С., Паркер Ж., Фурастье Д., Лихачев А., Маслоу В., Степин Э., Калеви Э., Гидденс Ж., Тощенко Ю., Волков Д., Пайн П., Андерхилл Н., Джон Ш., Джексон Н., Исакова Б., Ананьев В., Ядов М., Горшков Ф., Абчук В.А., Борисов А.Ф., Воронцов А.В., Абанкина Т.В., Предводителева М.Н., Захаров Н.Л. и др., которые изучали человека и его деятельность, как отдельного индивидуума, так и в контексте корпоративной культуры; пути развития социально-экономических процессов, явлений, их закономерности и способы их управления.

В культурных учреждениях, в частности – в музеях, становится актуален вопрос взаимодействия с посетителем. Важно подробное изучение социального предпринимательства и экономики впечатлений, которые дают возможность существовать учреждениям культуры, а также повышать информационно-культурный уровень общества, изменять потребительские предпочтения и способствовать социально-экономическому развитию общества в целом. На практике доказано, что культура и объекты культуры становятся катализатором развития и процветания целых территорий (сел, городов, регионов, стран) в экономическом и духовном плане. Целью исследования является определение механизмов управления экономической эффективностью деятельности музеев. Объект исследования – посетитель музеев. Предметом исследования – потребительские предпочтения и управление ими.

Задачи, которые способствуют реализации поставленной цели, это: выяснить виды потребительских предпочтений; критерии влияния на потребительские предпочтения; их роль в деятельности музеев; определить механизмы и выявить этапы работ для организации эффективной деятельности музеев; проанализировать целевую аудиторию музеев по посещаемости; определить критерии эффективности экономики впечатлений в деятельности музеев. Мы рассмотрим подробно один из критериев деятельности музея при взаимодействии с посетителем – это создание впечатления, желательного, положительного.

Эволюция и виды впечатлений

Впечатление – это образ, отражение, след, оставленный в сознании человека окружающими предметами, людьми, событиями или воздействием, влияние. Впечатление заставляет посетителя вовлекаться в содержание, т.е. в нашем случае, в музейную экспозицию или экскурсию. Нужно увидеть потенциал музея глазами посетителя. Например, в парке развлечений Уолт Дисней (Walt Disney) каждый сотрудник знает, что значит быть в бизнесе впечатлений: все сотрудники называют себя актерами, даже сотрудники зоопарка. Буквально каждый сантиметр территории парка нацелен на то, чтобы создать определенное настроение, ощущение и результат. «Даже асфальтовая заплатка на земле, сделана в виде ... мышинных ушей» [12].

Важно также понять какие трудности испытывает посетитель при посещении музея, и постараться исключить их, чтобы ничто не мешало посетителю быть вовлеченным в контент музея, еще можно «завернуть» просветительство в «впечатление удовольствия». Как правило, специалисты музея считают, что их призвание не развлекать посетителя, но тенденция такова, что справочники публикуют программы музеев в разделах «Развлечение и отдых». В повседневной жизни люди фокусируются также на цене. Параметр «входная плата» в музей является важным критерием: конкурентно-сопоставимые цены привлекут посетителей, а цены слишком высокие могут ограничить посещаемость [3].

Если имеется избыточное количество посетителей, то это дает возможность увеличение входной платы, но, как следствие, увеличит и объем работы. Пока каждый музей считает себя уникальным и не хочет думать о конкуренции с футболом или торговым центром, посетитель может сделать выбор не в пользу музея. Если музей будет стараться модернизировать себя разумно, как бизнес, от начала и до конца, можно надеяться на большой поток посетителей, которые будут приходить часто и потратят больше денег. Искусно созданное впечатление посетителей – это ключевой элемент посещения.

Существует 2 вида впечатлений посетителя – внутреннее и внешнее [9, с. 12-13]. Внутреннее впечатление – это впечатление, которое образовывается из индивидуальных качеств посетителя (перцепции). На него оказывает влияние его собственная точка зрения, созданная комбинацией чувств, ощущений, предшествующих впечатлений, слухов, опыта. Музей не может контролировать то, что происходит

внутри посетителя. Два посетителя никогда не имеют одинаковых впечатлений, т.к. у каждого своя точка зрения. Внешнее впечатление – это впечатление, которое создается из множества отдельных элементов окружающей среды вокруг посетителя. Внешнее впечатление стартует мгновенно, как только человек решает посетить музей, и продолжается при посещении музея, оно заканчивается только тогда, когда посетитель покидает территорию музея. Музей может оказать на впечатление существенное влияние и может им управлять.

Внешнее впечатление для посетителя состоит из следующих этапов: Приглашение, Приветствие, Ориентация, Комфортное пребывание, Коммуникация, Ощущение и Восприятие от посещения, Здравый смысл (можно запускать бизнес), Финал (посетитель покидает музей с определенным представлением). Нужно помнить, что впечатления от музея складывается из деталей, которые обычно игнорируются музеем: вид экстерьера здания, наличие указателей маршрута до музея, наличие / отсутствие парковки, уровень общительности работников музея, наличие бытовых удобств и пр. Нужно обратить внимание на цветовую гамму территории, стен. Также важен неосозаемый аспект впечатления (ответная реакция): «Что вы ощущаете, гуляя по территории? Что вы чувствуете, когда покидаете ее? Вы хотите вернуться назад?»

Этапы работы с впечатлением. Модели управления

Для того, чтобы начать работать с впечатлением посетителя, необходимо определить миссию музея, определить и сегментировать целевую аудиторию, предпочтения и желания каждого посетителя, сгруппировав их по сегментам. Действие: «Убедить посетителя вернуться», – может быть разбито на 2 части. «Убедить посетителя» – это цель музея. «Вернуться» – это поведение посетителя, на которое музею нужно повлиять. Влиять на поведение посетителя сложно по многим причинам. Оно зависит от места проживания, семейного положения, уровня образования, социального статуса, типа личности, демографических факторов, этнических особенностей, религии и пр. Исследования показывают, что представители определенного общественного класса обладают сходным покупательским поведением [2, с. 80-85].

Восприятие складывается из первичного впечатления (ощущения) и подкрепляется получаемой информацией (повторным впечатлением). Впечатление, сохранившееся в сознании, формирует интерес покупателя. (Впечатление сохраняется, если соответствует потребностям или резко отличается от привычных.) Далее складывается убеждение – принятие и отношение к объекту и акт действия (покупательское поведение). Кроме этого, в музее присутствует нравственно-экономический показатель как полезность. Полезность – это одна из форм проявления общественного значения предметов и явлений, а также действий человека [8]; способность товара, услуги удовлетворить покупателя, доставить ему удовольствие. При покупательском поведении действует правило максимизация полезности [2, с. 94-95].

Исследователи также изучают речевое, звуковое, визуальное, ароматическое воздействие, а также то, как они могут убедить. Они не считают убеждение хорошим или плохим. Они изучают: какие техники убеждения эффективны и пытаются определить – почему. Этот тип исследования широко используется в рекламе или в маркетинге для влияния на покупательское поведение. Это область покупательской психологии. Исследователи изучают, почему люди покупают определенные бренды, что делает рекламу эффективной, какая музыка, цвет, образ влияет на покупательское поведение. Например, музейный этикетаж должен притягивать посетительское внимание и держать его достаточно долго, чтобы текст был прочитан и понят. Это достигается визуализацией, повторением, персонализацией.

Чтобы воплотить идею изменение поведения, нужно обратить внимание на 4 аспекта в поведении посетителя: на частоту посещения, продолжительность посещения, занимаемость посетителя (взаимодействие в музее) и на внешние действия вне территории музея:

1) частотность посещения фокусируется на том, как часто посетитель посещает музей. Если один из членов семьи постоянно посещает музей, то можно определенными условиями привлечь и других членов семьи, добавляя персонализированного сервиса, создавая большую ценность для постоянных посетителей. Количество посещений позволит увеличить доход (данные показатели прямо пропорциональны), не привлекая новых посетителей. Частотность посещения – это ключ к финансовому здоровью музея. Оно измеряет количество посещений одним посетителем, у которого музей является частью или образом жизни, т.е. он лоялен к музею и помогает распространять информацию музея другим людям. 45% посещений частотных посетителей в культурные организации – это доноры [12]. Для повышения частоты посещений надо иметь обратную связь со всем штатом сотрудников, вплоть до сотрудника

сувенирного магазина, охранника, чтобы персонализировать услугу для частотных посетителей. Также можно использовать абонементную систему для стимулирования посещения;

2) длительность пребывания – это количество времени, которое проводит посетитель в музее за одно посещение. Это может распределяться, например, так: 90 минут в кружках, 1 час на еду, 2 часа на новую выставку. Важный вопрос: какова продолжительность обычного визита в музей? Исследование деятельности торговых центров показывает, что добавление фудкорттов увеличивает длительность людского пребывания более чем на 1 час [7, с. 20-27]. А если люди увеличат время пребывания, то они увеличат и траты. Длительность пребывания в музее – это важный измеритель того, как глубоко посетитель «впечатлялся» предложением. Если музей, с точки зрения местоположения, расположен довольно далеко, и количество посетителей небольшое, следует подумать о том, какое количество времени люди добираться до музея и приспособить сервис под их потребности так, чтобы сделать время пребывания в музее более ценным и комфортным. Некоторые из этих сервисов также могут приносить доход. Таким образом необходимо определить время пребывания в музее, и время путешествия до музея. Если путь к музею занимает более 2-х часов, необходимо дополнительно предложить питание или продажу еды, место для отдыха. Полный пакет предложений должен быть сделан так, чтобы посетитель мог провести в музее целый день. Нужно также знать, что обычное время посещения музейного магазина составляет около 30 минут; покупательская конверсия составляет 33%. Целесообразно, в этой связи, каждый час проводить презентацию, позволяющую потенциальным покупателям ознакомиться с какой-либо продукцией более детально;

3) занятость посетителя. Методом систематического наблюдения можно определить: что делают посетители в музее (читают объявления и этикетаж; манипулируют интерактивным дисплеем; фотографируются; разговаривают с сотрудниками музея; играют вместе и т.п.). Все это поведение расширяет кругозор. Занятость может быть измерена через притягательность экспонатов или программ; посещение музейного магазина и пр. Можно создать занятость посетителю, если контент релевантный и организована коммуникация и задействованы все 5 органов чувств посетителя;

4) внеплановые мероприятия. Необходимо задать вопрос: «Что бы вы хотели, чтобы сделал посетитель, как только покинул музей?». Первое – рассказал / написал друзьям о музее. Можно поощрить посетителей, оставивших положительный отзыв, дисконтом или «бесплатным» мероприятием, т.к. этот посетитель – очень важный и надежный источник информации и положительных впечатлений о музее.

Досуг в музее как следствие впечатлений. Виды покупательского ожидания

«Думайте о свободном времени (досуге) вашего посетителя как о драгоценном товаре», – утверждает Мерилин Худ (Marilyn Hood), которая 16 лет исследовала время досуга посетителей [12]. Ее результаты показали не одну, а целых 6 эмоциональных ожиданий (наград) от свободного времени (досуга): социальное взаимодействие; активное участие; комфортное окружение; интересные, новые и необычные впечатления; удобный случай (возможность) поучиться; чувство, дающее некий полезный результат. Ее результаты показали, что мотивирует посещение. Исследования Худ выделили 3 группы людей на территории музея: постоянные посетители музея (3-5 посещений в год); случайные посетители музея (1-3 посещения в год); не посещающие музей (1-2 посещения в год):

- постоянные посетители описывали ожидания (награды) от музея так: интерес от новых впечатлений; возможность поучиться; чувство, что опыт будет полезен;
- случайные посетители сказали, что: искали активное социальное взаимодействие; интерактив; комфортное окружение. Они не думали, что музей может им предложить такие условия и удовлетворить их потребности в этом;
- не посещающие музей обычно приходят в семейный день или на фестиваль, когда они предполагают, что им предложат такие награды (ожидания): больше общения; перформанса; также они будут в окружении семьи или друзей, что позволит чувствовать себя в музее более комфортно.

В итоге все посетители ожидали и ценили одни и те же награды. Люди, приходя в музей, ищут не только культуру, но и еще что-то, касающееся продуктивного свободного времени, т.е. среди ожиданий – культура с «+», например, культура + общение; культура+ активность / спорт. Недавние исследования обнаружили, что, например, посетители-американцы ходят в музей, чтобы поучиться чему-нибудь новому и посетить музыкальное представление или для общения. Люди ожидают комбинацию ощущений.

Экономика впечатлений и ее эффективность

Было исследовано, что посетители хотят получить 4 варианта впечатления, ожиданий (наград) от их досуга, т.е. определяется несколько покупательских поведений. В книге «Экономика впечатлений» Джозефа Пайна (Josef Pine) и Джеймса Гилмора (James Gilmor) предложены музеями 4 «награды», а именно [11]: образовательная или просветительская программа; развлекательная программа; эстетическая программа; эскапистская (связанная с фантазией, выдумками) программа. Единичные впечатления одновременно могут обладать эскапистскими, просветительскими и эстетическими качествами. Музей должен определить, каковы функции при работе с посетителем: образовательная, развлекательная, эстетическая или эскапистская. Наиболее прибыльные музеи используют также уместные инновационные музейные технологии, которые сейчас востребованы посетителем.

Маркетологи индустрии развлечений David Lewis и Darren Bridger считают, что сегодняшний потребитель жаждет настоящих впечатлений и хочет получить значимый, интеллектуальный и практичный подарок (награду) [10]. Аутентичность воспринимается как настоящее и этим привлекает внимание. Т.к. жизнь предлагает нам массовые продукты, сделанные вручную объекты и старые предметы, которые попали в наше время, становятся редкостью и более высоко ценятся. Эффективная модель управления поведением посетителя – это сочетание интерактивного сервиса, образования и просвещения, маркетинговые акции (например, скидки) и доброжелательность персонала. В итоге музей становится частью образа жизни лояльных к музею посетителей, что продемонстрировано исследованиями 2017-2021 гг. Агентства музейных коммуникаций (см. табл.) [3].

Впечатление – это люди. Как бы правильно не работал маркетолог музея, надо понимать, что влияние на посетителя оказывает каждый член коллектива музея: официальный сотрудник (хранитель, садовник, кассир и пр.) или волонтер. Они все создают впечатление от посещения. Поэтому обязательна демонстрация гостеприимства: радушный прием, улыбка, готовность помочь и пр. Посетитель должен точно знать, что его приходу искренне рады. Здесь можно провести аналогию с характером коммуникаций государственных служащих, которые ориентированы в 36% на дружескую взаимопомощь и в 48,6% – на нейтральные отношения [6, с. 100-101], этого недостаточно. Клиентоориентированность становится важным показателем в музее, который способен определить и создать качественный покупательский (клиентский) сервис [4, с. 46-52].

Таблица

Рейтинг целей посещения

Критерии	Студенты, школьники, работающие (15-30 лет), %		Фокус-группа студенты колледжей, вузов (17-25 лет), %
	2017	2018	2021
Знание	69,4	60,7	80
Эмоции	53,8	64,2	75
Развлечение и отдых	23,7	44,6	45
Другое	1	2,4	0,6

Заключение

Изменение взгляда на деятельность музеев во многом обусловлено глобальными тенденциями общественного развития. В развитых странах происходит переход к новому типу экономики: от товаропроизводящей экономики постиндустриального общества к сервисной (обслуживающей) экономике и – далее – к информационной экономике и экономике знаний [5, с. 223-240]. Ключевая роль в последней отводится институтам, университетам, информационным, научным, культурным и медицинским исследовательским центрам, музеям как научно-исследовательским центрам, все они сосредотачивают теоретические и прикладные знания человечества.

Культура – это часть знаний человечества, аккумулирующая позитивный опыт в разных сферах общественного развития, которая позволяет превратить слабые стороны в сильные. Одним из хранителей культуры является музей. Очевидно, что кооперация организаций культуры с другими субъектами тер-

риторий позволяет улучшать экономическую среду и развивать ее, тем самым иницируя создание новых рабочих мест, помогая решению социально-экономических проблем и также способствуя снижению напряжения в мировых конфликтных ситуациях. В постиндустриальном обществе культура становится стратегическим приоритетом для развитых стран, она сумела превратиться в мощную индустрию. Во всех странах заметно изменение отношения к культуре, стремление превратить ее в доходную отрасль современной экономики, с включением культурного богатства в экономический оборот, в современный стиль жизни.

Следовательно, ориентация на потребителя, формирование и удовлетворение «спроса свободного времени» становятся приоритетом и конечным результатом деятельности организаций культуры. На взгляд автора, формула успеха в такой ситуации заключена в технологиях «экономики впечатлений» и «экономики желаний» [1, с. 98-117]. Общая тенденция такова, что именно досуг рассматривается как способ развития и творческой самореализации личности. Развитие «творческих индустрий» – это программа социальной адаптации, позволяющая перейти к «новой занятости» в экономике будущего. Поэтому необходимо «вписать» культуру в текущее потребление, в постоянные статьи расходов семейных бюджетов. Культурное наследие и актуальное искусство надо сделать со-масштабными семейному кошельку миллионов людей, чтобы они могли участвовать в их сохранении и развитии.

Надо превратить культурные ресурсы в товары и услуги и научиться «продавать» их, но так, чтобы сохранялась целостность и неисчерпаемость культуры и сохранялось духовное наследие. Необходимо также соблюдать баланс между «платным» и «бесплатным». Особенно это актуально для становления молодой личности, для нее нужно делать возможность познания культуры и самореализации максимально бесплатным. В современной цивилизации обеспечить это могут именно технологии «экономики желаний», которым надо обязательно исследовать.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Абанкина Т.В., Николаенко Е.А., Романова В.В.* Экономический потенциал сферы культуры и досуга в России и странах ОЭСР // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2 (46). С. 98-117.
2. *Абчук В.А., Борисов А.Ф., Воронцов А.В.* Методы исследования в менеджменте. СПб.: Росток, 2012. 480 с.
3. Агентство музейных коммуникаций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.amk-spb.com> (дата обращения 10.01.2022).
4. *Балаева О.Н., Предводителева М.Н.* Управление организациями сферы услуг. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 155 с.
5. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
6. *Захаров Н.Л.* Организационное поведение государственных служащих. М.: ИНФРА-М, 2021. 237 с.
7. *Захаров Н.Л., Пономаренко Б.Т., Перфильева М.Б.* Управление настроем персонала в организации. М.: Инфра-М, 2018. 287 с.
8. *Зюкина С.Л.* Развитие фудкортов как гастрономический тренд мегаполиса // Управление гостиничным бизнесом: трансформация, новые ресурсы и возможности / под ред. С.А. Степановой, О.В. Архиповой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020.
9. *Кириленко Г.Г.* Краткий философский словарь. М.: СЛОВО/SLOVO, 2010. 480 с.
10. *Яркина Т.В.* Основы экономики предприятия. М., 2014. 287 с.
11. *Pine B.J., Gilmore J.H.* Experience Economy: Work is Theatre & Every Business a Stage. Boston: Harvard Business School Press, 1999.
12. *Lewis D., Brigger D.* The Soul of the New Consumer. London: Nicholas Brealey Publishing, 2000.
13. *Weaver S.* Creating great visitor experiences. New York: Routledge, 2016. 209 p.

О СОЦИАЛЬНОМ МОНИТОРИНГЕ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. В статье дана оценка роли научного метода социального мониторинга как одного из инструментов, позволяющих провести анализ и оценку изменяющихся социальных процессов. Описательно и графически представлены особенности данного метода и поэтапный процесс его реализации. Автором выделены особенности применения социального мониторинга в сфере здравоохранения при анализе взаимодействия медицинских организаций с пациентами, а также представлены примеры реализации метода в сфере здравоохранения.

Ключевые слова. Социальный мониторинг, социальный мониторинг в управлении, социальный мониторинг в здравоохранении, мониторинг в здравоохранении, метод социального мониторинга, поведенческие особенности пациентов.

Koblyakova Y.M.

SOCIAL MONITORING IN HEALTHCARE

Abstract. The article assesses the role of the scientific method of social monitoring as one of the tools to analyze and evaluate the changing social processes. The features of this method and the phased implementation process are presented descriptively and graphically. The author highlights the features of the use of social monitoring in the healthcare sector analyzing the interaction of medical organizations with patients and presents examples of the implementation of the method in the healthcare sphere.

Keywords. Social monitoring, social monitoring in management, social monitoring in healthcare, monitoring in healthcare, method of social monitoring, behavioral characteristics of patients.

Введение

Социальная и экономическая стабильность, своевременная оптимизация социально-экономических процессов в соответствии с изменениями, происходящими в других сферах общественной жизни, адаптация социальной сферы к преобразованиям, соответствующим цифровой эпохе и изменениям общественного сознания, – все это требует организации комплекса специальных мероприятий со стороны управленческой системы, которые смогли бы повлиять на развитие современного общества.

В условиях быстроразвивающихся экономической и социальной сфер, нестабильности и обострения социальных проблем назрела необходимость изменения социальных и общественных отношений, повышения уровня жизни людей, улучшения качества жизни и качества оказания медицинской, в том числе специализированной и высокотехнологичной, помощи, изменений в организации системы охраны здоровья, снижения безработицы и текучести кадров, повышения общего благосостояния населения, страны. Должен быть решен ряд конкретных управленческих задач, направленных на стабилизацию процессов социального развития.

ГРНТИ 04.51.69

EDN RCJTER

© Коблякова Ю.М., 2023

Юлия Михайловна Коблякова – аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32 (Russia, St. Petersburg, Griboedov canal emb., 30-32). Тел.: +7 911 128 49 31. E-mail: koblyakova1@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023.

Материалы и методы

Данное исследование основано на теоретическом анализе научных статей специалистов, которые посвящены изучению метода социального мониторинга и его практического применения, анализе практик реализации данного метода в сфере здравоохранения, а также при использовании метода включенного наблюдения в специализированном федеральном медицинском центре в г. Санкт-Петербург. Применяя методы анализа и синтеза, контент-анализа, систематизации, обобщения, на основе научных работ специалистов сформулирован и графически представлен авторский подход к видению процесса реализации метода социального мониторинга, а также описана специфика поведенческих особенностей пациентов в процессе получения ими медицинской помощи.

Особенности метода социального мониторинга

Одним из инструментов, позволяющих провести анализ и оценку изменяющихся социальных процессов и явлений может выступать социальный мониторинг. С помощью социального мониторинга производят сбор информации о текущем состоянии общественных процессов, а также осуществляется диагностика социальных изменений в обществе для оценки перспектив и возможностей, поиска необходимых корректировок. Социальный мониторинг представляет собой научно обоснованную систему сбора, обобщения и анализа различной социальной информации в целях контроля над принятием стратегических и тактических решений на различных уровнях управления. Посредством социального мониторинга осуществляется наблюдение за наиболее значимыми социально-экономическими процессами в обществе, которые происходят на различных уровнях общественных отношений [12, с. 77].

Цель такого мониторинга – накопление периодически собираемых и обрабатываемых данных, оценка изменяющихся характеристик исследуемых объектов для определения возможных тенденций в их развитии и формирования прогноза их состояния в будущем [14, с. 321]. Поэтому социальный мониторинг носит регулярный характер, т.е. осуществляется с определенной периодичностью. Важно отметить, что социальный мониторинг реализуется в соответствии с принципами целенаправленности, непрерывности, обоснованности и системности для того, чтобы: обеспечить контроль управляющей системы за течением и развитием социальных процессов, свойственных исследуемому объекту; позволить предоставить постоянное наблюдение за процессами для отслеживания их динамики и направленности; гарантировать применение релевантных поставленным целям и задач методов, ориентиров и показателей; проводить комплексное исследование социальных процессов с учетом необходимых особенностей их развития.

Для реализации социального мониторинга состояния исследуемого объекта важно обеспечить необходимое организационное, информационное, методическое, а также техническое сопровождение [3]. Социальный мониторинг, как правило, проводится согласно определенным этапам (см. рис. 1). На первоначальном этапе необходимо определение объекта исследования, направления исследования, целей и задач мониторинга. Далее происходит определение основных параметров оценки планируемого к проведению социального мониторинга, формирование системы показателей оценки состояния исследуемого объекта, а также выработка стандартов, определяющих характеристики и значения исследуемых параметров. Важным техническим аспектом является определение методов и процесса обработки результатов исследования, планируемых к применению форм учета данных, позволяющих провести комплексный анализ результатов (например, выбор пакета Microsoft Office, SPSS Statistics или других инструментов и средств обработки полученной информации).

Следующими логическими этапами являются непосредственный сбор данных и их обработка. После происходит анализ собранных данных, обобщение и представление результатов исследования, подготовка заключения. По результатам проведенного социального мониторинга может быть создан специальный аналитический отчет с перечнем полученных результатов, позволяющий сопоставить их с данными, полученными по результатам мониторинга в предыдущих периодах либо с аналогичными объектами исследования, например, в других регионах или организациях. Также по завершении социального мониторинга предполагается разработка рекомендаций по дальнейшему оптимальному развитию исследуемого объекта и предложений по предупреждению конфликтных ситуаций, реализации негативных прогнозов.

После внедрения полученных рекомендаций специалисты способны дать оценку их применения и начать подготовку к повторному мониторингу. Инструменты мониторинга успешно применяются в образовательной сфере, банковском секторе и других областях [2; 4]. В сфере оказания медицинских услуг населению инструменты социального мониторинга активно реализуются, и область их применения будет только расширяться [5].

Рис. 1. Поэтапный процесс социального мониторинга (составлено автором)

Практика применения социального мониторинга в сфере здравоохранения

Как правило, масштабные изменения в общественной жизни, затрагивающие интересы широкого круга лиц, необратимые социальные процессы, в которые вовлечена широкая общественность, становятся предпосылкой или причиной для создания или изменения систем социального мониторинга, практик их применения.

Так, пандемия коронавируса Covid-19 оказала существенное влияние на создание и внедрение систем социального мониторинга в нашей стране. Например, в Москве было разработано одноименное приложение «Социальный мониторинг», доступное для мобильных устройств на платформах iOS и Android, которое позволяло жителям города более ответственно подойти к соблюдению режима самоизоляции. В целях соблюдения указа мэра Москвы № 59-УМ от 21.05.2020 г., пациенты с диагнозом «коронавирусная инфекция», которые проходили лечение дома, должны были зарегистрироваться в приложении и соблюдать режим самоизоляции [1].

Для снижения рисков распространения инфекции над пациентами, переносящими вирус в легкой форме, организовали автоматический контроль соблюдения режима самоизоляции. Приложение «Социальный мониторинг» позволяло фиксировать местоположение смартфона заболевшего, в течение дня направляло напоминания о необходимости сделать фотографию, чтобы удостовериться, что пациент находится рядом с мобильным устройством, на котором установлено приложение [13]. Данная мера реализовывалась с целью остановить распространение инфекции среди жителей города.

Другим примером применения метода социального мониторинга в сфере здравоохранения стало внедрение анонимного анкетирования пользователей в сети Интернет: для обеспечения независимой оценки качества оказания услуг медицинскими организациями со стороны пациентов Министерством здравоохранения РФ разработаны специальные онлайн-анкеты [10]. Пациенты могут оценивать качество оказания медицинской помощи в медицинских организациях, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, а также медицинских организациях субъектов РФ.

Подведомственные Минздраву РФ медицинские организации размещают на своих официальных сайтах информацию о возможности для пациентов пройти такой опрос. Медицинские организации, участвующие в реализации программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, получили возможность независимой оценки своей работы со стороны граждан.

Поведенческие особенности пациентов при получении ими медицинских услуг

При проведении социального мониторинга процесса оказания медицинских услуг населению необходимо учитывать следующие поведенческие особенности пациентов: короткий по длительности контакт пациента с медицинской организацией и медицинскими работниками; получение пациентами медицинской помощи в большом числе разнородных медицинских организаций и учреждений; неравномерный уровень приверженности пациентов назначенным лечению и рекомендациям. Для современного пациента характерен преимущественно короткий по длительности контакт с медицинской организацией и медицинскими работниками, т.е. непродолжительный цикл взаимодействия в сравнении, например, со сферой образования или трудовой деятельностью.

Согласно информации из статистического сборника «Здравоохранение в России», регулярно публикуемого Федеральной службой государственной статистики, число пациентов, получающих амбулаторную и стационарную помощь, существенно отличается: в рамках амбулаторно-поликлинической помощи населению за год насчитывается свыше 1 млрд посещений врачей и свыше 131 млн визитов к среднему медицинскому персоналу [7]. Даже среди пациентов, проходящих хирургическое лечение, доля получающих его в рамках амбулаторной помощи или в дневном стационаре (т.е. число операций, проводимых без госпитализации в медицинские учреждения) ежегодно растет и составляет около 36% от всех случаев хирургического вмешательства (см. табл.).

Таблица

Число операций, проводимых в амбулаторных и стационарных условиях в России, 2018-2020 гг.

Период	2018	2019	2020
Число операций, проведенных в амбулаторных условиях и в условиях дневного стационара, тыс.	5 563,7	5 682,7	4 628,7
Число операций, проведенных в стационаре, тыс.	10 019,6	10 080,2	7 965,9
Общее число операций, тыс.	15 583,30	15 762,90	12 594,60
Доля операций, проведенных в амбулаторных условиях и в условиях дневного стационара в общем числе операций	35,70%	36,05%	36,75%

Составлено и рассчитано автором на основе [7].

Современные медицинские технологии и становящаяся популярной «хирургия одного дня» сокращают длительность пребывания пациентов в медицинских учреждениях, позволяя оказать помощь большому числу граждан в более сжатые сроки [6]. Важно отметить, что пациенты получают медицинскую помощь, проходят различные процедуры и манипуляции в большом числе разнородных медицинских организаций и учреждений. На 2020 год в стране фиксировалось 5 065 больничных организаций, 344 из которых – негосударственные [7]. За период проводимой оценки, опубликованной в статистическом сборнике «Здравоохранение в России-2021», число государственных больничных организаций постепенно снижается, а число негосударственных – растет. Так, за период 2018-2020 гг. число негосударственных медицинских организаций возросло на 7,8% (см. рис. 2.).

Уровень приверженности пациентов назначенным лечению и рекомендациям остается проблемой на протяжении последних десятилетий, оказывая влияние в том числе и на результаты проводимой терапии [8, с. 115; 9]. В Москве был разработан «Первый Российский консенсус по количественной оценке приверженности к лечению», одобренный XII Национальным конгрессом терапевтов (22–24 ноября 2017 г.). Данный консенсус нацелен на подбор «наиболее эффективных лечебных стратегий в отношении больных, требующих длительного или постоянного лечения» [11]. Многие пациенты не соблюдают рекомендации врача по следованию назначенному лечению, диете, модификации образа жизни и т.д.

Результаты включенного наблюдения, проведенного в 2022 году в специализированном федеральном медицинском центре в г. Санкт-Петербург показывают, что наименее привержены лечению пациенты с рядом хронических заболеваний, протекающих бессимптомно, не оказывающих существенного влияния на общее качество жизни, не препятствующих трудовой деятельности. Они посещают медицинские учреждения в случаях серьезных недомоганий и редких обострений заболеваний, причем нередко выбирают разные медицинские организации при каждом посещении. Однако, зачастую такие пациенты требуют длительной терапии и строгого следования врачебным рекомендациям. Пациенты с тяжелыми заболеваниями, такими как, например, онкологические, склонны показывать значительно более высокий уровень приверженности назначаемому лечению.

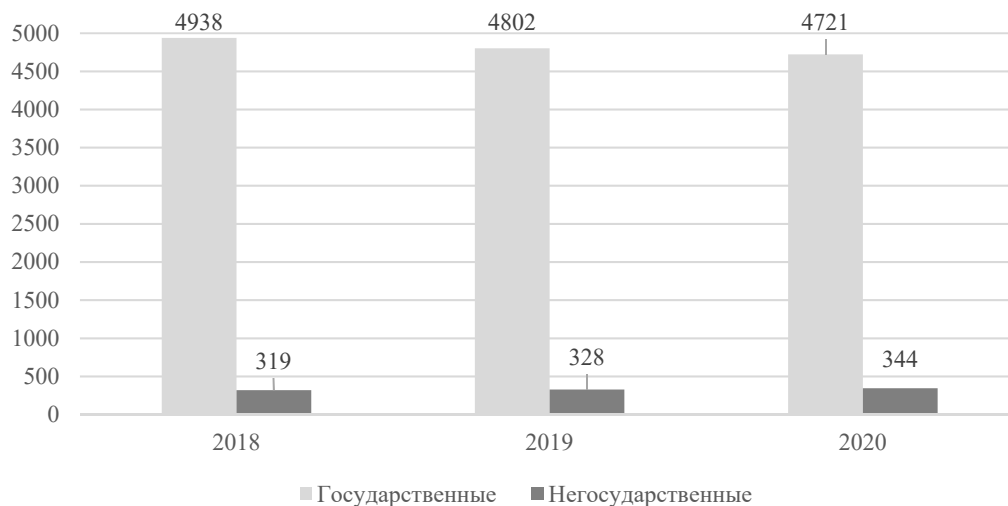

Рис. 2. Больничные организации в России, 2018-2020 гг. (составлено автором на основе [7])

Таким образом, в условиях реализации метода социального мониторинга в сфере здравоохранения необходимо учитывать поведенческие особенности населения, получающего медицинские услуги, поскольку они будут оказывать влияние на методику и оценку результатов исследования.

Заключение

Социальный мониторинг является одним из научно обоснованных способов осуществления социальной диагностики, который позволяет провести своевременную оценку состояния социальных процессов в обществе. С помощью данного метода проводится сбор и анализ информации в соответствии с разработанной методикой и выбранными критериями оценки, формирование выводов и рекомендаций по дальнейшим стратегическим и тактическим решениям на различных уровнях управления. Метод социального мониторинга сегодня успешно реализуется в образовательной сфере, сфере здравоохранения, банковском секторе и других сферах общественной жизни.

При реализации данного метода исследования в сфере здравоохранения, в области оказания медицинских услуг населению необходимо учитывать специфику объекта исследования, поведенческие особенности пациентов. Социальный мониторинг представляется перспективным методом для научных исследований в области социологии управления. При тщательной разработке программы исследования, определении релевантных параметров и системы оценки, специалистами могут быть получены качественные практико-ориентированные результаты.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Указ мэра Москвы № 59-УМ от 21.05.2020 «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ».
2. Алексеева Д.Г. Теоретические основы банковского мониторинга // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2010. № 4. С. 49-60.

3. Балдин К.В., Лезина О.А. Организация социально-экономического мониторинга состояния предприятия // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 2 (96).
4. Боровикова Т.В., Фоменков А.И. Теория и практика использования социально-педагогического мониторинга в качественном управлении современным общеобразовательным учреждением // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2006. № 12. С. 65-70.
5. Гришина Н.К. Социологический мониторинг в информационном обеспечении управления здравоохранением // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. № 4 (16).
6. Двойников С.И., Лазарева Л.А. Десятилетний опыт работы отделения хирургии одного дня // Казанский медицинский журнал. 2010. Т. 91. № 1. С. 104-106.
7. Здравоохранение в России 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/media-bank/Zdravoohran-2021.pdf> (дата обращения 02.01.2023).
8. Коблякова Ю.М. Роль социальной диагностики коммуникационного потенциала персонала медицинских учреждений // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 3. С. 113-117.
9. Лукина Ю.В., Кутушечко Н.П., Марцевич С.Ю. Приверженность лечению: современный взгляд на знакомую проблему // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2017. Т. 16. № 1. С. 91-95.
10. Независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/open/supervision/format> (дата обращения 05.01.2023).
11. Друпкина О.М., Ливзан М.А., Мартынов А.И. и др. Первый российский консенсус по количественной оценке приверженности к лечению: основные положения, алгоритмы и рекомендации // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2018. Т. 13. № 1.2. С. 259-271.
12. Потемкин В.К., Вельмисова Д.В. Социальные технологии в системе управления. СПб.: Изд-во «Инфо-Да», 2020. 87 с.
13. Социальный мониторинг – мобильное приложение контроля соблюдения карантина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mos.ru/city/projects/monitoring> (дата обращения 07.01.2023).
14. Шадрина Л.Ю. Социологический мониторинг как средство информационного сопровождения оценки эффективности социальных технологий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. С. 319-325.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ТИПА

Аннотация. В статье сравниваются два вида предприятия с точки зрения их инфраструктуры. Рассматривается происхождение и содержание терминов «предпринимательство» и «инфраструктура». Описывается проблема необходимости формирования предпринимательской инфраструктуры. Представлена обобщенная схема работы предприятия. Указываются проблемы предприятия традиционного типа и поясняются причины превосходства предприятия предпринимательского типа.

Ключевые слова. Предприятие, предпринимательство, инфраструктура, предпринимательская инфраструктура, инфраструктура предприятия, интрапренерство.

Pliner M.E.

FORMATION OF ENTREPRENEURIAL TYPE ENTERPRISES

Abstract. The article compares two types of enterprise in terms of their infrastructure. The origin and content of the terms entrepreneurship and infrastructure are considered. Describes the problem of the necessity to form an entrepreneurial infrastructure. The generalized scheme of work of the enterprise is presented. The problems of the traditional type of enterprise are indicated and the reasons for the superiority of the entrepreneurial type enterprise are explained.

Keywords. Enterprise, entrepreneurship, infrastructure, entrepreneurial infrastructure, infrastructure of an enterprise, intrapreneurship.

Введение

В конце 20-го века заметно усилилась тенденция к децентрализации управления внутри компаний, созданию предпринимательских подразделений и т.п. Таким образом, помимо одного вида предприятий – традиционного, появляется новый вид предприятий, которое исповедуют принцип интрапренерства (внутреннего предпринимательства). Этот новый вид называется «предприятием предпринимательского типа» [8]. Главное различие этих видов – в способах работы предприятий, которые зависят от их внутренней инфраструктуры.

Первый вид предприятий (традиционный) характеризуется давно установленной организационно-производственной и управленческой структурой, работает в стабильном режиме и со стандартными задачами. Второй вид предприятий (предприятие предпринимательского типа) характеризуется предпринимательской инфраструктурой, работает на принципах интрапренерства. Наряду с применением традиционных ресурсов, повышается востребованность предпринимательских, информационных и интеллектуальных ресурсов и реализуется соответствующее инфраструктурное обеспечение их вовлечения в производственную и предпринимательскую деятельность.

Таким образом, формируется производственно-предпринимательская инфраструктура организации, которая позволяет справляться и с нестандартными задачами.

ГРНТИ 06.81.12

EDN SKDNET

© Плинер М.Е., 2023

Мария Евгеньевна Плинер – аспирант кафедры экономики предпринимательства Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 195221, Санкт-Петербург, Пискаревский пр., 24 (Russia, St. Petersburg, Piskarevsky av., 24). Тел.: 8 (921) 764-81-23. E-mail: ip109@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023.

Анализ литературы

Прежде чем говорить о проблемах формирования предпринимательской инфраструктуры, необходимо рассмотреть историю возникновения этого термина. К вопросам важности предпринимательства обращались многие ученые, начиная с античных времен [2], хотя сам термин «предпринимательство» вошел в словари как официальный термин много позже, в экономической теории понятие «предприниматель» появилось в 18 веке [4; 5]. На рубеже 19-20 веков ученые наконец начинают осознавать значение и роль института предпринимательства [1]. К пониманию предпринимательства в современном смысле нас подводят работы ученых 20 века (Й. Шумпетера, П. Друкера и т.д.) [9; 11; 12].

Суть предпринимательства – поиск и исследование новых экономических возможностей. Дальнейшим развитием идеи предпринимательства как поиска новых возможностей становится появившийся в конце 20-го века подход, получивший название «предпринимательское управление» [6]. Этот подход и подразумевает использование предприятием принципов интрапренерства и формирование на нем предпринимательской инфраструктуры.

Вопросы, связанные с инфраструктурой, также возникли не в последние годы, однако в экономической литературе термин «инфраструктура» появляется лишь в 40-х годах 20 века [7]. Так что же такое инфраструктура и почему так важно сформировать правильную инфраструктуру? Инфраструктура – это организационно-экономическая система, особая совокупность производственных, организационных и социальных функций [10]. Инфраструктура предприятия обеспечивает предприятие ресурсами, необходимыми для его деятельности. Чтобы понимать смысл и экономическое содержание этой системы, необходимо рассмотреть функции, которые она выполняет:

- для эффективного функционирования структурообразующих отраслей предприятий инфраструктура создает общие условия;
- способствует обеспечению единства всех фаз воспроизводства;
- обеспечивает неразрывность рациональных информационных, товарных, денежных и других взаимосвязанных между собой потоков, создающих общие условия для динамичной устойчивости воспроизводства в необходимых масштабах.

В инфраструктуре предприятия можно выделить две части [3]: часть, обеспечивающая общие условия материального производства, называемая производственной инфраструктурой; часть, обеспечивающая общие условия функционирования всей непромышленной сферы, называемая «социальная инфраструктура». В случае эффективного функционирования инфраструктуры предприятия, предприятие получает значительное снижение совокупных издержек производства. Однако это не является главным преимуществом. Грамотно сформированная предпринимательская инфраструктура объединяет оба блока таким образом, чтобы предприятие могло быстро справиться с встречающимися нестандартными задачами.

Результаты и их обсуждение

Для лучшего понимания проблемы необходимости формирования предпринимательской инфраструктуры автором был составлен алгоритм типичной работы любого предприятия в виде схемы, представленной на рисунке. Во время работы любого предприятия, с некоторой периодичностью возникают какие-то задачи. Задачи могут быть как стандартными, так и нестандартными. Со стандартными задачами, относящимися к деятельности этого предприятия, предприятие любого типа справляется легко и продолжает свою работу. Однако при возникновении нестандартных задач появляются вопросы.

Если на предприятии не существует специальных отделов, которые способны справиться с такой задачей, то предприятие предпринимательского типа сможет справиться с задачей с помощью возможностей предпринимательской инфраструктуры, а у традиционного предприятия таких возможностей нет, следовательно, возникает проблема. В таком случае в этом моменте происходит сбой работы предприятия, происходят потери времени, возможно – финансовые потери, предприятие вынуждено решать вопросы, связанные с этой задачей:

1. Есть ли у него вообще возможности для решения этой задачи?
2. Если есть, то находится ли способ решения этой задачи?
3. Если находится, то все в порядке; с некоторыми потерями работа предприятия продолжается.
4. Если же способ решения задачи не находится, то на следующем шаге надо оценить, возможно ли отказаться от данной задачи?

5. Если возможно, то все в порядке; с некоторыми потерями работа предприятия продолжается. Да, возможно будут какие-то финансовые или даже репутационные потери, но работа предприятия продолжится и без решения этой задачи.

6. Если отказаться от выполнения данной задачи невозможно – существуют такие нестандартные задачи, решения которых жизненно важно для предприятия, – тогда предприятию приходится решать их до тех пор, пока не найдется решение, или пока эта нерешенная задача не приведет к краху предприятия, что случилось со многими традиционными предприятиями.

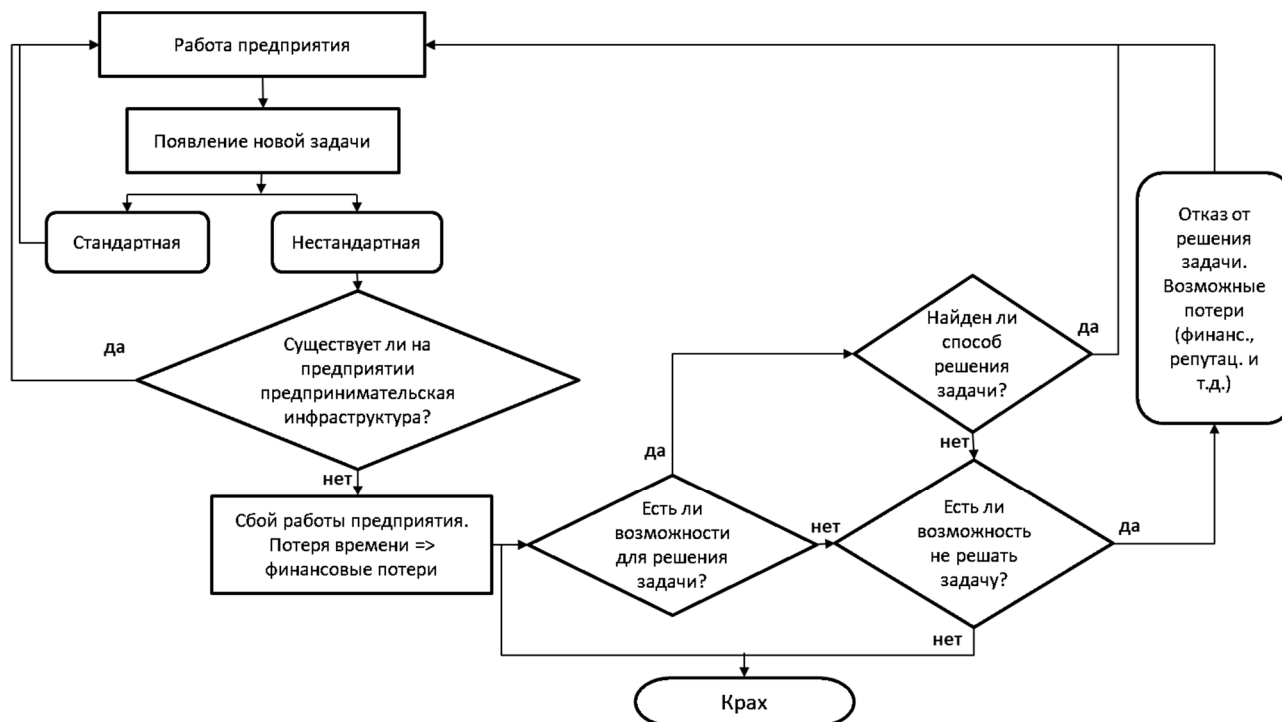

Рис. Схема работы предприятия

Примером возникающих нестандартных задач, от которых еще можно отказаться, может быть возможность выйти на новый рынок – хотя отказ может сулить большие проблемы для предприятия в долгосрочной перспективе. Примером возникающих нестандартных задач, от которых отказаться уже нельзя, может быть устаревание производимой продукции и необходимость срочных инноваций – решение такой задачи может оказаться жизненно важной для предприятия.

Таким образом при возникновении нестандартных задач у традиционного предприятия существует четыре варианта развития событий: (1) малые потери вследствие относительно быстрого решения задачи; (2) малые или крупные потери вследствие отказа от решения задачи; (3) крупные потери вследствие относительно длительного решения задачи; (4) крах предприятия. В то время как у предприятия предпринимательского типа не возникает таких проблем, благодаря правильно и своевременно сформированной предпринимательской инфраструктуре. Именно поэтому заранее созданная предпринимательская инфраструктура позволяет справиться с такими ситуациями без подобных проблем, и жизненно необходима предприятиям в современном мире.

Заключение

Подводя итог рассмотрению темы исследования, стоит отметить, что заранее созданная предпринимательская инфраструктура предприятия не только позволяет справиться с возникающими нестандартными задачами, но и может являться залогом выживаемости предприятия. Именно поэтому переход к формированию предприятий предпринимательского типа – практически решенный вопрос в современном мире.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Агеев А.И.* Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. М.: Наука, 1991. 106 с.
2. *Блинов А.О.* Малое предпринимательство. Организационные и правовые аспекты деятельности. М.: Ось-89, 1998. 335 с.
3. *Говорин А.А.* Инфраструктура современного предпринимательства: проблемы теории и практики. М.: Фин-статинформ, 1999.
4. *Кантильон Р.* Очерк о природе и торговле вообще. М.: ЮНИТИ, 2006. 448 с.
5. Предпринимательство / под ред. В.Я. Горфинкеля, В.А. Швандара. М.: ЮНИТИ, 2009. 475 с.
6. *Смирнова В.Г.* Формирование концепции предпринимательского управления // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 4. С. 116-119.
7. *Солоха М.А.* Существующие концепции инфраструктурного обеспечения деятельности организации // Омский научный вестник. 2009. № 4. С. 70-73.
8. *Хоменко Е.Б.* Инфраструктура предпринимательской организации: специфика и тенденции развития // Вестник ИрГТУ. 2013. № 4. С. 216-221.
9. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. 455 с.
10. Экономика предприятия / под ред. В.Я. Горфинкеля, В.А. Швандара. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 670 с.
11. Экономическая теория / под ред. А.И. Добрынина, Л.С. Тарасевича. СПб.: Питер, 2000. 544 с.
12. *Drucker P.F.* Innovation and entrepreneurship: Practice and principles. N.Y.: Harper and Row, 1985. 294 p.

РОССИЙСКИЕ БАНКИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается влияние ограничительных мер экономического характера на стратегии интернационализации российских транснациональных банков (ТНБ). Обосновывается тезис о том, что данные меры можно считать негативным фактором, который будет в краткосрочной и долгосрочной перспективе оказывать постоянное воздействие на российский банковский сектор. Рассматривается Республика Казахстан как пример государства, на рынке которого российские ТНБ вынуждены вести деятельность в условиях беспрецедентного давления. Даются рекомендации по созданию новых стратегий интернационализации, которые могут быть успешно применены банками в условиях ограничительных мер.

Ключевые слова. Российский банковский сектор, транснациональные банки, экономические санкции, стратегии интернационализации, Республика Казахстан.

Romanov S.A.

RUSSIAN BANKS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN UNDER ECONOMIC SANCTIONS

Abstract. The article examines the impact of economic restrictive measures on the internationalization strategies of Russian transnational banks (TNB). The thesis is substantiated that these measures can be considered a negative factor that will have a permanent impact on the Russian banking sector in the short and long term. The Republic of Kazakhstan is considered as an example of a state in the market of which Russian TNB are forced to operate under conditions of unprecedented pressure. Recommendations are given on the creation of new internationalization strategies that can be successfully applied by banks in the context of restrictive measures.

Keywords. Russian banking sector, transnational banks, economic sanctions, internationalization strategies, Republic of Kazakhstan.

Введение

В настоящий момент в России существует несколько банков, которые могут быть названы транснациональными, так как определённая доля их прибыли формируется за счёт деятельности за рубежом, включая как прямое присутствие на иностранных рынках, так и участие в совместных проектах с юридическими лицами из иностранных государств. К таким банкам следует отнести, прежде всего, ПАО «Сбербанк», АО «Газпромбанк», АО «Альфа-Банк», ПАО «Банк ВТБ».

Российские ТНБ сталкиваются с комплексным давлением со стороны западных стран, которые активно используют против России ограничительные меры экономического характера. На практике это

ГРНТИ 06.73.55

EDN TRKSTG

© Романов С.А., 2023

Сергей Андреевич Романов – аспирант кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32 (Russia, St. Petersburg, Griboedov Canal emb., 30-32). Тел.: 8 (812) 458-97-64. E-mail: oliverandco@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023.

означает отключение банков от международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей SWIFT, прямой запрет на ведение деятельности с российскими банками. Одновременно по банковскому сектору России и отдельным его игрокам чувствительно ударяют меры в отношении других отраслей экономики страны. Всё перечисленное в совокупности оказывает заметное негативное влияние на российские ТНБ и вынуждает их серьёзно корректировать существующие стратегии интернационализации, а иногда полностью менять подход к деятельности на иностранных рынках. Следовательно, как будет показано ниже, банки должны учитывать экономические санкции в качестве постоянного негативного фактора и уделять большое внимание защите от их воздействия.

Примером успешного противостояния санкционному давлению участниками банковского сектора можно назвать поиск новых рынков. Однако, как показывает практика, в некоторых случаях банки могут остаться на рынке государства, где они потеряли большую часть своих позиций из-за санкций, если они грамотно изменяют свои стратегии интернационализации. Данное утверждение иллюстрируется ниже на примере российских ТНБ в Республике Казахстан (РК).

Экономические санкции как постоянный негативный фактор в банковском секторе

В XXI веке российской экономике пришлось столкнуться с большим числом новых вызовов. Практически все из них были обусловлены развитием глобализационных процессов, ставших прямым следствием распада СССР в 1991 году и установившегося за этим однополярного мира, тотального доминирования США и государств из числа их союзников на мировой арене [7]. Американские транснациональные корпорации (ТНК) в результате указанных событий получили невиданный импульс к развитию за счёт экспансии на открывавшихся рынках стран бывшего социалистического лагеря. Следом за ТНК в эти страны приходили транснациональные банки (ТНБ). Одновременно развивалась деятельность различных фондов и некоммерческих организаций (НКО), использовавшихся США в качестве инструментов «мягкой силы».

Таким образом, в 1990-е годы западные страны пытались установить всеобъемлющий контроль над экономиками государств, ещё только начавших переход к рыночной системе. Не была исключением и Россия, экономика которой в названный период была слабой, во многом зависевшей от иностранных кредитов [7]. Вместе с тем российское руководство находилось в сильной политической зависимости от стран Запада, что не позволяло стране вести внешнюю и внутреннюю политику в своих национальных интересах, как положено в соответствии с признаками государства.

В 2000-е годы геополитическая ситуация в мире начала меняться [13]. Одной из причин этого было становление России как суверенного государства. Соответствующий курс провозгласил в 2007 году Президент РФ В.В. Путин во время своего выступления на Мюнхенской конференции по безопасности. В 2008 году Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, введя в эти страны свои воинские контингенты. Это ознаменовало конец монополии на применение насилия, негласно имевшейся у США после распада СССР. Вместе с тем, существенно возрастала роль КНР в международных отношениях, а также в мировой экономике. Это обуславливалось резким скачком местной экономики, выразившимся тем, что китайские компании развернули широкую экспансию сначала в Тихоокеанском регионе, а затем и во всём остальном мире. Как и в случае с западными странами, большую роль в процессе усиления геополитических позиций КНР сыграли местные банки, в 1990-е годы получившие статус транснациональных, а в 2000-е уже вышедшие в лидеры в мире, потеснив американских, европейских и, чуть ранее, японских конкурентов.

Повышение роли России и КНР в международных экономических отношениях влекло за собой ущерб экономике США. В числе прочего это выражалось снижением позиций многих американских ТНК и ТНБ, которые столкнулись с конкуренцией со стороны российских и китайских компаний. Хотя в большей степени это относилось к компаниям из КНР, Россия также смогла потеснить американские ТНК на рынках некоторых стран, в частности Беларуси и Венесуэлы. В качестве ответа США начали активно прибегать к незаконным методам конкурентной борьбы. Одним из них являются ограничительные меры экономического характера.

В разное время с данным видом давления столкнулись многие страны из числа геополитических противников США, в том числе Иран, Венесуэла, КНДР, Куба, Беларусь, Мьянма и другие. Не обошёл он стороной и Россию. Экономические санкции были впервые введены против нашей страны

в 2014 году, их причиной официально была названа катастрофа пассажирского авиалайнера над Донбассом, произошедшая 17 июля 2014 года. Практически в тот же день Западные страны во главе с США однозначно возложили вину за случившееся на Россию. Вместе с тем, российское руководство неоднократно подчёркивало свою непричастность к трагедии и призывало к справедливому расследованию, в рамках которого были бы рассмотрены все версии, однако этого не произошло [8]. В последующие годы вводились новые и продлевались уже существующие санкции.

Формальным поводом для этого был продолжающийся вооружённый конфликт на Украине. Однако наиболее масштабные антироссийские меры были введены в 2022 году, после начала специальной военной операции (СВО) на Украине. Согласно публично озвученному замыслу их авторов, они должны были обрушить российскую экономику. Этот прогноз не сбывся, но введённые санкции всё же нанесли значительный урон практически всем секторам экономики России, в том числе и финансовому. При этом финансовый сектор можно считать одним из наиболее уязвимых, поскольку прибыль крупных банков напрямую зависит от положения ведущих компаний из различных отраслей, которые они обслуживают, а также, если речь идёт о ТНБ, от возможности использования международных платёжных систем и других механизмов, позволяющих вести дела с клиентами за рубежом [11].

Очевидно, что в ближайшие годы США и их союзники не перестанут прибегать к санкциям при попытках ослабить экономические, политические и геополитические позиции своих противников. Одновременно с этим нет никаких предпосылок к тому, чтобы отношения между Россией и Западными странами улучшились в обозримом будущем и перешли в состояние, при котором использование подобных методов станет невозможным. Следовательно, экономические санкции как негативный фактор будут оказывать заметное влияние на российскую экономику в долгосрочной перспективе. При этом сильнее всего, по мнению автора, они будут воздействовать на банковскую сферу.

РК как перспективное направление развития российских ТНБ

В 1990-е и 2000-е годы Республика Казахстан (РК), руководство которой после обретения независимости в 1991 году взяло курс на сближение с Россией, представляла из себя одно из ключевых направлений для развития деятельности российских ТНБ [4]. Первая волна санкционного давления, начавшаяся в 2014 году, в целом не привела к негативным последствиям для российско-казахстанского сотрудничества в финансовом секторе [6]. Однако усиление санкционных мер в 2022 году стало фатальным для многих его участников.

Российские ТНБ выходили на казахстанский рынок разными способами, но в основном речь шла о создании дочерних структур или об открытии подразделений. Одним из первых это сделал «Альфа-Банк», который в 1994 году открыл совместно с АОЗТ «Альфа-Траст» «дочку» «Альфа-Банк Казахстан». В 2006 году дочернюю структуру в РК создал и «Сбербанк» (АО «Сбербанк Казахстан»). В обоих указанных случаях 100% акций дочерних банков принадлежали головным организациям. Отдельного внимания заслуживает также АО «Home Credit Bank», созданное в РК в 2008 году на основе АО «Международный Банк Алма-Ата», после того как его акции были выкуплены гражданином Чехии Иржи Шмейцем и банком Home Credit, B.V., который, в свою очередь, был дочерней структурой международной инвестиционной компании PPF Group N.V. В 2013 году 100% банка были выкуплены ООО «Хоум Кредит энд Финанс Банк», также «дочкой» Home Credit, B.V., действовавшей в России. Важно подчеркнуть, что ввиду последнего обстоятельства данное ООО нельзя рассматривать как российский ТНБ. Однако, ведя деятельность в России и одновременно выходя на казахстанский рынок, оно прибегало к таким же стратегиям интернационализации, как и российские банки, поэтому его пример, несомненно, может быть изучен в рамках настоящего исследования. Вместе с тем «Газпромбанк» не стал создавать в РК дочерние структуры, а вместо этого в 2014 году открыл своё представительство [9].

Стратегии интернационализации российских ТНБ при развитии их деятельности на ранке РК показали свою эффективность. Так, по итогам 2011 года размер активов АО «Сбербанк Казахстан» вырос на 33%, достигнув 4,2 трлн тенге [10]. Стабильно увеличивались и показатели «Альфа-Банк Казахстан», прибыль которого за 2021 год выросла на 30,5%, составив 32,978 млн тенге. Неплохие результаты также продемонстрировало АО «Home Credit Bank». Согласно данным рейтингового агентства Fitch, итоги его деятельности оказали прямое влияние на увеличение прибыли ООО «Хоум Кредит энд Финанс Банк» [1]. Основными факторами, обеспечившими успех российских ТНБ в РК, можно назвать решение местных властей о выборе после 1991 года курса на сближение с Россией, интеграционные процессы в

рамках СНГ и ЕАЭС (хотя они были выражены меньше, чем в случае с Республикой Беларусь), а также близость обществ обоих государств в культурно-социальном плане. Заслуживает внимание также грамотная политика менеджмента упомянутых банков, в частности, подразумевавшая много усилий, потраченных на внедрение цифровых продуктов, которые оказались востребованными среди казахстанских клиентов.

Ограничительные меры, введённые против России в 2022 году, привели к тому, что три перечисленных российских банка, владевшие дочерними структурами в РК, были вынуждены продать их. Так, «дочка» «Сбербанка» была приобретена казахстанским АО «Национальный управляющий холдинг «Байтерек», после чего по итогам ребрендинга сменила название на АО «Bereke Bank» [12]. Новым владельцем «дочки» «Альфа-Банка» в результате аналогичной сделки стало казахстанское АО «Банк ЦентрКредит», она также провела ребрендинг и стала называться АО «Eco Center Bank» [3, 5]. Несколько проще для собственников разрешилась ситуация с АО «Home Credit Bank». 75% его акций было напрямую приобретено PPF Group N.V., которой он фактически и принадлежал ранее через её дочернюю структуру в России [2].

Однако, на фоне катастрофической ситуации у других российских ТНБ, деятельность АО «Газпромбанк» в РК практически не претерпела изменений, его представительно продолжило свою работу в прежнем объёме. Как показала практика, стратегия выхода на иностранный рынок путём открытия подразделения вместо создания отдельной хозяйственной структуры, подконтрольной головному банку, была более эффективной, поскольку оно, действуя под внешним управлением и обладая меньшей самостоятельностью, оказалось более устойчиво перед внешним воздействием. Данный опыт, несомненно, может быть перенят другими российскими банками для повторного захода на казахстанский рынок, поэтому РК можно с уверенностью рассматривать в качестве перспективного направления для их международной деятельности.

Заключение

Как было показано выше, ограничительные меры экономического характера в наши дни являются постоянным фактором, оказывающим как прямое, так и косвенное негативное влияние на деятельность всех участников банковского сектора, при этом наиболее сильно от них страдают банки, осуществляющие международную деятельность. Ситуация в мире не позволяет надеяться на то, что в ближайшей перспективе данный фактор прекратит существовать. Под воздействием экономических санкций банки вынуждены значительно менять действующие стратегии интернационализации, так как они более не могут отвечать стремительно меняющимся реалиям. Часто руководство банков вынуждено принимать решение о прекращении деятельности на иностранном рынке.

Однако, как показывает опыт российских ТНБ в РК, во многих случаях этого можно избежать. Так, если обстоятельства требуют от банка продать свою дочернюю структуру, он может продолжать вести деятельность уже в формате подразделения. На основании вышеописанного можно сделать вывод о том, что в настоящий момент РК может и должна рассматриваться российскими ТНБ как одно из перспективных направлений для развития их международной деятельности. Однако, для этого руководству банков придётся изменить стратегии интернационализации, делая упор на открытии подразделений.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Fitch подтвердило рейтинг ДБ АО Банк Хоум Кредит (Казахстан) на уровне «ВВ-», прогноз «Стабильный». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.banker.kz/news/fitch-podtverdilo-reyting-db-ao-bank-khoum-kredit/> (дата обращения 04.01.2023).
2. Home Credit Bank перестал быть российской дочкой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kapital.kz/finance/107590/home-credit-bank-perestal-byt-rossiyskoy-dochkoy.html> (дата обращения 02.01.2023).
3. Видянова А. Дочка Банка ЦентрКредит стала Eco Center Bank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kapital.kz/finance/105500/dochka-banka-tsentrkredit-stala-eco-center-bank.html> (дата обращения 06.01.2023).
4. Голодова Ж.Г., Ранчинская Ю.С., Абакумова А.В. Российские дочерние банки в странах СНГ: оценка роли и результатов деятельности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 12. С. 15-24.

5. Казахстанский банк ЦентрКредит завершил сделку по приобретению «дочки» Альфа-банка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/839590> (дата обращения 03.01.2023).
6. *Махмутова Е.В.* Влияние антиросийских санкций на Евразийский экономический союз // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. № 3. С. 99-116.
7. *Милосердов В.В.* Однополярный мир: один центр власти, силы и принятия решений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vladimir.miloserdov.name/articles/page-53.html> (дата обращения 02.01.2023).
8. *Никольский А.* У России есть своя версия крушения малайзийского Боинга, заявил Путин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20190620/1555749804.html> (дата обращения 08.01.2023).
9. Основная информация о международной деятельности «Газпромбанк» (Акционерное общество) и зарубежных представительствах Банка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazprombank.ru/about/international> (дата обращения 08.01.2023).
10. Сбербанк Казахстан представил аудированную финансовую отчетность за 2021 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kapital.kz/finance/105966/sberbank-kazakhstan-predstavil-audirovannuyu-finansovuyu-otchetnost-za-2021-god.html> (дата обращения 06.01.2023).
11. *Урманчиев И.Ш.* Повышение роли российских банков в инвестиционной деятельности реального сектора экономики // ПСЭ. 2017. № 2 (62).
12. Холдинг «Байтерек» заключил сделку о покупке «Сбербанка Казахстан». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/xolding-baiterek-zaklyucil-sdelku-o-pokupke-sberbanka-kazakhstan> (дата обращения 06.01.2023).
13. *Яницкий О.Н.* Вопросы теории глобализации: от вестернизации к многополярному миру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_yan_116.html (дата обращения 04.01.2023).

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал открыт для публикации по любому из направлений деятельности университета. Автором журнала может быть любой преподаватель, научный сотрудник, докторант, аспирант, соискатель, а также тот, кто сотрудничает с университетом в рамках научной или педагогической деятельности. Статьи студентов (уровни подготовки – бакалавриат, специалитет, магистратура), а также лиц без высшего образования, в том числе подготовленные в соавторстве, не рассматриваются и не публикуются. Обращаем Ваше внимание, что в действующий с 01.12.2015 г. Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, журнал включен по отраслям: 08.00.00 Экономические науки; 10.00.00 Филологические науки; 22.00.00 Социологические науки. Все представленные материалы в обязательном порядке рецензируются членами редакционной коллегии и привлекаемыми специалистами по направлениям науки.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

К рассмотрению принимаются только комплектные материалы, которые включают:

1. Статью, оформленную в соответствии с приведенными ниже требованиями. Используется только (!) книжная ориентация страниц. Также обязательно наличие оформленного по ГОСТ списка литературы (использованных при разработке статьи источников), в котором источники должны быть упорядочены по алфавиту (сначала – источники на русском языке, затем – на иностранных языках); на все включенные в список источники обязательно должны быть ссылки в тексте статьи; рекомендованное количество ссылок – не менее 5–7; не рекомендуется, чтобы в списке литературы количество ранее изданных работ авторов составляло более 10–15%. Недопустимо наличие в статье неректифицируемых материалов (например, сканированных рисунков или формул). Статья должна быть снабжена кодом ГРНТИ (Государственный рубрикатор научно-технической информации). Статья должна быть снабжена заголовком (наименованием) на русском и английском языке;
2. Аннотацию статьи на русском и английском языке, объемом 400–500 знаков;
3. Ключевые слова, отражающие основные идеи статьи (5–8 слов и словосочетаний на русском и английском языке);
4. Сведения об авторе, включающие:
  - Ф.И.О. полностью на русском и английском языке;
  - учёная степень, учёное звание (при наличии);
  - должность и место работы / учебы (обязательно);
  - контактные данные для публикации в журнале на русском и английском языке (адрес с почтовым индексом, номер контактного телефона, e-mail);
  - контактные данные для переписки с редакцией (номер домашнего, мобильного и рабочего телефонов, e-mail, а также другую контактную информацию, по усмотрению автора – на русском языке), которые приводятся в сопроводительном письме.
5. Все материалы присылаются в редакцию по электронной почте: plotnikov.v@unescon.ru. Рекомендуется в названиях файлов использовать фамилию и инициалы автора, а в заголовке письма указывать, что в нем содержатся материалы статьи, предлагаемые для публикации в журнале «Известия СПбГЭУ».

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Объём статьи (включая аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах, список использованной литературы) для лиц с ученой степенью / званием – от 4 до 7 страниц, для лиц без ученой степени / звания – от 3 до 5 страниц.
2. Формат страницы А4, ориентация – книжная. Поля: верхнее 3,1 см, нижнее 2,9 см, левое 2,2 см, правое 1,7 см. Без колонтитулов, расстояние от края страницы до верхнего колонтитула 2 см, до нижнего – 1,27 см. Функция «Автоматическая расстановка переносов» должна быть отключена. Страницы не

нумеруются. Не допускается использование в тексте статьи автоматически нумерованных списков. Общие свойства абзацев для всего материала: без отступов до и после абзаца, межстрочный интервал – одинарный.

3. Все материалы статьи должны быть оформлены шрифтом Times New Roman.

4. На первой строке без абзацного отступа с выравниванием по правому краю, через запятую размещаются фамилии и инициалы соавторов (первая буква прописная, остальные строчные) на русском языке. В статье рекомендуется наличие не более чем 3–4 соавторов. Размер шрифта 11 пт, начертание обычное.

5. После пропуска пустой строки, без абзацного отступа, с выравниванием по центру размещается название статьи на русском языке. Размер шрифта 12 пт, начертание полужирное. В конце наименования делается сноска, в которой указаны сведения об авторах (см. далее).

6. После пропуска пустой строки, с абзацным отступом 0,6 см, с выравниванием по ширине размещается аннотация статьи на русском языке. Размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. Сначала приводится слово «Аннотация» (дополнительное свойство шрифта – полужирный), затем, после точки – сам текст аннотации.

7. После пропуска пустой строки, с абзацным отступом 0,6 см, с выравниванием по ширине размещаются ключевые слова статьи на русском языке. Размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. Сначала приводится словосочетание «Ключевые слова» (дополнительное свойство шрифта – полужирный), затем, после точки – сами ключевые слова (словосочетания), разделенные запятыми.

8. Две пустые строки.

9. Повторяется информация, указанная в пп. 4–7 на английском языке, с теми же правилами оформления. В англоязычном блоке вместо слова «Аннотация» указывается слово «Abstract», а вместо словосочетания «Ключевые слова» – «Keywords».

10. Две пустые строки.

11. Текст статьи оформляется на русском языке с абзацным отступом 0,6 см (самый первый абзац статьи – без абзацного отступа), с выравниванием по ширине. Размер шрифта 11 пт, начертание обычное. Не рекомендуется использование без крайней необходимости других типов шрифтов. При необходимости, в тексте статьи могут быть выделены разделы (например, «Введение», «Анализ литературы», «Методика исследования», «Основные результаты и их обсуждение» и т.п.). Если статья подготовлена при финансовой поддержке какого-либо фонда, выполнена в рамках государственного задания и т.д., то это указывается в последнем абзаце, завершающем статью (перед списком использованной литературы). Порядок оформления этого абзаца: отступ 0,6 см, выравнивание по ширине, размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. В тексте могут приводиться рисунки и таблицы, которые размещаются непосредственно после их упоминания, либо на следующей странице. На все рисунки и таблицы должны быть ссылки. При необходимости в тексте статьи приводятся формулы. Статья оформляется без приложений.

12. По тексту статьи должны иметься ссылки на все позиции, приведенные в списке литературы. Ссылки по тексту оформляются в квадратных скобках, с указанием номера позиции в списке литературы. Например: [11]. Если ссылка идет на конкретную страницу (диапазон страниц), это указывается. Например: [2, с. 12] или [4, с. 8–9]. Если ссылка идет на несколько позиций списка литературы, то они перечисляются в общих квадратных скобках, по возрастанию номеров, с разделением точками с запятой. Например: [3, с. 78; 4; 8, с. 11–14; 10] (неправильно: {3}, {5}). Если ссылка на литературу стоит в конце предложения, то оканчивающий предложение знак препинания ставится после закрывающей квадратной скобки (правильно: «... ряда авторов [7; 8].» неправильно: «... ряда авторов. [7; 8]»).

13. При необходимости в статье могут быть приведены постраничные ссылки, которые оформляются без абзацного отступа, с выравниванием по ширине. Размер шрифта 10 пт, начертание обычное. Не рекомендуется использование постраничных ссылок без особой необходимости.

14. Рисунки оформляются только в черно-белом варианте, рисунки должны быть представлены в виде (формате), позволяющем их редактирование при подготовке журнала к выпуску. Все рисунки должны быть пронумерованы, если рисунок в статье один, то он не нумеруется. В тексте статьи рисунки подписываются снизу, без абзацного отступа, с выравниванием по центру. Размер шрифта 10 пт, начертание обычное. В подписи сначала идет сокращение «Рис. X.» (где X – номер рисунка), наклонным шрифтом. Затем приводится наименование рисунка, без точки в конце. До и после наименования рисунка пропускается одна пустая строка, рисунок сверху от текста также отделяется одной пустой строкой.

15. Таблицы должны быть представлены в виде (формате), позволяющем их редактирование при подготовке журнала к выпуску. Все таблицы должны быть пронумерованы, если таблица в статье одна, то она не нумеруется. Размер шрифта таблиц 10 пт, начертание обычное. В тексте статьи таблицы подписываются сверху, без абзацного отступа. Таблица отделяется от текста сверху и снизу пустой строкой. Над таблицей с выравниванием по правому краю, размер шрифта 10 пт, начертание наклонное пишется: «Таблица X» (где X – номер таблицы). Затем приводится наименование таблицы, без точки в конце (выравнивание по центру без абзацного отступа, шрифт 10 пт, начертание полужирное).

16. Рекомендуется в таблицах и рисунках указывать источник информации.

17. Формулы оформляются с использованием встроенного средства оформления формул программы текстового редактора.

18. Список литературы оформляется в конце статьи. Сначала оформляется его заголовочная часть (выравнивание по центру, без абзацного отступа, шрифт 11 пт, начертание обычное): пустая строка; слово «ЛИТЕРАТУРА»; пустая строка. Затем в виде нумерованного списка приводится сам список литературы (шрифт 10 пт), выравнивание абзаца – по ширине.

19. Сведения об авторах приводятся в обязательной сноске внизу первой страницы. Они оформляются шрифтом 10 пт, начертание обычное; выравнивание абзаца – по ширине, без абзацного отступа. Эти сведения содержат (каждая позиция с новой строки):

- код ГРНТИ статьи, который указывается без точки в конце. Например: «ГРНТИ 06.81.12»;
- авторский знак, затем через запятую фамилии и инициалы соавторов, затем год публикации. Например: «© Попович А.А., Янгелова Е.А., 2016»;
- сведения об авторах (каждый автор – с новой строки), включающие имя, фамилию, отчество и, после тире, ученую степень (при наличии), ученое звание (при наличии), наименование должности и организации (для высших учебных заведений и других организаций не рекомендуется использовать без крайней необходимости сокращенное обозначение организационно-правовой формы, например не рекомендуется использовать аббревиатуру «ФГБОУ ВО»), если из наименования организации неочевидно, в каком населенном пункте она находится, в скобках приводится название города. Например: «Николай Федорович Иванов – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Южно-Сибирского института стратегического анализа (г. Темиртау)»;
- контактные данные для связи с автором. Если авторов несколько – указываются данные только одного из них, при этом в скобках указывается его фамилия и инициалы. Они включают адрес с почтовым индексом на русском и английском языке, контактный телефон и адрес электронной почты. Например: «Контактные данные для связи с авторами (Плотников В.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел. 8 (812) 310-47-60. E-mail: plotnikov.v@unecon.ru».

Некомплектные статьи, статьи, оформленные не по установленным правилам и с неправильно оформленным списком литературы, НЕ ПРИНИМАЮТСЯ!

Более подробная информация представлена на сайте издания:

<http://unecon.ru/zhurnal-izvestiya/trebovaniya-k-predstavlyaemym-/trebovaniya> и
http://unecon.ru/sites/default/files/shablon_oformleniya_stati.docx.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ

«ИЗВЕСТИЯ СПбГЭУ»

Периодичность выхода издания – 6 номеров в год.

Подписаться на журнал можно по каталогу агентства «Урал-Пресс». Индексы 15395 и 014688.

Подписная цена журнала: 1950 руб. – на полугодие и 3900 руб. – на год.

Приобрести журнал за наличный расчет или оформить редакционную подписку можно по адресу:
191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А
редакция журнала «Известия СПбГЭУ»

Зам. главного редактора

Плотников Владимир Александрович

Контактный телефон: +7 (911) 949-13-21 (редакция)

E-mail: plotnikov.v@unecon.ru

Редакторы:

С.С. Алмаметова, Ю.А. Безуглая

Обложка художника А.А. Сивакова

Оригинал-макет Ю.К. Трубкиной

Подписано в печать 28.02.2023 г. Дата выхода в свет 28.02.2023 г.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,25. Уч.-изд. л. 26,25. Тираж 500 экз. Заказ 153.

Адрес редакции журнала «Известия СПбГЭУ»: 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А.

Адрес издателя и типографии: 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ.

Цена номера – 650 руб.